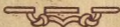

332

Б.83

С.Я. БОРОВОЙ

КРЕДИТ и БАНКИ РОССИИ

Госфиниздат • 1958

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

11 VII - 62г. 190226 1434
30/12-62г. Гирмон.

Коллич. предмд. выдач _____

332
5.83

Проф. С. Я. БОРОВОЙ

КОНТРОЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

КРЕДИТ И БАНКИ РОССИИ

(СЕРЕДИНА XVII в. — 1861 г.)

198617 ОДЕУ

12.12.1959 г.

Одесский
Кредитно-Экономический
Институт
БИБЛИОТЕКА

153235

ГОСФИНИЗДАТ • 1958 • МОСКВА

28.5

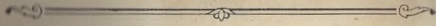
ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
И ЭКОНОМИКИ
СОСЛОВИЙ

КРЕДИТ И БАНКИ

ВВЕДЕНИЕ

28.5

ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ
И ЭКОНОМИКИ
СОСЛОВИЙ

ВВЕДЕНИЕ

Сорок лет назад Великая Октябрьская социалистическая революция положила конец господству капиталистических производственных отношений в России и открыла новую эру в истории человечества. Для подлинно научного понимания исторических предпосылок Октябрьской социалистической революции необходимо полное и всестороннее изучение всех особенностей возникновения и развития капитализма в России. Это ставит перед исследователем истории народного хозяйства России ряд задач, среди которых не последнее место должно занять изучение вопроса о роли кредита и банков в процессе разложения крепостничества и складывания капиталистических отношений в России.

В основу исследования роли банков в экономической истории России должно быть положено марксистско-ленинское учение о значении кредита в процессе разложения феодализма и развития капиталистических отношений.

Кредит — неперенный спутник товарно-денежных отношений; он, как и товарное производство, может обслуживать экономику различных социально-экономических формаций. Поэтому одно лишь развитие кредита и банков не может служить доказательством созревания капиталистических отношений. Чтобы кредит стал фактором, способствующим развитию капитализма, требуются определенные исторические условия и прежде всего превращение рабочей силы в товар.

Известно, что в эпоху феодализма, для которого было характерно господство натуральных отношений, почти единственными представителями кредита выступали ростовщики. Однако на последних стадиях развития феодального общества в области кредита возникают новые явления.

Если в феодальную пору за «обуздание» ростовщиков вели борьбу преимущественно основные клиенты ростовщического капитала того времени — богатые землевладельцы, то вместе с зарождением промышленного капитала отмечается стремление и со стороны буржуазии добиться законодательного ограничения нормы ссудного процента. «По отношению к капиталу, приносящему проценты, применяется (государственная) власть; происходит насиль-

ственное понижение размера процента, так что он уже не может диктовать условия промышленному капиталу. Но эта форма существует на самых неразвитых ступенях капиталистического производства»¹.

Первые, по выражению Маркса, «настоящие банки» были порождены стремлением буржуазии освободиться от господства ростовщиков. Русское государство не только стало на путь законодательного ограничения нормы процента, но в целях борьбы с ростовщиством создало целую систему кредитно-банковских учреждений.

Докапиталистические русские банки отличались своеобразием и самобытностью, обусловленной особенностями экономического развития России. Это является еще одним доказательством жизни «теорий» о заимствовании Россией западноевропейских учреждений.

Все русские банки докапиталистического периода были государственными учреждениями, тогда как в других странах, а также в пореформенной России банки являлись сферой деятельности частного капитала. После издания манифеста 1754 г. об «указных процентах» государство фактически монополизировало все легальные ссудные операции.

Таким образом, русские банки докапиталистической эпохи представляют исключительный интерес с точки зрения изучения воздействия надстройки методами кредитно-банковской политики на базис.

Вопросы кредита и банков занимали умы представителей различных направлений русской социально-экономической мысли. Это обязывает нас остановиться на рассмотрении взглядов русских мыслителей, занимавшихся разработкой кредитно-банковских проблем. Взгляды эти во многих случаях отличались глубиной оригинальностью. В первую очередь это относится к А. Радищеву, а также к дворянским революционерам-декабристам Н. Тургеневу, П. Пестелю, Н. Бестужеву, М. Орлову и другим. Очень интересны и оригинальны были характеризовавшиеся сильным налетом утопии банковские планы соратника Герцена — Н. Огарева. Вершиной русской домарксовской социально-экономической мысли в этой области являлись труды Н. Г. Чернышевского.

Различные банковско-кредитные проекты обычно представляли собой составную часть обширных программ социальных преобразований, тесно переплетавшихся с основным вопросом той эпохи — вопросом о крепостничестве. Тем самым во всех банковских проектах отражались важнейшие классовые противоречия.

Формы организации кредита обуславливались господствующим способом производства и ярко отражают социально-экономическую

структуру общества, соотношение классовых сил. Вот почему правильно оценить значение банков и кредита можно лишь при изучении всего комплекса экономических и социальных явлений рассматриваемой эпохи. Только такое исследование истории русских банков, тесно увязанное с характеристикой всего хода экономического развития, будет отвечать требованиям марксистско-ленинской науки.

При изучении истории банков мы не должны упускать из виду замечания Ф. Энгельса о том, что внутри границ, вытекающих из производства и торговли товарами, история торговли деньгами «приобретает свое собственное развитие»¹.

Как мы уже отмечали, банки рассматриваемого нами периода были государственными учреждениями и, таким образом, составляли часть государственного аппарата русского самодержавия. Но при изучении любого ответвления государственного аппарата самодержавия, в том числе и банков, необходимо помнить указание Ленина об относительной самостоятельности царизма и бюрократии, которые в условиях абсолютизма непосредственно не подчинены господствующему классу, но отстаивают его самые общие, самые коренные интересы.

«...Классовый характер царской монархии, — писал В. И. Ленин, — нисколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти и «бюрократии», от Николая II до любого урядника. Эту ошибку — забвение самодержавия и монархии, сведение ее непосредственно к «чистому» господству верхних классов — делали отзовисты...»².

Процесс становления русских докапиталистических банков может быть разбит на три этапа.

Первый этап в истории (точнее предистории) банков в России начинается с середины XVII в., т. е. с момента, когда Россия вступила в новый период своей истории, который, как указывал Ленин, характеризуется концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок, развитием «буржуазных связей», и продолжается до 50—60-х годов XVIII в. К этому времени относятся возникновение первых планов создания банков в России.

В 50—60-е годы XVIII в. начинается второй этап истории банков. С этим этапом совпадает период возникновения капиталистического уклада в России. Именно в эти годы складывается целая сеть банков, которые просуществовали без сколько-нибудь значительных изменений до ликвидации крепостного права.

К 90-м годам XVIII в. относится третий и последний этап истории русских банков докапиталистического периода. Это были

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVIII, стр. 256.

² В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 322.

¹ К. Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. III, стр. 346.

годы разложения и кризиса феодальной системы под влиянием развития капиталистических отношений.

При разработке проблем, освещаемых в данном исследовании, автор опирался на труды классиков марксизма-ленинизма, в которых даны все исходные теоретические положения для правильного понимания роли кредита и банков в процессе разложения феодально-крепостнического строя и развития капитализма.

В крайне небольшой по объему литературе по истории русских банков почти совсем не освещена деятельность кредитных учреждений дореформенного периода. Книги Я. Печерина («Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных учреждений в России», СПб, 1904) и А. Гурьева («Очерк развития кредитных учреждений в России», СПб, 1904) представляют собой краткие и далеко не полные хронологические справки. Несколько более интересными для исследователя являются книги В. Судейкина («Государственный банк», СПб, 1891), П. Мигулина («Наша банковая политика 1729—1903», Харьков, 1904) и И. Левина («Акционерные коммерческие банки в России», Петроград, 1917). Однако все эти работы не только совершенно неприемлемы для нас по своим классово-идеологическим установкам, они не могут удовлетворить нас и по своему конкретному содержанию, так как освещают только отдельные стороны истории банков, опираются на очень ограниченную источниковедческую базу и оставляют в стороне самые, с нашей точки зрения, важные проблемы истории дореформенных банков.

В советской литературе, большой заслугой которой является обстоятельная разработка истории народного хозяйства нашей Родины, нет специальных трудов по истории банков и кредита крепостнической России. В связи с этим при написании данной монографии автор столкнулся с немалыми трудностями.

Важнейший материал по истории банков и кредитных учреждений России был собран в результате просмотра многих десятков томов первого и второго «Полного собрания законов» царской России и извлечен из публикаций исторических документов, среди которых в первую очередь следует указать на такие издания, как «Собрание государственных актов и договоров», «Сенатский архив», «Архив Государственного совета», «Финансовые документы царствования Александра I», «Архив Мордвиновых», сборники Русского исторического общества и т. п.

Автор стремился возможно полнее ознакомиться с русскими печатными изданиями по экономическим вопросам, а также обследовать в интересующем его направлении периодичку изучаемого отрезка времени.

В основу этой монографии был положен ценнейший материал, извлеченный из архивных фондов. Обширные и разнообразные данные были нами собраны в Центральном государственном истори-

ческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ), в котором хранятся фонды Министерства финансов, Особой канцелярии по кредитной части, бумаги личной канцелярии Канкринна, архивы Коммерческого и Земного банков и т. д. В Центральном государственном архиве древних актов (ЦДАДА) были обследованы материалы из фондов Сената, Комиссии о коммерции, собраний Румянцевца, Тенгоборского и др.

Изучение архивных документов позволило автору осветить те стороны истории русских банков, которые раньше совсем не рассматривались в научной литературе (Вспомогательный банк, Медный банк, некоторые вопросы деятельности Коммерческого банка и др.). Тем не менее данная работа не может претендовать на полное исчерпание архивных материалов по истории русских банков. Это — поистине безбрежное море. Достаточно указать, что архив Государственного коммерческого банка насчитывает более 10 тыс. дел, архив Земного банка — примерно столько же, архив Особой канцелярии по кредитной части — 3,4 тыс. дел и т. д.

Проблемой в исследовании является отсутствие данных в годовом разрезе по основным операциям банков во второй половине XVIII в. Нам не удалось также установить, как складывалась задолженность землевладельцев по отдельным годам, какая доля банковских вкладов принадлежала дворянам, как распределялись ссуды по отдельным группам землевладельцев, купцов и т. д.

Следует также отметить, что приводимые в работе цифровые данные, извлеченные из различных источников, не всегда являются абсолютно точными и сопоставимыми. Это объясняется самим характером источников, разнообразием методов учета того времени. Но отдельные неточности, некоторые возможные погрешности не могли исказить общую картину развития банков в России и сказаться на выводах.

Автор этой монографии на протяжении последних пятнадцати лет публиковал на страницах различных научных изданий статьи по истории кредита и банков дореформенной России. Материалы этих публикаций включены в данную книгу в существенно переработанном и значительно сокращенном виде¹.

¹ Поскольку монография не включает очень большого количества фактических материалов, изложенных в ранее опубликованных нами статьях, считаем целесообразным привести библиографическую справку о них (перечисление статей дается в тематико-хронологической последовательности): «Из истории ростовщического капитала в России в XVII в.» («Научные записки Одесского кредитно-экономического института», т. IV, 1935); «Политика создания банка в России XVII в.» («Деловая и кредит», 1947, № 1); «Вопросы кредитования торговли и промышленности в экономической политике России XVIII в.» («Исторические записки», т. 33, 1950); «Банки в России в первые десятилетия их существования» («Сборник трудов Одесского кредитно-экономического института», т. I, 1940); «Из истории экономической политики России XVIII в. Вопрос о банках в 60—70-х гг. XVIII в.» («Научные записки

Автор далек от мысли, что в своем исследовании он смог разрешить все поставленные перед ним задачи. Но он надеется, что данная монография, явившаяся результатом многих лет исследовательской работы, в некоторой степени восполнит существенный пробел в советской историко-экономической литературе.

Одесского государственного педагогического института», т. 8, 1947); «Банки в России в последней четверти XVIII в.» («Сборник трудов Одесского кредитно-экономического института», т. II, 1947); «Всеномгательный банк» («Исторические записки», т. 44, 1953); «Россия и иностранные банкиры в XVIII и в начале XIX вв.» (Сборник «Из истории общественных движений и международных отношений», М., 1957); «Радищев о кредите, банках и деньгах» («Деньги и кредит», 1952, № 5); «К вопросу о складывании капиталистического уклада в России XVIII в.» («Вопросы истории», 1948, № 5); «Кредитная политика царизма в условиях разложения крепостничества» («Вопросы истории», 1954, № 2); «Декабристы о деньгах, кредите и банках» («Деньги и кредит», 1951, № 1); «Декабрист М. Ф. Орлов и его книга «О государственном кредите» («Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии», 1951, № 1); «Новые материалы о книге декабриста М. Орлова «О государственном кредите» («Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина», т. 17, 1955); «Из истории кредитной политики России в период разложения крепостничества. Коммерческий банк» («Сборник трудов Одесского кредитно-экономического института», т. III, 1955); «Д. Бураковский — основоположник кредитной статистики в России» («Научные записки Одесского кредитно-экономического института», т. VII, 1956).

КРЕДИТ В ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО РЫНКА И ВОЗНИКНОВЕНИЯ МАНУФАКТУРЫ (середина XVII в. — 60-е годы XVIII в.)

Глава I

ИСТОРИЯ КРЕДИТА В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

1. РОСТОВЩИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ в XVII в.

В XVII в. завершается процесс образования русского централизованного государства. С этого момента начинается период, который Ленин назвал «новым периодом русской истории».

Образование русского централизованного государства явилось результатом многовековой героической борьбы русского народа с татаро-монгольскими и другими захватчиками. Большое прогрессивное значение имело воссоединение в 1654 г. Украины с Россией, которое отвечало жизненным интересам и чаяниям двух братских народов.

Экономической предпосылкой образования централизованного государства, залогом его прочности и дальнейшего развития был рост товарного производства, расширявшиеся экономические связи между отдельными частями обширной страны, охватывавшей Восточную Европу и громадные пространства Северной Азии.

«Только новый период русской истории (примерно с 17 века), — писал Ленин, — характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое». Это слияние, указывал далее Ленин, вызывалось «...усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один все-русский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным как созданием связей буржуазных»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 1, стр. 137—138.

Однако, в отличие от стран Западной Европы, в России зарождение новых, буржуазных связей, выделение из среды городского населения новой социальной силы — класса купцов, т. е. торговой буржуазии, происходило в обстановке дальнейшего усиления феодально-крепостнического гнета¹.

В России XVII в. товарное производство находилось еще в той стадии, когда оно лишь подготавливало некоторые условия для капиталистического производства и приводило к зарождению капиталистических отношений в рамках еще прочного и не исчерпавшего всех своих возможностей феодального строя². В основе хозяйственной жизни России лежало феодальное земледевание. Крепостнические отношения пронизывали весь социально-экономический строй страны.

Именно в XVII в. происходит окончательная консолидация господствовавшего земледельческого класса и завершается законодательное оформление крепостного права. Развитие товарно-денежных отношений, рост внутреннего и внешнего рынка для сбыта продукции сельского хозяйства усиливали крепостническую эксплуатацию во всех ее формах. Росла площадь крепостнического земледелия за счет общинных и «черных» земель, увеличивались барская запашка, объем барщинных повинностей, натуральных и денежных поборов с крестьян.

В то же время происходили заметные сдвиги в экономике, вызванные развитием производительных сил, ростом общественного разделения труда и товарного обращения. Феодальная вотчина, особенно крупная, утрачивала в известной мере свой замкнутый характер. В результате феодальной эксплуатации у крестьян отбирался не только прибавочный продукт, но и часть необходимого, обращавшегося помещиком в товар. Реализовываясь на рынке также часть продукции от промысловой деятельности крестьян. Крестьянские домашние промыслы в некоторых случаях превращались в мелкотоварное производство на рынок.

Одновременно возникают крупные промышленные предприятия — преимущественно мануфактуры, организуемые вотчинниками или крепостническим государством, которые почти полностью базировались на крепостном труде. Наряду с этим во второй половине XVII в. и в первой половине XVIII в. появляются отдельные купеческие и крестьянские мануфактуры, использовавшие главным образом наемный труд. Но наемный рабочий того периода не являлся юридически «свободным» человеком; это был крепостной крестья-

нин, обращавший часть своей заработной платы в феодальный оброк³.

Общественное разделение труда привело к росту городов как центров ремесла и торговли. В Москве и некоторых других городах происходила интенсивная торговая деятельность. Росла сеть сельских и городских ярмарок, где можно было увидеть товары, привезенные из самых отдаленных уголков страны. Это говорило о том, что складался единый национальный рынок⁴.

Росла и внешнеторговая связь. Россия была связана постоянной торговлей со многими восточными странами, а также с государствами Северо-Западной Европы. Хотя русское государство было тогда отрезано от Балтийского и Черного морей и его связь с Западной Европой поддерживалась только через замерзающие порты Белого моря, количество ввозимых и вывозимых товаров все время возрастало. Если в первой половине XVII в. ежегодная сумма торговых пошлин, собираемая в Архангельске, составляла 26—40 тыс. руб., то к концу века она достигла уже не менее 80 тыс. руб.⁵.

В результате ликвидации феодальной раздробленности в России еще к концу XV в. установилась единая денежная система. Формально в обращении господствовала серебряная валюта, но фактическое содержание рубля постепенно снижалось. Если в начале XVII в. монеты на сумму в один рубль чеканились из 11 золотников⁶ серебра, то к концу века — из 9 золотников. Рубль так же, как и алтын, являлся лишь счетной единицей. Чеканилась только мелкая серебряная монета: копейка, денга, полудра.

В обращении находились и медные деньги. Однако попытка внедрить в обращение медные деньги с принудительным курсом серебряных денег такого же веса привела к расстройству денежного обращения, значительному ухудшению положения народных масс. Это дало повод для крупного антифеодального восстания посадских людей Москвы, известного под названием «медного бунта» (25 июля 1662 г.). Жестокое подавив восстание, правительство все

¹ А. Панкратова, О роле товарного производства при переходе от феодализма к капитализму («Вопросы истории», 1953, № 9, стр. 64—65).

² С. Бахрушин, Очерки по истории ремесла, торговли и городов русского централизованного государства XVI—начала XVII вв., «Научные труды», т. 1, М., 1952.

³ «Очерки истории СССР. XVII век», стр. 122. При определении покупательной силы рубля того времени следует иметь в виду, что рубль первой половины XVII в. равнялся 17 руб., а первой четверти XVIII в. — 9 руб. по отношению к рублю второй половины XIX в. (В. Клоков и В. С. К., Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему. Опыт и исследования, М., 1912, стр. 196—203).

⁴ Золотник составлял 1/16 часть фунта (4,2657 грамма). Один золотник = = 96 долей.

¹ «История русской экономической мысли», т. I, ч. 1, 1955, стр. 197—198.

² См. «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век», М., 1955, стр. 27.

же вынуждено было изъять медные заместители серебряных денег из обращения.

Процесс складывания единого национального рынка, развития товарно-денежных отношений в России XVII в., естественно, повлек за собой и расширение сферы кредитно-денежных операций. В условиях господства натурального хозяйства кредитные операции осуществлялись преимущественно в виде ростовщических ссуд различного характера. В крестьянской среде большое распространение имели натуральные ссуды, т. е. выдачи на кабалных условиях ссуд «в рост» зерном, мукой, сеном и т. д. («зерно и присып», «мед в настав» и т. п.). Документы XIV—XVI вв. пестрят указаниями на «жито заемное»¹ и другие виды ссуд натурой. В. Татищев, комментируя термин «дача жита в насып», указывал, что «долг давал по греблю, а принимали верхом». Это по его расчету составляло 20% роста². О натуральной ссуде говорится и в уложении царя Алексея Михайловича в 1649 г.

В 1601 г. в казне Кирилло-Белозерского монастыря хранилось 6 хлебных кабал³ и 154 денежные кабалы. Такое соотношение между натуральными и денежными обязательствами свидетельствовало о росте денежных отношений.

Натуральные ссуды, являясь неизбежным спутником натурально-хозяйственных отношений, обнаруживали чрезвычайную живучесть. Они были распространены не только на всем протяжении существования крепостничества, но и в пореформенной деревне. Встречалась, как и раньше, ссуда за отработку. Роль ее в процессе закрепощения и закабаления крестьян хорошо известна из историко-экономической литературы⁴.

Распространение денежных оброков, а также взимание налогов в денежной форме в условиях развития внутреннего рынка расширяли сферу деятельности ростовщика как в частновладельческой, так и «черносошной» деревне.

Сельский и в особенности городской ремесленник, работавший на рынок, попадавший в экономическую зависимость от купца-скупщика или более богатого и оборотистого ремесленника и подвергавшийся жесточайшей фискальной эксплуатации со стороны

¹ См., например, «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв.», ч. I. М.—Л., 1950, № 80.

² Н. Хитрово, Законодательные памятники XVI—XVII вв., собранные В. Татищевым, М., 1905, стр. 186.

³ Кабала — долговое обязательство, ставшее заемщиком в личную зависимость от займодателя. Правовая практика тех лет знала различные виды кабал, в том числе «ростовую кабалу», когда должник до уплаты долга обязывался уплатить «рост», т. е. проценты деньгами или натурой. Под «хлебной кабалой» понималось долговое обязательство, выданное должником после получения ссуды зерном. В условиях феодально-крепостнического строя кабала превращалась в одну из форм закрепощения.

⁴ Б. Греков, Крестьяне на Руси, М., 1946, стр. 671 и след.

самодержавно-крепостнического государства, создавая чрезвычайную благоприятную среду для «ростовщичества при помощи денежных ссуд мелким владеющим условиями своего труда производителям» (Маркс).

К услугам ростовщиков вынужден был прибегать мелкий торговый люд и купцы средней руки. Но и для крупных купцов, страдавших от недостатка свободных денежных средств и крайней замедленности товарооборота, ссуды становились во многих случаях необходимым условием их торговой деятельности. Так, казанский купец Митяев свои разнообразные торги и промыслы в значительной части осуществлял за счет кредита¹.

Торговые крестьяне, как правило, совершали свои операции на взятые в ссуду деньги, причем часто в качестве кредиторов выступали их душевладельцы. Известно, что у крестьянина Ногина было «в торговле» 350 руб., а у нижегородского крестьянина Суровцева — 500 руб. «хозяйских животов». Монастыри особенно часто предоставляли ссуды крестьянам на торговые операции².

Даже в отдаленных районах страны кредит имел широкое распространение. Так, Елейка Буза, стоявший в 1663 г. во главе компании служилых, торговых и промысловых людей, промышленящих соболя на Лене, вел операции преимущественно на займные средства³. Значительные кредитные операции в Сибири XVII в. проводили крупные купцы Осколковы.

Несколько часто прибегали купцы к услугам ростовщиков, говорит тот факт, что при взимании чрезвычайных налогов («пятных денег») было предусмотрено, что торговцы и промышленники, предьявлявшие кабалы, свидетельствовавшие о том, что «они торговали чужими животы», от уплаты налога освобождались; налог должны были платить займодатцы, которые «по росту деньги дают»⁴.

В торговом обороте того времени еще большее место, чем денежные ссуды, занимал так называемый коммерческий кредит, т. е. покупка товара с обязательством уплаты через некоторый срок (с соответствующей надбавкой на цену товара). Об этом подробно рассказано в известном описании путешествия А. Олеария⁵.

¹ Е. Заозерская, Торги и промыслы гостинной сотни Среднего Поволжья, Сборник «Петр Великий», М., 1947, т. I, стр. 225.

² С. Бахрушин, Торговые крестьяне XVII в., «Научные труды», т. II, М., 1954, стр. 130.

³ Г. Вернадский, Государевы промышленные и служилые люди в Восточной Сибири XVII в., «Журнал министерства народного просвещения», 1916, № 4, стр. 343.

⁴ С. Веселовский, Семь сборов запросных и пятинных денег, М., 1908, стр. 46—47; Е. Сташевский, Пития 142 г., «Журнал министерства народного просвещения», 1912, № 4, стр. 280.

⁵ Адам Олеарий, Описание путешествия в Московию, СПб., 1906, стр. 205.

В условиях господства феодального землевладения особое значение имело «ростовничество при помощи денежных ссуд знатым росточителям, преимущественно землевладельцам» (Маркс). Уже тогда сказывалось несоответствие между потребностями крепостника-землевладельца в денежных средствах и теми возможностями, которые открывала ему эксплуатация крестьян. При относительно слабом развитии рынка продукт крестьянского труда, не потребленный непосредственно крепостником и его челядью, не всегда можно было реализовать и превратить в деньги.

Неизбежная в условиях господства натурального хозяйства скудость денежных ресурсов государства ограничивала денежные доходы (законные и незаконные) представителей высшей администрации, которые одновременно были и землевладельцами. Все это создавало предпосылки для появления задолженности землевладельцев.

Однако в это время задолженность крепостников еще не выросла в сколько-нибудь серьезную экономическую или социально-политическую проблему¹. Она не угрожала основе феодального строя — феодальной собственности на землю. У феодального класса имелись еще громадные возможности укрепления своих экономических позиций за счет захвата новых «черных» земель, закрепощения новых групп крестьян, расширения барской запашки и т. д. Больше того, некоторые крупные землевладельцы располагали резервами «свободных» денежных средств и поэтому они могли выступать не как должники, а как «банкиры».

Чрезвычайная ограниченность «свободных» средств на денежном рынке, недостаточная правовая обеспеченность кредита, рискованность торговых операций, под которые давались ссуды (из-за транспортных и других опасностей), отсутствие каких-либо форм организованного кредита — все это делало кредит очень дорогим.

Вместе с тем было бы неправильно преувеличивать величину ссудного процента в России того времени, а тем самым и степень неравности товарно-денежных отношений. Судебник 1596 г. и закон 1626 г. признают нормальной ссудную ставку в 20%. Эта ставка считалась обычной и в практике крупнейшего ростовщика того времени — Кирилло-Белозерского монастыря².

Иностранные резиденты и дипломаты, тесно лелеявшие надежду превратить Москву в арену широкой деятельности иностранного торгового и ростовщического капитала, не были заинтересованы в том, чтобы уменьшить размеры ссудного процента

¹ Показательно, что подробный анализ деятельности среднего вотчинника конца XVII в. стольника А. И. Безоборова не обнаруживает следов кредитно-ссудных операций (См. А. Безоборовский, Вотчинник и его хозяйство в XVII в., М., 1929).

² Н. Никольский, Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство, т. I, вып. 2, СПб., 1910, стр. 242.

в России. Между тем и Герберштейн, и Флетчер признавали распространенными ссуды из 20%. Голландские купцы, стремясь втянуть в свои коммерческие операции стоявших близко к престолу бояр, платили им под денежные вклады 25%¹.

Такой сравнительно умеренный процент в условиях феодального общества платили только под более или менее обеспеченные ссуды. В практике, особенно торговой, встречались значительно более высокие проценты. Так, упомянутый А. Олеарий указывал, что купцы обычно берут ссуды из 33,5%. В Судебнике 1596 г. отмечалось, что при краткосрочных ссудах взимали 48% и даже 56%. Известны случаи, когда ссуды выдавались из 120%².

В условиях денежного обращения того периода, характеризовавшегося обращением серебряной и тяжелою медной монетой, особенно остро чувствовалось отсутствие организованного кредита. Во избежание пересылки больших денежных сумм, представлявших громоздкий груз, который к тому же подвергался опасности грабежа при транспортировке, практика выработала систему частных кредитных писем (нечто вроде переводных векселей)³.

Однако ростовщическая деятельность еще не выделялась в самостоятельную отрасль. Купцы выступали то как кредиторы, то как должники. Так, крупные тихвинские купцы наряду с торговыми вели и ростовщические операции. Нередки были случаи, когда ростовщики требовали от своих клиентов определенной доли барыша. В середине XVII в. один воронежский ростовщик условием ссуды ставил сверх возвращения суммы долга еще половину барыша от прокредитованной им торговой операции⁴. Часто практиковалась и форма кредитования хозяевами своих приказчиков. Приказчик получал известную сумму и обязывался возвратить не только «истину» (т. е. ссуженную сумму), но и часть прибыли в определенном размере⁵.

Среди представителей русской торговой буржуазии XVII в., совмещавших торговую деятельность с крупными ростовщическими операциями, были купцы Босых, Ревякин, Никитин, «торговые люди гостинной сотни» Шорин, Патокин и др.

На рубеже XVII и XVIII вв. крупнейшими монетно-ростовщическими операциями занимался московский купец Зубков. В 1702 г.

¹ Б. Курц, Сочинение Кляубурга о русской торговле в царствование Алексея Михайловича, Киев, 1915, стр. 254 и след.

² К. Сербина, Очерки из социально-экономической истории русского города, Тихвинские посыл XVI—XVIII вв., М., 1951, стр. 286.

³ Любопытные факты из практики новгородских купцов Кошкиных во второй половине XVII в. приводятся в статье С. Бахрушина, Торги новгородцев Кошкиных, «Научные труды», т. II, М., 1953, стр. 174 и след.

⁴ Е. Чистякова, Ремесло и торговля на Воронежском посаде в середине XVII в., «Труды Воронежского государственного университета», т. XXV, 1954, стр. 60.

⁵ С. Бахрушин, Указ. соч., стр. 141.

он вместе с сыновьями и тремя компаньонами взял в Монетном дворе 110 тыс. руб. новых денег. Эти деньги раздавались под кабалы различным торговым людям, которые обязывались возвратить их более полновесными деньгами¹.

В России рассматриваемого нами периода в отличие от некоторых феодальных государств не было иностранных купцов, которые специализировались бы на ростовщическо-кредитных операциях (ломбарды в Англии XIV—XV вв., еврейские купцы во многих странах средневековой Европы и т. д.). Основными носителями ростовщического капитала в России XV—XVII вв. выступали отечественные купцы, а еще чаще крупные землевладельцы, накопившие большие состояния в результате феодальной эксплуатации крестьян, и монастыри.

Наибольшую известность своими обширными кредитными операциями приобрел крупнейший землевладелец и предприниматель боярин Б. Морозов. Помимо своих вотчин в 17 уездах, он владел многочисленными промыслами (поташными, железным и др.) и вел в больших масштабах хлебную торговлю. Около 80 тыс. руб. он раздавал в кабальные ссуды, предоставлял займы своим крестьянам, проводившим торговые операции. Так, Ивану Антропову, судовладельцу и торговцу солью, он ссудил 2 тыс. руб., Антропу Леонтию — 1 тыс. руб., другим меньше, но все же весьма крупные по тому времени суммы².

Монастыри, будучи богатыми землевладельцами и душевладельцами, накопив за счет безудержной эксплуатации крестьянства и от пожертвованных громадных богатств, широко раздавали деньги в рост: мелкие кабальные ссуды (денежные и натуральные) — крестьянам и ремесленникам, более крупные ссуды — купцам и землевладельцам.

Особенно выделялся в этом отношении Кирилло-Белозерский монастырь. Общая сумма его денежных вкладов к концу первой четверти XVII в. составила громадную по тому времени сумму в 80 тыс. руб.³. Архангельский монастырь на Устеге с 1624 по 1648 г. выдал 47 ссуд под залог земли на сумму 7 008 руб. и т. д.⁴.

Кредитная деятельность монастырей находилась в вопиющем противоречии с церковными канонами, прямо запрещавшими ростов-

¹ Е. Заодерская, Развитие легкой промышленности в Москве в первой половине XVIII в., М., 1953, стр. 406.

² «Хозяйство крупного феодала-кредитника XVII в.», ч. II, Л., 1936, стр. 145, 194, 249—256.

³ Н. Н. Кошкин, Указ. соч., стр. 240—245.

⁴ О ростовщической деятельности монастырей см. подробно «Книга ключей и долговых книг Иоанно-Волоколамского монастыря XVI в.», М., 1948, стр. 114—170; А. Маньков, Хозяйственные книги монастырских вотчин как источник по истории крестьян, «Проблемы источниковедения», т. IV, 1955, стр. 297; И. Кулишер, История русского народного хозяйства, т. II, М., 1925, стр. 386; С. Бахрушин, Указ. соч., стр. 41—42.

щические операции. Но церковники Московской Руси так же, как и настоятели католических монастырей Запады, меньше всего склонны были считаться с церковными запретами, когда им представлялась возможность умножить свои богатства.

Как ни слаба была в ту пору степень имущественной дифференциации среди крепостных крестьян, все же появлялись отдельные крестьяне — «богатеи», занимавшиеся ростовщичеством главным образом среди своих односельчан. Так, из записания, составленного в 1669 г. крестьянином Морозовской вотчины Обросимовым, известно, что ему должны были по кабалам различные крестьяне, кто 20 руб., кто 135 руб. и т. д.¹.

Неразвитость кредитных отношений находила свое выражение в архаических формах обеспечения прав кредиторов. Основой обеспечения оставался «правек»: неисправного должника выводили ежедневно на площадь перед приказом и били прутьями. Такая попытка «выколотить» долг не могла продолжаться более месяца, после чего (в случае неуплаты долга) должник поступал в распоряжение истца. Уложение 1649 г. устанавливало определенную норму отработки долга: год работы мужнины оценивался в 5 руб., женщины — в 2 р. 50 к., а детей — в 2 руб.².

В XVII в. была широко распространена и такая форма погашения долга, как отдача «в зажив». Возникшие в результате отдачи «в зажив» отношения работника и его хозяина имели ярко выраженный характер феодальной, скорее даже рабской, зависимости. Известны случаи, когда несостоятельные родители в уплату долга отдавали своих детей в холодство на более или менее продолжительный срок³.

Указанные формы обеспечения долга могли применяться только к должникам, принадлежавшим к низшим сословиям, тем более, что уложение 1649 г. предусматривало право дворян и детей боярских вместо себя выставлять на «правек» («во сто рублех месец») своих людей.

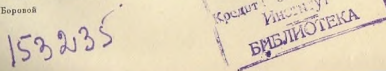
Займодавцы, имевшие дело с землевладельцами, к которым практически был неприменим «правек» или «зажив», нуждались в более реальном обеспечении кредита. Обычно землевладельцы не получали ссуды под залог земли, однако это натакаливалось на некоторые ограничения. Еще в начале XVII в. закон допускал в качестве обеспечения ссуды только движимое имущество и личность должника. Уложение 1649 г. разрешило залог и вотчинных земель (но без крестьян), а закон 1656 г. — незаселенных поместных зе-

¹ «Хозяйство крупного феодала-кредитника», ч. II, Л., 1936, стр. 36—37.

² Уложение 1649 г., гл. XX, ст. 40. А. Олейар (Указ. соч., стр. 109) приводит следующую норму отработки долга детьми должников — 10 а дочь — 8 рейхсталеров в год.

³ С. Бахрушин, Указ. соч., стр. 151.

2 С. Я. Боронов

мелъ. Только с 1685 г. обеспечение залога могло служить любое имущество, в том числе и крепостные¹, если заимодавец по своему сословному положению имел на это право.

Обычно сейчас же по получении ссуды земля передавалась в пользование заимодавца. Доход с земли являлся как бы «ростом». Это имело тем большее значение, что, несмотря на развивавшиеся кредитные отношения, законодательство не только не создавало прочной основы для ссудных операций, но огульно запретило выдачу ссуд в рост. Если ряд законодательных актов XVI—XVII вв. рассматривал рост по ссудам как нормальное явление, то указ 1626 г. разрешал взимать проценты только на протяжении пяти лет, пока процентные платежи не составят полученную ссуду («истина сойдет с ростом»). Таким образом, имелась в виду ссуда из 20%. Уложение же 1649 г. запретило процентные ссуды: «А править заемные деньги по кабакам и по духовным на заимщиках истцом истину, а росту на те заемные деньги не править...»².

Этот запрет не имел большого практического значения, хотя и осложнял деятельность ростовщиков. Наиболее распространенной формой обхода этого запрета была выписка кабады на сумму долга, к которой заранее приписывались проценты. Так, в 1667 г. боярин Морозов выдал бобылю Телятникову ссуду в размере 22 руб., «а кабада на него взята в 50 руб.»³.

Статья уложения, запрещавшая процентные ссуды, формально сохраняла силу более ста лет, вплоть до издания манифеста 1754 г. об «указных процентах». Однако на протяжении этого столетия в официальных документах и законодательных актах упоминались и процентные ссуды. Такие ссуды выдавало также правительство.

Начиная с XVI в. царское правительство, заинтересованное в развитии определенных отраслей промышленности и в расширении внешнеторговых связей, вынуждено было в некоторых случаях предоставлять ссуды промышленникам и торговцам. Эти ссуды содействовали возникновению первых русских мануфактур.

В жалованной грамоте царя Михаила Федоровича (от 20 февраля 1632 г.), которой Андрею Винуусу предоставлялось право на постройку Тульского завода, указывалось: «Велели им дать из нашей большие казны три тысячи рублей и впредь им в те урочные десять лет велели давать ежегодно по тому же по три тысячи рублей»⁴. И в дальнейшем владельцы тульских заводов неоднократно пользовались казенными ссудами. Так, Филамон Акема получил

сроком на пять лет 5 тыс. руб., а Х. Марселис в 1667 г. взял в Пушкарском приказе займы одну тысячу рублей. В 1683 г. было дано распоряжение Олонецкой приказной избе о выдаче А. Бутенанту и Х. Марселису займам 1000 руб.¹.

Государственными ссудами пользовались и многие другие владельцы мануфактур второй половины XVII в. Владелец суконой мануфактуры Сведен получил в 1667 г. займы из казны 2 225 руб., владелец шелковой мануфактуры Паульсен в 1681 г. — 2 тыс. руб. сроком на 10 лет. Но уже в 1683 г. казна простила последнему 1 тыс. руб. долга, через год еще 500 руб. К 1690 г. мануфактура была ликвидирована, но долг казне остался непогашенным.

При этом следует иметь в виду, что основной формой правительственной помощи промышленникам являлись не денежные ссуды, а пожалования земель, недрами и, что особенно характерно, крепостной рабочей силой.

К. Маркс и Ф. Энгельс указывали, что ростовщический капитал, как исторический предшественник ссудного капитала, особенно активную роль играет на поздних стадиях развития феодального общества. В этот период он имеет глубоко противоречивый и двойственный характер. С одной стороны, ростовщичество способствовало созданию предпосылок для возникновения и развития капиталистического способа производства как фактор отделения мелкого производителя от средств производства и накопления больших денежных богатств, а с другой — тормозило процесс развития новых производственных отношений, поскольку старый способ производства обеспечивал ему наиболее благоприятные условия деятельности.

В России XVII в. с особой отчетливостью сказывалась именно вторая сторона ростовщичества. «Лишь там и тогда, где и когда имеются налицо остальные условия капиталистического способа производства, ростовщичество выступает как одно из орудий, создающих новый способ производства...»². Эти условия в России XVII в. находились еще в эмбриональном состоянии.

2. ПЕРВЫЕ ПЛАНЫ СОЗДАНИЯ БАНКА В РОССИИ

В России XVII в., несмотря на заметное развитие денежных отношений, не имелось даже следов организованного кредита, ничего, что напоминало бы «банки» периода самого раннего развития капиталистических отношений³. Вместе с тем на это время па-

¹ М. Владимировский-Буданов. Обзор истории русского права. Киев, 1909, стр. 573; В. Удильев, История займа, Киев, 1908, стр. 168—222; И. Кулишер, Указ, соч., стр. 393 и след.

² Уложение 1649 г., гл. X, ст. 255.

³ «Хозяйство крупного феодала-крепостника», ч. I, Л., 1933, стр. 172.

⁴ Цитировано по книге: Н. Бахланов, В. Мавродин, И. Смирнов, Тульские и каширские заводы в XVII в., М.—Л., 1934, стр. 12.

¹ «Крепостная мануфактура в России», т. I, Л., 1930, стр. 135, 231, 239.

² К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 611.

³ В исторической литературе высказывалась мысль, что купеческое братство при царице св. Иоанна из Опоях в Новгороде XIII—XV вв. (так называемое «ивановское купечество») играло роль банка (М. Довнар-

в более широком масштабе. В 1667 г. был обнародован «Новоторговый устав», являющийся интересным памятником русской экономической мысли XVII в. В подготовке этого устава активнейшее участие принял Ордин-Нащокин. В написанном им введении к уставу Нащокин излагал план превращения земских изб в кредитные учреждения; «а домовные недостатки наполнять по достоинству из московские таможни и из городовых земских изб мирскою подмогою»¹, — писал он.

С планом организации банка в России выступил и Юрий Крижанич. В своем сочинении «Разговоры о владельству», написанном примерно в 1663 г. в Тобольске, он подробно говорил о купеческих банках, которые он называл «бурсами» или «мошнями»². Однако было бы неправильно считать, что рассуждения Крижанича были положены в основу банковских планов Ордина-Нащокина, которые тот пытался осуществить в Пскове в 1665 г. Крижанич ничего не говорил о банке как средстве укрепления позиций русского купечества в борьбе с иностранными купцами и ростовщиками. Планы Ордина-Нащокина были совершенно оригинальными. Они вытекали из глубокого понимания экономических потребностей страны и ставили своей целью укрепить политические и экономические позиции России.

¹ «Собрание государственных грамот и договоров», т. IV, М., 1826, стр. 190.

² «Русское государство в половине XVII в.». Рукопись, открытая и изданная Т. Бессоновым, М., 1859, стр. 25.

Глава II

ВОПРОСЫ КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

1. ЭКОНОМИКА РОССИИ И ВОПРОСЫ КРЕДИТОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

К началу XVIII в. Россия, несмотря на некоторые экономические успехи, все еще сильно отставала от уровня развития стран Западной Европы, даже тех из них, в которых тогда, подобно России, продолжали господствовать феодальные отношения (например, Франция). Серьезным препятствием для дальнейшего экономического и культурного роста России было отсутствие выхода к берегам Балтийского и Черного морей.

Экономическая отсталость России превращалась в серьезную опасность; она ставила под угрозу сохранение политической независимости, государственного суверенитета и территориальной неприкосновенности страны. Правительство Петра I настойчиво и последовательно взялось за преодоление отсталости России, поставив во главу угла своей политики развитие производительных сил страны.

В первой четверти XVIII в. было создано не менее 200 новых мануфактур, число предприятий крупной промышленности увеличилось примерно в 8—9 раз. При создании новых промышленных предприятий умножались и широко использовались накопленный русскими мастерами технический опыт. Одновременно создавалось множество новых отраслей промышленности.

В невиданно короткий срок вырос крупный горнопромышленный район на Урале, вскоре превратившийся в самый крупный в мире центр металлургии. Энергично разведывались и вводились в эксплуатацию природные ресурсы страны. Строился флот, принимались меры к улучшению внутренних путей сообщения и т. д. Продукция молодой русской промышленности (железо, парусное полотно и др.) завоевала себе прочный спрос на важнейших рынках. Значительно возросла и внутренний товарооборот. Однако в своей основе хозяйство продолжало оставаться натуральным.

В 1725 г. в России выплавлялось около 700 тыс. пудов чугуна, а в 1767 г. — почти 5 млн. пудов (в Англии в эти же годы выплав-

лялся около 2 ман. пудов чугуна). Если к 1726 г. в России было немногим более 200 мануфактур, то в 1762 г., по имеющимся неточным данным, их насчитывалось 984.

Процесс образования всероссийского рынка, начавшийся еще в предшествующий период, усилился в первой половине XVIII в. Обороты основных центров внутренней торговли выросли в несколько раз. Заметно увеличивался объем внешней торговли, чему особенно способствовал приобретенный выход к Балтийскому морю. На протяжении первой четверти XVIII в. внешнеторговые обороты выросли примерно в 3—4 раза. В 1726 г. объем внешней торговли составлял около 6,3 ман. руб. (4,2 ман. руб. вывоз, 2,1 ман. руб. ввоз), а к 1749 г. он удвоился (вывоз—6,9 ман. руб., ввоз—5,7 ман. руб.).

Развитие промышленности, внутренней и внешней торговли способствовало укреплению класса торговцев и промышленников, хотя позиции господствовавшего дворянско-землевладельческого класса остались непоколебленными. Дворянство сохраняло гегемонию во всех областях социальной, политической и экономической жизни страны.

Это обстоятельство привело к тому, что созданная в России крупная промышленность базировалась почти исключительно на крепостном труде. Именно тогда окончательно сложилась отмеченная В. И. Лениным особенность экономического развития России, заключающаяся в применении крепостного труда в промышленности.

В сельском хозяйстве, которое было и оставалось важнейшей отраслью народного хозяйства России XVIII в., продолжал безраздельно господствовать феодально-крепостнические отношения.

Продолжавшаяся денатурализация народного хозяйства, долготянувшие войны, строительство городов, промышленных предприятий, каналов и т. д., перестройка и усиление государственного аппарата, а также возрастание (особенно во второй четверти века) расходы на содержание царского двора—все это требовало громадных затрат со стороны государства. Рост государственных расходов усилил тяжесть налогового бремени, ложившегося в первую очередь на крестьянство.

Бюджет России ярко отражал классовую природу дворянского государства. Главными доходами бюджета были прямые налоги, которыми облагались только «податые» сословия. Если в XVII в. основной единицей обложения крестьянства была «соха» (мера пахотной земли), а потом «двор», то с 1724 г. окончательно вводится подушная подать—тяжелейший налог, от которого были освобождены привилегированные сословия. Прямые налоги составляли в 1724 г. 55,5% бюджета, а в 1764 г.—47%. Питейный и соляной налоги занимали второе место в бюджете.

В первой четверти XVIII в. было введено большое число других налогов и поборов (вплоть до пресловутого налога на бороды, на дубовые гробы и т. д.), каждый из которых имел незначительное фискальное значение. Но в своей совокупности они доводили налоговый гнет до предела.

Однако в условиях господства крепостнических отношений, исключавших возможность сколько-нибудь заметного повышения производительности труда, даже самые жесткие методы выколачивания налогов не могли полностью обеспечить расходную часть бюджета. Огромные бюджетные дефициты в значительной мере покрывались за счет «порчи монеты». Особенно большой доход давала казне замена мелкой серебряной монеты медной. При рыночной цене пуда меди примерно 7 руб. медной монеты чеканилось из пуда сначала на 12 руб. 80 коп., затем на 15 руб. 40 коп., с 1704 по 1717 г.—на 20 руб., а в 1718 г.—на 40 руб.

Усиление налогового обложения, введение новых regalей, а также порча монеты позволяли заметно увеличить государственный бюджет. К концу XVII в. (1680 г.) государственные расходы составляли 1,5 ман. руб., в 1701 г.—2,9 ман. руб., в 1724 г.—8,5 ман. руб. С учетом изменения покупательной силы рубля налоговое бремя выросло за это время примерно в три раза¹. Во второй четверти XVIII в. государственный бюджет продолжал расти, но несколько медленнее. К 1763 г. его расходы составили 17,2 ман. руб.²

Денежное обращение России первой половины XVIII в. характеризовалось частыми изменениями монетной стопы, преобладанием в обороте мелкой, преимущественно медной, монеты. Золотая монета чеканилась в крайне ограниченных количествах. С начала века до 60-х гг. золотые монеты были выпущены на 3 ман. руб. Фактически золотые монеты не попадали в каналы денежного обращения. Основными денежными металлами были серебро и медь.

С начала XVIII в. в обращение все больше внедрялась медная монета, которая господствовала в массовом обороте. Громадная разница между рыночной ценой меди и номиналом медной монеты привела к появлению «воровских денег», т. е. к негалайной чеканке. Поэтому в 1730 г. было решено увеличить вес медных денег: их стали чеканить только на 10 руб. из пуда, а затем на 8 руб. Но с 1752 г. вес медных денег был снова снижен в два раза³.

¹ «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в.», М., 1954, стр. 381 и след.

² Н. Чугаев. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II, СПб, 1906, стр. 314.

³ И. Патлаевский. Денежный рынок в России от 1700 до 1762 г., Одесса, 1868, стр. 139 и след.

Тяжеловесность монет, медленность товарооборота, бездорожье тормозили нормальное развитие товарного обращения. Хотя уровень развития товарного производства и денежного обращения был сравнительно высоким, он не мог подорвать господство феодально-крепостнических производственных отношений.

Академик А. М. Панкратова указывает, что для «XVII и первой половины XVIII в. характерно наличие простого товарного производства, в котором лишь зреют ростки будущего капиталистического способа производства»¹. Академик Н. М. Дружинин характеризует эту эпоху как пору, «когда зародыши капиталистического будущего, постепенно накапливаясь в недрах старой системы, еще не колебали ее вековых устоев»². Вместе с ростом товарного производства наряду с доминирующей фигурой дворянина-крепостника все больше стала выдвигаться фигура купца и промышленника.

Мероприятия петровского правительства, направленные на скорейшее развитие производственных сил и торговли, вызвали необходимость создания соответствующих кредитных органов. В 1699 г. в Москве были организованы земские избы во главе с бургомистрской палатой (через полгода переименованной в ратушу), которым придавался характер органа местного купеческого самоуправления. Закон предоставлял право земским избам выдавать ссуды горожанам³.

Однако земские избы (потом магистраты) и ратуши не превратились в купеческие банки. В условиях непомерно тяжелого финансового гнета в их распоряжении не только не оставалось свободных средств для выдачи ссуд купцам и фабрикантам, но они вынуждены были сами иногда брать ссуды у ростовщиков на самых тяжелых условиях⁴.

Ограниченность государственных денежных ресурсов требовала привлечения в промышленность частных вложений. По имеющимся подсчетам, из 200 промышленных предприятий, учрежденных в первой четверти XVIII в., 43% было основано на казенные средства, а 57% — на частные⁵. Таких результатов можно было добиться только предоставлением промышленникам всевозможных привилегий и льгот, среди которых заметное место занимали и денежные ссуды.

¹ А. Панкратова, Указ, соч., стр. 76.

² Н. Дружинин, О периодизации истории капиталистических отношений в России, «Вопросы истории», 1951, № 1, стр. 71.

³ Полное собрание законов, Собрание первое, т. III, № 1674, 1675. В дальнейшем этот источник будет цитироваться сокращенно: ПСЗ. Подробнее о земских избах см. И. Дятлин, Устройство и управление городов в России, т. I, СПб, 1875.

⁴ А. Кизветтер, Посадская община в России XVIII в., М., 1903, стр. 535.

⁵ Е. Заозерская, Мануфактура при Петре, М., 1947, стр. 9.

К. Маркс, анализируя условия, при которых в мануфактурный период создавалось крупное промышленное производство, подчеркивал значение государственных ссуд, выдававшихся на льготных условиях, в ряду других средств протекционистской политики. Он отмечал, что протекционизм был искусственным средством фабриковать фабрикантов, и различные европейские государства дрались из-за патента на его изобретение. Имел в виду проводившиеся во Франции второй половины XVII в. мероприятия Кольбера, направленные на развитие крупного производства, Маркс указывал, что «первоначальный капитал притекает здесь к промышленникам в значительной мере прямо из государственного казначейства»¹. Аналогичные явления отмечались в Пруссии (особенно при Фридрихе II), Австрии, Саксонии и других государствах.

Таким образом, нельзя считать особенностью развития промышленности в России выдачу казенных денежных ссуд промышленности.

В самый начальный период истории русской мануфактуры — во второй половине XVII в. — промышленникам предоставлялись казенные ссуды. Эта практика приобрела неизмеримо больший размах с начала XVIII в. Так, в 1702 г. промышленники Воронов и Петрушев получили из казны ссуду в 3 тыс. руб. и построили близ Козельска железорудный завод. С трудом к 1711 г. они возвратили казне 1 100 руб.² Известная шелковая мануфактура Шафировой и К^о получила в 1717 г. ссуду в размере 45 тыс. руб., Шеголинская в 1720 г. — 30 тыс. руб.³ Владелец кожевничьего завода купец Исаев (1720 г.), кроме казенного двора с заводскими постройками, получил ссуду в 5 тыс. руб. сроком на 5 лет⁴ и т. д. По сведениям Мануфактур-коллегии (май 1722 г.) были выданы ссуды «с возвращением» также владельцу мануфактуры Вокову — 20 тыс. руб. и Павлову — 5 тыс. руб.⁵

Приведенные данные далеко не исчерпывают всех фактов этого порядка, но они дают право утверждать, что государственное кредитование частной промышленности при Петре I проводилось в значительно больших размерах, чем это предполагал в свое время Туган-Барановский, определявший общий размер государственных ссуд фабрикантам в этот период в 100 тыс. руб.⁶

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 760.

² Н. Павленко, Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в., М., 1953, стр. 98.

³ А. Лаппо-Данилевский, Русские торговые и промышленные компании в первой половине XVIII в., СПб, 1899, стр. 30.

⁴ Б. Гейман, т. I, М., 1947, стр. 277.

⁵ П. Любимов, Роль казенного дворянского и купеческого капитала в строительстве крупной промышленности в XVII—XVIII вв., «Исторические записки», т. 16, 1945, стр. 87.

⁶ М. Туган-Барановский, Русская фабрика, М., 1934, стр. 16.

Специфической и весьма эффективной формой кредитования промышленников была часто практиковавшаяся в начале XVIII в. передача в частные руки созданных правительством промышленных предприятий. Казенные мануфактуры передавались безвозмездно с выдачей денежной ссуды из казны, либо выдавалась безвозвратная денежная помощь. Иногда же стоимость переданного основного и оборотного капитала должна была погашаться в расчерку, а в большинстве случаев поставками казенной выпускаемой продукции¹.

Петровская администрация не выработала определенного порядка финансирования и кредитования промышленности. Организованная в 1717 г. Берг-коллегия, имея в своей «дирекции» монетные дворы, в некоторых случаях снабжала мануфактуры и фабрики деньгами. Однако после выделения из Берг-коллегии Мануфактур-коллегии (1722 г.) положение изменилось: зачастую скудного бюджета Мануфактур-коллегии не хватало на содержание ее аппарата. Основные средства на финансирование и кредитование промышленности Мануфактур-коллегия получала из государственного бюджета каждый раз по специальному ходатайству и с особого разрешения сената².

Установившаяся практика выдачи промышленникам денежных ссуд была относительно поздно оформлена законодательным порядком. Впервые это было сделано в регламенте Мануфактур-коллегии, опубликованном в 1723 г., которым разрешалось промышленникам «чинить капиталом вспоможение по рассуждению их действия с ведома сената»³. Такое же указание содержалось в положении о наемных иностранных мастеров (1723 г.)⁴.

О необходимости кредитования государством частной промышленности говорил Иван Посошков, явившийся выразителем взглядов передовых людей своего времени. Он предлагал установить низкий процент по ссудам «маломожным» людям, которые занимаются промышленной деятельностью: при долговременных ссудах — 6% годовых (т. е. как раз такой процент, который позже был установлен как максимальный в известном указе 1754 г.), при краткосрочных ссудах (сроком до 3 месяцев) — до 12%. В соответствии с фискальной практикой, сложившейся в условиях посадской тягловой общины, Посошков рассматривал городских промышленников и купцов, объединенных ратушей, как солидарных ответчиков. Поэтому, по его мнению, в случае невозврата ссуды

«гибель тех денег изыщется не токмо на поручниках, но и на всем городе»⁵. Кроме того, Посошков предлагал использовать средства ратуш для предоставления ссуд «ис проценту... дабы никто промышленной человек во убожество великое от какого своего упадку не входил»⁶.

Таким образом, Посошков предлагал повторить неудавшиеся опыты 1665 и 1699 гг. по превращению ратуш в своеобразные купеческо-промышленные банки.

Посошков верил, что частная инициатива, поощряемая казенными ссудами, может явиться важнейшим фактором промышленного развития страны. Совершенно иначе мыслил «рудных дел промышленник» Данил Воронов, который в 1712 г. представил записку, содержащую широкие планы организации в России промышленности исключительно заботами государства и на государственные средства. С этой целью он (за подписанием до основания Ассигнационного банка и за несколько лет до Джона Ло) предлагал выпустить кредитных денег на 5 млн. руб. сроком на 50 лет с последующим изъятием их из обращения. Не веря в прочность бумаги, Воронов предлагал эти ассигнации (он их называл «замены») делать из... дерева⁷.

Между тем в первой четверти XVIII в. еще в большей мере, чем во второй половине XVII в., в качестве средства привлечения предпринимателей к промышленной деятельности выступает наделение промышленников землей, недрами и подневольной рабочей силой. Именно тогда были законодательно оформлены такие категории крепостных крестьян, как «посессионные» и «приписные». Так, уральским промышленникам были «пожалованы» десятки тысяч десятин с богатыми недрами, лесами и т. д. На 1726 г. к уральским металлургическим заводам было приписано свыше 54 тыс. душ мужского пола.

В этом же направлении правительство проводилась и таможенная политика. Введенный в 1724 г. таможенный тариф облагал ввозной пошлиной товары в размере от 25 до 75% их стоимости. Для большинства отраслей русской промышленности это создавало защищенный внутренний рынок, возможность реализации товаров по выгодным ценам.

Вопросы кредитования торговли также неоднократно привлекали внимание правительства Петра I. Однако каких-либо реальных сдвигов в этой области достигнуто не было, хотя роль кредита в торговле в начале XVIII в. была очень значительной. Как отмечает исследователь того времени, «данные сказок 1704 г.

¹ Е. Заозерская, Развитие легкой промышленности, стр. 382.

² Д. Бабуриц, Очерки по истории Мануфактур-коллегии, М., 1939, стр. 200.

³ ПСЗ I, т. VII, № 4378, § 9.

⁴ А. Семенов, Изучение исторических сведений о русской внешней торговле и промышленности, т. I, 1859, СПб, стр. 99.

⁵ И. Посошков, Книга о скупости и богатстве, М., 1937, стр. 301.

⁶ Там же, стр. 216.

⁷ Н. Павлов-Сильванский, Проекты реформ в записках современников Петра Великого, СПб, 1897, стр. 133—137.

показывают, что среди торговых людей почти не было таких, которые вели бы операции только за свой счет; всюду «заемные деньги» или «должные товары»... В кредит вели свои операции самые крупные из крупных торговых людей Москвы и других городов. Занимали большими или мелкими суммами у русских и иностранцев, у своей братьи и на стороне. «Малопозиточные» торговые люди чаще занимали не деньги, а брали в долг товар «до спуска». При этом в огромном большинстве случаев собственное состояние — «животы и промыслы» — не обеспечивали платежеспособности должников»¹.

В последние годы царствования Петра I проблема кредитования торговли ставилась преимущественно в связи с планами организации больших торговых компаний. Например, в указе 1723 г. «Об учреждении компании для торгу с Испанией» писалось: «сия компания собою сперва не может дела своего исправить для скудости денег: того ради вспоможена быть имеет, а именно, кораблями и матросами от адмиралтейства, деньгами частью от казны»².

Здесь повторялись мысли, высказанные еще за 10 лет до того Салтыковым. В 1713 г. он в своих «Пропозициях» писал, между прочим, о необходимости для развития внешней торговли создания «компаний торговых людей», причем 25% «склады должны были быть предоставлены казне»³.

Во второй четверти XVIII в. практика кредитования частных промышленных предприятий получает дальнейшее развитие. По имеющимся данным, между 1734 и 1754 г. владельцам мануфактур было роздано более 100 тыс. руб. в виде ссуд. Так, в 1734 г. полотноной мануфактуре Затрапезного было выдано 20 тыс. руб. на 5 лет, в 1736 г. суконной мануфактуре Еремеева — 10 тыс. руб. на 3 года, в 1744 г. красочной мануфактуре Сухарева — 12 тыс. руб. на 10 лет и т. д.⁴.

Выдача денежных ссуд сопровождалась длительной процедурой. Мануфактур-коллегии месяцами, а иногда годами, рассматривала ходатайства, наводила всевозможные справки, производила обследования, требовала в некоторых случаях поручителей. Тщательное обследование фабрик и имущественного положения поручителей должно было дать гарантии возврата ссуды. Кроме того, Мануфак-

тур-коллегии при выдаче ссуды обычно заключала контракт на поставку товаров на сумму, равняющуюся ежегодно погашающейся части ссуды. Мануфактур-коллегии осуществляла контроль за платежеспособностью фабрикантов путем проведения ревизий мануфактур.

Однако, несмотря на все это, очень часто ссуды не возвращались и таким образом обращались в безвозвратные пособия. Так, в 1744 г. выяснилась неплатежеспособность фабриканта Третьяковского. Третьяков был даже взят под стражу, хотя надо сказать, что такие крутые меры по отношению к неплательщикам применялись исключительно редко.

Государственная ссуда составляла зачастую очень значительную, а иногда и основную часть капитала промышленных предприятий. Вот два показательных примера. Полотноная мануфактура Чамова получила ссуду в 15 тыс. руб. сроком на 10 лет, а по официальной ведомости Мануфактур-коллегии на 1755 г. всего «капитала по данным ведомостям показано в употреблении» 18 тыс. руб.; суконная мануфактура Шаховского получала 4 тыс. руб. сроком на 5 лет, а всего капитала числилось по указанным ведомостям 5 тыс. руб.⁵.

В результате исследования деятельности Мануфактур-коллегии Д. Бабурии отмечает: «Выполняя функции своеобразного промышленного банка или ссудной кассы по финансированию промышленности в XVIII в., Мануфактур-коллегии и ее контора вели самое дело финансирования беспрестанно. Не были установлены какие-либо точные принципы и поощрения ссудами наиболее важных отраслей промышленности. Беспорочное «вспомоществование» фабрикантам, тесная связь верхушки фабрикантов из купечества и дворянства с сановной правительственной знатно из продажности чиновничества Мануфактур-коллегии приводили к большой запущенности учета выдаваемых ссуд и прямо к казнокрадству. Дело учета было настолько плохо организовано, что при каждом очередном запросе со стороны Сената Мануфактур-коллегии приходилось запрашивать свою контору о состоянии у нее дел с выдачей и высказанием ссуд и производить розыски в дебрях своего собственного депопроизводства»⁶.

Если так обстояло дело при обычных кредитных операциях Мануфактур-коллегии, то совершенно вопиющая картина расхищения государственных средств вырисовывалась при предоставлении казенных ссуд особо привилегированным предприятиям. Достаточно вспомнить про деятельность барона Шемберга, друга и, очевидно, компаньона Бирона. Занимая должность начальника Берг-коллегии, Шемберг добился в 1739 г. разрешения арендовать несколько заводов и промыслов. Одновременно с этим он получа-

¹ Е. Заозерская, Развитие легкой промышленности, стр. 388.

² ПСЗ 1, т. VII, № 4540.

³ Н. Павлов-Сильванский, Указ, соч., стр. 28.

⁴ А. Лаппо-Данилевский, Указ, соч., стр. 30; А. Ниссенович, История заводско-фабричного законодательства Российской империи, ч. I, СПб, 1883, стр. 124; ПСЗ 1, т. XXIV, № 17814; Д. Бабурии, Указ, соч., стр. 208; «Крепостная мануфактура», т. V, Л., 1934, стр. 18; Ф. Полянский, До питания по поселии мануфактуры на Украйні в XVIII ст., «Наукові записки інституту економіки Академії Наук УССР», кн. 2, 1934, стр. 156.

⁵ А. Лаппо-Данилевский, Указ, соч., стр. 124—125.

⁶ Д. Бабурии, Указ, соч., стр. 211.

значительные казенные ссуды. Когда, после падения Бирона, у Шемберга были отобраны заводы и промыслы (1742 г.), то выяснилось, что за ним числится казенный долг в сумме не менее 300 тыс. руб. Кроме того, за счет Берг-коллегии была покрыта задолженность Шемберга иностранным купцам не менее 400 тыс. руб.¹

Другой пример. После нескольких лет казенного управления Горноблагодатские заводы, а также Белооморские промыслы попали в руки Шувалова. Хотя заводы были оценены в 182 тыс. руб., Шувалов обязался уплатить казне за предоставленное ему право эксплуатации только 40 тыс. руб. Но и эта ничтожная сумма не была уплачена, и Шувалов неоднократно просил предоставить ему дальнейшую рассрочку. Когда после смерти Шувалова в 1763 г. казной были приняты заводы и промыслы, находившиеся в его управлении, выяснилось, что он внес за все время только 6 940 руб. в счет казенного долга в 680 тыс. руб.²

Гораздо меньше в нашем распоряжении имеется данных о кредитовании государством торговых операций во второй четверти XVIII в. Изданный в последний год жизни Петра I регламент Коммерц-коллегии намечал для нее весьма широкие функции³. Однако Коммерц-коллегия свела свою деятельность преимущественно к выдаче ссуд торговым компаниям (имевшим иногда и промысловый характер). Так, в 1731 г. компании китовых и рыбных промыслов на Белом море были переданы казенные товары с рассрочкой платежа по 1 тыс. руб. в год, а также безвозмездно два старых корабля⁴. В 1743 г. астраханская рыбная купеческая компания получила казенную ссуду в 55 тыс. руб.⁵

По мысли законодателя торговые компании должны были явиться источником обогащения страны, но стали только средством расширения государственных ресурсов. Грabeж казны производился не только путем выдач денежных ссуд, но еще в большей степени целой системой всякого рода монополий, льгот, освобождения от пошлин и т. д.

Как и в предшествующее время, вопрос об упорядочении кредитного дела особенно остро вставал перед купцами, соприкасавшимися с иностранным торговым капиталом. С целью улучшения русского вексельного курса и облегчения торговых расчетов с иностранными контрагентами еще в 1728 г. Верховный тайный совет

¹ Подробнее см. Н. Фирсов, Русские торгово-промышленные компании в первой половине XVIII в., Казань, 1922, стр. 77—115; А. Лаппо-Данилевский, Указ, соч., стр. 120.

² Н. Фирсов, Указ, соч., стр. 102—162; А. Лаппо-Данилевский, Указ, соч., стр. 120; С. Струмилин, История черной металлургии в СССР, т. I, М., 1954, стр. 256.

³ ПСЗ I, т. VII, № 4453.

⁴ А. Семенов, Указ, соч., т. I, стр. 175.

⁵ Н. Фирсов, Указ, соч., стр. 141.

принял решение об учреждении особой торговой комиссии в Амстердаме¹. Это решение, однако, не было осуществлено.

К этому же времени относится план организации банка с многоименным капиталом для освобождения купцов от зависимости по отношению к иностранному купечеству. К сожалению, подробности этого плана нам неизвестны².

Исключительно большой интерес представляет «проект о банке казенном», представленный в Комиссию о коммерции в 1732 г.³. Проект намечал весьма широкую сферу деятельности для банка. Банк должен был обслуживать купечество, а также землевладельцев. Уже тот факт, что проект был представлен в Комиссию о коммерции, в которую наряду с чиновниками входили и представители купечества, говорит о том, что важнейшую задачу банка видели в обслуживании нужд купечества.

Проект констатировал, что «между партикулярными людьми в займах есть проценты отягощение», так как ссуды предоставляются ростовщиками из 10—20% годовых. Предполагалось, что на первых порах капитал банка составит из 1 млн. руб. наличными, которые будут предоставлены казной, и 1 млн. руб. банкнотами (или, как они изывались в проекте, векселями), которые должны были печататься на пергаменте купюрами в 10, 50, 100 и 200 руб. Авторы проекта рассчитывали, что первоначальный капитал банка впоследствии увеличится за счет передачи в его распоряжение свободных сумм, оседавших в государственных учреждениях и «приносимых в вотчинную канцелярию выкупных денег».

Банк должен был выдавать ссуды из 6% годовых сроком на один год (с правом переноски на следующий срок). Ссуды должны были выдаваться только под залог движимого или недвижимого имущества, причем по своей ценности залог должен был превосходить ссуду не менее чем в полтора раза.

Говоря о пользе, которую принесет банк, авторы проекта отмечали, что, получив банковскую ссуду, купцы «больше торг умножат и обыкновенную пошлину платить станут, а страху никакого не будет». Указывалось также, что банк принесет большие выгоды и государству. Ведь если свободные казенные средства «лежат праздно, то мертвый капитал не будет ни казне ни народу в пользу».

Хотя этот проект не был реализован, но он кое в чем предвосхитил устав первых русских банков. В частности, подчеркивалось, что именно государство должно быть организатором и собственником банка; устанавливался тот размер ссудного процента (6%),

¹ ПСЗ I, т. VIII, № 5233.

² Н. Фирсов, Указ, соч., стр. 45.

³ Центральный государственный архив древних актов в Москве, ф. 397, д. № 24. В дальнейшем ссылки на этот источник даются сокращенно: ЦГАДА.

который был принят русскими казенными банками и прокламирован несколько позже (в 1754 г.) как «указный процент» (т. е. максимально допускаемый законом). Вместе с тем интересно отметить, что в некоторых своих чертах проект 1732 г. оказался прогрессивнее уставов русских банков крепостнической эпохи. Он не предусматривал особенно льготных условий кредитования дворянского землевладения, при оценке дворянских залогов предполагалось исходить не из числа крепостных, а, очевидно, из доходности поместья (при закладе деревень надо было показывать количество дворов, дать сведения о наличии заводов, сельских лавок и т. д.).

В 1738 г. мекленбургский посол в Лондоне И. Б. Гоппман представил Бирону план организации банка в Петербурге и Москве. Из сохранившегося проекта видно, что операции банка должны были ограничиться выпуском процентных и выигрышных бумаг¹. Один тот факт, что Гоппман попытался реализовать свое предложение при содействии Бирона, является достоянием свидетельством спекулятивно-грабительского характера задуманного «банка». По неизвестной нам причине план Гоппмана не был осуществлен.

Иной характер, носил банковый план, выдвинутый через десять лет Василием Никитичем Татищевым, этим крупнейшим представителем русской общественной мысли первой половины XVIII в. Экономические воззрения Татищева выражали взгляды той передовой части дворянства, которая являлась горячей сторонницей «дела Петра» и отстаивала необходимость дальнейшего развития производительных сил страны, преодоления ее экономической и культурной отсталости, но не ставила при этом вопроса о ликвидации или даже о каком-либо ослаблении крепостнической эксплуатации².

В своих докладах и записках Татищев говорил о необходимости организации помощи кредитом промышленникам и купцам. Еще в 1744 г. в записке «На память о делах Астраханских» он писал, что следовало бы предоставить тамошним фабрикантам ссуду «хотя до 30 тыс. рублей» сроком на 3 года³.

Впервые вопрос об учреждении «банка долгового» Татищев поставил в 1747 г. в представленном канцлеру Воронцову «Расуждении о ревизии поголовной и касающемся до оной»⁴. Необходи-

мость создания банка «для помощи купечеству и умножения от него доходов» Татищев мотивирует тем, что «через то фабрики могут распространяться, купечество может торги, а от торгов умножение сбора пошляного дохода государственной умножится»¹.

Через год (в 1748 г.) Татищев написал «Представление о купечестве и ремеслах в России»². Он указывал, что «ныне на Руси надменно много является банкротов из купечества, чего прежде не бывало». Татищев обращает внимание на то, что в России предоставление ссуд купцам под векселя сопряжено с большим риском ввиду недостаточной защиты заимодавцев, и «для того ныне купцам уже нинко верить и деньги давать не хочет, но у многих деньги и не малые лежат втуне или употребляют не в так полезные государству дела». Отсюда он делает вывод о необходимости создания банка, в котором купцы и промышленники могли бы брать ссуды. Средства банка должны были бы, по мысли Татищева, состояться из свободных денег, отложившихся у дворянства и духовенства³.

Интересно отметить, что Татищев особо подчеркивал необходимость обеспечить банковским кредитом промышленников. Между тем в мануфактурный период и даже в начальных стадиях утверждения промышленного капитализма так называемые коммерческие банки не играли почти никакой роли в деле кредитования промышленности, почти полностью сведя свои операции к предоставлению ссуд купцам.

В целом следует сказать, что банковские проекты Татищева значительно опередили свое время. Татищев считал, что банки должны быть поставлены на службу интересам развития промышленности и торговли, направляя в эту сферу средства, лежащие втуне у представителей земледельческого класса, чиновничества и духовенства. Русские же банки не только на протяжении всей крепостнической эпохи, но и в последующие периоды были построены на диаметрально противоположных основах.

2. МОНЕТНАЯ КОНТОРА И ЕЕ КРЕДИТНЫЕ ОПЕРАЦИИ

Во второй четверти XVIII в. был основан первый официальный кредитный орган, поставленный на службу дворянству, точнее его придворной верхушке. Речь идет о Монетной конторе.

С основанием Монетной конторы дворянство получало дополнительный «банковский» источник обогащения за счет народа. С этого момента начинается не прекращающаяся вплоть до падения самодержавия эпопея бесстыдного расхищения придворной знатью народ-

¹ ЦГАДА, разр. XIX, л. № 410.

² П. Алефиренко, Экономические взгляды Татищева, «Вопросы истории», 1948, № 12; С. Александров, Экономические и политические взгляды В. Татищева, «Известия Академии наук СССР. Отделение экономики и права», 1951, № 3; «История русской экономической мысли», т. I, ч. I, стр. 385.

³ «Исторический архив», т. VII, 1951, стр. 407.

⁴ Было опубликовано Н. Поповым в книге «В. Татищев и его время», М., 1861, стр. 716–758. Попов неправильно датировал это сочинение 1742–1745 гг. Указание нами в тексте дата установлена Н. Рубинштейном о замеске «Неизданный записка В. Татищева», «Доклады и сообщения исторического факультета МГУ», вып. 8, 1948, стр. 39.

¹ Н. Попов, Указ. соч., стр. 720.

² «Исторический архив», т. VII, стр. 410–426.

³ Там же, стр. 423.

ных средств под прикрытием официальных кредитных учреждений.

Занимаясь чеканкой монет, Монетная контора в 1729 г. получила право выкупать по просьбе несостоятельных должников утварь из драгоценных металлов, заложенную у заимодавцев. При этом оставались неогороженными самые основные детали выкупной операции¹. Это позволяло представителям придворной камарилы использовать капиталы Монетной конторы для покрытия своих долгов.²

В 1733 г. кредитные операции Монетной конторы были несколько расширены. Был издан специальный указ «О правилах займа денег из Монетной конторы»³. Ей было предоставлено право выдавать ссуды под залог золота и серебра (на сумму не выше 75% стоимости залога) из 8% сроком на год (с правом отсрочки выкупа до трех лет).

Сохранившаяся в сенатском архиве ведомость дает полное представление о масштабах операций банка при Монетной конторе⁴:

(в руб.)

Г о д и	Выдало ссуд	Г о д и	Выдало ссуд
1734	400	1746	2 000
1735	5 000	1747	1 300
1737	255	1748	1 578
1738	1 330	1749	300
1739	1 267	1750	2 870
1740	1 000	1751	4 610
1743	150	1752	6 452

¹ ПСЗ 1, т. VIII, № 5463.

² ПСЗ 1, т. IX, № 6300. В. Бондаренко в своей книге «Очерки финансовой политики кабинета министров Анны Иоанновны» (М., 1915, стр. 142) высказала совершенно безосновательное предположение, что указ 1733 г. является реализацией представленных в 1728 г. Комиссией о коммерции «Способов о содержании векселей». Как известно, вексельный устав был принят в 1729 г., и он не имеет никакой непосредственной связи с историей кредитных учреждений. Лишь только основание предположение Д. Толстого, будто банк при Монетной конторе в самом скором времени был закрыт («История финансовых учреждений в России», СПб., 1848, стр. 233).

³ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 2792, л. 20. Упоминания о деятельности Монетной конторы содержит «Сборник Русского исторического общества», т. 114, стр. 449—456. В дальнейшем ссылки на этот источник будут даваться сокращенно: сборник РИО.

Из таблицы видна крайняя ограниченность сумм, которыми оперировал банк. С 1734 по 1752 г. в среднем в год он выдавал около 2 тыс. руб.

Услугами банка при Монетной конторе пользовался узкий круг придворной знати. Например, одним из должников Монетной конторы был государственный канцлер М. Воронцов. Заним в течение многих лет числился долг Монетной конторе в 20 тыс. руб.¹. В конце концов задолженность Воронцова была покрыта казной.

Для более широких кругов дворянства ссуды Монетной конторы были недоступны, хотя бы потому, что в залог брались исключительно драгоценные металлы. Вместе с тем знатные заемщики часто получали ссуды без предоставления залога. Это объясняет, почему в 1736 г. пришлось дать специальное разрешение дворянину Б. Смирнову на продажу и заклад деревьев для уплаты долга Монетной конторе². Нет сомнения, что в большинстве случаев беззалоговые ссуды оставались невозвращенными.

Знатные должники пользовались дешевым кредитом не только Монетной конторы. Закон 1733 г. был использован многими государственными учреждениями, по характеру своему совершенно далекими от всякого рода финансовых и кредитных дел. По данным Сената, в 1754 г., кроме Монетной конторы, ссуды из 8% годовых выдавали: Адмиралтейская коллегия (выдала ссуд на 12 тыс. руб.), Главный комиссариат (выдал ссуд на 68 тыс. руб.) и Канцелярия главной артиллерии и фортификации³. Представляли ссуды также Главный почтамт и Иностранная коллегия.

Конечно, кредитными услугами всех перечисленных учреждений могли пользоваться только лица, стоявшие достаточно близко к государственной казне. Так, министр Бестужев-Рюмин в 1758 г. был должен Иностранной коллегии и Главному почтамту 63 тыс. руб.⁴. Канцлер Воронцов в 1751 г. получил из Иностранной коллегии ссуду в 20 тыс. руб.⁵ и т. д.

Эти ссуды только в очень редких случаях погашались. Например, из выданных Главным комиссариатом 68 тыс. руб. 17 тыс. руб. являлись безнадежным долгом⁶.

Итак, эпоха вренсчиков-фаворитов, рассматривавших государственную казну как источник своего личного обогащения, нашла свое яркое выражение и в области кредита. Изложенные выше факты показывают, что на протяжении первой половины XVIII в.

¹ Е. Карнович, Замечательные богатства частных лиц в России, СПб., 1874, стр. 258.

² «Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве», отд. 1, т. III, СПб., 1915, стр. 453 (см. также сборник РИО, т. 114, стр. 258).

³ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 2792, л. 23—27 и 131—134.

⁴ Е. Карнович, Указ. соч., стр. 235.

⁵ Там же, стр. 239.

⁶ ЦГАДА, ф. Сената, кн. 2792, л. 25.

(так же, как и в более ранний период) не возникало даже попыток организовать кредитование крепостников-землевладельцев. Более того, указ 1733 г. подчеркивал: «деревень и дворов под заклад и на выкуп не брать». Это обстоятельство надо рассматривать не как признак слабости, а, наоборот, силы крепостнического землевладения. Феодальное землевладение было еще достаточно прочно, землевладельческий класс не испытывал осязательной нужды в создании кредитного органа, который бы представлял его имущественные интересы.

БАНКИ В РОССИИ В ПЕРИОД ВОЗНИКНОВЕНИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО УЛАДА (60—90-е годы XVIII в.)

Глава III

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО УЛАДА И ОРГАНИЗАЦИЯ ПЕРВЫХ БАНКОВ В РОССИИ

Вторая половина XVIII в. выступает как глубоко противоречивый по своему характеру период. Это было время, когда еще продолжали господствовать феодально-крепостнические производственные отношения. Ни в один другой период истории России дворяне не играли столь значительной роли во всех сферах общественно-политической жизни.

Постепенное расширение емкости внутреннего рынка под влиянием продолжающегося углубления общественного разделения труда и растущие возможности сбыта продукции сельского хозяйства за границу увеличили алчность русского дворянства к продукту крестьянского труда. На протяжении всего этого времени растет площадь крепостнического землевладения и расширяется контингент помещичьих крестьян за счет всех других категорий сельского населения (государственных, а также монастырских, удельных и других). Бесперывно усиливается эксплуатация крепостных. В помещиных за счет крестьянских земель увеличивается барская запашка и количество дней работы на помещика (наряду с ростом всякого рода других повинностей). Дворяне изошряются в поисках методов дальнейшего повышения интенсивности крепостного труда. Интенсивно возрастает и средний размер денежного оброка.

В своих мероприятиях крепостники опираются на поддержку государства, от которого получают широчайшие возможности осуществления самой жестокой эксплуатации крестьян вплоть до права сыски в Сибирь, сдачи вне очереди в рекруты, запрета крестьянам подавать жалобы на своих владельцев и т. д.

В целях дальнейшего повышения своих доходов дворянство стало заниматься промышленным предпринимательством, все боль-

шее распространение получили так называемые дворянские мануфактуры. Дворяне не гнушались и торговыми операциями. Из тощей государственной казны в бедные дворянские карманы поступают многочисленные подачки в виде денежных и земельных наград и т. д.

Усиление крепостнического гнета вызвало обострение классовой борьбы. Вторая половина XVIII в. ознаменовалась самой большой в истории России крестьянской войной под предводительством Емельяна Пугачева (1773—1775 гг.). Восстание, жестоко подавленное царской властью, провозгласило грозным предзнаменованием неизбежной гибели феодального строя.

Вместе с тем вторая половина XVIII в. является периодом формирования и началом развития капиталистического уклада, созревшего в недрах продолжавшей еще господствовать феодально-крепостнической системы.

Безудержное стремление к расширению барской запашки привело к переводу некоторых крестьян на месячину (правда, удельный вес этой категории крепостных был еще очень невелик). Превращение мелких производителей в безземельных рабов подрывало самую основу барщинной системы, явившись первым симптомом наступившего разложения крепостнического способа производства.

Все увеличивавшееся несоответствие между доходами помещиков-землевладельцев и их растущими потребностями в денежных поступлениях выступало другим проявлением зарождавшегося кризиса крепостного хозяйства.

В условиях крепостничества, почти полностью исключавшего рост производительности труда, доходность поместий могла повышаться только в незначительных размерах даже при ужесточении эксплуатации. Потребности же дворянства все росли; мотовство и роскошь достигли небывалых размеров. Например, граф Шереметев, владея 800 тыс. десятинами земли и являясь одним из крупнейших землевладельцев России, никак не сводил концы с концами и временами брал ссуды не только у купцов, но и у своих богатых крестьян¹. Князь Голицын, владелец горных заводов и 10 тыс. душ, задолжал своим рудопромышленным и заводским крестьянам около 250 тыс. руб.²

Естественно, что имения и крепостные таких владельцев зачастую попадали в руки ростовщиков совершенно за бесценок. Так, купец Барышников получил от Салтыковых в уплату долга имение с 1200 крепостными крестьянами, за которых уплатил по 15 коп. за душу³.

¹ В. Станюкович, Бюджет Шереметевых, М., 1927, стр. 8—9.

² С. Струмилин, История черной металлургии в СССР, т. I, стр. 274—275.

³ В. Семевский, Крестьяне в царствование Екатерины II, т. I, СПб., 1903, стр. 73.

Развитие товарного производства способствовало вовлечению в рыночные отношения и некоторой части помещичьих (особенно государственных) крестьян. Эти «капиталисты» крестьяне обеспечивали помещикам постоянные, иногда весьма значительные, доходы в виде денежных оброков.

Рост крестьянской прослойки, связанной с рынком, и реализация помещиками части продукции крепостных разрушали замкнутость натурального хозяйства и создавали объективные условия для появления значительной денежной задолженности помещиков. Ясно, что только получение помещиками постоянных денежных доходов открывало для них возможность пользования кредитом.

В условиях, когда наиболее распространенной формой феодальной эксплуатации оставалась барщина, т. е. реализация продукта крестьянского труда осуществлялась в основном крепостниками-землевладельцами, следовало учитывать еще и такую предпосылку развития ростовщического кредита, как сезонность сельскохозяйственного производства или сезонные колебания цен на хлеб.

В работах классиков марксизма-ленинизма дан анализ роли ростовщического капитала в период развития капиталистического уклада в недрах феодального строя. Рост товарности сельского хозяйства, продажа помещиками-феодалами сельскохозяйственных продуктов, присвоение феодалами результатов прибавочного и частично необходимого крестьянского труда — все это, как указывает Ленин, было «предвестником распада старого режима»¹.

Однако ростовщичество само по себе не уничтожало феодальных отношений. «Ростовщичество, как и торговля, эксплуатирует данный способ производства, не создает его, относится к нему внешним образом. Ростовщичество стремится прямо его сохранить, чтобы иметь возможность эксплуатировать его снова и снова; оно консервативно и только доводит существующий способ производства до более жалкого состояния»².

При этом ростовщичество играло двойственную роль. Поскольку оно присваивает себе условия труда, т. е. разоряет владельцев старых условий труда, «поскольку оно является мощным рычагом для образования предпосылки промышленного капитала»³.

Маркс отмечает две характерные формы, в которых выступает ростовщический кредит в период предшествующий капиталистическому способу производства: во-первых, ростовщичество при помощи денежных ссуд, выдаваемых расточительной знати, преимущественно земельным собственникам; во-вторых, ростовщичество при помощи денежных ссуд мелким, владеющим условиями своего труда производителям⁴. Вполне понятно, что дворянские государ-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 158.

² К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 623.

³ Там же, стр. 624.

⁴ Там же, стр. 608.

ство, стремившееся сохранить феодальную собственность на землю, интересовала лишь первая форма ростовщичества.

Государство, охраняя феодальную собственность, препятствовало легальному переходу дворянских земель в руки ростовщиков, представителей недворянских сословий. Между тем уже тогда перед напуганным воображением некоторых идеологов дворянства вырисовывались «страшные» картины утраты «благородным сословием» своих владений. Так, А. Волотов, видный представитель дворянской мысли второй половины XVIII в., писал: «роскоши и непомерное мотовство большей части наших дворян скоро произведет то, что большая часть наших сел и деревень принадлежат будут фабрикантам, купцам, подьячим, секретарям, докторам и лекарям, и не мы, а они господами и владельцами будут...»¹.

Однако обремененный долгами землевладелец все чаще принужден был делиться значительной частью своих доходов с ростовщиком, и это не могло не вызывать его острой ненависти к последнему. Иногда крепостник и вовсе вынужден был уступить свое место ростовщику, который сам становится землевладельцем².

Чтобы завуалировать владение землей ростовщиками и купцами, в руки которых переходили дворянские поместья, безуспешно прибегали ко всякого рода фикциям и подставным лицам. Так, упомянутый уже купец Барышников владел бывшим имением Салтыкова через подставное лицо — графа Орлова.

Еще более наглядные признаки появления новых производственных отношений наблюдались в промышленности. Производительные силы страны продолжали неуклонно развиваться. Значительно растет объем промышленной продукции. На 1767 г., по данным Мануфактур-коллегии, числилось 496 предприятий обрабатывающей промышленности (вместе с предприятиями горнометаллургической промышленности примерно 650), а к 1804 г. таких предприятий насчитывали уже около 2,5 тыс.

Чрезвычайно симптоматичным было увеличение удельного веса наемных рабочих. В 1767 г. в указанных предприятиях обрабатывающей промышленности наемные рабочие составляли 39% рабочей силы, а в 1804 г. — 47%.

Особенно же характерным было развитие так называемой «безуказной промышленности» (предприятий, созданных на основе указа 1775 г. о свободе промыслов) и крестьянских мануфактур. Последние служили признаком постепенного перерастания мелких крестьянских промыслов в капиталистическое производство, развивавшееся в рамках крепостнического строя.

Широкой сферой применения наемного труда являлись речной транспорт, лесные и гужевые промыслы и т. д. По новейшим дан-

ными, на 60-е годы XVIII в. число наемных рабочих в промышленности и на транспорте составляло 220 тыс., на конец века — свыше 400 тыс. человек¹.

Продолжала развиваться горнометаллургическая промышленность. В 1767 г. на Урале выплавлялось 4,5 млн. пуд. чугуна, а в 1800 г. — примерно 9,9 млн. пуд. Это были последние годы, когда Россия еще сохраняла первое место в мире по уровню металлургического производства. Следует отметить, что в горной промышленности продолжал господствовать крепостной труд. Куральским заводам (казенным и частным) в первые годы XIX в. было приписано свыше 300 тыс. крестьян; кроме того, там постоянно работало более 100 тыс. крепостных рабочих, а вольнонаемных насчитывалось только 15 тыс.

Значительно увеличился внутренний товарооборот, чему немало способствовал быстрый рост территории и народонаселения России, а также ликвидация внутренних таможенных барьеров (1754 г.). За счет естественного прироста и присоединенных территорий население России во второй половине XVIII в. почти удвоилось (с 19 млн. в 1762 г. до 36 млн. в 1796 г.). Углубилась географическая специализация хозяйств отдельных районов страны. В несколько раз увеличился объем внешней торговли. Если среднегодовой объем внешней торговли между 1760 и 1769 г. составлял около 24 млн. руб., то в 1790—1797 гг. — 81 млн. руб.².

Серьезные изменения произошли в сфере денежного обращения. В обращении продолжала господствовать тяжеловесная медная монета, которую чеканили на 16 руб. из пуда (чеканка на 32 руб. продолжалась недолго). Реже встречалась в обращении серебряная монета. С 1769 г. в России началась выпуск бумажных денег — ассигнаций, что совершенно изменило характер денежного обращения.

Государственный бюджет продолжал расти. Если в 1763 г. расходы составляли 17 млн. руб., то в 1796 г. они возросли до 78 млн. руб. Бюджет очень ярко отражал феодально-крепостническую природу государственного строя: расходы на содержание царского двора увеличивались с 1763 по 1796 г. более чем в 5 раз, на содержание аппарата крепостнического государства — в 6 раз, на содержание вооруженных сил — в 3 раза.

Подавляющую часть доходов государственного бюджета составлял подушный налог и питейный доход³. В условиях крепостного строя, когда освобождение от прямых налогов рассматривалось как

¹ Н. Рубинштейн, Некоторые вопросы формирования рынка рабочей силы в России в XVIII в. («Вопросы истории», 1952, № 2, стр. 96).

² Н. Рубинштейн, Внешняя торговля России и русское купечество во второй половине XVIII в. («Исторические записки», т. 54, 1955, стр. 345).

³ Подробнее см. Н. Чечулин, Указ. соч., стр. 260 и 314.

¹ А. Болотов. Записки, т. IV, СПб, 1873, стр. 967.

² См. К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 610.

важнейшая сословная привилегия, государственные расходы, естественно, резко превышали платежеспособность податного населения. Это приводило к постоянному росту бюджетных дефицитов, покрывавшихся за счет эмиссии ассигнаций, внутренних займов (в виде «позаимствований» из кредитных учреждений) и государственного внешнего долга. Последний возник в 1769 г., а к 1796 г. достиг уже 41,4 млн. руб. ассигнациями.

В условиях четко обозначившихся сдвигов в развитии производительных сил и в расстановке классов абсолютистская монархия не могла полностью игнорировать интересы торговой и промышленной буржуазии. Хотя нарождающаяся русская буржуазия была экономически слаба, политически немоцна и классово неорганизована, однако, как показывают выступления в Комиссии о коммерции, в Уложенной комиссии и т. д., некоторые ее представители довольно ясно видели, в чем состоят их непосредственные интересы.

Но политическое господство дворянства привело к тому, что эффективность мероприятий, проведенных в пользу буржуазии, оказалась неизмеримо меньше тех, которые осуществлялись в интересах крепостников. Больше того, некоторые наметившиеся пробуржуазные тенденции в угоду дворян-землевладельцев быстро заглашались.

Это очень ярко отразилось на судьбе тех мероприятий в области экономической политики, которые были осуществлены по инициативе П. И. Шувалова в 60-е годы XVIII в. (соляная монополия 1750 г.; отмена внутренних таможенных линий в 1753 г.; монетная операция 1754 г., генеральное межевание 1757 г., таможенный тариф 1757 г. и др.). Все перечисленные государственные акты устраняли важнейшие препятствия на путях к завершению формирования единого национального рынка, создавали более благоприятные условия для развития промышленности, способствовали укреплению государственных финансов. Вместе с тем они ни в какой мере не посягали на основы феодально-крепостного строя так же, как не угрожали социальным и экономическим привилегиям дворянства.

Социально-экономические противоречия и классовая природа экономической политики царизма с особой отчетливостью обнаружались в мероприятиях, проведенных в области кредитно-банковской политики: в учреждении в 1754 г. банков — Дворянского и Купеческого и в одновременном издании указа о запрещении ростовщичества.

Считая своей важнейшей задачей охрану дворянской собственности на землю, государство сочло возможным законодательным порядком ликвидировать ростовщичество вопреки тенденциям экономического развития. Правда, законодатель не мог решиться на полное запрещение процентных ссуд, но изданный 23 июня 1754 г. указ «О наказании ростовщиков» устанавливал предельно допускае-

мую законом процентную ставку — 6% (так называемый «указный процент») ¹.

В указе 1754 г. сказалась классовая природа абсолютистской монархии XVIII в. и наивная вера в то, что государство может путем законодательного акта воспрепятствовать развитию капиталистических отношений. Вместе с тем этот указ является прекрасной иллюстрацией к известному указанию К. Маркса, о том, что «развитие кредитного дела совершается как реакция против ростовщичества» ².

Через 10 лет (в 1764 г.) запрещение брать за ссуду больше 6% было повторено и подтверждено специальным манифестом. Манифест объявлял ростовщиков, продолжающих брать сверх 6 до 20 и выше процентов, «сугубыми преступниками» ³.

Запрещение брать проценты свыше «нормы» мы встречаем и в ряде других законодательных документов той поры, например, в «Уставе благочиния, или полицейском» (1782 г.) ⁴.

Вместе с тем кредитная политика царизма не сводилась только к запрещению ростовщичества и увещеванию «лихонимцев». В указе от 23 июня 1754 г. сообщалось об организации Государственного заемного банка с целью «уменьшения во всем государстве процентных денег».

Государственный заемный банк состоял из двух фактически самостоятельных банков: Банка для дворянства (с конторами в Петербурге и Москве) и Банка для поправления при Санкт-Петербургском порте коммерции.

С момента возникновения Государственного заемного банка кончается предистория и начинается история банков в России.

¹ ПСЗ 1, т. XIV, № 10235.

² К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 614.

³ ПСЗ 1, т. XVI, № 12124.

⁴ Там же, т. XXI, № 15379, п. 49.

Глава IV

КРЕДИТОВАНИЕ КРЕПОСТНИЧЕСКОГО
ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

1. ДВОРЯНСКИЙ БАНК В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Первоначально операции Дворянского банка были чрезвычайно ограничены. Они сводились к выдаче ссуд размером от 500 руб. до 10 тыс. руб. из 6% годовых. При этом важно отметить, что банк брал в залог не только драгоценные металлы и бриллианты, но и крестьянские души. Не случайно, конечно, банк для дворянства был организован не по обычному типу ипотечных банков. Ссуда выдавалась не из расчета количества земли или доходов хозяйства, а исходя из примерной оценки доходов крепостника как душевладельца. Капитал того или иного клиента банка определялся числом принадлежащих ему крестьян («ревисских душ»), вне зависимости от того, были ли они заняты в хозяйстве, являлись ли дворовыми или представляли собой оброчных крестьян, занимающихся промыслами вне пределов поместья. Обеспечением же долга служили не души, а населенное поместье, т. е. в случае неплаты долга продаже подлежали не души, а земля вместе с прикрепленными к ней крестьянами.

Введя такой порядок кредитования (просуществовавший без изменений до ликвидации крепостного права), Дворянский банк открывал широкую возможность для всего «благородного сословия» пользоваться дешевым кредитом.

В качестве попыток предотвратить безудержное пользование кредитом душа была оценена весьма низко — в 10 руб., хотя обычная цена за душу в то время была 30 руб.¹ Кроме того, запрещалось выдавать ссуду сроком более чем на три года. Неплатежщикам указ грозил продажей их имущества с аукциона. Дворянам, не имевшим достаточной недвижимости, ссуды выдавались сроком не более чем на год, да и то при условии «знатных и пожиточных» поручителей.

¹ В. Семевский, Крестьяне в царствование Екатерины II, стр. 170.

Весь капитал банка составлял сравнительно небольшую сумму — 750 тыс. руб.¹ и поэтому в банке одновременно могло быть заложено только 75 тыс. душ (т. е. около 2% всех помещичьих крепостных). Несмотря на это, учредителям банка представлялось, что самое существование государственного кредитного учреждения и установление максимального размера процента положат конец грабежу ростовщиков. Скоро, однако, обнаружилась беспочвенность подобного оптимизма.

Средства банка, как и следовало ожидать, были очень быстро разобраны. Петербургская контора получила на ведение операций 250 тыс. руб. (остальные 500 тыс. руб. были предоставлены Московской конторе); кроме того, ей была передана 21 тыс. из Главного почтамта. В 1754 г. контора выдала ссуду на 228 тыс. руб. В последующие годы контора могла выдавать новые ссуды только за счет получаемых процентов, поскольку она не принимала вклады. В 1755 г. контора выдала ссуду на 56 тыс. руб., в 1756 г. — на 69 тыс. руб., в 1757 г. — на 46 тыс. руб. Росли недоимки: к 1757 г. их уже насчитывалось 80 тыс. руб.²

Уже первые шаги банка показали необходимость внесения реформ в его устав. Вскоре было разрешено выдавать мелкие ссуды (менее 500 руб.); в залог стали брать наряду с населенными поместьями каменные дома.

В начале деятельности банка у него было 400 заемщиков³. Банковские ссуды распределялись весьма неравномерно. Основная часть капитала разошлась среди небольшой группы придворной знати. Дальнейшая практика привела к расширению круга дворян, которым предоставлялось право пользоваться ссудами банка. Еще в 1756 г. наряду с российскими дворянами этим правом стали пользоваться и дворяне-землеладельцы Лифляндии и Эстляндии⁴. После первого раздела Польши операции банка были распространены на белорусское дворянство⁵, а в 1783 г. — на «малороссийские» поместья⁶.

В 1766 г. банк постановил оценивать крестьянскую душу по крайней мере в 20 руб.⁷; в дальнейшем оценка крестьянской души еще повысилась, отражая требования дворян и удорожание крестьян на рынке (в 1786 г. — 40 руб., в 1801 г. — 60 руб.)⁸.

¹ По предложению Сената эту сумму решено было заимствовать из денег «собираемых с вина» (С. Соловьев, История России, кн. V, СПб., стр. 787). Для того чтобы получить более ясное представление о размере этой суммы в условиях того времени, напомним, что государственный бюджет в 1764 г., да еще через десять лет, составляла немногим более 18 млн. руб.

² ЦГАДА, д. № 3068, л. 374.

³ ПСЗ I, т. XIX, № 14115.

⁴ Там же, т. XIV, № 10529.

⁵ Там же, т. XX, № 14536.

⁶ Там же, т. XXI, № 15791.

⁷ Там же, т. XVII, № 12800.

⁸ Там же, т. XXII, № 16407; т. XXVIII, № 21512.

Как ни умеренна была по сравнению с ростовщической процентная ставка Дворянского банка, все же зачастую оказывалось, что только на уплату процентов требовалась сумма, превышающая доход с поместья. Так, поместья умершего в 1764 г. князя Куракина приносили доход в 7,5 тыс. руб. в год, а его долг составлял 207 тыс. руб. и одних процентов следовало уплачивать ежегодно 12,4 тыс. руб.¹

По уставу банка ссуды выдавались сроком не более чем на три года с обязательством своевременной и полной оплаты процентов. Но клиентам банка, имевшим связи в правительственных сферах, часто удавалось получать льготы. Например, по просьбе лейб-гвардейца Салтыкова Сенат разрешил ему отсрочку внесения очередных процентов. Когда и после этого Салтыков не покрывал своего долга и встал вопрос о продаже его поместья за долги, появился поручитель — купец Палам, и Салтыкову была предоставлена новая отсрочка. В 1759 г. банку было приказано пересчитать еще на один год долг генерал-поручика Чернышева и т. д.²

Постепенно устав банка «исправлялся» в сторону удлинения срока ссуд и увеличения размеров выдачи под душу. Ходатаем за удлинение срока ссуд выступил инициатор учреждения банка П. Шувалов. В длинном «Предложении» (от 3 октября 1757 г.) он описывал ту громадную пользу обществу, которую, по его мнению, принесло основание банков. Однако, указывая Шувалов, «полезнейшее дело к крайнему разорению фамилий последовать может», если банк сейчас потребует возвращения (в соответствии со своим уставом) ссуд. Это вызвало бы катастрофический рост процентной ставки. Поэтому Шувалов предлагал отсрочить ссуду по крайней мере на один год³, хотя было очевидным, что через год положение дворян не могло измениться.

Когда прошли первые три года деятельности банка, а дворяне продолжали проявлять нежелание покрывать долги, было дозволено продлить срок ссуд еще на один, т. е. на четвертый, год⁴. Через полтора года (в 1759 г.) было приказано продлить срок ссуд до указа⁵. Наконец, в 1761 г. был издан указ о продлении срока ссуд до 8 лет⁶.

Таким образом, деятельность банка носила явно классовый характер. Его основной задачей было поддерживать разоряющееся дворянство как основу феодального государства. В этих целях предусматривалось, что если имение перейдет в собственность банка,

то и тогда оно фактически должно остаться в руках помещика-закладчика. Указ 1759 г. говорил: «которое имение за неплатеж данно вступило в конфискацию, оное отдавать возвратно в посессию помещикам со взятием обыкновенных процентов⁷». А указом 1761 г. устанавливался порядок, при котором одна десятая дохода с имения, отписанного в банк, должна была поступать на содержание помещика, а после покрытия всех недоимок имение возвращалось бывшему владельцу или его наследникам⁸.

В собственность банка поместья неплательщиков-дворян переходили в очень редких случаях. Но и тогда положение крепостных крестьян не улучшалось. Законом предусматривалось, что крестьяне имений, перешедших банку, должны были платить оброк не меньших размеров, чем они платили помещику⁹.

С первых же дней существования Дворянского банка появились авантюристы, ставшие прототипами для гоголевского Чичикова. Они стремились получить ссуды под «мертвые» или несуществующие души. Так, смоленский помещик Путята в 1754 г. просил ссуду в 300 руб. под имение, за которым, по его словам, числилось 38 душ. При проверке выяснилось, что у него нет ни имения, ни крепостных крестьян¹⁰. В 1757 г. в такой же сфере был уличен авантюрист Бочаров. Он заложил имение, в котором якобы числилось 25 душ, фактически же было только 4¹¹.

Кассы Дворянского банка быстро опустели, что вызвало недоверие со стороны тех, кому ничего не досталось. В дни кратковременного царствования Петра III, когда в правительстве оказалась новая группа фаворитов и приближенных, которой не удалось пользоваться средствами банка, был издан указ (от 26 июня 1762 г.). В нем отмечалось: «хотя банки имели служить для вспоможения всему обществу, но нам известно, что ссудествие весьма мало соответствовало намерению и банковые деньги оставались большей частью в одних тех руках, коим розданы с самого начала»¹². Предлагалось срочно собрать розданные ссуды и ждать дальнейшего указа по банковому делу.

Однако реальных последствий цитированный указ не имел, так как он был издан в предпоследний день царствования неудачного императора.

2. МЕДНЫЙ И АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ БАНКИ

Поскольку капиталы Дворянского банка оказались замороженными в бесконечно пролонгируемых ссудах, в качестве источников

¹ Э. Коган. Воинские крестьяне пензенского поместья Б. Куракина, «Исторические записки», т. 37, 1951, стр. 105.

² ЦГАДА, Указ, фонд, д. № 3068, л. 202.

³ Там же, л. 346 и след.

⁴ ПСЗ 1, т. XIV, № 10783.

⁵ ПСЗ 1, т. XV, № 10973.

⁶ ПСЗ 1, т. XV, № 11344.

⁷ ПСЗ 1, т. XV, № 10973.

⁸ ПСЗ 1, т. XV, № 11344.

⁹ ПСЗ 1, т. XVII, № 12337.

¹⁰ ПСЗ 1, т. XV, № 2792, л. 430.

¹¹ ЦГАДА, д. № 3068, л. 1 и след.

¹² ПСЗ 1, т. XV, № 11581.

кредитования были использованы другие учреждения. В 1758 г. была основана «Банковая контора для обращения внутри России медных денег» (так называемый Медный банк). По уставу и проекту его учредителя П. Шувалова банк должен был способствовать привлечению в казну серебряной монеты. Выдавая ссуды под переводные векселя медной монетой (из 6%), банк требовал от заемщика возвращения ссуд на 75% серебряной монетой. Предполагалось также, что Медный банк будет обогатить циркулирование медной монеты в стране (вместо перевозок громоздкой медной монеты можно было в Москве получить ассигновку на Петербург, и наоборот)¹. Вместе с тем банку было разрешено выдавать ссуды под души, по аналогии с Дворянским банком.

Для своих операций Медный банк получал от казны 2 млн. руб. медью. Эти деньги (хотя и медные!) оказались очень соблазнительными, и банк очень скоро раздал их в виде ссуд.

В 1761 г., в самый разгар финансовых затруднений, вызванных затянувшейся войной, П. Шувалов предложил провести обязательную переканку всей обращающейся медной монеты в целях уменьшения ее веса. Это должно было дать, по его расчетам, доход в 12 млн. руб. Из этих денег он предполагал ассигновать 5 млн. руб. на военные нужды, полмиллиона — на улучшение водных путей сообщения, а 5 млн. руб. должны были направиться в Медный банк для раздачи в виде ссуд из 4%. Ссуды предполагалось выдавать «под заклад стоющих вещей и деревень, считая ревизскую мужского пола душу в 20 руб.», а также и без залога, «с надежными поруками». Естественно, что это открыло огромные возможности для всяких злоупотреблений.

Предложение Шувалова было в некоторой части реализовано 7 января 1762 г., когда Петр III подписал указ о превращении «двумиллионного банка» в «шести миллионный»².

Правда, Медный банк, ликвидированный вскоре после свержения Петра III, не успел раздать такой громадной суммы, хотя количество выданных им ссуд значительно превысило первоначально ассигнованные два миллиона.

На протяжении всего XVIII в., столь богатого фактами безысходного расхищения господствующим классом народных средств, вряд ли что может сравниться с тем размером казнокрадства, какое открывается при просмотре архивных бумаг Медного банка. Больше всех «попользовался», по-видимому, сам Шувалов, который про-

водил реформу, по словам Екатерины II, «хотя и не весьма для общества полезные, но достаточно прибыльные для него самого». По неполным данным, Шувалов получил на 469 374 руб. ссуд. канцлер Воронцов — 180 тыс. руб., Нарышкин, генерал-поручик Габов, Репнин и Каменской по 100 тыс. руб. каждый и т. д. В списке должников банка можно встретить всех сколько-нибудь видных представителей придворной знати. Некоторые из них при получении ссуд не останавливались и перед прямым обманом. Так, канцлер Воронцов получил ссуду (не единственную) в размере 86 тыс. руб. под залог филианского поместья, в котором, по его словам, было 4 336 душ. Впоследствии выяснилось, что перенос в этом поместье не было, тамшние крестьяне не считались крепостными и дохода поместье давало только 1450 руб. в год и 635 бочек хлеба¹. В марте 1762 г. канцлер Воронцов обратился к Петру III с просьбой «повелевать из Медного банка выдать без процентов 300 тыс. руб.»².

Значительная часть средств Медного банка попала и в руки купцов и промышленников. Изменения в экономике страны заставили записать в его уставе о необходимости раздачи денег «в заем на всякая купечеству, помещикам, фабрикантам и заводчикам».

Громадный куш урвали «екатеринбургские надежные заводчики», которые были прежде всего душевладельцами. Находясь ближе всех к источнику благ (медная монета чеканилась тогда частично и на Екатеринбургском монетном дворе), они вняли на себя обязательство вернуть ссуду серебром в Петербурге³. Едва ли нужно говорить, что это обязательство осталось невыполненным.

Из средств Медного банка громадную сумму получали английский купец Гомм (300 тыс. руб.)⁴, директора астраханской персидской компании (102 тыс. руб.), известный откупщик таможенных сборов Шемяка (314 тыс. руб.) и др.⁵. По свидетельству князя М. Щербатова, все перечисленные выше люди были подставными лицами Шувалова⁶.

Среди должников банка числились тульские купцы: Богданов (75 тыс. руб.), Левенцов (40 тыс. руб.), Лугинин (75 тыс. руб.),

¹ «Сенатский архив», т. XII, СПб, стр. 535.

² С. Соловьев, Указ, соч., кн. 5, стр. 1299.

³ ПСЗ 1, т. XV, № 10863.

⁴ В. Яковлевский («Купеческий капитал в феодально-крепостнической России», М., 1953, стр. 123) на основании других архивных данных устанавливает еще большую сумму задолженности Гомма Медному банку — 563 тыс. руб., а «банку» (очевидно, речь идет о Дворянском банке) — 1 млн. руб.

⁵ ГАДА, д. № 3617, л. 49, 129 и след.

⁶ М. Щербатов. О повреждении нравов в России, СПб, 1906, стр. 59; Н. Фирсов, Расхиатели и расхищение народного достояния в России, сборник статей «Исторические характеристики и портреты», т. I, Казань, 1922, стр. 85.

¹ Тогда же «для облегчения коммерции» было предложено производить подобные переводные операции через соляные конторы, провинциальные канцелярии и т. д. (ПСЗ 1, т. XIV, № 10777). Принимались также и некоторые другие меры для облегчения денежных переводных операций (ПСЗ 1, т. XIV, № 10766, и т. XVIII, № 12419).

² «Сенатский архив», т. XII, стр. 516.

Родионов (75 тыс. руб.), московский купец Баташев (50 тыс. руб.) и др. Некоторые, сравнительно небольшие суммы (от 2 до 5 тыс. руб.) перепали отдельным ржевским, устюжским, калужским и другим купцам¹.

В 1762 г., в самые первые дни царствования Екатерины II, было издано специальное постановление о взыскании суд с фабрикантов². Однако это распоряжение в значительной части оставалось не выполненным.

Наряду с Медным банком одно время действовал другой своеобразный банк такого же типа и назначения — «Банк артиллерийского и инженерного корпусов», основанный в 1760 г. Он возник по инициативе того же П. Шувалова, который, как известно, соединял в своем лице дилетанта-финансиста и изобретателя-артиллериста. В проекте этого банка неожиданно нашли свой синтез разносторонние интересы Шувалова. В 1760 г. он предложил, чтобы впредь не было недостатка в деньгах, старые медные пушки перечекалить в монету и составившийся таким образом капитал передать в специальный Артиллерийский банк³. Есть данные предполагать, что Шувалов оказался не только основателем Артиллерийского банка, но и основным его клиентом.

По словам инициатора создания этого банка П. Шувалова, доходы его должны были пойти раньше всего на усовершенствование артиллерии. В указе очень выразительно было записано: «по как артиллерия главное оружие есть, то не могут быть ограничены ни труд, ни попечение, прилагаемое об ее благосостоянии, и нет пределу изобретениям, потребным к ее усилению..., а деньги во всех случаях главною помощию суть, без которых и самые лучшие распоряжения мертвы». Из средств этого «банка» в самые первые дни его существования была выдана ссуда в 200 тыс. руб. купцу Гому, связанному деловыми интересами с Шуваловым «для вспоможения коммерции в лесном торгу»⁴.

Медный и Артиллерийский банки совершенно не оправдали возлагаемых на них надежд. Они не способствовали улучшению денежного обращения и накоплению серебряной монеты. Банковские же операции по выдаче ссуд были превращены в незаулаживанную форму расхищения государственных средств. Ознакомившись в пер-

вые дни своего царствования с делами Медного банка, Екатерина II записала в дневнике, что Медный банк «трехмиллионный капитал почти весь роздал заводчикам (Урала), кои, умножая заводских крестьян работы, платили им беспорядочно, либо вовсе ничего, проматывая из казны взятые деньги в столицах»⁵.

В 1763 г. Медный и Артиллерийский банки были ликвидированы. Сколько ими было роздано ссуд, не могла установить даже специальная сенатская комиссия. Выявилось, что медный долг составляет 3231069 руб.⁶ Но эта цифра не была окончательной, поскольку не включала ссуды, выданные Артиллерийским банком (размеры последних остаются неизвестными).

Следует вообще отметить, что учет в кредитных учреждениях был крайне запущен. Хотя еще указ 1754 г. требовал, чтобы в конторах банка велись по примеру иностранных купеческих контор журналы и книги «двойными партиями» (очевидно, речь идет о двойной итальянской бухгалтерии), это не соблюдалось.

В 1758 г. при Медном банке были открыты (в Петербурге и Москве) «Банковые конторы вексельного производства между городами». В дальнейшем имелось в виду открыть местные конторы еще в 51 городе⁷, что не было осуществлено. Петербургская и Московская конторы вексельного производства по существу не функционировали и почти никакой роли не сыграли в развитии кредитных операций. Объяснялось это кратковременностью существования Медного банка, средства которого быстро исчезли в бездонных карманах кучки придворных казнокрадов.

3. ПРОЕКТ РЕОРГАНИЗАЦИИ ДВОРЯНСКОГО БАНКА И ВОПРОСЫ КРЕДИТОВАНИЯ В УЛОЖЕННОЙ КОМИССИИ 1767 г.

Дворянский банк не оправдал всех надежд дворянства. Когда в начале 60-х годов, т. е. через несколько лет после его основания, все средства Дворянского банка были розданы и «заморожены», возникла мысль о полной его реорганизации. Еще при Петре III был разработан план организации Государственного банка с эмиссионными функциями⁸. Он должен был, очевидно, заменить существовавшие банки и взять на себя задачи кредитования земледельцев.

Екатерина II отдавала себе полный отчет в том, что прочность ее положения определяется отношением к ней широких слоев дворянства. Поэтому она не могла обойти такой актуальнейший для

¹ ЦГАДА, д. № 3617, л. 46 и след. По другим документам (ЦГАДА, ф. 249, оп. 2, д. № 6449, л. 425—444) на апрель 1767 г. купцы были должны банку 927 тыс. руб., но в основном это были ссуды, полученные иностранцами. Долги русских купцов составляли только 281 тыс. руб. («Очерки истории Ленинграда», т. I, М., 1956, стр. 232).

² ПСЗ I, т. XVI, № 11624; «Сенатский архив», т. XI, СПб., 1904, стр. 226.

³ ПСЗ I, т. XV, № 11037.

⁴ Великий князь Георгий Михайлович, Монеты императрицы Елисаветы I и Петра III, т. I, СПб., 1896, стр. 225—226.

⁵ «Русский архив», 1865, стр. 477.

⁶ ЦГАДА, д. № 3617, л. 129.

⁷ Там же, л. 303.

⁸ ПСЗ I, т. XV, № 11550. Несколько документов о проекте Государственного банка опубликованы С. Соловьевым (см. Указ, соч. кн. 5, стр. 1259).

дворянства вопрос, как организация их кредитования. Став инициатором дела предоставления дворянству дешевого и льготного кредита, она позаботилась, чтобы выработанный при ее участии проект нового «статута» Дворянского банка был опубликован ко всеобщему сведению¹.

Проект предусматривал увеличение капитала Дворянского банка до 2,5—3 млн. руб., продление срока ссуд до 10—15 лет (вместо 8) и максимальный размер ссуды в 15—20 тыс. руб. (вместо 10 тыс.). Кроме того, дополнительные мероприятия гарантировали сохранение заложенных имений за их собственниками. Таким образом, реформа целиком была направлена на удовлетворение интересов дворян-закладчиков.

Новым в проекте было то, что банк, наряду с ссудными операциями, должен был приступить к приему вкладов, по которым выплачивалось 6% годовых. Довольно скоро часть этих мероприятий была реализована.

Проблемы дальнейшей реорганизации Дворянского банка и вообще вопросы организации дворянских кредитных учреждений стали предметом публичного обсуждения. В 1767 г. правительством была создана «Комиссия по составлению нового уложения». Основную массу депутатов комиссии составляли представители дворянского сословия. Исследователи деятельности Уложенной комиссии из лагеря консервативных историков всегда смущал неприкрытый узкоклассовый интерес, которым были пронизаны все выступления дворянских депутатов и дворянские наказы. Грубые и откровенные притязания дворянства на новые «блага за счет государства и всех других сословий нашли свое яркое выражение в дебатах по вопросу об организации государственных кредитных учреждений для дворян.

В основу работы Уложенной комиссии был положен Наказ, составленный Екатериной II, где вопрос о кредитовании был затронут только мимоходом². Наказы же, составленные отдельными дворянскими обществами, уделяли проблеме обеспечения дворянства дешевым кредитом очень заметное место.

Если представители воронежского дворянства высказались в очень общей форме о необходимости «лихому прощесью и совсем его пристойным порядком истребить»³, то оролевские и вологодские дворяне, а также нежинские и батумские шляхетство в своих наказах выдвигало требование об учреждении целой системы местных

дворянских банков, которые должны были действовать по образцу существовавшего центрального банка⁴.

Получив такие конкретные наказы от своих избирателей, дворянские депутаты не упускали случая, чтобы затронуть вопрос о кредите для дворянства. Уже на одном из первых заседаний дворянский депутат Веденев обратил внимание на необходимость строго придерживаться указов о пресечении ростовщичества и процитировал соответствующий петровский указ 1714 г.⁵ Другие дворянские депутаты имели подготовленные проекты реформы кредитных учреждений для дворян.

В этом отношении очень любопытно выступление депутата Трубневского уезда Г. Бровчина, в котором явно отразилось недовольство мелкопоместного дворянства деятельностью банка. На заседании 25 ноября 1767 г. он предложил переработать устав Дворянского банка таким образом, чтобы облегчить беднейшим дворянам получение небольших ссуд. Относясь весьма недоброжелательно к богатым заемщикам банка, Бровчин предлагал установить максимальный срок ссуды в три года. Это предложение, естественно, вызвало самые решительные возражения⁶.

Одновременно Бровчин предложил учредить в отдельных провинциях и губерниях местные дворянские банки, подведомственные губернаторам. Чтобы обеспечить капиталы для местных банков предлагалось отменить закладные и запретить дворянам занимать деньги под векселя⁷.

Это явно утопическое предложение нашло поддержку среди дворян. Кашиинский дворянин Кожин внес предложение обязать дворян, занимающихся ссудными операциями, сдавать свои деньги в банк, чтобы ими пользовались в качестве ссуд. Вместе с тем Кожин высказался против запрещения выдавать дворянам векселя, «ибо через это коммерция может много пострадать»⁸.

С не менее утопичным проектом выступил депутат Шишков. Он предлагал перевести всю накопившуюся задолженность дворянства на Дворянский банк, освободив таким образом «первствующее сословие» от оплаты высоких ростовщических процентов. Его не интересовало, откуда государство возьмет средства на проведение этой своеобразной «конверсии» дворянских займов.

Уложенная комиссия довольно рано и неожиданно закончила свое существование, не оформив ни одного законодательного акта. Однако дальнейшее изложение истории дворянских банков в России

¹ ПСЗ 1, т. XVII, № 12719.

² Только два параграфа Наказа упоминают банки. Параграф 238 говорит в самых абстрактных выражениях о роли банка и торгового кредита, а § 323 — об эмиссионном банке. По предположению Н. Чеумилова («Об источниках наказа», Журнал министерства народного просвещения», 1902, № 4), § 238 — цитата из Н. Бинальфельда, а § 323 — выписка из Монтескье.

³ Сборник РИО, т. 68, стр. 355.

⁴ Сборник РИО, т. 68, стр. 527; т. 14, стр. 461; т. 68, стр. 144.

⁵ Там же, т. 4, стр. 176.

⁶ Там же, стр. 202 и 213.

⁷ Там же, стр. 203. К этому предложению присоединилось еще несколько дворянских депутатов (там же, стр. 208 и 213).

⁸ Там же, т. 8, стр. 307.

покажет, что почти все пожелания по вопросу об организации дворянского кредита, прозвучавшие в Комиссии, были так или иначе реализованы в законодательной практике.

4. ДВОРЯНСКИЙ БАНК в 60–80-е годы XVIII в. (до 1786 г.)

Как уже отмечалось, первоначальный устав Дворянского банка (так же, как Коммерческого) не предусматривал приема вкладов. Хотя в 1764 г. в одном из указов говорилось о желательности привлечения банками вкладов от «партикулярных людей», единственным вкладчиком Дворянского банка был учрежденный в 1764 г. Воспитательный дом.

Опыт банка показал, что очень легко давать деньги и ссуду, но очень трудно получить их обратно, так же как нелегко взимать проценты по ссудам. Отсюда, естественно, возникло опасение, что полученные вклады невозможно будет вернуть по затребованию и что неоткуда будет брать средства для выплаты процентов вкладчикам. Поэтому Дворянский банк в течение нескольких лет отказывался принимать вклады.

Однако правительственные круги настаивали на расширении функций Дворянского банка за счет развития пассивных операций. В 1770 г. был издан указ, предписывавший банку прием частных вкладов, так как это «почтается для государства полезным»¹. Тогда же были установлены условия проведения банком пассивных операций: по вкладам решено было платить 5% годовых, из денег вкладчиков давать ссуды в размере от 1 тыс. до 25 тыс. руб.²

Сначала число вкладчиков было в общем весьма невелико. В 1774 г. в Дворянском банке числилось «58 капиталов, разным лицам и персонам принадлежащих»³. В 1775 г. в Московскую контору Дворянского банка поступило 295 тыс. руб. от Воспитательного дома и 854 тыс. руб. от «партикулярных» лиц. Однако, несмотря на сравнительно незначительные размеры вкладных операций, Московская контора должна была признать свою несостоятельность. «Замороженные» в долгосрочных непогашенных ссудах средства весьма редко возвращались в кассы, и конторы не в состоянии были удовлетворить требования о возврате вкладов⁴.

Высшие правительственные круги были обеспокоены состоянием банковского кредита. Банкам было предложено впредь деньги, полученные в виде вкладов от частных лиц и учреждений, не смешивать с остальными капиталами и отдавать только в наиболее обеспеченные ссуды. Далее предписывалось, в первую очередь удовлетворять

требования привилегированного вкладчика — Воспитательного дома и только потом возвращать вклады и уплачивать проценты частным вкладчикам «по старшинству, что прежде о возврате объявляемые подали»⁵. Тогда же был издан указ, в котором в торжественной форме гарантировались банковские вклады⁶.

Чтобы предотвратить часто нависавшую над банком угрозу банкротства, в 1776 г. правительство отпустило Дворянскому банку 200 тыс. руб. специально «как случится требование от частных капиталистов»⁷. Вместе с тем выяснилось, что нельзя рассчитывать на расширение ссудных операций Дворянского банка за счет привлеченных частных вкладов.

Между тем требования к банку все более росли. Недостаток продолжал жаловаться на отсутствие ростовщиков, на недостаток средств и т. д. Эти жалобы отражали неизбежное в условиях развития капиталистического уклада прогрессирующее увеличение разрыва между потребностями дворянства в денежных доходах и реальными возможностями, создававшими эксплуатацию крепостного труда с его примитивной техникой и крайне низкой производительностью.

Дворянское государство, безусловно, не могло оставаться безучастным к требованиям дворянства. Средства, которые раздавались в виде ссуд крепостникам, в годы царствования Екатерины II выросли во много раз по сравнению с предшествующим периодом. Основным источником увеличения капиталов Дворянского банка являлся государственный бюджет, т. е. в конечном счете средства, выжимаемые путем всевозможных поборов и податей с крестьян. Иначе говоря, кредитование землевладельцев превращалось в специфическую форму перераспределения национального дохода в пользу крепостников.

Как указывалось в одном официальном документе, с 1762 по 1786 г. в дополнение к первоначальному капиталу Дворянский банк получил около 6 млн. руб. для поправления состояния дворянства⁸.

Новым, весьма действенным средством значительного увеличения капитала стал выпуск в обращение бумажных денег. Рост товарного обращения в условиях формирования капиталистического

¹ ПСЗ 1, т. XX, № 14322.

² Там же, № 14338.

³ Там же, № 14820.

⁴ Там же, т. XXII, № 16408. При определении реального увеличения средств банков следует учитывать уменьшение покупательной силы рубля на протяжении второй половины XVIII в. При неизменявшемся содержании чистого серебра в рубле (405 долей) покупательная сила его значительно уменьшилась. По данным С. Струмилина («История черной металлургии», т. I, стр. 273), цена хлеба за это время выросла более чем в 4 раза.

¹ ПСЗ 1, т. XIX, № 13481.

² Там же, № 13701.

³ Там же, № 14115.

⁴ Там же, т. XX, № 14273.

уклада вызвал необходимость развития орудий денежного обращения. Существование сложившегося централизованного государства и национального рынка создало благоприятные условия для упрочения в России бумажно-денежного обращения на сравнительно раннем этапе развития капиталистических отношений.

Выпуск бумажных денег (ассигнаций) в России начался в 1769 г., для чего в Петербурге и Москве были учреждены два банка «для вымена государственных ассигнаций». В 1786 г. эти оба «променных банка» были реорганизованы в Государственный ассигнационный банк.

Вначале правительством был разрешен выпуск ассигнаций на 1 млн. руб., причем они имели 100% покрытия металлической (медной) монетой. Тогда же возникла мысль о предоставлении Дворянскому банку 200 тыс. руб. из первой эмиссии. Однако при спешном распределении первого миллиона бумажных денег в ассигновании Дворянскому банку было отказано¹.

Но уже в 1770 г. некоторая (нам неизвестная) сумма ассигнаций была выдана Дворянскому банку «для раздачи под заклад деревень, товаров и вещей»². В 1771 г. было передано Дворянскому банку 600 тыс. руб. «для раздачи займам дворянству»³, а в 1773 г. — еще 800 тыс. руб. Такие щедрые выдачи денег Дворянскому банку вызвали возражения со стороны более дальновидных государственных деятелей, в частности Г. Орлова. Действительно, к тому времени было выпущено на 18 млн. руб. ассигнаций и уже существовал небольшой лаг на серебро.

По данным генерал-прокурора Вяземского к 1775 г. банк выдал ссуд дворянам на 4,3 млн. руб. Всего, по имеющимся официальным данным, до 1786 г. из «променных банков» на кредитование дворянства было отпущено 4,5 млн. руб.⁴

Средства Дворянского банка пополнялись и за счет других источников. Так, в 1782 г. ему были переданы пассивы прекратившей к тому времени деятельность Коммерческого банка. Учитывая, что еще в 1764 г. на балансе Коммерческого банка числилось 802 тыс. руб., надо полагать, что от этого источника в Дворянский банк поступило не менее 1 млн. руб.

Среди арсенала разнообразных средств, которыми царизм пытался укрепить пострадавшее в ходе крестьянской войны здание крепостничества, известное место заняли мероприятия в области кредита.

Стремясь оказать помощь помещикам, «которых разорение мучившего возмущения касалось», правительство в 1775 г. предоставило Дворянскому банку 1,5 млн. руб. А поскольку выпуск ассигнаций был ограничен двадцатью миллионами рублей, пришлось разрешить добавочную эмиссию на нужды Дворянского банка¹.

Для распределения этих специальных кредитов были созданы особые экспедиции в Оренбурге, Казани и Нижнем Новгороде, о чем сообщалось в манифесте, обнародованном 31 марта 1775 г.²

Условия выдачи ссуд были чрезвычайно льготными. Они выдавались на 10 лет (первые три года заемщики платили только 1%, а потом 3%). Под каждую душу давали 40 руб., под фабрики и заводы — сумму, не превышающую двойной годовой оборот.

Размер ссуд был весьма разнообразным: от 25 тыс. руб. до 80 руб. Наиболее распространенными были ссуды в 1—2 тыс. руб.³ Большие суммы получили уральские промышленники-крепостники (Твердышевы — 180 тыс. руб., Демидовы — 30 тыс. руб.⁴ и т. д.). К 1 января 1776 г. казанской экспедицией было выдано по 189 прошениям 394 тыс. руб. Всего же ею было удовлетворено 248 прошений.

Исключительно льготные условия кредита, однако, не сделали помещиков, получивших ссуды из банковских экспедиций, более аккуратными клиентами Дворянского банка. К 1778 г. все три экспедиции должны были получить 45 тыс. руб. в виде процентов по ссудам, но ими было собрано только 400 руб.⁵

В 1785 г. особые экспедиции были ликвидированы и операции по выданным ими ссудам были переданы в Московскую контору Дворянского банка. Таким образом, эти ссуды окончательно растворились в общей массе дворянской задолженности.

3. ПЛАНЫ РАСШИРЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕДИТНЫХ ОРГАНОВ. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ БАНКА ДЛЯ ДВОРЯНСТВА В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАЕМНЫЙ БАНК (1786 г.).

Если дворянско-крепостническая направленность кредитной политики полностью соответствовала интересам господствующего класса, то масштабы кредитования никак не могли удовлетворить его запросы.

¹ Сборник РИО, т. 10, стр. 313—314.

² «Архив Государственного совета», т. I, ч. 2, СПб, 1869, стр. 515.

³ Там же, стр. 523.

⁴ Там же, стр. 546; А. Куломзин, Государственные расходы и доходы в царствование Екатерины II, сборник РИО, т. 3, 1870, стр. 228—229.

¹ «Архив Государственного совета», т. I, ч. 2, стр. 532.

² ПСЗ I, т. XX, № 14285.

³ Е. Подъяпольская, К вопросу о дворянской задолженности в конце XVIII века, «Известия Нижнепольского института краеведения им. М. Горького», т. 3, Саратов, 1929, стр. 8.

⁴ Д. Каширин и др., История металлургии Урала, ч. I, М., 1939, стр. 160.

⁵ «Архив Государственного совета», т. I, ч. 2, стр. 534.

Последняя четверть XVIII в. характеризуется дальнейшим развитием капиталистического уклада, созревавшего в недрах феодально-крепостнической системы. Углубление общественного разделения труда, рост товарного производства, увеличение удельного веса промышленных предприятий капиталистического типа — все это, конечно, отразилось на состоянии помещичьего хозяйства.

По имеющимся подсчетам, к началу XIX в. для продовольственных нужд городского и промышленного населения и жителей северных губерний ежегодно закупалось хлеба примерно на 130 млн. руб. серебром, а для армии — на 11 млн. руб.¹. Большое количество хлеба покупалось также для переработки на водку. В соответствии с этим росла товарность сельского хозяйства.

Значительно увеличился вывоз хлеба на внешние рынки (с 60 до 90-х годов XVIII в. примерно в 4—5 раз). Но еще большее значение имел вывоз пеньки и льна. Если в последние годы XVIII в. хлеба вывозили в год на 2,8 млн. руб., то пеньки — на 8,4 млн. руб., а льна — на 5,2 млн. руб.².

Одновременно с ростом товарности повышались денежные доходы помещиков от сельского хозяйства. Те землевладельцы, материальное благополучие которых зиждилось на взимании оброков с крепостных, также имели все возрастающие денежные доходы. Особенно же большие доходы получали душевладельцы, которые обладали «капиталистскими крестьянами», ведшими крупные торговые или промышленные операции. Однако уровень производительных сил и производительности труда неизбежно оставался крайне низким. Рост товарности сельского хозяйства достигался не за счет увеличения урожайности, а в основном за счет увеличения посевных площадей (главным образом в результате освоения новых территорий) и за счет предельного усиления эксплуатации крепостного крестьянства. Следует при этом учесть частые, неизбежные в условиях примитивной агротехники неурожаи³.

Для экономики того периода характерны нестрога цен на продукты сельского хозяйства в разных районах, а также колебания цен в зависимости от погодных условий и стихийных явлений. В результате постоянно увеличивался разрыв между доходами дворян и их потребностями в денежных поступлениях. Этот разрыв в своей значительной части покрывался за счет кредитных операций.

То обстоятельство, что помещичьи хозяйства все больше втягивались в стихию товарно-денежных отношений, создавало объектив-

ные экономические предпосылки для увеличения объема кредитования землевладельцев. Понятно, что с увеличением денежных доходов помещиков росла их кредитоспособность, увеличивалась потребность в ссудах и возрастала задолженность официальным кредитным учреждениям и ростовщикам.

Общая масса дворянских долгов росла как абсолютно, так и относительно (по отношению к стоимости их имущества). Это тоже было совершенно закономерно в условиях феодально-крепостнического строя, когда выдача ссуд рассматривалась как средство поддержания господствующего сословия. Не прекращающийся рост задолженности дворянства обуславливался еще и тем, что помещики использовали ссуды в подавляющей части не на производственные нужды, а на паразитическое потребление.

Дальнейшее расширение кредитования дворянства на льготных условиях государственными учреждениями тормозилось вследствие недостатка средств у Дворянского банка. Новые ассигнования за счет казны стали невозможны из-за постоянных финансовых затруднений правительства.

Медленное развитие производительных сил и дворянско-сословная направленность фискальной политики чрезвычайно суживали источники государственных доходов. Между тем царский двор по-прежнему тратил очень заметную часть бюджета (до 11%). Росли затраты на укрепление дворянско-крепостнического государства, потрясенного крестьянской войной под предводительством Пугачева. В 1763 г. внутреннее управление поглощало 37,5% бюджета, а в 1781 г. — 54,2%. В условиях новой активизации внешней политики России армия и флот предъявляли большие и неотложные требования к государственному казначейству (в 1763 г. — 53%, в 1781 г. — 34,3%)⁴.

По подсчетам Н. Чечулина общая сумма расходов государственного бюджета за 1762—1796 гг. составила 1615 млн. руб., а обыкновенных доходов — 1415 млн. руб.⁵. Дефицит был покрыт внешними займами, а главное — выпуском ассигнаций.

Количество выпущенных в обращение ассигнаций прогрессивно росло и скоро значительно превысило установленный в 1774 г. лимит (20 млн. руб.). К 1786 г. было выпущено ассигнаций на 46 млн. руб.⁶.

В 1785 г., предвидя дальнейшее увеличение дефицита, генеральный прокурор князь Вяземский представил Екатерине II обширный доклад, в котором предлагал увеличить ставки некоторых налогов

¹ В. Яковлевский, Указ. соч., стр. 37.

² С. Покровский, Внешняя торговля и внешняя торговая политика России, М., 1947, стр. 118 и 132.

³ В XVIII в. зарегистрировано 34 неурожайных года. Особенно сильные неурожаи были в 1771, 1786—1787 гг.

⁴ Н. Чечулин, Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II, стр. 313.

⁵ Там же, стр. 318.

⁶ М. Кашкаров, Денежное обращение в России, т. 1, СПб., 1898, стр. 2—5; И. Кауфман, Из истории бумажных денег в России, СПб., 1909, стр. 11 и след.

и ввести несколько новых видов обложения¹. План Вяземского был, однако, отклонен.

Известный государственный деятель того времени Безбородко высказался за расширение эмиссии Ассигнационного банка². Директору Ассигнационного банка Шувалову, который тоже неоднократно отстаивал эту точку зрения, было предложено составить соответствующий план.

В начале 1786 г. была организована комиссия, которой было поручено рассмотрение предложения Шувалова. В докладе комиссии, представленном 15 июня 1786 г.³, отмечалось, что найденное средство, не только облегчающее финансовые затруднения, но и представляющее собой источник умножения богатства. Средство это заключалось в предоставлении Ассигнационному банку права выпуска ассигнаций на 100 млн. руб. (с зачетом уже находившихся в обращении), без увеличения металлического покрытия. Авторы предложения заявляли, что рост эмиссии не может иметь никаких вредных последствий, особенно «в рассуждении великого пространства земель России»⁴.

По мнению комиссии, реализация предложения Шувалова сулила большие выгоды. Казначейство сразу получало большое денежное подкрепление (18 млн. руб.), которым могли быть покрыты долги кабинета и часть государственного долга. Казначейству можно было на два года отсрочить платежи в банк. Но основное достоинство этого предложения комиссия видела в том, что оно открывало возможность пополнить капитал банков с тем, чтобы увеличить выдачи ссуд дворянам и купцам. Это мероприятие, по словам комиссии, «обуздывает лихву, унижает указанные проценты, устроит частное хозяйство, подает способы к распространению или к лучшему учреждению хлебопашества и умножению всяких произрастаний... служат знатной выгодой для торговля и для городов...». Все это, по мысли авторов записки, вполне оправдало необходимость увеличения количества бумажных денег: «В обобщенном соображении

полезности и вреда обретаем мы весьма выгодный изворот в учреждении нового Заемного банка».

Заемный банк основывался для выдачи ссуд дворянам в размере 22 млн. руб. (с зачетом раньше выданных Ассигнационным банком 4,5 млн. руб.), а городам — 11 млн. руб. Ссуды дворянам должны были выдаваться сроком на 20 лет из 8%, а городам — на 22 года из 7%.

Основываясь на фантастическом предположении, что все деньги будут сразу выданы, а выплата процентов и погашение будут производиться полностью и без всякого промедления, Шувалов «доказывал» математически, что эта операция принесет казне чистого дохода свыше 19 млн. руб. Наряду с этим Шувалов представил план использования этих средств. Тут было и покрытие кабинетного долга, и строительство дороги между Петербургом и Москвой, и даже погашение трехмиллионной ссуды, выданной Потемкину на нужды Таврического края и т. д.

С особым красноречием и подробностями изображали авторы проекта выгоды, которые извлекут из Заемного банка дворяне-землевладельцы.

Исходя из того, что авторы проекта — видные члены правительства — были хорошо осведомлены о финансовом положении страны, о делах Дворянского банка, трудно предположить, что они действительно верили в реальность представленных ими расчетов. Например, авторы проекта предлагали выдавать под крепостную душу 40 руб., что при 8% годовых составляло 3 р. 20 к. А между тем средний денежный оброк составлял в то время только 3 руб. Естественно, при таких условиях нельзя было рассчитывать на аккурратную уплату процентов и погашение долга.

Пускаясь в рассуждения о том, что земледельцы, как фабрика, требуют вложения капитала, что «дворяне, особливо в селениях своих живущие, суть российские фермеры» и т. п., авторы проекта пытались несколько завуалировать классово-корыстный характер своего плана расширения государственных средств.

Довольно подробно, хотя и менее красноречиво, рисовала комиссия пользу, которую извлекут из развития кредита города.

Предложения комиссии были полностью приняты Екатериной II¹, несмотря на предостережения генерал-прокурора Вяземского². Члены комиссии были щедро вознаграждены.

Еще до того, как проект комиссии вылился в определенные законодательные акты, о предстоящем открытии банка узнал до-

¹ Записка Вяземского опубликована А. Куломзинным в книге «Финансовые документы царствования Екатерины II», т. 1 (сборник РИО, т. 28, 1880, стр. 258—261). Подробнее о планах Вяземского см. также Н. Чечулин, Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II, стр. 334—339.

² Сборник РИО, т. 28, стр. 270—283.

³ Заключение комиссии опубликовано в «Архиве Государственного совета», т. I, ч. 2, стр. 536—562.

⁴ В этой связи следует привести замечания французца Рулье, побывавшего в России в те годы, который видел в деспотизме основу русского кредита. По его словам, сила деспотизма в России настолько велика, что она может «листьям с дерева придать стоимость драгоценных металлов». В другом месте он говорит, что в России «легче и менее опасно сбросить с престола самодержца, чем дискредитировать банк» (Cl. Rulhière, Histoire de l'anarchie de Pologne, v. II, Paris, 1807, pp. 238—239).

¹ Как видно из записок секретаря Екатерины II Храповицкого, она еще в 1784 г. заинтересовалась делами Дворянского банка и потребовала еще законодательные материалы по этому вопросу (А. Храповицкий, Дневник, М., 1901, стр. 363).

² «Архив Государственного совета», т. I, ч. 2, стр. 536.

вольно широкий круг заинтересованных дворян; эта новость возбуждала живейшие надежды. Они ждали, что основание Заемного банка приведет к росту цен на земли. Князь Львов в письме поэту Г. Державину (от 19 июня 1786 г.), сообщая о предстоящем открытии банка, советовал воздержаться от продажи деревень¹.

28 июня 1786 г. был обнародован манифест, возмещавший о реорганизации Дворянского банка в Государственный заемный банк. В манифесте организация Заемного банка изображалась как величайшее благодеяние, оказываемое народу в ознаменование двадцатипятилетия царствования.

Создание Заемного банка явилось новым ярким свидетельством дворянско-крепостнической направленности кредитной политики царского правительства. Были не только значительно расширены денежные средства, предоставляемые в качестве ссуд дворянам, но и условия кредитования стали еще более выгодными. Срок ссуд был удлинен до 20 лет. Ссуды должны были выдаваться, как и раньше, под населенные деревни из 5% годовых. Кроме того, ежегодно должны были уплачиваться 3% от всей суммы в погашение долга. Таким образом, предполагалось, что за 20 лет долг будет полностью погашен. Через каждые 4 года соответствующая погашенной доле ссуды часть имущества должна была возвращаться в полное распоряжение заемщика. Заемному банку разрешалось также осуществлять депозитные операции с оплатой по вкладам 4,5%.

11 января 1787 г. Государственный заемный банк открыл свои операции². Однако практические результаты деятельности Заемного банка оказались в резком несоответствии с теми широкими планами, которые были с ним связаны.

В первую очередь это явилось следствием сильнейших финансовых затруднений, которые испытывало правительство в те годы. Турецкая война (1787—1791 гг.), война со Швецией (1788—1790 гг.), раздоры Польши (1793 и 1795 гг.), международные осложнения, вызванные буржуазной революцией 1789 г. во Франции, и т. п. привели к громадному росту военных расходов. В 1788—1791 гг., кроме усиленных ассигнований на армию и флот (примерно 25—26 млн. руб. в год), ежегодно на ведение военных операций выделялось дополнительно 15—16 млн. руб.³. К этому надо прибавить еще сильнейший неурожай 1786—1787 гг.

Громадный бюджетный дефицит имел место из года в год, о чем свидетельствует следующая таблица⁴:

Годы	Доходы (подати и сборы)	Расходи	Дефицит
1787	54,9	66,7	11,8
1788	54,0	76,1	22,1
1789	55,3	79,2	23,9
1790	59,0	82,7	23,7
1791	59,4	84,8	25,4
1792	58,7	72,5	16,8
1793	57,9	76,4	18,5
1794	59,2	72,3	13,1

Образовавшийся дефицит покрывался главным образом за счет эмиссии ассигнаций. В 1796 г. внешний долг России составил 33 млн. руб., внутренний (неоплаченные счета к правительственным учреждениям) — 15,6 млн. руб.⁵, а выпуск ассигнаций достиг 156,7 млн. руб., что более чем в полтора раза превысило эмиссионное право банка.

В 1786 г. был прекращен размен ассигнаций на серебро. По мере роста инфляции курс их непрерывно падал: в 1786 г. — 103 руб., а в 1795 г. — 146 руб. за 100 руб. серебром. В этих условиях правительство не решилось предоставить Заемному банку новые суммы ассигнациями, о которых так широко вещательно сообщалось в манифесте.

Верное своим классовым интересам, правительство прежде всего отказалось предоставить банку обещанные 11 млн. руб. для кредитования городов (купчества). Хотя сообщалось, что эти деньги только временно предоставлены казначейству, а «когда настанет к тому удобность» они будут использованы по своему назначению, но такой момент так и не наступил⁶. Таким образом, основание Заемного банка не приблизило к разрешению проблему организации дешевого купеческого кредита.

Вскоре, однако, правительство вынуждено было отказаться и от выдачи Заемному банку 22 млн. руб. на расширение операций по кредитованию помещиков⁷. Из этого, конечно, не следует, что Заемный банк прекратил операции по выдаче ссуд землевладельцам.

¹ Н. Чечулин, Указ. соч., стр. 373.

² «Акт Государственного совета», т. I, ч. 2, стр. 440—441, 446 и 574; Н. Боржесский, Государственные долги России, СПб. 1884, стр. 65—69.

³ П. Мигулин («Нава банкова политика», Харьков, 1904, стр. 10).

⁴ Н. Боржесский (Указ. соч., стр. 63) и Л. Ходаский («Помещичий кредит в России», М. 1882, стр. 69) не сомневались в том, что ассигнование на расширение кредитования дворянства действительно было осуществлено.

⁵ С. Я. Боровой

¹ Г. Державин, Соч., т. V, СПб. 1876, стр. 494.

² ПСЗ I, т. XXII, № 16492.

³ Н. Чечулин, Указ. соч., стр. 317.

⁴ Составлено по данным Н. Чечулина, Указ. соч., стр. 257 и 317.

В конце XVIII в. на балансе банка значилось 11 млн. руб., розданных в ссуду сроком на 8 лет. В основном они были предоставлены банком до его реорганизации. Кроме того, банк имел возможность удовлетворять новых претендентов за счет поступления погашений ссуд. Следует также учесть, что в распоряжении банка были вклады государственных учреждений и частных лиц (на 1793 г. приблизительно 8 млн. руб.), из них свыше половины от частных лиц¹. Эти суммы, очевидно, предоставлялись в качестве ссуд помещикам.

Операции Заемного банка по выдаче ссуд могут быть проанализированы следующими цифрами²:

Годы	В тыс. руб.	Годы	В тыс. руб.	Годы	В тыс. руб.
1794	784	1797	25	1800	2 610
1795	4 052	1798	360	1801	5 012
1796	8	1799	1 355	1802	8 204

Ограниченность средств, которыми обычно располагал Заемный банк, затруднила получение ссуд. Спрос на них значительно превышал возможности банка. Это подтверждается следующим фактом. В середине 90-х гг. XVIII в. директор Заемного банка Завадовский с целью покрыть крупную недостачу в кассе банка, образовавшуюся в результате неудачных и противозаконных спекуляций деньгами, придумал следующий «способ». Изложим его словами Державина: «когда требовали себе заемщики денег, то всегда говорили, что денег в кассе нет, советовали просить у купцов, чтоб они внесли в банк потребную сумму, и из оной и производили уже по обыкновенному канцелярскому порядку выдачу. Но как купцы (разумеется, большей частью иностранные) не находили своих расчетов отдавать в банк свои суммы за указанные проценты, то и платили им заемщики выписанные 12 и 15 процентов, которые и разделены были с теми купцами, маклерами и с банком или, лучше, с главным директором оного... Купцы, маклеры и банковские служители имели свой корм, одни заемщики терпели...»³.

Но уже Н. Чечулия (Указ. соч., стр. 359) упоминает в этом. Анализ баланса Заемного банка см. Н. Storch, «Supplementband zum 5—7 Theil des Historisch-statistischen Gemäles des Russischen Reichs»; Leipzig, 1803, стр. 62—63 делает, на наш взгляд, неопровержимый вывод о том, что эти 22 млн. руб. были переданы казначейству.

¹ Н. Storch, Указ. соч.

² ЦГАДА, разв. XIX, л. № 13 (дополнительная нумерация), л. 102 и 560.

³ Г. Державин, Соч., т. VI, стр. 692. В переписке Державина указывается, что не всегда его хлопоты по получению банковских ссуд увеличивались успехом и ему иногда приходилось брать ссуды у «банкиров» из 14% (см. там же, стр. 60—69 и стр. 361). Интересные подробности о злоупотреблениях руководителей банков приводятся также в переписке Завадовского с Воронцовым («Архив Воронцовых», т. VIII, стр. 126; т. XII, стр. 161).

Наиболее влиятельные вельможи открыли новое средство получения ссуд за счет государственных средств, минуя официальные кредитные учреждения. Они брали ссуды у банкиров, выполнявших государственные поручения по переводу денег за границу. Это происходило случайно в 1791—1793 гг.

Как писал Державин, «банкир Сутерланд был со всеми вельможами в великой связи, потому что он ссужал им казенные деньги, которые он принимал из государственного казначейства для перевода в чужие края по случающимся там министерским надобностям». Как-то выяснилось, что переданные Сутерланду 6 млн. гульд. (2 млн. руб.) для перевода в Лондон не поступили по назначению, а оказались розданными «по распискам и без расписок» крупнейшим вельможам, в первую очередь Потемкину, который взял 800 тыс. руб., а также Вяземскому, стоявшему у главе финансового ведомства, Безбородко, ведавшему Коллегией иностранных дел, и др. Сам великий князь Павел Петрович был причастен к этому делу. Следует отметить, что долг этих вельмож, подобным образом использовавших свою близость к трону для расширения казенных средств и нанесших прямой ущерб государственным интересам, в основной своей части «прощен» и покрыт за счет государственной казны¹.

6. ОСНОВАНИЕ НОВЫХ ОРГАНОВ КРЕДИТОВАНИЯ ДВОРЯНСТВА (СОХРАННЫЕ КАЗНЫ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ДОМОВ И ПРИКАЗЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ)

В последней четверти XVIII в. Заемный банк уже не являлся единственным учреждением, осуществлявшим кредитование помещиков. В 1772 г. в Петербурге и Москве при воспитательных домах организуется целая система кредитных учреждений: Вдовья казна (своеобразный вид страхования жизни), Судная казна и, наконец, Сохранная казна. Все эти учреждения действовали самостоятельно под общим руководством со стороны спекусных советов, в которые входили влиятельные вельможи. Таким образом, кредитные операции соединялись с филантропической деятельностью.

По мысли учредителей, Судная казна должна была служить новым средством борьбы с ростовщичеством и даже способствовать его уничтожению. По существу же на нее были возложены функции обычного ломбарда. Судная казна выдавала краткосрочные ссуды на сумму до 1 тыс. руб. сроком на 12 месяцев из 6% годовых под залог золота, серебра или ценных вещей. Золото и серебро оценивалось на 15% ниже их стоимости, «прочие вещи принимать с осторожностью»².

¹ Г. Державин, Соч., т. VI, стр. 647—652.

² ПСЗ 1, т. XIX, № 13909.

Деятельность Судной казны достигла сравнительно значительных оборотов. Так, из Судной казны при Петербургском воспитательном доме в 1791 г. было выдано 650 тыс. руб., в 1795 г. — 808 тыс. руб.¹

Сохранная казна, как вытекает из ее наименования, должна была служить местом, где «общее богатство, не выходя в чужеземные руки, оставаться будет в империи». Сохранная казна обязывалась платить проценты только по срочным вкладам, по бессрочным же вкладам взимала с вкладчика один процент.

Относительно скоро общая сумма вкладов, поступивших в Московскую и Петербургскую сохранную казну² почти сравнялась с капиталом Дворянского банка. Так, в 1781 г. в сохранных казнах числалось вкладов на 4,7 млн. руб., а в 1787 г. — на 8,6 млн. руб.³. Основная масса вкладов поступила в Московскую казну (в 1783 г. — 3,2 млн. руб., в 1793 г. — 8,2 млн. руб.)⁴.

К сожалению, в нашем распоряжении нет данных о происхождении этих вкладов. Очевидно, некоторая их часть состояла из купеческих денег. Но в основном, вероятно, это были дворянские капиталы. Прилив вкладов в Сохранную казну и в Заемный банк объясняется тем, что они являлись по существу единственными легальными учреждениями, куда можно было поместить деньги «в рост».

Собранные вклады Сохранная казна обращала в ссуды под залог недвижимых имений, фабрик и каменных домов. Следовательно, Сохранная казна стала еще одним учреждением, кредитуящим дворян. Правила Сохранной казны (несколько отличавшиеся от устава Заемного банка) признавали нормальной ссудой 1 тыс. руб. на 1 год из 6% годовых; но можно было получить 2 тыс. руб. сроком на 2 года, 3 тыс. руб. на 3 года и т. д. Максимальный размер ссуды не устанавливался, а зависел от наличия свободных средств. Предельный срок ссуды сначала был определен в 10 лет, а в 1775 г. сократился до 5 лет, причем была сделана оговорка, что в отдельных случаях по отношению к крупным заемщикам дозволено, по примеру Дворянского банка, продлевать ссуду до 8 лет.

Сохранная казна требовала значительно большего обеспечения под ссуду, чем Дворянский банк: под каждую тысячу рублей — 100 душ, а при наличии поручителя — 50 душ заемщика и 50 душ поручителя. Впрочем, по усмотрению Опекунского совета от «из-

вестных и надежных» лиц поручительство могло приниматься и без обеспечения его именем. Под залог домов и фабрик без земли давали ссуду в размере половины их оценки, а с землей — двух третей¹.

Довольно скоро условия кредита были значительно облегчены на том основании, что крестьяне «час от часу дороже становятся». С 1785 г. одна тысяча рублей стала выдаваться под залог 30 душ; процентная ставка была снижена до 5, но предусматривалось, что заемщик должен был один-два процента с заемной суммы внести в виде «подавания»².

В дальнейшем опекунские советы, очевидно, не считая себя связанными этими нормами, требовали меньшего обеспечения под ссуды³, при этом ссылались на продолжающийся рост цен на крепостных крестьян, частично объясняемый обесцениением ассигнаций.

Имея дело с тем же кругом клиентов, что и Дворянский банк, Сохранная казна испытывала в своей ссудной деятельности осложнения и трудности, знакомые уже нам из предшествующего изложения. В 1796 г. выяснилось, что около половины ссуд, выданных Московской сохранной казной, были просрочены; не поступило по ним своевременно и процентов⁴.

Нередко случалось, что многие помещики закладывали старые или даже чужие поместья, или называли не то количество душ, которое было в действительности.

Судами Сохранной казны пользовались и богатейшие вельможи того времени. Так, всесильный Потемкин, перешедший из государственной казны не один миллион рублей, не погнушался и капиталами Сохранной казны. Пользуясь своим положением, он несколько раз принуждал Опекунский совет нарушать установленные правила выдачи ссуд. В 1781 г. Потемкин взял под залог одного из своих имений 50 тыс. руб. сроком на 5 лет; не уплатив долга, продал драгоценные камни запрещалось давать более 3 тыс. руб.; потом потребовал возвращения бриллиантов и в обеспечение долга оставил закладную на 900 душ крестьян⁵.

Спрос на капиталы Сохранной казны был настолько велик, что ссуды поглотили не только все вклады, но и часть собственных капиталов Воспитательного дома. Чтобы восполнить средства казны,

¹ А. Пятковский, Санкт-Петербургский Воспитательный дом под управлением Бецкого, «Русская старина», 1875, кн. II, стр. 535.

² В литературе и документах Сохранная казна иногда именуется банком или домбродом Опекунского совета, иногда банком Воспитательного дома.

³ А. Пятковский, Указ. соч., т. II, стр. 340.

⁴ Д. Филимонов, Кредитные учреждения Московского воспитательного дома, «Русский архив», т. I, 1876, стр. 270.

¹ Д. Филимонов, Указ. соч., стр. 269; А. Пятковский, Указ. соч., стр. 538.

² А. Пятковский, Указ. соч., стр. 538.

³ Так, в 1803 г. 17 млн. руб. ссуд, выданных Московской казной, были обеспечены только 244 тыс. душ и 46 домами. Таким образом, под душу давали примерно 60 руб. (Д. Филимонов, Указ. соч., стр. 270).

⁴ А. Пятковский, Указ. соч., стр. 184.

⁵ Там же, стр. 536.

Московский опекунский совет стал выпускать особые «билеты Сохранной казны». До 1795 г. их было выпущено на 1 млн. руб. Эти не предусмотренные уставом эмиссионные операции привели к «висящему подрыву кредита» Воспитательного дома, так как выпущенные билеты учитывались у частных дисконтеров-ростовщиков из 20—25%. В связи с этим в 1795 г. было предписано срочно выкупить билеты Сохранной казны и впредь производить выплату судд только наличными деньгами¹.

По Петербургской сохранной казне к концу 1800 г. числилось в закладе 158 тыс. крестьян, а также 191 каменный дом. В Московскую казну было заложено 196 тыс. душ и 207 домов². А. Заблудский-Десятовский в своей известной «Записке о крепостном состоянии в России» (1841 г.) писал, что на 1800 г. в Московском и Петербургском опекунских советах заложено было 161 тыс. душ³. Эта цифра, как видно, занижена.

Таким образом, Сохранная казна превратилась в учреждение поземельного кредита. По масштабам своих операций она быстро догоняла Заемный банк.

Операции Заемного банка и Сохранной казны распространялись на всю территорию России, хотя конторы их находились только в Петербурге и в Москве. Естественно, что отсутствие каких-либо кредитных учреждений в провинциальных центрах противоречило потребностям экономического развития.

Местные кредитные учреждения появились в виде приказа общественного призрения и губернской дворянской казны.

Приказы общественного призрения, основанные в 1775 г., наряду со своими основными функциями (управлением «богоугодными заведениями», больницами, приютами и т. д.), должны были выполнять и некоторые кредитные операции. Так же, как Сохранная казна, они принимали вклады от представителей всех «правоспособных» сословий. Развитие пассивных (вкладных) операций шло в интересах помещиков, которые в условиях развивавшихся товарно-денежных отношений требовали «обеспеченных» мест помещения капиталов. Активные операции приказов строились по аналогии с другими кредитными органами. Срок ссуд устанавливался в 1 год, размер ссуды первоначально ограничивался 500—1 тыс. руб.⁴

Царская власть строго следила за тем, чтобы Приказ общественного призрения, как ссудное учреждение, сохранял дворянско-сословный характер. Например, когда выяснилось, что в Выборгском наместничестве приказ выдавал ссуды не только под залог

дворянских имений, но и разным чиновникам под так называемые «гейматы» (т. е. земли, находящиеся в крестьянском пользовании), правительство вынесло строжайший их запрет, а выданные ссуды предписало немедленно вызывать⁵.

В тех же случаях, когда приказы не находили в пределах своих губерний достаточно надежных заемщиков, им предоставлялось право вносить свои суммы для «приращения процентами» в Заемный банк⁶.

С первых шагов своей деятельности приказы общественного призрения столкнулись со стремлением заемщиков-дворян превратить краткосрочные ссуды в долгосрочные. Идя им навстречу, правительство разрешило приказам выдавать ссуды на том же основании, что и Сохранной казне, т. е. был увеличен срок ссуды до 8 лет и повышен размер ссуд⁷.

Об объеме ссудных операций приказов общественного призрения имеются очень скудные данные. Известно, что Московским приказом в 1784 г. было выдано ссуд на 152 тыс. руб.⁸; на балансе Заемного банка в 1793 г. числилось 161 тыс. руб., принадлежащих Московскому приказу и 15 тыс. руб. Петербургскому⁹. Обороты провинциальных приказов были, конечно, много меньше. Следовательно, задолженность приказам составляла в то время незначительную часть общего долга дворянства.

Еще меньших масштабов была ссудная деятельность дворянской казны при депутатских собраниях в губерниях. Основанные в 1785 г., они составлялись из «добровольных складов». Размеры взносов не были регламентированы законом и иногда составляли 10—30 коп. с души в течение одного-двух лет. Иногда устанавливались еще «добродетельные» взносы в размере 1/2% с занимаемой суммы. В пользу дворянской депутатской казны шли и некоторые специальные пошлыны (за грамоты, пергаментные листы и т. д.)¹⁰.

Губернская казна в своих операциях должна была действовать на основе правил Заемного банка, но дворянские депутатские собрания вносили от себя некоторые коррективы. Например, под залог души они давали не 40 руб., как было установлено законом, а 50—60 руб., а иногда и еще больше. Размер ссуд, вследствие ограниченности ресурсов дворянской казны, редко бывал более 1 тыс. руб., но, как показывает обследование документов Саратовского депутатского собрания, иногда выдавались ссуды и более крупные — до 5 тыс. руб. Срок ссуды определялся в 3 года, причём

¹ А. Петковский, Указ. соч., стр. 540.

² Сборник исторических материалов, вып. V, СПб., 1892, стр. 354 и след.

³ А. Заблудский-Десятовский, Граф Киселев и его время, т. IV, СПб., 1882, стр. 331.

⁴ ПСЗ 1, т. XX, № 14392.

⁵ ПСЗ 1, т. XXIII, № 17346.

⁶ Там же, т. XXIX, № 21994, 22307.

⁷ Там же, т. XXVII, № 20362.

⁸ Е. Подъяпольская, Указ. соч., стр. 5.

⁹ Н. Storch, Указ. соч., стр. 61—62.

¹⁰ Е. Подъяпольская, Указ. соч., стр. 17.

в случае просрочки платежа разрешалась отсрочка или составлялась новая закладная¹.

В конце XVIII в. операции приказов и губернской казны имели очень скромные масштабы. Объяснялось это незначительными размерами оседавших вкладов, свидетельствовавших о медленном росте «свободных» денежных накоплений. К тому же последние могли более выгодно быть использованы в ростовщических, подрядных, откупных и торговых операциях (если не учитывать некоторый риск).

7. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ БАНК ДЛЯ ДВОРЯНСТВА²

В условиях дворянско-помещичьего государства дворяне считали вполне закономерным поправлять свои дела за счет государственной казны и рассматривали ссуды, получаемые из кредитных учреждений, как своего рода пенсии, награды и т. д. Практика Дворянского (впоследствии Заемного) банка, обеспечивавшая интересы своих знатных и высокопоставленных клиентов, не стимулировала своевременного возврата ссуд и уплаты процентов. Нередки были и такие случаи, когда верховная власть непосредственно покрывала частные долги в банке. Например, в 1797 г. царь не однажды удовлетворял ходатайства князя Барятинского об освобождении его имений от долгов в банке³.

Стремление дворянского государства освободить дворян от задолженности с особой силой и выразительностью отразилось на уставе Вспомогательного банка для дворянства, основанного в 1798 г.⁴

Говоря о возникновении банков, Маркс писал, что «кредитная система представляет вначале полемическую форму против старомодного ростовщика...»⁵. Эта антиростовщическая направленность

с необычайной яркостью выступала в деятельности всех русских банков крепостнической эпохи, в особенности же в деятельности Вспомогательного банка.

Перед Вспомогательным банком была поставлена только одна, исключительно важная с точки зрения дворянского государства, но по существу совершенно фантастическая задача, — облегчить тяжесть долгов дворян, уже попавших в зависимость к ростовщикам.

Непосредственным инициатором организации Вспомогательного банка и автором его устава был князь Куракин. Будучи одним из виднейших государственных деятелей конца XVIII в. и первой четверти XIX в., А. Б. Куракин во время создания Вспомогательного банка занимал должности генерал-прокурора, главного директора Ассигнационного банка и много других ответственных постов. Вся деятельность Куракина была проникнута интересами крепостнического землевладения.

В своем проекте об организации Вспомогательного банка (18 декабря 1797 г.) он писал: «...с учреждением сего банка не только избавятся дворянские роды от разорительных долгов, обеспечат потомству своему имение, получат способы к приведению в лучшее состояние хозяйства каждого, а заимодавцы бив обеспечены в своих капиталах и процентами удовлетворены будут, но чрез установленные обороты обогатится публика взаимным доверием, падет лихва и корыстолюбие, и самый банк, ежели выдачи положит 100 миллионов рублей, приобретя важные суммы, в состоянии будет подкрепить государственным доходом 25 миллионами и ссудною Воспитательных домов казну 5—6 миллионами и т. д.»⁶.

Закладная записка Куракина было утверждена Павлом I, ее основные положения были подробно изложены в царском манифесте от 18 декабря 1797 г.⁷

Вспомогательный банк был задуман как средство «скорой помощи» дворянам, а не как постоянно действующее учреждение. По словам манифеста, банк должен был на протяжении «не более двух лет» выдать свои средства в качестве ссуд помещикам с тем, чтобы они получили возможность погасить свои долги.

Должники Вспомогательного банка обязывались в течение двенадцати пяти лет рассчитаться с банком, причем на протяжении первых пяти лет они уплачивали только проценты (6% годовых), а начиная с шестого года приступали к погашению самого долга. Опубликованные подробные таблицы показывали порядок погашения ссуд и внушали представление об автоматичности операций «очищения» дворянского землевладения от задолженности.

¹ ЦГАДА, разр. XIX, д. 13 (дополнительная нумерация) «Об учреждении Государственного вспомогательного банка для дворян и о течении дела в оном», д. 5.

² ПСЗ 1, т. XXIV, № 18274.

¹ Е. Подъяпольская, Указ, соч., стр. 18—23.

² Период деятельности Вспомогательного банка (1798—1802 гг.) несколько выходит за хронологические рамки второго раздела книги. Но Вспомогательный банк был непосредственным и естественным завершением системы дворянских банков XVIII в., поэтому было бы неправильно рассматривать этот вопрос позднее. Что же касается учрежденных одновременно с Вспомогательным банком учетных контор, то, поскольку деятельность их в основном развернулась в первые десятилетия XIX в., характеристика их дана в третьем разделе работы.

³ Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве, Отд. III, т. 1, СПб, 1910, стр. 12.

⁴ До сих пор в специальной и общенсторической литературе деятельность Вспомогательного банка не было уделено почти никакого внимания. Так, у М. Клоцкого («Очерки правительственной деятельности времени Павла I», П., 1916, стр. 500) Вспомогательному банку посвящена одна строка, почти столько же посвящена этому вопросу Н. Шмидлер («Император Павел I», СПб, 1901, стр. 375).

⁵ К. Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, стр. 346.

Размер ссуды определялся так же, как во всех других органах кредитования дворянского землевладения, исходя из количества душ. Все губернии страны были разбиты на четыре класса. В губерниях первого класса под душу давали 75 руб., второго — 65 руб., третьего — 50 руб. и четвертого — 40 руб.

Размер ссуд под поместья в Прибалтийских губерниях должен был определяться «по числу полученному с них годового дохода». (Эти правила потом были распространены на «украинские свободные поместья» и на имения Киевской и Белорусской губерний¹).

Стоимость такого поместья определялась путем капитализации годового дохода, исходя из 5% годовых. Ссуда выдавалась в размере $\frac{2}{3}$ этой суммы. Установление особых правил кредитования прибалтийских поместий объяснялось специфическими хозяйственными условиями того района, характеризовавшегося сравнительно высоким уровнем развития денежных и капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Вспомогательный банк при организации не получил капитала. Манифест весьма глухо указывал: «капитал... составится по мере необходимости ищущих сего вспоможения и по числу залогов, какие предьявятся...». Но было ясно, что банку понадобятся громадные средства.

Обеспечить новый банк необходимыми средствами было очень нелегко. В последние годы XVIII в. в связи с крестьянскими выступлениями, охватившими 32 губернии, непрекращавшимися войнами (война с Персией, итальянский и швейцарский походы Суворова, разрыв с Англией и т. д.) финансовое положение страны становилось все более напряженным и бюджетный дефицит продолжал расти. Он покрывался в основном за счет дополнительного выпуска ассигнаций, что значительно ухудшало денежное обращение. К 1796 г. в обращении было 156,7 ман. руб. ассигнациями; их курс упал до 70 коп., а к 1800 г. обрешало уже 212,7 ман. руб. ассигнациями при курсе в 65 коп.

Выход был найден в своеобразной финансовой операции. Вспомогательный банк стал выдавать своим заемщикам не наличные деньги, а специально выпущенные пятипроцентные банковские билеты, которые разрешалось передавать из рук в руки только по передаточным надписям. Устав банка предусматривал, чтобы банковские билеты, полученные в качестве ссуд из Вспомогательного банка, использовались в первую очередь для погашения долгов. При получении билетов заемщик должен был тотчас же внести банку 8%: 2% — «ходячего» монетою, а 6% — теми же самыми билетами.

Банковские билеты должны были приниматься беспрекословно каждым кредитором в уплату его претензий. Они принимались также казной в погашение банковских долгов, в уплату налогов и т. д.

¹ «Сенатский архив», т. I; «Именные указы Павла I», СПб, 1888, стр. 425.

Манифест предусматривал, что в случае, если задолжавшие дворяне уклоняются от уплаты долгов, банк будет побуждать их брать ссуду. Если должники будут упорствовать, банк должен будет брать заложнические поместья в свое ведение и удовлетворять кредиторов от себя, а через двадцать пять лет вернуть освобожденные от долгов поместья их владельцам.

Не приходится говорить, что все эти фантастические и сложные планы остались на бумаге.

В своей докладной записке Куракин исходил из предположения, что банк выдаст ссуд на сумму не менее чем 100 ман. руб. Однако в условиях дефицитности государственного бюджета дворянству все же пришлось несколько умерить свои аппетиты. 25 октября 1798 г. было положено: «выпуск билетов Вспомогательного банка ограничить неподвижно на 50 ман. руб.»¹.

Кроме того, манифестом банку предоставлялось право выдавать ссуды дворянам, не обремененным долгами. Трудно предположить, что авторы манифеста серьезно рассчитывали, что после удовлетворения всех требований задолжавших помещиков у банка смогут еще остаться свободные средства. Скорее всего этим параграфом они преследовали совершенно конкретную цель: открыть себе и влиятельным царедворцам дополнительные льготные возможности получения дешевого кредита.

1 марта 1798 г. Государственный вспомогательный банк для дворянства начал свои операции². За период своего существования Вспомогательный банк выпустил билетов на сумму 50 084 тыс. руб.³. В условиях того времени это была громадная сумма. Напомним, что государственный бюджет в первый год царствования Павла I (1796 г.) составлял 68 ман. руб. Дворянский банк начинал свою деятельность в 1754 г. с капиталом в 750 тыс. руб., а в 1786 г. капитал Заемного банка составлял около 7 ман. руб. В январе 1799 г. директор Вспомогательного банка граф Румянцев (сменивший на этом посту Куракина) добился разрешения не устанавливать предельного срока деятельности банка⁴.

Поскольку устав Вспомогательного банка не предусматривал никакого-либо ограничения размера ссуд, влиятельные лица воспользовались этим, чтобы получить из банка огромные ссуды. Первым и едва ли не крупнейшим заемщиком Вспомогательного банка явился сам Куракин. Уже в первый день деятельности Вспомогательного банка братьям Алексею и Александру Куракиным была выдана ссуда под залог общего их имения в Псковской губернии,

¹ ЦГАДА, разд. XIX, д. № 13, л. 556.

² ПСЗ I, т. XXV, № 18435.

³ Л. Печерин, Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России, СПб, 1904, стр. 21.

⁴ ЦГАДА, разд. XIX, д. № 13, л. 76.

в котором числалось 8355 душ¹. Не прошло и двух недель, как они же получили ссуды под залог еще трех поместий с общим числом душ 4983 человека². Следовательно, на примере самого же Куракина можно увидеть всю предвзятость его расчетов на то, что получение ссуд из Вспомогательного банка, автоматически погашаемых ежегодными взносами, приведет к освобождению от задолженности. В 20-е годы XIX в. доход Куракина составляла около 600 тыс. руб. ассигновками в год, из них на уплату долгов приходилось около 300 тыс. руб.³

Громадную сумму в банке получил крупнейший землевладелец и промышленник того времени Ник. Демидов. Он взял под залог имения в Калужской губернии 670 тыс. руб. Демидов, как и следовало ожидать, не воспользовался ссудой для погашения долгов; в 1804 г. он обратился в Государственный совет с просьбой купить его поместье в казну за 2 млн. руб.⁴

Во Вспомогательном банке получили ссуды в 600 тыс. руб. и такие крупные владельцы того времени, как граф Чернышев⁵, князь Репнин (под 2530 душ), князь Долгоруков (под 1250 душ), граф Миних (под 1813 душ) и др. На долю мелких и средних землевладельцев-крепостников пришлось незначительная часть банковских ссуд.

Сохранившиеся архивные данные дают возможность установить, как распределялись ссуды Вспомогательного банка между поместьями различных губерний. Приведем здесь данные ведомости (примерно 1800 г.) (см. табл. на стр. 77)⁶. Ближние к этому цифре приводит ведомость от 25 марта 1803 г.⁷

Имея эти данные и зная нормы выдач под душу в губерниях различных классов, нетрудно установить, какую сумму выдал банк своим клиентам. По нашим подсчетам получается (в руб.):

Получали ссуды помещики	За 1800 г.	За 1803 г.
Губернии I класса	28 270 800	28 185 150
" II "	4 409 450	4 430 725
" III "	11 511 050	11 475 150
" IV "	1 318 200	1 303 600
Всего	45 509 500	45 394 705

(в руб.)

Наименование губерний	Количество заложивших душ	Наименование губерний	Количество заложивших душ
<i>Губернии I класса</i>		<i>Губернии III класса</i>	
Рязанская	26 767	Псковская	22 396
Ярославская	16 739	Вологодская	2 845
Костромская	20 454	Петербургская	7 284
Тульская	23 734	Оренбургская	3 085
Калужская	36 691	Минская	20 480
Владимирская	22 905	Слободско-Украинская	20 139
Симбирская	29 654	Новороссийская	11 087
Орловская	25 530	Белорусская	43 658
Курская	28 348	Малороссийская	25 671
Тамбовская	31 542	Киевская	35 606
Воронежская	39 864	Подольская	4 041
Вятская	420	Литовская	26 046
Нижегородская	35 824	Волынская	7 883
Казанская	6 426	Итого в губерниях III класса	
Саратовская	31 046	230 221	
Итого в губерниях I класса		376 944	
<i>Губернии II класса</i>		<i>Губернии IV класса</i>	
Московская	13 957	Пермская	29 559
Тверская	24 454	Новгородская	6 396
Смоленская	28 994	Итого в губерниях IV класса	
Астраханская	525	32 955	
Итого в губерниях II класса		67 930	
		Всего	
		708 050	

¹ «Прибавление к Санкт-Петербургским ведомостям», № 23 от 19 марта 1798 г.

² Там же, № 27 от 2 апреля 1798 г.

³ К. Сивков, Бюджет крупного собственника-крепостника в первой трети XIX в., «Исторические записки», т. 9, 1940, стр. 150.

⁴ «Архив Государственного совета», т. III, ч. 2, СПб, 1878, стр. 637.

⁵ Г. Дежавин, Соч., т. VI, стр. 711.

⁶ ЦГАДА, разд. XIX, д. № 13, л. 103.

⁷ Там же, л. 360.

Ведомость за 1800 г. указывала, что в банке были заложены «лифляндские мызы и слободские украинские поместья», приносящие годовой доход в 602 тыс. руб. По существовавшим нормам ссуды под них должны были составить 4,8 млн. руб.

Таким образом, уже в 1800 г. банком были выданы в виде ссуд землевладельцам все предназначавшиеся для этого средства. Поэтому уже 25 октября 1798 г. было «положено в залог брать одни

только недвижимые имущества, в деревнях заключающиеся, а заводов и фабрик в залог не принимать»¹.

Это решение с предельной ясностью подчеркивает крепостнически-классовую направленность деятельности банка и откровенно паразитарно-потребительские цели его кредитных операций.

В начале 1799 г. выдача ссуд из Вспомогательного банка была прекращена в связи с израсходованием предусмотренных на эту цель средств².

Из приведенных выше цифр видно, что казначейство никаких позаймствований из Вспомогательного банка не делало. Этот факт доказывает, какое значение имела в глазах дворянского государства та задача, которую должен был выполнять Вспомогательный банк, а именно: укрепление дворянского землевладения в условиях начавшегося кризиса крепостнического хозяйства.

Крепостники-землевладельцы увидели во Вспомогательном банке новый источник обогащения и поспешили получить из него новые ссуды, частью для того, чтобы рассчитаться с наиболее докучливыми кредиторами, а в основном для своего паразитического потребления.

Как уже отмечалось выше, на декабрь 1799 г. из банка было выдано ссуд на 47 млн. руб. (банковыми билетами). Из этой суммы 11,8 млн. руб. было удержано «за переведенные из других казенных мест долги»³, т. е. в этой части ссуды были использованы согласно с основным назначением Вспомогательного банка. Из указанной суммы в погашение долгов Заемному банку было удержано 6,2 млн. руб., Петербургской сохранный казне — 1,8 млн. руб., Московской сохранный казне — 2,3 млн. руб. и другим «присутственным местам» — 1,4 млн. руб.

Таким образом, в результате деятельности Вспомогательного банка задолженность дворянства в кредитных учреждениях смогла уменьшиться только в самой незначительной степени, если она вообще уменьшилась. Дело в том, что Заемный банк и Сохранный казна продолжали действовать. Можно предположить, что некоторые их должники погасили свою задолженность билетами Вспомогательного банка именно для того, чтобы получить возможность заново заложить свои «очищенные» от долгов имущества.

Конечно, совершенно невозможно даже приблизительно установить, какая часть средств, полученных в Вспомогательном банке, была использована для покрытия долгов частным кредиторам-ростовщикам. В официальной ведомости отмечалось, что на 4 декабря 1799 г. банк получил от заемщиков на удовлетворение кредиторов 5480700 руб.⁴ Хотя нет сомнения, что в руки частных кредито-

ров попали не только эти 5 млн. руб., а, вероятно, большая сумма, задолженность дворянства в целом не могла заметно сократиться. Ведь она измерялась суммой, во много раз превосходящей ту, которую мог выдать Вспомогательный банк. Не следует также забывать, что суммы, которые возвращались в кассы Заемного банка и Сохранной казны, сейчас же попадали в руки новых должников. Нет, наконец, сомнения, что большая часть денег, полученных казенными Вспомогательного банка, вовсе не была использована для погашения долгов, а пошла на удовлетворение их личных потребностей.

Должники Вспомогательного банка погашали ссуды и уплачивали проценты так же неисправно, как и клиенты Заемного банка и Сохранной казны, а взыскание недоимок с них носило такой же неэффективный характер. Не возникало никаких затруднений только при получении первого взноса, он попросту вычитался из выдаваемой суммы. Когда же наступал срок уплаты второго взноса, то нередко оказывалось, что должники банка не могут или не хотят сделать второй взнос в уплату полученной ссуды. Так рушились утопические предположения, что условия займа во Вспомогательном банке обеспечат автоматическое погашение ссуд. В указе от 31 июля 1802 г. отмечалось, что к тому времени за должниками Вспомогательного банка числилось недоимок около 200 тыс. руб.⁵

Билеты, выдаваемые Вспомогательным банком и дававшие пятипроцентный годовой доход, являлись предместниками вкладных листов русских ипотечных банков последующего времени⁶. Выпуском банковских билетов царское правительство попыталось удовлетворить потребности дворян в ссудах, не прибегая к дополнительной эмиссии денег.

Предполагалось также, что, получив из банка ценные бумаги, дающие пятипроцентный доход, должники будут сохранять их у себя в течение более или менее длительного срока. Действительно, однако, показала, что держатели билетов Вспомогательного банка торопились как можно скорее сбыть их. Поэтому количество банковских билетов, предъявлявшихся к обмену на ассигнации, с первых же дней оказалось так велико, что в кассах Вспомогательного банка не хватало наличности. Как отмечает один из ранних историков банковского дела в России, «если билеты, принимавшиеся заемщиками в полной их цене, при переходе из одних рук в другие упали сперва до 15%, но вскоре курс их поправился по учреждениям при банке разменной экспедиции, которая платила за билеты одного копейкою монетою или ассигнациями»⁷.

¹ ПСЗ 1, т. XXVII, № 20356.

² Л. Ходский, *Поземельный кредит в России*, М., 1882, стр. 74.

³ «Банки и другие кредитные установления в России и в иностранных государствах», СПб., 1840, стр. 100—101.

¹ ПГАДА, разд. XIX, д. № 13, л. 556.

² Там же, л. 147.

³ Там же, л. 324.

⁴ Там же, л. 330.

С целью обеспечить свободный размен банковых билетов правительство провело ряд мероприятий. В октябре 1798 г. из сумм Ассигнационного банка было предоставлено Вспомогательному банку 6 млн. руб., а в последующие годы для этого же банк получал ежегодно по 7 млн. руб. (4 млн. руб. из Ассигнационного банка, 2 млн. руб. из Заемного банка и 1 млн. руб. из удельного ведомства)¹.

Предоставление этих сумм означало не что иное, как соответствующее увеличение эмиссии. Не удивительно, что в государственной росписи 1800—1802 гг. вместо статьи «на истребление банковых ассигнаций», появляется другая статья — «Вспомогательному банку на выкуп билетов» (по этой статье ежегодно выдавалось 4 млн. руб.)².

Несмотря на эти меры, в кассах банка продолжал ощущаться недостаток наличности для размена банковых билетов. Поэтому с сентября 1799 г. по апрель 1800 г. был прекращен размен билетов. Тогда же было определено, что «в казенных местах» находилось на 9,8 млн. руб. билетов, а у публики — на 13,6 млн. руб. В связи с этим было признано необходимым «во избежание неудобства публики и обыкновенной толпы и ропоту народу» установить особую очередность размена билетов³.

Обмен банковых билетов шел очень быстро, и к июлю 1802 г. путем разных уплат, зачетов и размена, а главное, путем выкупов за счет Ассигнационного банка обратно в казну поступило банковых билетов на сумму 48,6 млн. руб. К этому времени, как мы видели, ресурсы Вспомогательного банка были полностью израсходованы. Предоставить банку новые средства в условиях продолжавшегося падения курса ассигнаций и растущих финансовых затруднений правительство не могло. Указом от 19 июля 1802 г. самостоятельное существование Вспомогательного банка было признано нецелесообразным, он был присоединен «по сходственности предметов» к Заемному банку под наименованием «Двадцатипятилетняя экспедиция»⁴. Данная «экспедиция» должна была весть расчеты по судам, выданным на 25 лет.

А еще через 10 лет, в 1812 г. «Двадцатипятилетняя экспедиция» была окончательно влита в Заемный банк⁵.

¹ ЦГАДА, разд. XIX, д. № 13, л. 556 и л. 120—131.

² «Финансовые документы царствования Александра I», сборник РНО. т. 45, стр. 84, 88, 94.

³ ЦГАДА, разд. XIX, д. № 13, л. 558.

⁴ ПСЗ I, т. XXVII, № 20336.

⁵ Там же, т. XXXII, № 25056.

Глава V

ВОПРОСЫ КРЕДИТОВАНИЯ ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

1. БАНК ДЛЯ ПОПРАВЛЕНИЯ ПРИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ПОРТЕ КОММЕРЦИИ.

Вторая половина XVIII в. характеризовалась дальнейшим углублением общественного разделения труда, ростом товарного производства, расширением рыночных связей, значительным увеличением объема внешней торговли. В этих условиях неизбежно должна была вырасти роль торгового капитала в экономике страны.

В нашем распоряжении нет сводных цифровых показателей о развитии внутренней торговли России во второй половине XVIII в. Но изучение торговли крупнейших городов центрального района (Ярославль, Тверь, Курск, Орел и др.) показывает, что в середине XVIII в. годовой оборот их достигал крупной суммы в 1 млн. руб. Еще более значительные обороты имели ярмарки общенационального и областного значения — Макарьевская (Нижегород), Коренная (Курск), Харьковская, Ростовская и многие другие¹.

По данным новейших исследований, «в середине XVIII в. купечество оформилось в отдельный класс, отличавшийся экономически, юридически и организационно как от крепостного крестьянства, так и от дворянства. Середину XVIII в. нужно также считать периодом господства гильдейского купечества на рынке, так как во второй половине XVIII в. в торговлю купцов включились крепостные торгующие крестьяне, а в начале XIX в. начался процесс подчинения купца промышленнику»².

Удельный вес купечества на 1766 г. определяется следующими цифрами: всего торгового населения насчитывалось 189 тыс. (т. е. 2,56% населения), из них гильдейских купцов было 183,5 тыс., а торгующих крестьян — 5,5 тыс.³ (в это число не входят мещане и крестьяне, занимавшиеся мелкой и мельчайшей торговлей).

¹ Н. Рубинштейн, Внешняя торговля России и русское купечество во второй половине XVIII в., стр. 344.

² В. Яковлевский, Указ. соч., стр. 49.

³ Там же, стр. 50.

Рост внешней торговли виден из следующей таблицы¹:

Годы	Среднегодовые показатели (в млн. руб.)		Увеличение против предыдущего десятилетия (в %)	
	ввоз	вывоз	ввоз	вывоз
1750—1759	6,6	7,9	—	—
1760—1769	9,2	11,9	40	54
1770—1779	13,2	17,8	43	20
1780—1789	20,5	24,7	56	40
1790—1797	34,7	46,8	71	90

Внешней торговлей занимались наиболее влиятельные и богатые русские купцы (петербургские, московские, тверские и др.). В своей деятельности они сталкивались с серьезнейшими конкурентами в лице иностранных купцов, игравших во внешней торговле России очень большую роль. В историографии до недавнего времени было распространено представление о полном господстве на внешне-торговом рынке России того времени иностранных купцов, в основном английских. Последние исследования дают основание пересмотреть эту точку зрения. Анализ данных об операциях, произведенных через петербургский порт с 1770 по 1800 г., приводит к выводу, что за эти годы доля русских купцов в импортных операциях выросла с 40 до 66—70%, а в экспортных — с 10 до 40%².

Вместе с тем надо отметить, что иностранные негодянты, используя лучшую организацию, большой опыт и налаженные связи с иностранными рынками, почти полностью монополизировали перевозки (на русских кораблях вывозилась только $\frac{1}{15}$, а ввозилась $\frac{1}{6}$ часть товаров). Иностранные купцы осуществляли кредитно-ростовщические операции, с помощью которых они пытались подчинить себе русских купцов.

В этих условиях встала задача обеспечения русских купцов, в первую очередь экспортеров, дешевым кредитом. Это должно было укрепить их конкурентоспособность в борьбе с иностранным торговым капиталом.

Развитие внешней торговли, особенно активный торговый баланс, имело очень большое значение с точки зрения укрепления валютного курса, упрочения денежного обращения. Отсюда понятна особая заинтересованность русских правительственных органов в поощрении внешней торговли, в первую очередь «отпускной».

В начале второй половины XVIII в. в экономической политике царизма наметилось усиление меркантилистских тенденций. Тамо-

женный тариф 1757 г. резко увеличил ввозные пошлины на многие товары. Поворот к более последовательному протекционизму объяснялся ростом заинтересованности у части аристократии, вставшей на путь промышленного предпринимательства. Повышение же пошлин на предметы роскоши вызывалось фискальными соображениями — острой необходимостью увеличить доходную часть бюджета и почти полной невозможностью выжать больше из «податных сословий».

В 1754 г. был организован «Банк для поправления при Санкт-Петербургском порте коммерции». Учреждение Купеческого банка полностью соответствовало меркантилистским тенденциям правительства, стремлению увеличить активность торгового баланса. Вместе с тем учреждение банка следует рассматривать и как некоторую уступку со стороны крепостнического государства интересам торгового капитала.

Однако соотношение классовых сил в этот период политического господства дворянства отразилось и на судьбе первого в России Купеческого банка.

На петербургский порт приходилась в то время почти половина всей внешней торговли России. Поэтому первый русский Купеческий банк был основан в Петербурге. Инициатор создания Купеческого банка П. Шувалов мотивировал свое предложение примерно теми же аргументами, которые девятью лет до него выдвигал Ордин-Нащокин. Шувалов писал: «при петербургском порте ныне курс на российские деньги состоит высокий и чрезвычайные проценты должны давать для того, что во обращении в Петербурге денег имеется недостаточное число, и российские купцы наличных денег мало имеют, отчего и коммерция может в упадок прийти...»³.

Примерно в таком же духе высказалась и запрошенная по этому вопросу Монетная канцелярия. Она признала, что в случае создания банка купцы «цены содержат будут настоящие и в накладе продавать и другим подрыву чинить не будут». Канцелярия предлагала выдавать ссуды из 10% годовых⁴.

Особое мнение представил «Монетной канцелярии главный судья» Шлятер, один из руководителей горной промышленности России. Он предлагал выдавать ссуды из 8%⁵.

Указ 1754 г. в той части, которая относится к Купеческому банку, являясь по существу реализацией мыслей, высказанных Шуваловым. В распоряжение Купеческого банка должен был быть предоставлен капитал в 500 тыс. руб. Функции банка были ограничены чисто ссудными операциями: он должен был давать из 6% годовых краткосрочные ссуды (сроком до 6 месяцев) под залог

¹ Н. Рубинштейн, Внешняя торговля России и русское купечество во второй половине XVIII в., стр. 345.

² Там же, стр. 347.

³ С. Соловьев, Указ, соч., стр. 786.

⁴ ЦГАДА, разд. XIX, д. № 2792, л. 36—38.

⁵ Там же, л. 47.

товаров, находившихся на складах в петербургском порту. Размер ссуды не мог превышать 75% стоимости товаров. Банк не производил такой операции, как учет векселей; он не занимался и производством межуточных расчетов и не принимал вкладов.

Банк был поставлен под управление президента Коммерц-коллегии и поэтому стал называться Коммерческим банком¹.

Однако условия пользования банковским кредитом не удовлетворяли купечество. Оно особенно было недовольно краткосрочностью ссуд. Действительно, при чрезвычайной замедленности торгового оборота шестимесячный кредит был явно недостаточен. Ссуды можно было получать только под товары, находившиеся на петербургских складах, а между тем при бедности того времени товары, предназначавшиеся для экспорта, долгое время находились в пути к портам. Особенное недовольство купечества вызывало то обстоятельство, что ссуды можно было получить лишь под залог товаров, находящихся на таможенных складах. По словам купцов, они «сомневаются брать деньги с отдачей под заклад товаров, чтобы в торгующих с ними иностранных купцах не возбудить подозрения насчет их кредита».

Чтобы оказать давление на правительство, купечество во взаимному уговору в течение двух месяцев не обращалось в банк за ссудами². Правительство вынуждено было пойти на уступки. Указ от 23 августа 1754 г. разрешил выдавать ссуды сроком до года, но не более³. На президента Коммерц-коллегии Евреинова возлагалась ответственность за то, что деньги будут получать действительно «надежные» люди. Хотя формально не было отменено правило о выдаче ссуд под залог товаров, президент Коммерц-коллегии получил весьма широкие права маневрирования средствами банка.

Из установленного полумиллионного капитала банк получил сначала только 200 тыс. руб. Эти деньги были почти целиком розданы в течение года, и в декабре 1754 г. в наличности оставалось около 7 тыс. руб.

Клиенты банка попытались добиться удлинения срока ссуд, однако им чрезвычайно редко удавалось что-либо сделать. В то же время срок ссуд в Дворянском банке многократно удлинился.

В период Семилетней войны семнадцатые петербургских купцов, ссылаясь на условия военного времени, просили предоставить им

¹ Коммерческий (Купеческий) банк до сих пор почти не привлекал к себе внимания исследователей. А. Schlözer (сын), которого можно назвать первым историком русских банков, в своей работе «Münz-geld und Bergwesen-geschichte des Russischen Kaiserthums» (Göttingen, 1791) ни слова не говорит о Купеческом банке. Примерно с таким же положением мы встречаемся при рассмотрении других немногочисленных трудов по истории русских банков (П. Митгаули, Д. Толстой, Я. Печерины и др.).

² С. Соловьев, Указ. соч., стр. 793.

³ ПСЗ 1, т. XVI, № 10280.

право погасить ссуду в течение четырех лет равными платежами¹. Эта просьба была отклонена. Только в марте 1762 г. банку было предоставлено право при «законных нуждах» предоставлять должникам рассрочку в погашении ссуд².

Довольно скоро дела банка оказались весьма запущенными. В 1764 г. капитал банка, исчислявшийся в 802 тыс. руб., был роздан; просроченных ссуд числалось более чем на 382 тыс. руб. Правительственный указ признал главным виновником того, что «многие купцы явились неисправными в платеже своих долгов по Коммерческому банку, а некоторые и ненадежными», президента Коммерц-коллегии Евреинова. 4 марта 1764 г. из единоличного управления Евреинова банк перешел в «общее всей Коммерц-коллегии ведомство». Но уже через месяц (6 апреля 1764 г.) это распоряжение было отменено под предлогом, что «при многих голосах наблюдение канцелярского порядка в употребляемых к взысканию казенных долгов средствах может произвести излишнее потеряние времени, а паче всего действие по точности указов не позволяет иметь никакого снисхождения в таковых случаях, где иногда можно по рассмотрению, чия надежные отсрочки, и казну удовлетворить и купца не разорить»³.

За этим указом, звучащим осуждением бюрократических методов управления, безусловно, скрывалось далеко не бескорыстное стремление Евреинова и основных клиентов банка сохранить старые порядки, позволявшие им весьма выгодно использовать средства банка в своих интересах.

Одновременно была опубликована новая инструкция «О раздаче денег из Коммерческого банка»⁴, разработанная Комиссией о коммерции. Она имела своей целью, с одной стороны, кодифицировать уже накопившуюся практику, а с другой — учесть пожелания купечества.

В Комиссии о коммерции, основанной в 1760 г. и явившейся выразительницей взглядов купеческой верхушки, раздавалась голова о необходимости распространить деятельность банка и на тех купцов, которые торговали через другие порты. Но правительство это предложение отклонило. Размер процента и срок ссуды остались прежними⁵.

Основной операцией банка по-прежнему была ссуда под залог товаров. Вместе с тем новая инструкция предусматривала возможность выдачи ссуд и без товарного обеспечения, что на практике делалось и раньше. Специальный параграф инструкции говорил

¹ ПСЗ 1, т. XV, № 11451.

² Там же, № 11462.

³ Там же, т. XVI, № 12072.

⁴ Там же, № 12213.

⁵ М. Чулков, Историческое описание российской коммерции, т. IV, кн. V, М., 1786, стр. 288.

о выдаче ссуд по поручительствам магистратов и ратуш, а также купцов.

К сожалению, имеется очень мало сведений о том, как развивалась деятельность банка в последующие годы. Бесспорно одно, что с каждым годом он обнаруживал все меньше признаков жизнеспособности. Объяснялось это прежде всего недостаточным развитием функций банка, а также тем, что в распоряжение Коммерческого банка были предоставлены крайне ограниченные средства. Розданные небольшой группе купцов, они превратились в долгосрочные, часто фактически бессрочные ссуды. Кассы банка опустели. Нередко поступлений в банк не хватало для уплаты жалования служащим¹.

В 1764 г. была сделана попытка взыскать просроченные долги, однако «без погубления» должников. Общая сумма просроченных долгов была определена в 408 тыс. руб. К 1766 г. удалось собрать немногим больше половины этой суммы. Остальные долги так и не были взысканы (во всяком случае еще в 1785 г. этот долг оставался почти полностью не погашенным)².

Из сохранившегося реестра должников видно, что ссуды получали в основном крупные купцы. Среди должников банка первое место занимал петербургский купец Горбывев (42 тыс. руб.); на следующих местах по размеру полученных ссуд числились: астраханский купец Кобяляков (12 тыс. руб.), трубчевский купец Симонов (7 тыс. руб.), брянский купец Микулин (6 тыс. руб.), московские купцы Мартынов (7 тыс. руб.), Евреинов (7 тыс. руб.) и др.³.

Нет сомнения, что купеческая верхушка, монополизировавшая право получения ссуд из банка и вообще обладательница значительных денежных капиталов, меньше всего была заинтересована в расширении деятельности кредитных органов. Дороговизна кредита открывала для них возможность получения громадных ростовщических барышей. Как писалось в докладе Комиссии о коммерции, «сильный и денежный купец в Гостинном дворе... многим сидящим, «сильным и денежным купцам» или из бедных купцов или из купеческих крестьян, раздает свои капиталы на выручку под видом раздачи барышей по меньшей мере из 30%»⁴.

Крепостническое государство интересовало главным образом положением дворянских поместий и не искало путей расширения операций купеческого банка. Больше того, из скудных средств Коммерческого банка урывались суммы для кредитования придворной знати. Так, в 1755 г. царица распорядилась выдать статс-даме графине Румянцевой 2492 руб. из средств Коммерческого банка⁵.

¹ ПСЗ 1, т. XXI, № 15534.

² ЦГАДА, ф. 397, д. № 34, л. 145.

³ Там же, л. 5 и след.

⁴ Цит. по В. Яковлевскому, Указ. соч., стр. 46.

⁵ ЦГАДА, д. № 2792, л. 783.

В 1773 г. «по высочайшему повелению» из средств Коммерческого банка было выдано 200 тыс. руб. банкиру Фредериксу, обслуживавшему придворную знать.

Таким образом, дворянско-классовая направленность кредитной политики царского правительства предопределила ликвидацию Коммерческого банка. Уже в 1770 г. он фактически прекратил свою деятельность. Но формально ликвидация банка затянулась до 1782 г., когда правительство распорядилось передать оставшиеся средства банка Дворянскому банку¹.

Несмотря на кратковременность своей деятельности, Коммерческий банк все же сыграл важную роль в экономической политике России второй половины XVIII в. Возникновение его было симптомом новых явлений в социально-экономической действительности, порожденных развитием капиталистического уклада. Надо также полагать, что операции банка способствовали концентрации внешнеторговых операций в руках верхушки столичного купечества. Следовательно, Коммерческий банк служил известным фактором развития торгового капитала, этого обязательного и необходимого предшественника промышленного капитала. Кроме того, в некоторых случаях ссуды из банка получали купцы — владельцы промышленных предприятий. Так, в приведенном выше списке должников банка на одном из первых мест значился серпуховской купец Т. Остатов, владелец кожевенного завода. В данном случае Коммерческий банк превращался в орган кредитования промышленности и тем самым способствовал ее развитию.

2. АСТРАХАНСКИЙ БАНК

В середине XVIII в. Астрахань была одним из крупных торговых центров страны, игравших особо большую роль в торговле с Востоком (особенно с Ираном и Средней Азией). Уделяя большое внимание развитию внешней торговли через порты Балтийского моря, государственные органы в то же время провели некоторые мероприятия, направленные на усиление торговли по Каспийскому морю. Правительство особенно покровительствовало экспорту и провозу через Астрахань транзитных товаров, следующих из Ирана в страны Западной Европы. В отличие от торговли через европейские порты торговля со странами Востока носила пассивный характер. Так, в 1758—1760 гг. среднегодовой вывоз товаров в Турцию, Персию и Среднюю Азию составлял 471 тыс. руб., а ввоз из этих стран — 571 тыс. руб.².

¹ ПСЗ 1, т. XXI, № 15534.

² С. Покровский, Внешняя торговля и внешнеторговая политика России, М., 1947, стр. 104.

Внешняя торговля через Астрахань была почти полностью монополизирована армянским купечеством, появившимся здесь во второй половине XVII в. Армянские купцы образовали в Астрахани экономически сильную колонию, пользовавшуюся частичным самоуправлением и тесно связанную с восточными рынками.

Русское правительство покровительствовало армянским купцам, но в то же время стремилось противодействовать превращению армян в монополистов астраханской торговли. Например, когда в 1758 г. группа армянских купцов организовала в Астрахани компанию по торговле с Персией, правительство распорядилось присоединить к ним несколько русских купцов¹.

Вопрос об учреждении банка в Астрахани возник в Комиссии о коммерции в 1764 г. В распоряжение Астраханского банка было предоставлено 175 тыс. руб.². Он должен был заниматься теми же операциями, которые разрешались уставом Петербургского банка. Кроме того, Астраханскому банку было предоставлено право производить учет векселей. Исходя из географического положения Астрахани, уделялось особое внимание развитию переводных операций. Было предложено из капиталов банка выделить специально 20 тыс. руб. для переводов в Москву. Выражалась надежда, что это мероприятие сможет оживить торговые связи Астрахани и Москвы, ибо «монета медной своей тягостью все способы отымае»³.

Некоторое представление о деятельности Астраханского банка дает ведомость за 1775 г., из которой мы узнаем, что к тому времени в кассе банка оставалось всего 8,4 тыс. руб. «для раздачи купечеству»; в портфеле банка находилось 42 векселя на сумму 103 тыс. руб., кроме того, было выдано «ссуд на постройку обывательских домов» в размере 12,9 тыс. руб. Из средств банка производились также некоторые расходы на нужды края⁴.

В 1770 г. Астрахань посетил академик С. Гмелин. В своей книге он посвятил много страниц Астрахани. В результате наблюдений над астраханской действительностью Гмелин сделал вывод, что учреждение банка отнюдь не содействовало развитию астраханской торговли⁵.

Академик Н. Озерецковский, посетивший с научными целями Астрахань в 1783 г., т. е. через 13 лет после Гмелина, рассказал о деятельности так называемой рыбной конторы. Учрежденная в 1762 г. рыбная контора управлялась выборными представителями астраханского купечества и монополично распоряжалась астраханскими

рыбными промыслами. Между прочим, все казенные сборы шли через эту контору.

По словам Озерецковского, в рыбную контору «действующими лицами выбираются или лучше сказать втираются сильнейшие и проворнейшие купцы»⁶. В результате махинаций заправа этой конторы и их «обиходу с деньгами сильные купцы везеются, малоощные сегоуют, а приписные стеноуют». Далее Н. Озерецковский сообщает, что контора, которая, «как сказывают, могла бы иметь у себя денег больше миллиона рублей», не только не имеет наличных средств, но даже заняла в банке 20 тыс. руб.⁷.

По-видимому, капиталы Астраханского купеческого банка также скакались в руках «сильнейших и проворнейших купцов».

В 70-х годах XVIII в. астраханская торговля переживает упадок. Объясняется это в значительной степени политическими событиями, имевшими место в то время в южном Поволжье и бассейне Каспия (движение башкир и камильков, крестьянская война под предводительством Пугачева, события в Иране и т. д.).

В 1779 г. было издано правительственное постановление «Об учреждении в Астрахани ссудного банка для поправления состояния жителействующих там армян»⁸. Армянский банк был организован как составная часть Астраханского коммерческого банка, который должен был продолжать свои действия на прежних основаниях.

К сожалению, об этой главе истории Астраханского банка нам ничего не известно, хотя сам факт основания Армянского банка в Астрахани был отмечен в печати⁹.

Из отдельных упоминаний видно, что Астраханский коммерческий банк оказался значительно более живучим, чем Петербургский. Еще в 1805 г. он выдал ссуду владельцу сафьянового завода в размере 550 руб.¹⁰, а в 1816 г. государственная смета предусматривала взывание в пользу казны сумм, отпущенных Астраханскому коммерческому банку¹¹. Вероятно, этой операцией завершилась деятельность Астраханского банка, но его окончательная ликвидация последовала только в 1821 г., когда в Астрахани была учреждена контора Государственного коммерческого банка, основанного в 1817 г. Эта контора начала свою деятельность в доме, принадлежавшем Астраханскому коммерческому банку¹².

¹ Н. Озерецковский, Описание Коы и Астрахани, СПб, 1803, стр. 112.

² Там же, стр. 119.

³ ПСЗ 1, т. XX, № 14853.

⁴ «Армянский банк в Астрахани», «Санкт-Петербургский вестник», 1779, кн. III, стр. 247.

⁵ ПСЗ 1, т. XXVIII, № 21879.

⁶ «Дипломатические документы царствования Александра I», сборник РИО, т. 45, стр. 506.

⁷ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде, ф. 586, оп. 2, д. № 1452, л. 2. В дальнейшем ссылки на этот источник будут даваться сокращенно: ЦГИАЛ.

¹ Собрание актов, относящихся к обозрению армянского народа, ч. 1, М., 1833, стр. 22; ПСЗ 1, т. XV, № 10854.

² ЦГАДА, разд. XVI, д. № 613, л. 51.

³ ПСЗ 1, т. XVI, № 12213.

⁴ ЦГАДА, разд. XVI, д. № 613, л. 52—56.

⁵ С. Гмелин, Путешествие по России для исследования трех царств природы, ч. II, СПб, 1777, стр. 164.

3. ПЕРЕВОДНО-ВКСЕЛЬНЫЕ ОПЕРАЦИИ. ПРОМЕННЫЕ КОНТОРЫ

Одним из серьезных тормозов для развития товарооборота в стране было неупорядоченное денежное обращение. Перевозка тяжелой медной монеты была связана с большими расходами и осложнениями. Расходы по перевозке монеты составляли чистые издержки обращения и уменьшали торговую прибыль.

Некоторое облегчение в этом отношении создавало вексельное обращение, которое все больше внедрялось после издания в 1729 г. первого вексельного устава. Вместе с тем на характер вексельных операций очень сильно влиял крепостнический строй. Ряд постановлений правительства запрещал крестьянам, дворовым людям, однодворцам давать обязательства под векселя¹. Однако это запрещение часто нарушалось. Известно немало случаев, когда торговавшие крестьяне выдавали векселя². Переводные операции должны были производить и некоторые правительственные учреждения.

Выше уже отмечалось, что созданные в 1758 г. при Медном банке «конторы вексельного перевода между городами» не сыграли никакой роли в организации кредитного дела и денежного обращения в стране. В последующие годы несколько раз подтверждалось, что те учреждения, которые обязаны были производить перевод денег частных лиц при посредстве переводных векселей (соляная контора, провиантские канцелярии и т. д.), должны без всяких проволочек оплачивать предъявляемые векселя. Например, указ 1764 г. отмечал, что в результате оплаты векселей «казна освобождается от расхода, даваемого от провоза денег, а с другой стороны, всякий, нужды имеющий, особливо торгующее купечество, избегнут такого же от провоза убытка, лишаются и опасности, каковую они имеют всегда должны, везучи наличные деньги»³.

Переводные операции производились иногда и без участия государственных учреждений. Так, в 60—80-х годах XVIII в. приказчики Демидова в Твери расплачивались векселями, присланными из Московской конторы. Эти векселя зачастую не были связаны с товарооборотом, а являлись своего рода банковской операцией по переводу денег. Московская или Петербургская контора принимала деньги от какого-либо крупного тверского купца, находившегося в столице, а Тверская контора получала распоряжение уплатить деньги по предъявляемому векселю⁴.

С появлением бумажных денег и особенно в условиях падающего курса ассигнаций возникли затруднения при размене их на медную монету. Этим пользовались купцы и менялы, наживавшиеся на разнице в курсах. Возникли местные курсы ассигнаций; открывалось поприще для спекулятивных операций. Все это отрицательно сказывалось на развитии товарооборота.

Чтобы устранить все указанные осложнения и способствовать развитию товарооборота, в 1772 г. были созданы променные конторы. По первоначальному замыслу все государственные учреждения должны были сдавать в променные конторы поступающую к ним медную монету для обмена на ассигнации.

Между 1772 и 1783 гг. променные конторы были открыты в двадцати трех городах. Однако они не оправдали возложенных на них надежд, и сеть контор стала быстро сокращаться. В 1783 г. их осталось только 8, а в 1796 г. — 3 (в Рыбинске, Вышнем-Волоцке, Архангельске). Насколько деятельность променных контор в портовых центрах признавалась полезной, видно из того, что в 1804 г. была создана променная контора в Одессе, в 1806 г. — в Таганроге, в 1807 г. — в Феодосии⁵.

В условиях же нарастающей инфляции променные конторы неизбежно должны были прекратить свои операции, что в действительности и случилось.

4. ВОПРОСЫ КРЕДИТОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ И ПРОЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ КУПЕЧЕСКИХ БАНКОВ

60—80 годы XVIII в. характеризовались становлением новых капиталистических производственных отношений. Этот процесс шел двумя путями: с одной стороны, мелкотоварное производство, развивавшееся в основном на базе крестьянских промыслов, превращалось в капиталистическую мануфактуру, а с другой — крепостническая мануфактура все шире применяла наемный труд. Второй путь наблюдался преимущественно в легкой промышленности; в тяжелой промышленности сохранялось господство крепостного труда. Вместе с тем в это время еще не встречается банковское кредитование промышленности. Кредиты промышленникам выдавались почти исключительно казной.

Крепостническая направленность экономической политики царского правительства приводила к тому, что ссуды предоставлялись преимущественно владельцам мануфактур, использовавшим крепостной труд, и только в некоторых случаях промышленникам, эксплуатировавшим наемную рабочую силу.

¹ ПСЗ I, т. XV, № 11204; т. XIX, № 13623; т. XVIII, № 13158. Подробную мотивировку этих законоположений см. ЦГАДА, ф. 397, д. № 493 «О необязывании дворовых, синодальных и помещичьих крестьян векселями и другими заемными письмами» (1761 г.).

² См. публикацию И. Бака. Документ о торгово-кредитных операциях крестьян в 70-х годах XVIII в., «Исторические записки», т. 39, стр. 285—285.

³ ПСЗ I, т. XVII, № 12252.

⁴ Б. Кафенгауз. История хозяйства Демидовых в XVIII—XIX вв., т. I, М., 1949, стр. 288.

⁵ ПСЗ I, т. XXIII, № 21175; т. XXIX, № 22018, 22558; см. также К. Смольянинов, История Одессы, Одесса, 1853, стр. 136.

По очень неполным данным, между 1754 и 1770 гг. правительство выдало промышленникам ссуд на сумму не менее 450 тыс. руб., в том числе 300 тыс. руб. владельцам уральских заводов, потерпевшим убытки во время крестьянской войны¹.

В 1762 г. несколько уральских заводчиков выдвинуло перед Берг-коллегией вопрос об организации специального банка, в котором они могли бы брать ссуды. Владелец одной из уральских мануфактур Твердышев требовал, чтобы ссуды промышленникам давались на особо льготных условиях — из 4% годовых, считая приписанную к заводу душу в 20 руб.²

Для предоставления ссуд купцам, занимавшимся внутриторговыми операциями, Коммерческий банк едва ли не единственный раз был использован в 1767 г., когда в Нижнем-Новгороде была учреждена купеческая компания по торговле хлебом. В распоряжение этой компании была предоставлена пятилетняя беспроцентная ссуда размером в 20 тыс. руб. из средств Коммерческого банка³. Обычно же к кредитованию купцов и промышленников Коммерческий банк не привлекался. В уставе об образовании Новороссийской губернии (1764 г.) отмечалось, что выдача ссуд фабрикантам из 6% годовых и ремесленникам — беспроцентных⁴ должна производиться губернской администрацией⁵.

Между тем набравшее силу купечество требовало предоставления все больших средств для торговых организаций. В этой обстановке возник план Потемкина об учреждении в городе Екатеринославе (ныне Днепропетровске), наряду с университетом, Академией художеств и т. д., банка с капиталом в 340 тыс. руб.⁶

Вопрос о создании Купеческого банка был затронут и в преложении Наказа Екатерины. В специальном параграфе, посвященном этому вопросу, записано: «Банк учрежденный складочно разумно на торгующих распределению, из которой можно было бы брать приличные суммы для вспомоществования несчастных, хотя и разительных торговцев, была бы установлением приносящим с собой многие выгоды»⁷.

Итак, в 60—80-е годы XVIII в. неоднократно возникал вопрос о создании купеческих банков. Однако эти планы остались нереализованными: ни в столицах, ни на местах (кроме Астрахани) не

было создано каких-либо органов кредитования торговли и промышленности. Объяснялось это политической гегемонией дворянства и общими условиями хозяйственного развития страны, экономика которой была сквозная крепостническими порядками.

Имеется немало свидетельств о чрезвычайной высоте ссудного процента в торговой практике того времени. 20—30% считались обычной ценой кредита. Ж.-Б. Шерер, бывший в течение ряда лет юрисконсульт Юстиц-коллегии, утверждал, что в России купцы нередко берут ссуды из 1% в неделю (т. е. 52% годовых)¹.

Следует отметить, что купеческие наказы, составленные в связи с созывом Уложенной комиссии (1767 г.), совершенно не затрагивали вопроса о банковском кредите, хотя в них немало говорилось о векселях, о залостных банкротствах и т. д.² В этом нет ничего удивительного. В ту пору и во Франции, Пруссии и в других странах купцы, занимавшиеся внутренними торговыми операциями, только в очень редких случаях пользовались банковским кредитом.

Зато группа купцов, связанная с внешней торговлей, не пропускала ни одного случая, чтобы не потребовать организации купеческих банков. Так, в 1760 г. купцы Петербурга, Москвы и других городов в своей жалобе на иностранное засилье писали, что иностранные купцы продают товары «больше кредитом... сверх неумеренных высоких цен с прописанием процентов», а русские купцы «взятые ими в долги иностранные товары внутрь России продают с великим убытком и с раздачей в долги в дальние сроки»³.

Иностранцы оправдывали высокий ссудный процент по ссудам ссылкой на якобы частые банкротства русских купцов. Бюминг в 1763 г. писал, что «миллионы денег разных народов потеряны в России нарушением кредита»⁴.

По мнению Ж.-Б. Шерера, основной причиной банкротств русских купцов является крепостное право. По его словам, русские купцы, преимущественно крепостные крестьяне, не имеют права выдавать векселя. Поэтому их долговые обязательства юридически не обеспечены, что лишает кредиторов необходимой правовой защиты⁵.

Через тридцать лет с резкой критикой против утверждений Бюминга выступил В. Крестинин. Замечательный самородок-краевед и историк, выходец из среды архангельского купечества, Крестинин доказал, что, судя по данным Архангельска (начиная

¹ А. Лаппо-Данилевский, Указ, соч., стр. 31; А. Семенов, Указ, соч., т. I, стр. 258; т. II, стр. 97; Д. Бабурин, Указ, соч., стр. 211—212.

² Н. Павленко, Из истории социально-экономических требований русской буржуазии XVIII в., «Исторические записки», т. 59, 1957, стр. 338—339.

³ ПСЗ I, т. XVIII, № 12404.

⁴ А. Семенов, Указ, соч., т. II, стр. 87.

⁵ Этот план не был реализован. В Новороссии функции банка иногда выполняли торгаш.

⁶ ПСЗ I, т. XXII, № 16439.

⁷ «Наказ Екатерины II», СПб, 1907, стр. 72.

¹ J.-B. Scherer, Histoire raisonnée de la commerce de la Russie, v. I, Paris, 1788, pp. 117—118.

² Сборник РХО, тт. 93 и 107.

³ М. Чулков, Указ, соч., т. IV, кн. IV, стр. 527.

⁴ A. Büsching, Neue Beschreibung des Russischen Reiches, Hamburg, 1763, S. 734.

⁵ J.-B. Scherer, Указ, соч., стр. 111—112.

с 1745 г.), русские купцы значительно больше страдали от банкротства иностранцев¹.

Комиссия о коммерции, в которой заседали влиятельные и богатейшие русские купцы, свидетельствовала, что в злостных банкротствах в одинаковой мере повинны как иностранные, так и русские купцы. Представляя в 1764 г. от имени Комиссии проект «Банкрутского устава», П. Шувалов писал, что «нам по делам и по другим обстоятельствам в сенате довольно оказалось известно есть, что многие иностранные и российские купцы умышленно набирают у своей братии купцов и других чинов у людей в долг для торгового промысла немалые суммы наличными деньгами и товарами, и потом через самое краткое время объявляют себя банкротами...». Новый «Банкрутский устав» должен был пресечь «таковое видимое плутовство и обманство»².

Купцы, занимавшиеся внешнеторговыми операциями, рассматривали банк как средство борьбы с иностранными купцами и как способ установления монопольных цен на вывозимые товары. В этом отношении чрезвычайно показателен и интересен проект учреждения банка, представленный группой купцов в 1761 г. В нем предлагалось во избежание конкуренции между русскими купцами и для установления высоких цен на пеньку (важнейший предмет экспорта из петербургского порта) назначить «по сговору купцов» единую отпускную цену и с этой целью «сочинить банк». По мысли авторов проекта, капитал банка должен был сложиться в очень крупную по тому времени сумму: по миллиону надо было собрать с купцов; такую же сумму должно было дать государство и, кроме того, на один миллион должны были быть напечатаны «бланкеты»³.

Банку вменялось в обязанность ограничивать и регулировать вывоз из России пеньки. Авторы проекта предусматривали также открытие банковских контор в Англии, Голландии, Франции и Испании³.

Таким образом, даже наиболее передовая часть русского купечества не выходила за пределы тех экономических идей и представлений, которые воодушевляли почти полтора столетия назад Ордина-Нащокина. По существу рассматриваемый проект был чрезвычайно архаичен. В нем ничего не говорилось об обычных формах деятельности коммерческих банков того времени (о ссудных и страховых операциях, о депозитах, об учете векселей, переводных и расчетных функциях и т. д.). Учреждение банка рассматривалось только

как средство обеспечения высоких монопольных цен на пеньку, в производстве которой Россия не знала конкурентов.

В 1773 г. в комиссии, рассматривавшей вопрос о причинах падения русского вексельного курса, был снова выдвинут план создания торгового банка. Представители купечества предложили в качестве одного из способов поднятия вексельного курса «в обоих столицах так и по губерниям, из коих товары идут к портам, учредить купеческие банки»⁴. Инициаторы этого проекта считали, что для такого банка достаточно капитала в 2 млн. руб.

Подчеркивалось, что вопрос об учреждении (или, точнее, возрождении) купеческого банка является чрезвычайно животрепещущим, так как из-за отсутствия банка русскому купечеству приходится обращаться к иностранцам за дорогим долгосрочным кредитом. В результате было принято решение учредить купеческие банки в Петербурге, в Архангельске и черноморских портах, ассигновав на это дело 5 млн. руб. До этого было предложено Заемному банку выдавать купцам ссуды под залог товаров².

В те же годы возник проект организации русского торгового банка за пределами России для кредитования внешнеторговых операций русского купечества. В 1763 г. Коммерц-коллегия рассматривала вопрос о том, «надлежит ли в Мадриде для российской торговли учредить банкира». Коммерц-коллегия сочла более рациональным выделить такого банкира не в Испании, с которой Россия поддерживала очень незначительные торговые связи, а в Амстердаме. Проект об учреждении банка в Мадриде не был реализован, хотя русский посол в Испании доносил, что один испанский купец «вызывался к тому добровольно и желает употребить для того банка до миллиона денег»³.

¹ Н. Фирсов, Вопрос о причинах падения вексельного курса в царствование Екатерины II, «Исторические характеристики», т. I, Казань 1922, стр. 214.

² Там же, стр. 219—232.

³ М. Чулков, Указ. соч., т. IV, кн. VI, стр. 686.

¹ В. Крестинин, Исторические примечания о коммерческом кредите, внешняя торговля по делам прошедшего века российских купцов вообще и по действиям нынешнего столетия азиатско-американских купцов особенно, «Новые ежемесячные сочинения», ч. XXVI, октябрь 1792, стр. 4 и след.

² ЦГАДА, ф. 397, а. № 495, л. 227.

³ М. Чулков, Указ. соч., т. IV, кн. IV, стр. 648.

Глава VI

ВПРОС О КРЕДИТЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПЕРЕДОВОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Развитие товарно-денежных отношений неизбежно способствовало расширению сферы деятельности ростовщического капитала. Против ростовщичества выступали все слои общества, начиная с придворной верхушки и кончая крестьянами, попавшими в кабалу к деревенским мироедам.

Естественно, что литература и публицистика того времени не могла пройти мимо этого вопроса.

Представитель дворянской экономической мысли М. Щербатов, самый последовательный и принципиальный защитник крепостническо-дворянских привилегий, признавал задолженность дворянства плодом «попреждения нравов» и изыскивал способы полной ликвидации ее. Этот проект он изложил в своей утопии «Путешествие в землю Офирскую»¹.

Антиростовщическая тема очень громко звучала и в творчестве А. Сумарокова. Весь свой гнев, всю силу осуждения он направляет только против ростовщиков, которых изображает как злодеев, моральных уроков. В то же время у него не нашлось ни слова осуждения для дворян-расточителей и мотов, тратящих средства, полученные в результате жестокой эксплуатации крепостных, на свои прихоти².

Наоборот, И. А. Крылов в своих ранних произведениях, стоявших в наибольшей близости к передовым течениям русской общественной мысли, высмеивал и осуждал не ростовщиков, а дворянина-мота, беспечно проматывавшего свои села и своих крестьян.

Существовавшая в условиях того времени форма деятельности ссудного капитала, которую Маркс называл «ростовщичеством при

помощи денежных ссуд мелким, владеющим условиями своего труда производителям», делала непосредственными жертвами ростовщиков крестьян и ремесленников. Отголоски их протеста можно встретить лишь в фольклоре, а также в произведениях представителей передовой общественной мысли, осуждавших крепостнический строй во всех его проявлениях.

В этом отношении большой интерес имеют произведения выдающегося русского просветителя второй половины XVIII в. Николая Ивановича Новикова. Его ранние произведения как бы продолжают антиростовщическую сатирическую линию Сумарокова. Но Новиков не ограничивается осуждением ростовщиков, в его произведениях иногда отчетливо звучала антикрепостническая нота.

Последствия Новиков изменил свои позиции по отношению к вопросу о кредите. Он рассматривал кредит уже не с точки зрения его роли в быту и хозяйстве крепостника-землеладельца, а как важнейший фактор развития торговли. В статье «О торговле вообще», опубликованной анонимно в 1783 г. в «Прибавлениях к Московским ведомостям», Новиков говорил о значении государственного и частного кредита, о связи его с уровнем хозяйственного развития и политического строя общества. В условиях господства абсолютистской монархии Новиков имел смелость заявить: «всюду опыт доказывает, что деспотические государства всех менее, а республики всех более кредита имеют: сие происходит по большой части от недостатка торговли в деспотических государствах и от удобства оной в республиках»³.

В статье Новикова явно прозвучало осуждение кредитной политики самодержавия и пропагандировались прогрессивные в условиях того времени принципы экономического развития, расчищавшие дорогу буржуазным отношениям.

Следует подчеркнуть, что Новиков не был одинок в этом вопросе. Ряд его современников — представители передовой общественно-экономической мысли неоднократно говорили о необходимости организации дешевого кредита для торговцев и промышленников.

В периодической печати также не раз поднимался этот вопрос, хотя в общественно-политических условиях того времени он не мог обсуждаться сколько-нибудь широко и свободно. В первом журнале Академии наук «Ежемесячные сочинения» (1755—1764 гг.) экономические статьи в основном были посвящены торговым и монетарным проблемам⁴.

¹ Н. Новиков, Избранные сочинения, т. I, М., 1951, стр. 536.

² Н. Карамзин, Экономический раздел первого журнала Академии наук России, «Известия Академии наук СССР, Отделение экономики и права», 1950, № 3. Вопросы денежного обращения и кредита подвергались обсуждению и на страницах русских журналов 70—80 годов XVIII в. См., например, П. Берков, История русской журналистики XVIII в., М., 1952, стр. 196.

³ С. Я. Боровой

¹ Кн. М. Щербатов, Соч., т. I, СПб., 1896, стр. 1037—1038. См. также его «О повреждении нравов в России» (СПб., 1905, стр. 54), «Оправдание умерения законами росту» («Неизданные произведения», М., 1934, стр. 134) и др.

² См., например, А. Сумароков, пьеса «Лихомец» (Полное собрание всех сочинений, ч. V, М., 1787, стр. 105).

В «Собрании лучших сочинений», издававшемся профессором Московского университета И. Г. Рейхелем, была напечатана в высшей степени интересная статья самого Рейхеля «Политические рассуждения о коммерции». Автор выступает противником помещения денежных средств в дворянские усадьбы, рассматривая это как задержку «движения и круговращения денег». «Чем какая страна, — говорит Рейхель, — больше имеет денег и чем меньше находится случаев к употреблению оных на недвижимые имущества, тем больше распространяется торг и тем меньше там бывают проценты»¹. В этом рассуждении едва ли не впервые в русской литературе высказываются чисто буржуазная точка зрения на кредит.

Вопрос о необходимости организации купеческого банка затронул в одной из своих работ и образованнейший русский экономист профессор Московского университета Иван Андреевич Третьяков. В речи, опубликованной в 1772 г., он высказал целый ряд прогрессивных для своего времени мыслей. В частности, критикуя представления об исключительной роли внешней торговли в экономической жизни страны, Третьяков подчеркивал особое значение купеческих банков, ссылаясь на пример Англии и Голландии². Третьяков решительно осуждал монополию в банковом деле, указывая, что это вызывает «худшие последствия».

Утверждение Третьякова о вредности монополии в банковом деле было явно направлено против кредитной политики царизма. То обстоятельство, что он обошел молчанием вопрос о кредитовании дворянства, является, на наш взгляд, убедительным свидетельством того, что Третьяков считал эту отрасль кредитной деятельности ни в какой мере не способствующей «изобилию и обогащению государств». Таким образом, следует признать, что выступление Третьякова, отражая интересы нарождавшегося класса купцов и промышленников, носило прогрессивный характер³.

Буржуазная точка зрения на кредит была сформулирована и в анонимной записке об указных процентах, представленной в Сенат, где подвергалась принципиальной критике кредитная политика дворянского правительства. По мнению автора записки, установление указных процентов вызывается желанием «усовершенствования кредита, толико нужного к благосостоянию общества». Но опыт подтверждает, что законоположения, устанавливающие размер процента, не могут привести к цели, а, наоборот, вызывают обратные последствия, так как ростовщик, опасаясь репрессий за нарушение

закона, компенсирует себя особо большими барышами, беря за ссуду 10, 20 и более процентов.

Автор записки указывал, что потребность в капитале особенно усиливается «во времена настоящие, когда промышленность наша начинает несколько распространяться, а с нею вместе и потребность капиталов умножается». Он отстаивал ту точку зрения, что свобода судебных операций в условиях действия закона спроса и предложения неизбежно повлечет за собой понижение судебного процента⁴.

Огромного расцвета русская передовая общественно-экономическая мысль достигла в работах Александра Николаевича Радищева. Взгляды Радищева, как мыслителя и революционера, сформировались в период обострения классовых борьбы, высшей точкой которой явилась крестьянская война под предводительством Пугачева.

Для Радищева самодержавие не только «наипротивнейшее человеческому естеству состояние», но и сильнейший тормоз на путях развития производительных сил страны и роста благосостояния народных масс. Радищев рассматривает крепостничество как «противоестественное» явление и осуждает его с моральных позиций, выдвигая развернутую экономическую аргументацию.

Экономическая программа Радищева объективно означала буржуазный путь развития России, хотя исходил он из интересов трудящихся масс, в первую очередь крепостного крестьянства. В отличие от буржуазных просветителей XVIII в. Радищев выступил с обоснованием революционного уничтожения крепостного права.

В общей системе революционных социально-экономических взглядов Радищева его мысли о денежном обращении и кредите имели, понятно, подчиненное значение. Вместе с тем они находились в полном противоречии с воззрениями, определявшими кредитную политику дворянского государства, и с этой стороны представляют очень большой интерес.

Правильно считая, что без революционного устранения крепостничества невозможна свобода и благосостояние народа, а также укрепление и величие Родины, Радищев не переоценивал значения кредита и не видел в нем средства, которое якобы может самостоятельно разрешить важнейшие народнохозяйственные проблемы. В то же время Радищев полагал, что развитие и улучшение системы кредитования должны серьезно способствовать экономическому развитию России.

В одной из своих самых поздних работ («Проект гражданского уложения», написанный примерно в 1801 г.), Радищев остановился на вопросе о ростовщичестве. Он сумел подойти к этой проблеме с широкой научной точки зрения, с позиций сторонника «природной свободы» хозяйственной деятельности. Радищев обнаружил пре-

¹ «Собрание лучших сочинений», ч. 2, М., 1762, стр. 249.

² И. Третьяков, Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов, М., 1772, стр. 7.

³ Подробное о Третьякове см. И. Бак, Общественно-экономические воззрения И. А. Третьякова, «Вопросы истории», 1954, № 9, стр. 104—113; «История русской экономической мысли», т. I, ч. 1, стр. 558—569.

⁴ «Чтения в обществе истории и древностей российских», кн. II, 1858, стр. 175—177.

красное знание русской действительности, когда говорил о беснудии законоположений, устанавливающих максимальный ссудный процент. «Лихва тем больше, процент тем дороже», — писал он, — чем больше может быть опасности в нарушении закона». Естественно, Радищев не мог считать, что ростовщики, отбирающие часть нетрудовых доходов мотов-землеладельцев, «хуже» крепостников, эксплуатирующих крестьян. Он писал: «Если не бесчестно получать прибыль от своего имени, то для чего же уничтожать и бесчестными в законе делать тех, которые получают прибыль от имени своего, в деньгах состоящего»¹.

Понятно, что в этих высказываниях Радищев не имел в виду ростовщиков, наживавшихся на эксплуатации мелких производителей, крестьян и ремесленников.

Радищев приближался к правильному пониманию факторов, определявших норму процента. Он писал: «когда капитал, назначенный для отдачи в заем, равен требованиям взять в заем, то проценты будут умеренны. Если требования превышают капитал, отдаваемый в заем, то проценты будут больше. Если капитал такой превышает требования, то проценты будут низки»².

Таким образом, Радищев видел зависимость нормы процента от спроса и предложения на ссудные капиталы.

Причины дороговизны кредита в России Радищев объяснял не только недостатком свободных капиталов и правовой необеспеченностью кредиторов, но и тем, что в России «капиталы гораздо прибыльнее и безопаснее употреблять на приобретение недвижимых имений»³. Из этих слов Радищева ясно, что феодальную собственность на землю он рассматривал как важнейшее препятствие развитию кредита.

Есть основание предполагать, что Радищев относился сочувственно к идее организации Купеческого банка. В «Описании Тобольского наместничества» (1783 г.), сохранившемся в бумагах Радищева в переводе с французского оригинала, отмечалось, что медленный оборот капитала отрицательно отражается на развитии торговых операций тобольских купцов. Не менее вредным, по мнению автора, является недостаток у тобольских купцов собственных средств. При этих условиях они «принуждены бывают занимать большие суммы, платя рост чрезмерный, дабы можно было все нужные делать на торгу издержки. Таковые займы умалют их прибыли и стесняют шествие торговли». Поэтому купцы должны реализовать свои товары по очень низким ценам, а то и в убыток, в то время как тобольские ростовщики, «имея несколько тысяч лежащих

денег, пользуются таковыми случаями и барыши получают по 200 в 100 на 100».

Исходя из этого, автор «Описания» считал необходимым организовать специальный банк для купечества. «Весьма выгодно было бы, — писал он, — для торговли всего Сибирского края, если бы учрежден был в Барнауле или в другом каком сибирском городе торговый банк на подобие учрежденного в Астрахани, из которого бы выдавались деньги с условием платить оные через некоторое время в Москве или Петербурге»⁴.

В высказываниях на кредитно-банковские темы Радищев совершенно не обращался к вопросам кредитования крепостнического землеустройства. В этом коренное принципиальное отличие позиций Радищева от позиций дворянских писателей (Щербатов, Куракин и др.), которые всю проблему кредитования сводили к изысканию средств обеспечения дворян дешевым кредитом. Следовательно, и здесь Радищев оставался непримиримым и последовательным противником феодально-крепостнической системы.

¹ А. Радищев, Полное собрание сочинений, стр. 141. «Описание Тобольского наместничества», приписываемое Радищеву, напечатано в собрании его сочинений. Однако недавно было выяснено, что «Описание» составлено другом Радищева — С. И. Яновым (см. А. Старцев, Университетские годы Радищева, М., 1956, стр. 183).

¹ А. Н. Радищев, Полное собрание сочинений, т. III, М., 1952, стр. 231.

² Там же, стр. 232.

³ Там же.

БАНКИ В РОССИИ В ПЕРИОД РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (90-е годы XVIII в. — 1861 г.)

Глава VII

РАЗЛОЖЕНИЕ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ И РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ. ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТОГО ПЕРИОДА

В первой половине XIX в. (до 1861 г.) во всех областях социально-экономической жизни России обнаружилось все возрастающее несоответствие между развитием производительных сил и господствовавшими феодально-крепостническими производственными отношениями.

В сельском хозяйстве, этой цитадели крепостничества, наблюдались попытки (не всегда совершенно бесплодные) применения более усовершенствованных орудий труда, улучшения агротехники. Осуществлялись некоторые мероприятия по освоению новых сельскохозяйственных культур (например, сахарной свеклы, кукурузы и др.).

Значительно быстрее развивались производительные силы в промышленности. В это время происходило не только широкое развитие мануфактур на базе разложения мелкотоварного производства, но и внедрение машин в промышленное производство. Начиная со второй четверти XIX в., появляются признаки промышленного переворота, процесс которого окончательно завершился в пореформенный период.

Характеризуя социально-экономическое развитие России в десятилетия, предшествовавшие реформе 1861 г., В. И. Ленин отмечал, что тогда во всем сказывалась «сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма»¹.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 95.

Однако на пути утверждения нового капиталистического строя преградой стояли старые производственные отношения, основывавшиеся на феодальной собственности на землю¹. Конфликт между развитием производительных сил и господствующими производственными отношениями наложил свой отпечаток на все стороны социально-экономической, политической и культурной жизни страны и определил характер классовой борьбы того времени. С особой силой он проявлялся в сельском хозяйстве, как основной отрасли народного хозяйства феодальной России.

По мере развития внутреннего и внешнего рынков крупные землевладельцы продавали все большие массы хлеба. Так, накануне реформы вотчины графа Орлова в Жигулях поставляли на рынок до полутора миллиона пудов хлеба².

Рост товарности сельского хозяйства подрывал самую основу крепостничества и обострял присущие ему противоречия. Имевший место во многих районах страны массовый перевод крестьян на денежные оброки означал ослабление внеэкономической зависимости, а следовательно, расшатывал устой крепостного строя. Вместе с тем втягивание значительных групп крестьян в рыночные отношения давало помещикам постоянный и все возрастающий денежный доход.

Первая половина XIX в. ознаменовалась попытками привлечения наемных рабочих в сельское хозяйство. В некоторых районах страны, в Прибалтике, а также в степной причерноморской полосе, где в силу исторических условий не было сколько-нибудь значительного крепостного населения и где создались наиболее благоприятные условия для капиталистического земледелия, помещики все чаще прибегали к эксплуатации наемного труда. Вместе с тем капиталистическое хозяйство требовало вложения денежных средств, которых, как правило, у помещиков не было.

Наряду с помещичьим хозяйством капиталистического типа появляется колониальное земледелие. Иностранные колонисты, поставленные царским правительством в неизмеримо лучшие условия, чем какая-либо категория русских крестьян, создавали хозяйства фермерского типа.

На путь «торгового земледелия» переходила и некоторая весьма незначительная часть крестьян, преимущественно государственных, а также казаков. Они нередко прибегали к эксплуатации наемного труда, хотя чаще эти хозяйства применяли «патриархальные» формы эксплуатации (обработка за кабальные долги, испосу и т. д.).

Если в сельском хозяйстве наблюдались только элементы капи-

¹ Н. Дружинин, Конфликт между производительными силами и производственными отношениями накануне реформы 1861 г., «Вопросы истории», 1954, № 7.

² И. Катаев, На берегах Волги. История Усольской вотчины графов Орловых, Куйбышев, 1948, стр. 59—62.

тализма, то в промышленности, за исключением горнометаллургической, почти полностью утвердились капиталистические отношения. Капиталистическая промышленность России проходила, как указывал Ленин, следующие главные стадии: «...мелкое товарное производство (мелкие, преимущественно крестьянские промыслы) — капиталистическая мануфактура — фабрика (крупная машинная индустрия)»¹.

Мелкая крестьянская промышленность, развивавшаяся главным образом в центральных областях, приводила к специализации целых районов на каком-либо промысле. В развитии капиталистических отношений сыграла громадную роль кустарная крестьянская промышленность. Она являлась важнейшим фактором разложения крепостнических отношений и средой, в которой развивались и крепили буржуазно-капиталистические отношения. Сельский кустарь все чаще попадал в экономическую зависимость от скупщиков, раздатчиков сырья, продавцов ремесленной продукции и т. д. Последнее, втягивая в свои руки продажу продукции кустарей, создавало из мелкотоварного ремесленного производства децентрализованную или централизованную мануфактуру. Так на базе крестьянских промыслов вырастала новая прослойка промышленных капиталистов, а непосредственные производители превращались в наемных рабочих.

Наемный труд занимает в промышленности все большее место. В 1804 г. из 224 тыс. промышленных рабочих волоньонаемных насчитывалось 61 тыс., т. е. 27%, в 1825 г. из 340 тыс. — 114 тыс. волоньонаемных, т. е. 33%². Если же исключить горную и металлургическую, а также винокуренную промышленность и мельницы, где были заняты главным образом крепостные рабочие, то процент волоньонаемных рабочих значительно возрастает. По данным Туган-Барановского, в 1804 г. на долю волоньонаемных падало 47%, в 1825 г. — 54, а в 1860 г. — 87% всего количества рабочих³.

Перестройка части промышленности на капиталистический лад открывала возможности для внедрения машин, т. е. возникновения машинной индустрии. Выросшие из крестьянских промыслов, капиталистические мануфактуры, раньше чем крупные промышленные предприятия другого типа, перестраивались на основе применения машин в предприятия машинной индустрии.

Начиная с 30-х годов в промышленных предприятиях, главным образом в легкой промышленности, все чаще можно было встретить машины. По данным С. Струмилина, за 1830—1840 гг. русская промышленность поглотила машин (импортных и собственных про-

изводства) на 6,8 млн. руб., за 1841—1850 гг. — на 15,8 млн. руб., а за 1851—1860 гг. — на 84,5 млн. руб.¹.

Несмотря на это, промышленное развитие России сильно отставало по сравнению с другими странами. Феодално-крепостнические отношения препятствовали образованию достаточно емкого внутреннего рынка, а на внешних рынках (за исключением некоторых восточных стран) русская промышленность не могла конкурировать с промышленностью капиталистически развитых государств. Развитие русской промышленности тормозилось также из-за недостатка волоньонаемной рабочей силы. В тех же отраслях промышленности, где преобладал крепостной труд (в первую очередь горнометаллургической), внедрение машинной техники было затруднено.

Отражая процесс общественного разделения труда, росло, хотя и медленно, население городов, повышался удельный вес промышленности в народном хозяйстве, а также намечалась некоторая экономическая дифференциация районов страны.

Еще к концу XVIII в. (1794 г.) в городах России насчитывалось 2,2 млн. жителей, то в 1811 г. — уже 2,8 млн., в 1825 г. — 3,5 млн., а в 1856 г. — 5,7 млн.² Следует учитывать, что эти цифры дают неполное представление о незначительном населении, так как не охватывают жителей промысловых и при заводских поселков и т. д.

В связи с ростом городского населения неуклонно расширялся внутренний рынок. По приближенной оценке известного статистика начала XIX в. К. Арсеньева объем внутреннего товарооборота на 1818 г. определялся суммой в 900 млн. руб.³ Некоторым показателем роста внутренней торговли может служить и число выбранных гильдейских свидетелей, т. е. документов, дающих право на производство сколько-нибудь значительных торговых операций: в 1825 г. было выдано 28 тыс., а в 1858 г. — 62 тыс. свидетельств.

Росли торговые обороты ярмарок и основных торговых центров. К концу рассматриваемого нами периода в России насчитывалось свыше 6 тыс. ярмарок, из них крупных ярмарок с оборотом свыше 1 млн. руб. было более 30 (в том числе знаменитая Нижегородская ярмарка с оборотом свыше 100 млн. руб., Ирбитская с оборотом до 40 млн. руб. и др.). Ярмарки являлись основными проводниками товаров до потребителей.

Постепенно товарно-денежные отношения все глубже проникали в экономическую жизнь, подрывая натурально-хозяйственную основу

¹ С. Струмилин, Промышленный переворот в России, М., 1944, стр. 37. Подробнее об этом см. В. Якуцкий, Промышленный переворот в России, «Вопросы истории», 1952, № 12.

² А. Рашин, Динамика численности городского населения России, «Исторические записки», т. 34, 1950, стр. 36.

³ К. Арсеньев, Начертание статистики Российского государства, ч. 1, СПб., 1818, стр. 174.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 475.

² М. Злотников, От мануфактуры к фабрике, «Вопросы истории», 1946, № 11—12, стр. 39.

³ М. Туган-Барановский, Русская фабрика, М., 1934, стр. 70 и 73.

феодально-крепостнического способа производства. Разложение натуральной основы крепостного хозяйства и развитие национального рынка в огромной мере были ускорены строительством усовершенствованных путей сообщения, начавшимися со второй четверти XIX в.¹

Значительно выросли обороты по внешней торговле. Структура внешнего товарооборота очень ярко отражала экономику страны и все проходившие в ней сдвиги. Так, в импорте наряду с фабрикатами все большее место занимали промышленное сырье (хлопок, пряжа, красители и др.), машины, инструменты и т. д. Внешний же рынок стал предъявлять все возрастающий спрос на продукты сельского хозяйства. Если до начала XIX в. из продуктов русского сельского хозяйства вывозились преимущественно пенька, лен, конопля и некоторое другое сырье, то впоследствии первое место среди предметов вывоза занимает хлеб: в 1811—1815 гг. стоимость вывезенного хлеба ко всему русскому экспорту составила 10,5%, а в 1856—1860 гг. — уже 35%.

В целом обороты русской внешней торговли достигали (среднегодовые цифры в серебряных рублях): в 1801—1805 гг. — 127 млн. руб., в 1821—1825 гг. — 153 млн. руб., в 1841—1845 гг. — 252 млн. руб., в 1856—1860 гг. — 431 млн. руб.²

Кризис крепостнической системы России оказывал влияние на государственные финансы. Непрерывно тянувшиеся на протяжении почти двух десятилетий войны вызвали громадное напряжение государственного бюджета и привели к резкому падению курса ассигнаций. Не хватало средств для покрытия самых насущных государственных нужд. Крепостной строй исключал возможность сколько-нибудь заметного повышения доходов государства, «податные» слои населения (в основном крепостные крестьяне) не были в состоянии платить обременительные налоги. В этих условиях государственный бюджет России почти ежегодно был дефицитным. Сбалансирование бюджета достигалось за счет выпуска бумажных денег, займов как внешних, так и внутренних (в первую очередь «заимствованием» сумм из государственных кредитных учреждений). Финансовое положение России в последние десятилетия перед реформой характеризуется следующей таблицей (в млн. руб.):

Годы	Расход	Доход	Дефицит	В % к доходу
1832—1841	1 545	1 465	80	5,5
1842—1851	2 271	1 924	347	18,0
1852—1861	3 361	2 513	848	33,7

¹ П. Лященко, История народного хозяйства СССР, т. I, М., 1952, стр. 402—403.

² С. Покровский, Указ. соч., стр. 246 и 251.

«Если, — отмечает С. Струмилин, — доходные ресурсы выросли в пропорции 100 : 131 : 171, то расходы росли уже в отношении 100 : 144 : 218, а дефициты еще стремительнее: как 100 : 434 : 1 060»¹.

Бюджетные дефициты стали особенно значительными с 50-х годов вследствие Крымской войны и обострения кризиса крепостнической системы, выражавшегося в форме антикрепостнических выступлений крестьянства.

Развитие товарности сельского хозяйства при невозможности в условиях крепостного строя сколько-нибудь заметно повысить производительность труда приводило к усилению феодальных методов эксплуатации. Повсеместно увеличивалась барщина, росла помещичья запашка за счет крестьянских наделов, все большее число крестьян переводилось на «меслячину». Вместе с тем помещики не отказывались от устройства промышленных предприятий, основанных на крепостном труде. Случалось, что помещики-дворяне отдавали своих крестьян подрядчикам и предпринимателям для использования на дорожных, строительных и других подобных работах.

Соответственно увеличивался размер денежных оброков. По очень приближенным расчетам средний оброк в 90-х годах XVIII в. составлял 5 руб., а к середине XIX в. дошел до 30 руб. с души². Но особенно больших размеров достигали оброки с крестьян, занимавшихся промышленной или торговой деятельностью, некоторые из которых платили оброки в размере нескольких сотен и даже тысяч рублей в год.

В пору разложения феодально-крепостнической системы крестьянство не представляло собою совершенно однородной в социально-экономическом отношении массы. В среде патриархального крестьянства можно было выделить богатую верхушку и бедных крестьян, которые становились объектом безжалостной эксплуатации со стороны кулачества. Это начавшееся расслоение крестьянства еще больше подрывало крепостнический строй и толкало крестьян на борьбу против крепостничества.

Число крестьянских антикрепостнических выступлений росло с каждым годом. По официальным, несомненно, преуменьшенным данным³, между 1801—1810 гг. было 83 крестьянских выступления, за 1821—1830 гг. — 156, а за 1851—1861 гг. — 591. Они были тревожным предупреждением и внушали серьезные опасения наиболее дальновидным представителям господствующего класса.

Преобладание среди наемных рабочих оброчных крепостных крестьян наложило свой отпечаток и на рабочее движение. Только

¹ С. Струмилин, Промышленный переворот в России, стр. 27.

² П. Лященко, Указ. соч., стр. 306.

³ И. Игнатович, Крестьянские волнения первой четверти XIX в., «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 49.

в первой четверти XIX в. насчитывалось более 50 случаев волнений на промышленных предприятиях.

Подавляющая часть господствующего класса — дворянства, все социальные привилегии и экономические позиции которого основывались на крепостничестве, всеми силами стремилась сохранить этот привычный и столь выгодный для них порядок. Только небольшая часть землевладельческого класса (а также представителей высшей бюрократии) начинала отдавать себе отчет в том, что крепостной строй не может быть вечным, а некоторая часть дворянства, превратившаяся в предпринимателей капиталистического типа, готова была отказываться от крепостнических методов эксплуатации. В конце 40-х годов Энгельс писал, что развитие русской промышленности «даже бояр все более и более превращает в буржуа»¹. Вместе с тем представители и этих слоев дворянства не хотели полностью отказаться от своих материальных и сословных привилегий и строили различные планы «постепенной» и «безболезненной» отмены крепостного права при сохранении в неприкосновенности всех имущественных прав землевладельцев.

Русская буржуазия, экономически еще недостаточно окрепшая, общественно неорганизованная, лишенная какого-либо опыта политической борьбы, связанная с самодержавно-крепостническим режимом участием во всякого рода откупных, подрядных и других операциях, видевшая в самодержавии силу, обеспечивавшую ей беспрепятственную эксплуатацию народных масс, в своем подавляющем большинстве не сознавала себя как общественную силу, коренные интересы которой находятся в противоречии с крепостническими порядками. В ту пору русская буржуазия не сформулировала еще своей программы по важнейшим вопросам социально-экономического и политического развития страны, а ее отдельные выступления касались в основном вопросов, затрагивавших непосредственно хозяйственную деятельность (таможенные тарифы, фабричное законодательство, кредитные проблемы и т. д.), которые при всей их значимости все же играли подчиненную роль по отношению к основной проблеме эпохи — крепостничеству.

Среди угнетенного крестьянства веками жило «стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить земли, создать на место помещичьи-классового государства обществу свободных и равноправных мелких крестьян...»². Тем не менее крестьянские массы оказались «неспособны... ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием»³. Рабочий класс, как известно, еще только зарождался и,

следовательно, не было той передовой, революционной силой, которая могла повести за собой массы крестьянства на штурм самодержавия и крепостничества.

Единичные представители дворянства, «лучшие люди из дворян», как называл их В. И. Ленин, дворянские революционеры смогли провозгласить лозунг революционной ликвидации самодержавия и отмены крепостного права. Однако в своей экономической программе (в первую очередь по аграрному вопросу) декабристы не смогли полностью преодолеть своей классовой ограниченности.

Только к концу дореформенного периода, когда русское революционное движение представляли различные демократы, крестьянство обрело последовательных выразителей своих чаяний и требований.

Экономическая политика царизма в рассматриваемый период отличалась глубокой и неразрешимой внутренней противоречивостью. Во главу угла ее было положено стремление во что бы то ни стало сохранить неприкосновенной феодальную собственность на землю, ничем не нарушить крепостнические привилегии дворянства и его первенствующие позиции в социальном, экономическом и политическом строе страны. Однако сдвиги в производительных силах и изменения в соотношении классовых сил вызвали необходимость осуществления ряда мероприятий, которые хотя бы в какой-то степени шли навстречу потребностям промышленного развития России, интересам торговой и промышленной буржуазии.

Среди мероприятий этого порядка первое место занимает протекционистский таможенный тариф 1822 г. В условиях того времени дворянские мануфактуры, основанные на крепостном труде и технически наиболее отсталые, нуждались в таможенной защите, пожалуй, в большей мере, чем капиталистические промышленные предприятия, нередко встававшие на путь механизации.

Введение протекционистского тарифа имело громадное значение для развития русской промышленной буржуазии. Как утверждал И. Аксаков, «никакая правительственная мера не произвела такого переворота в быту промышленным, как этот замечательный тариф»¹.

Восстановление в 1827 г. откупной системы продажи спиртных напитков открыло перед буржуазией новый обильный источник обогащения. Любопытно отметить, что тогдашний министр финансов Канкрин, мотивируя необходимость восстановления откупной системы, указывал, что «прибыли откупщиков... доставались в руки, которые могли употребить капиталы свои с лучшей пользою»².

Широко применявшиеся в те годы казенные подряды на постройку дорог, крепостей, административных зданий и т. д., а также

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 4, изд. 2-е стр. 468.

² В. И. Ленин, *Соч.*, т. 15, стр. 183.

³ Там же, т. 17, стр. 96.

¹ И. Аксаков, *Исследование о торговле на украинских ярмарках*, СПб., 1858, стр. 13.

² «Министерство финансов», т. I, стр. 296.

подряды на снабжение армии, флота, государственных учреждений и т. п. также способствовали первоначальному накоплению капиталов. Заметная часть государственного бюджета перекачивалась в карманы откупщиков и подрядчиков. Многие представители «благородного» сословия также не гнушались участвовать в откупках и подрядах. И это был наиболее обычный в ту пору путь «обуржуазивания» дворянства.

В 40-х годах началось железнодорожное строительство, содействовавшее развитию капиталистических отношений в стране. Уступкой потребностям промышленного развития России и интересам буржуазии было учреждение Мануфактур-совета, промышленных выставок, создание технических учебных заведений. В ряду этих «пробуржуазных» мероприятий известное место займут и некоторые мероприятия в области кредитной политики. Но, как будет показано ниже, кредитная система была по-прежнему поставлена в основном на службу дворянскому землевладению.

Глава VIII

КРЕДИТОВАНИЕ КРЕПОСТНИЧЕСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ в 1800—1820 гг.

1. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАЕМНЫЙ БАНК

В первые десятилетия XIX в. задолженность дворянства продолжала увеличиваться. Например, долг крупнейших землевладельцев Шереметевых достиг в 1800 г. 2 млн. руб., а в 1805 г. — 2,7 млн. руб. На уплату долгов уходили почти все громадные годовые доходы, а иногда и суммы, превышающие накопления «лучших» годов, или чаще новые долги¹.

Князь Юсупов, владевший более 17 тыс. душ крепостных и несколькими фабриками, в 1798 г. имел задолженность банку 100 тыс. руб., а к 1818 г. — 693 тыс. руб. Свои долги Юсупов погашал, вновь закладывая души, так что к его смерти (1831 г.) долг кредитным учреждениям утроился по сравнению с суммой долга на 1817 г.² Следует учитывать, что Юсуповы наряду с банковскими ссудами очень часто прибегали к займам у частных лиц. Так, Юсупов-сын с 1816 по 1824 г. выдавал векселей на 273 тыс. руб., а его отец с 1814 по 1827 г. — на 369 тыс. руб.³.

После смерти Г. Чернышева остался майорат, оцененный в 4800 тыс. руб., а его долг Сохранной казне исчислялся в 1080 тыс. руб.⁴ Граф Головин после смерти оставил долг в 6,6 млн. руб., на покрытие которого не хватало оставленного имущества. Как писал декабрист Н. Тургенев, кредит Головина «до самой смерти был самый пространный. Все старались отдать ему свои деньги. Множество небогатых иностранцев, учителей, актеров имели у него свои капиталы»⁵.

¹ И. Щепетов, Крепостное право в вотчинах Шереметевых, М., 1947, стр. 85.

² К. Сивков, Бюджет крупного собственника-крепостника в первой трети XIX в., стр. 140.

³ К. Сивков, Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в., М., 1951, стр. 14.

⁴ Н. Дружинин, Семейство Чернышевых и декабристское движение, Сборник «Ярополец», М., 1930, стр. 20.

⁵ Н. Тургенев, Письма к брату С. Тургеневу, Л., 1936, стр. 341.

В первые годы XIX в. Государственный заемный банк был лишен возможности сколько-нибудь широко выполнять свою основную операцию — выдачу ссуд под залог душ, так как средства банка были «заморожены» в долгосрочных ссудах, которые очень неаккуратно погашались, а зачастую превращались в бессрочные и беспроцентные долги. Так, в 1804 г. Государственный совет разбирал вопрос о списании долгов, образовавшихся еще до реорганизации банка в 1786 г.¹

На деятельность банка оказала сильнейшее влияние общая политическая и экономическая обстановка этих десятилетий, прошедших под знаком войн, вызвавших разстройство финансов, денежного обращения, кредита и всех отраслей народного хозяйства.

Высшие органы государственного управления признавали, что Заемный банк в основном руководствуется стремлением к «сохранению частной собственности»; они отдавали себе отчет в том, что такая политика заводит банк в тупик, так как «просроченные заемщиками капиталы возросли уже ныне до значущих сумм... от чего не только отдалится безмерно сроки окончания платежей долгов банку, но оный терпит необходимо остановку в прочих его изобретах»². Но вершители экономической политики дворянской России, конечно, выхода из этого тупика не находили.

Только в очень редких случаях Заемный банк вынужден был прибегать к крайним мерам и брать «в опись» поместья неаккуратных должников. Но даже тогда, когда Заемный банк обнаруживал нечестную в его практике настойчивость во взыскании долгов, его мероприятия были, как правило, малоэффективны. Так, в указе, изданном в 1812 г., отмечалось, что многие губернские управления в течение долгих лет не выполняют требования правления Заемного банка по взысканию задолженности³.

Так, на 1 января 1811 г., по сохранившимся сведениям, имелось «в описи и просрочке» имений на 3,5 млн. руб., а на 1 ноября того же года «присвокупилось к тому же» имений еще на 2 млн. руб.⁴

Впрочем, и такое крайнее средство, как опись поместий, очень мало способствовало мобилизации банковских средств. По существовавшему положению с описанными поместьями банк получал в свою пользу в губерниях I класса 5 руб. с души (и соответственно меньше в губерниях других классов), а остальное шло в пользу помещика. Таким образом, банку полагалось получить немногим больше, чем причиталось процентов с исправных должников (в губерниях I класса — 3 р. 60 к. с души). Отсюда видно, что погаше-

ние долга с «взятых в опись» поместий рассрочивалось на длительный срок.

Круг желающих получить ссуду из Заемного банка продолжал увеличиваться по мере роста контингента землевладельцев-крепостников. Так, после раздела Польши право на получение ссуд автоматически распространилось и на землевладельцев бывших польских губерний.

Вместе с тем кассы Заемного банка оставались закрытыми для тех категорий русских землевладельцев, на которых не полностью распространялись дворянско-сословные привилегии. Так, было отклонено ходатайство верховши донского казачества о предоставлении ему права закладывать поместья в Заемном банке (1799 г.), поскольку к тому времени на Дону еще не завершился процесс оформления крепостничества и права частной собственности⁵.

Совершенно очевидно, что «замораживание» ссуд явилось важнейшим препятствием ускорения и расширения оборотов Заемного банка. Однако руководители экономической политики, связанные социальными, классовыми узами с представителями крепостнического землевладения, выдвинули проект общего продления срока банковских ссуд. В декабре 1811 г. министерство финансов предложило Государственному совету обратить 8-летние займы в 20-летние. Предполагалось, что за этот длительный срок помещики наряду с ежегодной уплатой процентов постепенно погасят основную сумму долга.

Хотя большинство членов Государственного совета отнеслось сочувственно к плану министерства, окончательное решение не было принято⁶.

Этот законопроект шел в разрез с планом М. Сперанского, но Мордвинов, в основном разделявший взгляды Сперанского, в данном случае выступил в поддержку плана министерства финансов⁷. Мордвинов обращал внимание на то, что, поскольку конфискация поместий неисправных должников не даст никакого эффекта, банк сможет выручить задолженные ему суммы даже по лучшим имениям не раньше чем через 24 года. Главным же аргументом Мордвинова было убеждение, что массовая конфискация поместий неизбежно подорвет частный кредит, являющийся, согласно его концепции, основой государственного.

Как объяснял Мордвинов, жесткие меры по отношению к залогодателям заставят их продавать земли или брать ссуды под высокие проценты, а это снизит цены на землю, а значит сделает невыгодным для банка продажу конфискованных земель; повышение же

¹ «Архив Государственного совета», т. III, ч. 2, стр. 684.

² Там же, т. IV, ч. 1, стр. 309.

³ ПСЗ 1, т. XXXII, № 25009.

⁴ «Архив Государственного совета», т. IV, ч. 1, стр. 313. Эти данные совпадают с данными Н. Мордвинова («Архив Мордвиновых», т. IV, стр. 129).

⁵ ПСЗ 1, т. XXV, № 18815.

⁶ «Архив Государственного совета», т. IV, ч. 1, стр. 313—318.

⁷ «Архив Мордвиновых», т. IV, стр. 127—134.

судного процента косвенно отразится на казенных операциях (по ставках, подрядах и т. д.).

Большинство членов Государственного совета, надо думать, не подвергло оценке теоретическую обоснованность концепции Мордвинова, но его конечный вывод о предоставлении дворянам — должникам банка дальнейших льгот совершенно совпадал с господствующей точкой зрения. Ее поддерживали влиятельнейшие государственные деятели, в том числе Аракчеев, что предreshло результат. Через некоторое время было обнародован царский манифест, которым реализовались предложения министерства финансов.

Как и все другие документы, провозглашавшие кредитные льготы дворянству, манифест 2 апреля 1812 г.¹ выражал уверенность, что наконец найден способ, с одной стороны, оказать дворянам помощь деньгами, а с другой — обеспечить аккуратное погашение долгов. Все восьмилетние займы, «с которого бы года они учтены не были», пролонгировались на 12 лет, считая с 1 января 1812 г. Уплату процентов по 20-летнему займу было предложено производить по правилам 25-летнего Вспомогательного банка.

В манифесте 1812 г. следует видеть одно из проявлений реакционного курса правительства Александра I, решительно отвергнувшего путь, на который его пытался вывести Сперанский. Если Сперанский в своих планах отстаивал необходимость упорядочения государственного кредита путем проведения строжайшей экономии, то дворянские реакционные круги, выразителем интересов которых выступал Карамзин, стояли на противоположной точке зрения. Они продолжали считать, что основная задача государства — поддерживать всеми средствами дворянское земледелие, испытывавшее денежные затруднения в связи с вызванными континентальной блокадой низкими ценами на сельскохозяйственные продукты. Глубоко враждебные всему, что могло бы поколебать социальные позиции «первоступающего сословия», они требовали новых и новых «милоостей» от государства.

Перед лицом внешнеполитических осложнений, которые через несколько месяцев привели страну к войне, правительство вновь пошло навстречу пожеланиям крепостников, еще раз продемонстрировав дворянско-классовый характер своей политики. В марте 1812 г. Сперанский был отстранен от дел и сослан, а 2 апреля был опубликован вышеуказанный манифест.

Однако, как и раньше, в кассах банка не хватало свободных денег. К моменту возобновления выдачи ссуд (после временного прекращения в 1812 г.) кредиты, выданные под залог поместий из Заемного банка, составляли только 12 млн. руб.²

¹ ПСЗ 1, т. XXXII, № 25072.

² Е. Ламанский, Статистический обзор операций государственных кредитных установлений, «Сборник статистических сведений о России», т. II, СПб, 1854, стр. 63.

В первые годы XIX в. среди клиентов Заемного банка появилась новая категория должников — «свободные хлебопашцы»³. Известно несколько случаев, когда банк выдавал им специальные ссуды для уплаты выкупа помещикам.

Случалось, что «свободные хлебопашцы» должны были выплачивать банку долги своих помещиков. Так, помещик Шиников (Вологодская губерния), «освободив» 75 крестьян, обязал их платить в Заемный банк в течение 8 лет по 8,5 тыс. руб. ежегодно⁴.

Ограничив свою деятельность кредитованием дворян-крепостников, Заемный банк в те годы имел очень небольшой оборот. Это видно из таких цифр: с 1800 г. по 1824 г. ежегодно выдавалось от 0,7 млн. руб. до 2,6 млн. руб.⁵

Оборачиваемость банковских ссуд была так невелика, что новые ссуды могли выдаваться только за счет новых ассигнований от правительства, а также за счет вкладов частных лиц. Основной капитал банка, составивший в 1786 г. 6 млн. руб.⁶, к 1810 г. вырос только до 9 млн. руб. 1 июля 1810 г. Государственный совет предложил увеличить капитал банка до 12 млн. руб.⁷, но при падении курса ассигнаций это не давало реального увеличения.

В связи с этим банк был особенно заинтересован в привлечении вкладов. В 1799 г. был увеличен процент, уплачиваемый по вкладам, с 4,5 до 5% годовых, т. е. вернулись к ставке 1772 г.⁸

Гарантированный казной пятипроцентный годовой доход привлекал большие суммы. Этому способствовало медленное развитие естественной промышленности и товарооборота. Хранить деньги в русских банках стало настолько выгодно, что это соблазняло даже иностранцев. В 1806 г., например, в русском банке хранили крупные суммы гамбургский банкир Майер⁹.

Таким образом, рост вкладов в банки, отражая процесс развития денежных отношений, являлся в конечном счете свидетельством замедленных темпов хозяйственного развития, обусловленных господством крепостнических отношений.

В то же время вытесненный в 1809 г. внутренний 7-процентный заем не имел успеха. За 1809—1810 гг. было распространено обя-

³ В 1803 г. крестьянам было предоставлено право с разрешения помещика выходить из крепостной зависимости с наделом за выкуп. Такие крестьяне образовали разряд «свободных хлебопашцев». Эта группа не составила и 0,5% всех помещичьих крестьян. Указанное мероприятие не имело почти никакого значения для ослабления крепостнического гнета.

⁴ В. Семеновский, Крестьянский вопрос в России в XVIII в. и в первой половине XIX в., т. II, СПб, 1888, стр. 269. Н. Тургенев отмечал, что крестьяне были самыми аккуратными должниками банка («Россия и русские», т. I, М., 1915, стр. 99).

⁵ «Министерство финансов 1802—1902 гг.», ч. I, СПб, 1902, стр. 45.

⁶ ПСЗ 1, т. XXII, № 16407.

⁷ «Архив Государственного совета», т. IV, ч. 1, стр. 292.

⁸ ПСЗ 1, т. XXII, № 16407; т. XXV, № 19120.

⁹ Там же, т. XXIX, № 22994.

гаций всего на 3 ман. руб., тогда как только в 1810 г. в Заемный банк было вложено 25 ман. руб. новых вкладов. Причину неудачи займа видели в недоверии населения к государственным займам¹.

Чтобы предотвратить банкротство банка, правительству приходилось отпускать ему специальные суммы для покрытия требований вкладчиков. Такой случай представился в 1810 г., когда Заемный банк, приняв вкладов на 25 ман. руб., выдал 38 ман. руб.².

Трудности банка усугублялись неблагоприятным финансовым положением страны в целом. Объяснялось это последствиями войн с Францией, Турцией, Ираном и Швецией. Особой глубины достигло падение курса ассигнаций, начавшееся в конце предшествующего столетия. Курс ассигнационного рубля с 67 коп. в 1806 г. упал до 25 коп. в 1810 г. Навязанное России участие в континентальной блокаде (1807—1811 гг.) привело к значительному сокращению вывоза товаров, что обусловило пассивность ее торгового баланса. Цены на предметы русского экспорта (кожи, пенька, железо, сало и др.) упали на 30—40%. Вместе с тем блокада создала исключительно благоприятные условия для развития некоторых отраслей отечественной промышленности. Остро нуждавшиеся в средствах фабриканты брали ссуды под очень высокие проценты (1,5—2% в месяц)³. В этих условиях многим представлялось невыгодным держать деньги в Заемном банке, платившем только 5% годовых.

Следует подчеркнуть, что на протяжении всей истории русские дореформенные банки даже в годы самой неблагоприятной политической и финансовой конъюнктуры не прекращали возврата вкладов по требованию клиентов. Проверенная многолетней практикой «солидность» русских казенных банков, естественно, поддерживала их авторитет на самом высоком уровне и являлась важнейшим фактором аккумуляции вкладов.

В изучаемый нами период все более возрастало значение Заемного банка в качестве кредитора государства. Использование средств банка для предоставления кратко- и долгосрочных ссуд казначейству имело место еще в годы второй турецкой войны. В первой половине XIX в. эта практика неизмеримо расширилась.

В первое время эти займы, как правило, имели целевое назначение (например, на покрытие долгов «придворной конторы»), и носили краткосрочный характер. Вскоре займы стали называться просто «долгами на казначейство», а потом появился термин: «взято по высочайшему повелению».

В государственном бюджете удельный вес «позаимствований» из кредитных учреждений был очень велик. Так, на 1810 г. при

наличии эмиссионного долга на 577 ман. руб. и долга по внутреннему займу на 3 ман. руб. казначейство задолжало Заемному банку и Воспитательному дому 86 ман. руб.⁴. В соответствии с этим в расходной части государственного бюджета все более заметное место стали занимать платежи в Заемный банк (в 1799 г. — 381 тыс. руб.)⁵ и в Сохранную казну. Ссуды банка давали возможность государству сократить выпуск внутренних займов, которые, как указывалось, не имели успеха и размещались с трудом.

Во время Отечественной войны 1812 г. средства Заемного банка стали одним из важнейших источников покрытия военных расходов. Уже через несколько дней после начала военных действий правительство, наряду с другими экстренными финансовыми мероприятиями, приняло решение о временном прекращении выдач ссуд из банка и приказов общественного призрения. Все наличные средства банка, а также суммы, возвращаемые должниками или поступающие в виде новых вкладов, должны были быть предоставлены казне⁶.

В результате казначейство получало от Заемного банка довольно значительные суммы: в 1812 г. — 4,5 ман. руб. ассигнациями, в 1813 г. — 2,5 ман. руб., в 1814 г. — 34 ман. руб., в 1816 г. — 6 ман. руб. ассигнациями⁷. На 1823 г. задолженность казначейства Заемному банку составила 84 ман. руб.⁸.

Вместе с тем банк оставался органом, соблюдающим интересы правящего класса. Во время войны и после ее окончания дворянское правительство стремилось предоставить ссуды помещикам, пострадавшим от военных операций⁹. Однако крайнее напряжение государственного бюджета не давало возможности правительству сколь угодно широко выполнять свои обещания. Особая ссуда была предоставлена жителям Москвы, пострадавшим от пожара; им было выдано 15 ман. руб. сроком на 10 лет¹⁰.

Интересно отметить, что даже та небольшая ссуда (1,6 ман. руб.), которая была выдана государственным крестьянам Московской губернии, проходила не через Заемный банк, который не захотел заниматься операциями с крестьянами, а непосредственно через казначейство. Эта ссуда должна была погашаться, начиная с 1816 г., в течение 13 лет¹¹.

¹ «Министерство финансов», т. I, стр. 56.

² «Финансовые документы», стр. 83—205; «Архив Государственного совета», т. II, СПб, 1888, стр. 237 и след.

³ ПСЗ I, т. XXXII, № 25186.

⁴ «Финансовые документы», стр. 467, 478, 487, 565.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 3, д. № 46, л. 62. Е. Ламанский (Указ. соч. стр. 59) дает другую цифру.

⁶ ПСЗ I, т. XXXII, № 25288.

⁷ И. В. Яковл. Финансы России, т. I, СПб, 1897, стр. 124.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 583, оп. 4, д. № 220, л. 13.

¹ «Министерство финансов», т. I, стр. 55.

² «Архив Государственного совета», т. IV, ч. 1, стр. 303; «Финансовые документы», стр. 443—444.

³ В. И. Иконников, Граф Мордвинков, СПб, 1873, стр. 117.

В условиях войны банк предоставил дворянам дополнительные льготы: была снята пеня за неплату взносов за 1811 и 1812 гг., а помещикам районов, которые в 1812 г. были заняты неприятелем, разрешена отсрочка взносов в банк до 1814 г.¹

Из чего складывались средства Земного банка и как они были размещены в те годы, когда существовало формальное запрещение выдачи новых ссуд, показывают следующие данные²:

(в млн. руб.)

Годы	Вклады			Ссуды	
	Всего	Казенные	Частные	Под залог вещей	Казне
1817	31,5	8,7	22,8	нет данных	
1820	33,9	4,8	29,1	9,7	23,3
1823	31,0	6,3	24,7	12,5	20,4

Таким образом, более трети средств Земного банка было роздано в качестве ссуд землевладельцам.

Запрещение выдачи новых ссуд частным лицам из Земного банка формально существовало до 1824 г. При этом было разъяснено, что в особых случаях могут выдаваться ссуды «в уважение особых заслуг и обстоятельств»³. Так, в 1814 г. графу Огинскому, за которым числилось 3 млн. руб. долга, была выдана ссуда в 100 тыс. руб. сроком на 8 лет, а в 1822 г. погашение этой ссуды было отсрочено еще на 10 лет⁴. В 1821 г. Земной банк выдал графу Соллогубу ссуду в размере 1,9 млн. руб. К 1827 г. за ним числился долг банку (вместе с недоимками) в размере 2,7 млн. руб. при общей его задолженности казне в 5 млн. руб.⁵

Если для удовлетворения притязаний ловких царедворцев в казначействе и в Земном банке находились средства, то совсем другое отношение встретило ходатайство дочерей великого полководца М. Кутузова. 29 марта 1814 г. т. е. немногим более года после смерти Кутузова, его дочери обратились с прошением на имя императора, в котором писали, что их отец, «посвятив жизнь свою на службу отечества, не мог... заниматься делами своими, смело оставя их в расстройстве... Именем, доставшееся нам, обременено долгами и тогда только можем надеяться иметь хоть малое состояние,

если... прикажете купить оное в казну». Это прошение попало в руки Аракчеева, который оставил его без ответа¹.

Продолжая издавна сложившуюся практику, Земной банк и в эти годы предоставлял привилегии и льготы заемщикам-дворянам. Так, еще в 1823 г. за наследниками князя Потемкина числилась непогашенной ссуда, полученная в 1785 г. в размере 3,2 млн. руб.². Князь Прозоровский имел задолженность в 230 тыс. руб.; не меньшие долги числились за графиней Раздвиниными и многими другими клиентами банка³.

До 1824 г. кредитованием крепостнического землевладения занимались и другие, возникшие еще в XVIII в., кредитные органы: сохранные казны воспитательных домов и приказы общественного призрения.

2. СОХРАННЫЕ КАЗНЫ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ДОМОВ

С конца XVIII в. в кредитовании дворянского землевладения сохранные казны Опекунского совета Воспитательных домов (Петербургского и Московского) стали играть даже большую роль, чем Земной банк.

Кредитоспособность сохранных казен поддерживалась постоянным притоком средств в виде всевозможных пожертвований, сборов (с картонной монополии и пр.), доходов от ломбардных операций. Кроме того, особые привилегии, которыми пользовались Воспитательные дома, укрепили репутацию сохранных казен и превратили их в основные кредитные учреждения страны, в главный орган аккумуляции денежных накоплений дворянства и отчасти купечества.

По указу 1803 г. срок ссуд, выдаваемых из сохранных казен, удлинился с пяти до восьми лет, т. е. устанавливался той же продолжительности, что и для Земного банка. В течение первых трех лет заемщик обязан был уплачивать только проценты с тем, чтобы в течение следующих пяти лет погасить равномерными частями ссуду⁴.

Средства, накапливаемые сохранными казнами в виде вкладов, быстро возрастали. Это подтверждают данные по Московскому

¹ Н. Дубровин, Письма главнейших деятелей в царствование Александра I, СПб, 1883, стр. 148.

² ЦИАЛ, д. № 270, л. 82.

³ Там же, л. 83.

⁴ Д. Филимонов, Указ, соч., стр. 270. При изучении деятельности сохранных казен исследователю поставлен в особенно трудные условия. В печатных источниках удается обнаружить только отрывочные данные о их операциях. В «Отчетах государственных кредитных установлений» материалы о сохранных казнах появлялись только начиная с 1841 г. Богатейшие же архивные фонды сохранных казен, к которым не успела прикоснуться рука исследователя, по имеющимся в литературе данным, были уничтожены.

¹ ПСЗ 1, т. XXXII, № 25324; т. XXXIII, № 25820.

² «Статистика русских банков», ч. I. Обработано И. Кауфманом; «Статистический вестник», сер. II, вып. 9, СПб, 1872, стр. 2—3.

³ Е. Ламацкий, Указ, соч., стр. 59.

⁴ ПСЗ 2, т. I, № 587, см. также ЦИАЛ, д. № 220, л. 85.

⁵ ПСЗ 2, т. II, № 867.

воспитательному дому, на долю которого приходилось более половины общего оборота сохранных казен. В Московской сохранной казне числилось вкладов (в ман. руб. асс.): в 1793 г. — 8,6; в 1803 г. — 15,4; в 1813 г. — 56,0; в 1823 г. — 169,8¹.

Следует отметить, что кредитом сохранных казен широко пользовался и казначейство. Уже в последние годы XVIII в. в Воспитательном доме казной было взято займы 1 ман. руб.² Но наиболее крупные займы были сделаны в годы, последовавшие за Отечественной войной 1812 г. Это подтверждают следующие цифры (в ман. руб. асс.)³:

Годы	Сумма	Годы	Сумма
1809	8,0	1816	14,0
1812	5,0	1817	18,4
1813	8,0	1818	4,1
1815	19,0		

Хотя часть этих сумм представляла собой краткосрочные ссуды⁴, все же долг казначейства в сохранных казнах все время возрастал. В связи с этим в государственном бюджете соответственно увеличивались ассигнования на уплату процентов и частичное погашение ссуд из сохранных казен (в ман. руб. асс.)⁵:

Годы	Сумма	Годы	Сумма
1800	0,421	1805	1,329
1801	0,131	1806	1,307
1802	0,676	1807	1,192
1803	1,162	1808	2,321
1804	1,698	1809	2,900

В 1817 г. министр финансов указывал, что «долг Опекунским советам в последние годы оставался почти в одной степени от 57 до 60 ман. руб.»⁶. Однако, если вспомнить, что в 1823 г. сумма

¹ Д. Филимонов, Указ. соч., стр. 270.

² «Финансовые документы», стр. 85.

³ ЦИАА, ф. 583, оп. 3, д. № 17, 138, 160, 176, 184, 207; «Финансовые документы», стр. 196, 213, 506, 514.

⁴ «Финансовые документы», стр. 458.

⁵ Там же, стр. 85—205.

⁶ ЦИАА, ф. 560, оп. 3, д. № 46, л. 61.

вкладов только в Московскую сохранную казну составляла 170 ман. руб., то обнаружится, что ссуды государству занимали сравнительно небольшую часть средств сохранных казен.

Распоряжение 1812 г. о прекращении выдачи ссуд из «мест казенных» не распространилось на сохранные казны. Таким образом, они за ряд лет превратились в единственный кредитный орган, производивший выдачу ссуд из «указных процентов».

В 1817 г. сохранные казны увеличили размер ссуд под душу в поместьях великорусских губерний до 100 руб.¹. В 1819 г. были введены новые правила выдачи ссуд, еще более выгодные для дворян-крепостников. Срок ссуд был продлен до 12 лет, а под душу в поместьях, расположенных в великорусских губерниях, стали давать по 150 руб., в малорусских и бывших польских губерниях (Правобережная Украина, Белоруссия, Литва) — 100 руб. асс. Эта разница объяснялась тем, что в великорусских губерниях, где были больше развиты промыслы, доход с души был более высоким.

Ссудные операции сохранных казен в эти годы характеризуют цифры по Московскому воспитательному дому (в ман. руб. асс.)²:

Годы	Выдано ссуд	Числялось в явном	
		душ (в тыс.)	домов
1803	16,9	244	46
1813	61,3	676	123
1823	216,8	1,450	221

Из приведенных цифр видно, что в 20-е годы XVIII в. сохранные казны заняли доминирующее положение среди органов, кредитующих дворянское землевладение. На их долю приходилось примерно три четверти общего числа заложенных поместий.

3. ПРИКАЗЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ

С первых же дней своего существования приказы общественного призрения превратились в местные банки, но только с 1802 г. им было разрешено выдавать ссуды по правилам сохранных казен³.

Приказы были единственными кредитными органами в провинции. Их деятельность развивалась в соответствии с расширением товарного производства и ростом денежного обращения, сопутствующими развитию капиталистических отношений.

¹ ПСЗ 1, т. XXIV, № 26955.

² Д. Филимонов, Указ. соч., стр. 270.

³ ПСЗ 1, т. XXX, № 23520.

Господство крепостнических порядков, бюрократические методы руководства и крайне узкие рамки, в которые была заключена деятельность приказов, сохранявших в значительной мере сословно-дворянский характер, — все это не могло не создать предпосылок для превращения приказов в кредитные учреждения, отвечающие потребностям дворян.

Средства приказов в те годы складывались из следующих источников (в ман. руб. асс.)¹:

Годы	Собственные средства	Вклады	Всего
1804	—	—	8,878
1810	6,080	11,940	18,020
1825	24,196	32,381	56,577

В 1820 г. были введены правила, позволившие несколько расширить операции приказов. Им было разрешено выдавать ссуды сроком до 12 лет, максимальный размер ссуды был установлен в 30 тыс. руб. Вместе с тем указывалось, что приказы могут принимать вклады сроком не более чем на три года, «понеже неопределенность срока... стесняя в оборотах их, может подвергнуть убыткам»².

Приказы боялись особенно расширить свои депозитные операции, поскольку в конечном счете эти средства «замораживались» в виде долгосрочных ссуд землевладельцам-крепостникам.

В тех губерниях, где было слабо развито дворянское землевладение, в кредитной деятельности приказов создавались искусственные «трудности». Так, в 1803 г. Вятскому приказу было предложено свои средства «отсылать в другие приказы для приращения их процентами»³. Через некоторое время это положение было распространено на приказы сибирских губерний, где также отсутствовало дворянское землевладение⁴.

Таким образом, свободные денежные средства вятского и сибирского купечества шли не на кредитование местной промышленности и торговли, а на выдачу дополнительных ссуд дворянству центральных районов.

В соответствии с местными условиями должен был действовать и Кавказский приказ, которому в 1806 г. было разрешено из-за

отсутствия в этой губернии «узаконенных залогов» давать ссуды под залог виноградинов⁵. В 1820 г. это правило было распространено на приказы новороссийских губерний (Херсонская, Бессарабская, Екатеринославская и Таврическая)⁶. Все эти меры по существу не меняли сословно-классовой направленности деятельности приказов, так как в большинстве виноградинов Кавказа и Новороссии принадлежали дворянину.

Вместе с тем развитие капиталистических отношений привело к тому, что ссудные операции приказов уже в первой четверти XIX в. не смогли полностью сохранить свою дворянскую сословную исключительность. В 1806 г. приказам было разрешено давать ссуды купцам, хотя при этом было четко оговорено условие: «если бы судет от дворянства желающих»⁷. Некоторая часть свободных средств приказов направлялась «на приращение процентами» в Земельный банк⁸.

После завершения Отечественной войны 1812 г. приказы сразу же (значительно раньше, чем Земельный банк) возобновили свои активные операции⁹.

В правительственных кругах были вполне удовлетворены деятельностью приказов как кредитных органов. В 1811 г. департамент экономии Государственного совета указал, что приказы «управляются довольно бережливо и приобретают доверие от частных лиц»¹⁰. Но это была односторонняя оценка деятельности приказов, поскольку их активные операции были очень ограничены. Следует согласиться с мнением Мордвинова, который в 1825 г. писал, что средства приказов «большую частью состоят в весьма ограниченных количествах, отчего редкие могут иметь надежду на выдачу ссуд из оных»¹¹.

И действительно, в первой четверти XIX в. роль приказов в хозяйственной жизни страны, в развитии отечественной промышленности и торговли была крайне незначительной и совершенно не отвечала нараставшим экономическим потребностям.

¹ ПСЗ 1, т. XXIX, № 22323; ПСЗ 2, т. VII, № 5827.

² Там же, т. XXVII, № 28114.

³ Там же, т. XXIX, № 22126.

⁴ Там же, № 21994, № 22307; т. XXX, № 23520; ЦГИАЛ, ф. 585, № 174—177.

⁵ ПСЗ 1, т. XXXIV, № 26955.

⁶ Архив Государственного совета, т. IV, ч. 1, стр. 307.

⁷ Архив Мордвиновых, т. VI, стр. 211.

¹ Журнал министерства внутренних дел, 1829, кн. 2, стр. 113; Н. В. Радионов, История министерства внутренних дел, т. II, кн. 2, СПб, 1862, стр. 469; см. также «Архив Государственного совета», т. IV, ч. 1, стр. 411.

² ПСЗ 1, т. XXXVII, № 28113.

³ Там же, т. XXVII, № 20855.

⁴ «Архив Государственного совета», т. IV, ч. 1, стр. 307.

Глава IX

КРЕДИТОВАНИЕ ТРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ
в 1800—1820 гг.

1. УЧЕТНЫЕ КОНТОРЫ

«Банк для поправления при Санкт-Петербургском порте коммерции» был ликвидирован в 1782 г. С тех пор в течение ряда лет в России не было ни одного (если не считать Астраханского банка) органа кредитования торговли.

Между тем в последние годы XVIII в. курс ассигнаций начал быстро падать, ухудшался и вексельный курс. Как указывал К. Маркс, вексельный курс русского рубля на Лондон в 1787 г. равен 41 пенсу, а в 1796 г. — 31 пенсу¹. В этих условиях явилась острая необходимость улучшить внешнеторговый баланс. В 1796 и 1797 гг. были изданы новые таможенные тарифы, провозимые меркантилистскими тенденциями. Вместе с тем представлялось, что важным средством улучшения внешнеторгового баланса будет также создание банка, помогающего ссудами купцам-экспортерам. Учреждение торгового банка становилось, таким образом, неотложной государственной задачей.

Учетная и страховая конторы при государственном ассигнационном банке были открыты в Петербурге 18 октября 1797 г., в один день с Вспомогательным банком для дворянства. В указе об организации Учетной конторы было записано, что она «учреждается к вспомоществованию ремесла и торговли преимущественно российским купцам, заводчикам и фабрикантам, имеющим в деньгах нужды на срочное время для полезных их оборотов»².

Устав точно очерчивал круг деятельности Учетной конторы. Контора должна была давать ссуды купцам под векселя, а также под залог товаров «собственного российского продукта, дела и мастерства». Ссуды под векселя выдавались сроком не более чем на 9 месяцев. Чтобы не подорвать кредит купцов, отказ от учета

ссуды или факт несвоевременности погашения ссуды должен был храниться в тайне.

Таким образом, в отличие от Купеческого банка, который осуществляла только выдачу ссуд под залог товаров, Учетная контора проводила, кроме того, учет векселей.

Ссуды под товары, выдаваемые Учетной конторой, подвергались самой жесткой регламентации. Устанавливалась точная номенклатура товаров, срок кредита, а также максимальный размер ссуды. В перечне товаров значились все основные предметы русского вывоза (кроме хлеба, который через Петербург тогда почти не вывозился). В наиболее благоприятные условия были поставлены экспортеры железа и меди, которым предоставлялись шестимесячные кредиты в размере $\frac{3}{4}$ стоимости товаров. Для экспортеров тканей (полотна, равендука, коломянки) также предусматривался шестимесячный кредит, но только в размере $\frac{2}{16}$ стоимости товаров. Экспортерам кожи и растительного масла предоставлялся кредит сроком только на один месяц в размере $\frac{2}{5}$ стоимости товара.

Эти нормы в известной мере отражали сложившуюся торговую практику (скорость оборачиваемости товаров и др.)¹ и вместе с тем они входили в систему покровительственных мероприятий, направленных на поощрение вывоза тех или иных товаров. Наиболее льготные условия были установлены для продукции предприятий, на которых господствовал крепостной труд (железо, полотно и др.).

Всего Учетной конторой было отпущено 15,7 млн. руб., т. е. менее третьей части того, что было ассигновано Вспомогательному банку.

Опасаясь, очевидно, что учетные конторы повысят конкурентоспособность русских купцов в торговле с иностранцами, дипломаты других государств уделяли им известное внимание. Так, прусский посланник в донесении своему правительству говорил об учреждении Учетной конторы как о чрезвычайно важном событии².

В 1806 г. наряду с Петербургской конторой было организовано несколько учетных контор в Москве, Архангельске, Одессе, Таганроге и Феодосии³. В этих конторах в решении вопроса о предоставлении ссуд участвовали как чиновники, так и представители от купечества.

¹ В 1806 г. были несколько удлинены сроки ссуд, например, под залог металлов и воска — до 9 мес., а также немного увеличены их размеры (ПСЗ I, т. XXIX, № 22042).

² Н. Шильдер. Император Александр I, СПб, 1897, стр. 369.

³ ПСЗ I, т. XXIX, № 22297, 22334. Подробные данные об условиях деятельности Одесской конторы см. «Одесский областной государственный архив» (в дальнейшем ссылки на этот источник даются сокращенно: ООГА), ф. 2, оп. 1, д. № 9, а также рукописный рескрипт Александра I на имя Ринкевича от 28 октября 1806 г. («Собрание рукописей Одесской государственной научной библиотеки имени Горького»).

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. IX, стр. 626.

² ПСЗ I, т. XXIV, № 18275.

чества, которые избирались в числе трех сроком на три года из «первостатейных русских купцов».

Купечество г. Николаева, считая себя обделенным, в 1797 г. возбудило перед Сенатом ходатайство об открытии в Николаеве Засного банка¹. Однако это ходатайство (инициатором которого, по всей вероятности, был Мордвинов) было отклонено. Вообще правительство не считало нужным расширять сеть учетных контор, которая оставалась неизменной вплоть до дня их объединения в Государственном коммерческом банке.

Как это имело место в практике Коммерческого и Астраханского банков, судьи из учетных контор получали исключительно купеческая верхушка. По свидетельству «редактора по коммерции в комиссии составления законов» Ф. Вирста, богатые купцы, орудия банковскими капиталами, давали судьям бедным купцам под высокие проценты².

В годы континентальной блокады, подорвавшей русский вывоз, купцы-экспортеры особенно остро нуждались в кредитах. Учетные же конторы из-за недостатка средств не смогли удовлетворить спрос на кредит. Поэтому кредит значительно вздорожал. У ростовщиков и прочих представителей ссудного капитала никак невозможно было получить займы менее чем из 1,5 или 2% на месяц³. Наиболее тяжелое положение сложилось в Архангельске, который поддерживал торговые связи почти исключительно с Англией. В связи с этим министерство финансов вынуждено было в 1807 г. предоставить учетным конторам дополнительные средства в сумме 8 млн. руб. асс. сроком на 5 лет для кредитования архангельских купцов.

В Москве, по словам официального документа, осаждавшие Учетную контору «толпы просителей должны каждый день возвращаться без удовлетворения». В результате захвата Москвы французами с заемщиков была списана задолженность в сумме 1,5 млн. руб. «за разграбленные при вторжении неприятеля товары»⁴.

В 1817 г. к моменту преобразования учетных контор в Коммерческий банк на их балансе числилось около 17 млн. руб., из которых под залог товаров и под векселя было роздано примерно 14 млн. руб.⁵. Общий объем операций в учетных конторах, например, в 1817 г. составил 49 млн. руб.⁶.

Еще в 1802 г. Мордвинов, тогда морской министр, предлагал разрешить учетным конторам предоставлять кредиты государственным учреждениям для расчетов с частными лицами¹. Это предложение Мордвинова, направленное на оздоровление государственных финансов и лучшее обеспечение законных интересов частных лиц — контрагентов казны, не было, однако, реализовано.

Подводя итоги деятельности учетных контор, следует подчеркнуть их крайне небольшое значение в экономической жизни страны. Операции учетных контор не могли получить развития вследствие того, что слишком ограниченным был круг лиц, которые могли ими обслуживаться. Сказывались недостатки и устава: кратковременный срок ссуд, тягостная регламентация всех операций, а также ограниченность оборотных средств контор. Учетные конторы почти совсем не обслуживали внутренний товарооборот.

В рассматриваемый период учет векселей не только в России, но и в других странах, за исключением Англии, носил в значительной мере личный характер. Громадную роль играло личное знакомство банкира (в России — «дисконтера» ростовщического типа) с торговыми делами заемщика. Понятно, что при таких обстоятельствах сугубо централизованные да к тому же казенные кредитные учреждения не могли широко проводить учет векселей мелких купцов.

В ином положении были крупные купцы-экспортеры. С одной стороны, они, как уже отмечалось выше, пользовались особым покровительством. С другой стороны, их операции, легко контролируемые (таможенные досмотры), представляли более надежный объект кредитования.

Кроме отделений учетной конторы, на основании особого устава в Риге с 1735 г. функционировала торговая касса, выдававшая ссуды под залог товаров. С 1824 г. она стала производить также учет векселей. Основанная на средства, ассигнованные правительством, касса еще в 1746 г. рассчиталась с казной и оперировала исключительно своими средствами (в 1824 г. ее собственный капитал составлял 420 тыс. руб.)².

В 1796 г. в Риге была основана учетная касса. Она производила краткосрочный учет векселей (из 6%), а в 1812 г. стала выдавать ссуды под залог драгоценных металлов и иностранной валюты³. Насколько можно судить по имеющимся материалам, отмеченные рижские кредитные учреждения обнаружили в своей узко очерченной сфере деятельности большую эффективность, чем учетные конторы, и оказали более заметное воздействие на местную хозяйственную жизнь.

¹ Опись документов и дел, хранящихся в Сенатском архиве, отд. III, т. I. СПб., 1910, стр. 36.

² Ф. Вирст, Об учреждении ассигнованного и заемного банка для споспосования народному богатству, СПб., 1808, стр. 7.

³ Архив Мордвиновых, т. IV, стр. 459.

⁴ Отчет государственных кредитных учреждений за 1817 г., стр. 36.

⁵ В. Судейкин, Государственный банк, СПб., 1891, стр. 97.

⁶ «Отчет государственных кредитных учреждений за 1817 г.», стр. 36.

¹ Архив Мордвиновых, т. III, стр. 64—66.

² Я. Печерин. Указ. соч., стр. 65.

³ Там же, стр. 67.

2. КОНТОРА ПРИДВОРНЫХ БАНКИРОВ

Почти одновременно с Учетной конторой, в 1798 г. была учреждена и так называемая Контора придворных банкиров, именовавшаяся официально «Особой конторой для внешних торговых переводов, платежей и комиссий»¹.

Официальное звание придворного банкира присваивалось некоторым богатейшим купцам, обслуживавшим правительственные нужды и связанным своими торговыми и кредитными операциями с иностранными банками.

Контора придворных банкиров получила от правительства монопольные права на производство «по государственным поручениям всех операций по переводу за границу денег». Только через них могли производиться казенные закупки товаров за границей. Основной же их задачей считалось поддержание за границей русского иексельного курса на высоком уровне. Им также дозволялось производить арбитраж², причем доход от этих операции они должны были делить с казною. Основным же их доходом был куртаж в размере $\frac{5}{8}\%$ со всех сумм, переводимых ими за границу³.

За время существования конторы придворных банкиров (1798—1816 гг.) контора переведено за границу 67 млн. руб. Доход только с этих операций составил 1,9 млн. руб.⁴.

Желая сосредоточить деятельность придворных банкиров на операциях, связанных с поддержанием русского иексельного курса за границей, русское правительство категорически запретило им участвовать своими средствами в торговых операциях, подрядках или давать частным лицам ссуды. Таким образом, для крупнейших частных банкиров исключалась всякая возможность производить операции по кредитованию торговли и промышленности и тем самым в какой-то мере способствовать ускорению темпов хозяйственного развития страны. Правда, вместе с тем придворным банкирам запрещалось кредитовать крупных землевладельцев-крепостников, что являлось наиболее распространенной операцией других кредитных учреждений.

3. МЕСТНЫЕ БАНКИ

Для полноты обзора следует упомянуть о четырех учреждениях, существовавших тогда под громким наименованием банков. Это—Вологодский, Амфиловский, Ларинский и Осташковский банки. Вологодский банк был учрежден еще в 1785 г. на основании

¹ ПСЗ 1, т. XXV, № 18327.

² Арбитраж—операции по покупке и продаже иностранной валюты на валютных рынках в целях получения курсовой разницы.

³ ПСЗ 1, т. XXV, № 18331, 18413, 18885. См. также «Сборник статистических сведений о России», т. II, СПб, 1894, стр. 9.

⁴ Я. Печерин, Указ. соч., стр. 131.

грамоты, разрешавшей городам «заводить банки» для выдачи ссуд жителям на торговые дела, а также «в случае нужды и несчастий»¹. Вологда была первым и в течение многих лет единственным городом, использовавшим это право. Капитал банка составил из мелких пожертвований и небольших взносов.

Вологодский банк обнаружил поразительную живучесть, хотя его деятельность развивалась весьма медленно. К 1852 г. из его баланса числилось 139 тыс. руб. серебром, из которых собственный капитал составлял 49 тыс. руб. Большая часть средств банка была родана под векселя вологодским купцам (146 тыс. руб.)².

Банк в г. Слободском (Вятская губерния) был основан в 1809 г. Его учредитель К. А. Амфилов (по имени которого и был назван банк)—любопытная и необычная фигура в среде русских деятелей периода первоначального накопления. Выходец из черносотенных крестьян, он вырос до купца, делавшего миллионные обороты и занимавшегося преимущественно экспортными операциями. В разгар своих коммерческих успехов Амфилов и основал в городе банк.

Сначала Амфилов предполагал передать банк в ведение городской думы, но городские тузы на это не согласились, очевидно, испугавшись материальной ответственности, а еще больше опасаясь, что банк сузит для них сферу ростовщической деятельности³. Поэтому было решено дозволить Амфилову учредить «банк под собственным его начальством и попечением».

В 1811 г. банк приступил к своей деятельности с капиталом 28 тыс. руб. асс.⁴. По уставу⁵, который стал типовым для всех городских банков, основанных до 1857 г.⁶, банк получил право выдавать ссуды под залог недвижимости (по правилам Земного банка) и под залог товаров, а также производить учет векселей (по правилам учетных контор).

К 1833 г., т. е. почти через четверть века после его основания, капитал Амфиловского банка составлял только 131 тыс. руб. асс.⁷. Это говорит о том, что банк мог играть в экономической жизни своего края весьма скромную роль.

Очень своеобразной была история Ларинского банка. Ларин (1735—1778 гг.), именем которого был назван этот банк, был богатейшим купцом. Еще в 1775 г. он задумал учредить на своей родине в с. Любуцах (Рязанская губерния) банк, на доходы от операции которого должно было содержаться коммерческое училище. Пожертвовав на это дело около 50 тыс. руб., Ларин не успел его

¹ ПСЗ 1, т. XXII, № 16188.

² Я. Печерин, Указ. соч., стр. 46.

³ Н. Латышев, Умудры накануне реформы, Ижевск, 1939, стр. 35—36.

⁴ ПСЗ 1, т. XXXI, № 29609.

⁵ Устав Амфиловского банка опубликован в ПСЗ 1, т. XXX, № 23942.

⁶ В. Осоков, Городские общественные банки в России, СПб, 1872, стр. 59.

⁷ Я. Печерин, Указ. соч., стр. 48.

9 С. Я. Боровой

осуществить. В 1778 г. он умер, а оставленные им деньги были расхищены. Только в 1817 г. был обнаружен подлог, и капитал Ларина, составивший к этому времени с процентами 770 тыс. руб., был передан на устройство в Петербурге гимназии, а 40 тыс. руб., в соответствии с волей владельца, были ассигнованы на устройство в Любучах банка и при нем училища. Ларинскому банку было предоставлено право выдавать ссуды из 6% свободным хлебопашам с Любуч¹.

Каких-либо данных о деятельности этого банка в нашем распоряжении не имеется. Известно только, что в 1834 г. чиновники, обследовавшие положение государственных крестьян Рязанской губернии, отметили как совершенно исключительное явление существование в с. Любучи «торгового училища» и «крестьянского банка»². Можно предположить, что средства этого банка успешно использовались имущей верхушкой села, занимавшейся всякого рода промысловой и торговой деятельностью.

В 1819 г. был открыт городской Осташковский банк. Основанный «осташковским первостейным купцом» И. К. Савиным (1736—1829 гг.)³, банк действовал на основании устава Амфиловского банка. Первоначально капитал банка состоял из пожертвованных учредителем 25 тыс. руб., а к 1826 г. возрос до 76 тыс. руб.⁴.оборотный капитал этого банка был невелик, и поэтому он не оказал заметного влияния на хозяйственную жизнь своего района.

Крайне слабое развитие экономической жизни в местностях, в которых протекала деятельность перечисленных выше банков, обусловленное господством крепостничества, а также ограниченные рамки их операций — все это привело к тому, что даже небольшие средства, накопленные банками, не находили места приложения. Вследствие этого в 1833 г. банкам было разрешено, при отсутствии спроса на ссуды со стороны горожан, предоставлять ссуды под залог насажденных поместий⁵. Таким образом, и эти банки, задуманные как органы кредитования промышленности и торговли, были поставлены на службу помещику-крепостнику.

4. КРЕСТЬЯНСКИЕ «БАНКИ»

Попытки организовать банки, рассматриваемые как органы мелкого кредита полуфеодалнокрепостнического типа, делались и отдельными помещиками-крепостниками. Эти затеи не имели никакого экономи-

¹ ПСЗ 1, т. XXXIV, № 26924.

² Н. Дружинин, Государственные крестьяне и реформа П. Киселева, т. I, М., 1946, стр. 365.

³ Бюрографические данные, установленные на основании выписки из его могилы (см. «Петербургский некрополь», т. IV, СПб., 1913, стр. 8).

⁴ Я. Печерин, Указ, соч., стр. 51—53.

⁵ ПСЗ 2, т. XII, № 10023. Осташковский банк в 1844 г. получил разрешение давать ссуды под поместья сроком до 15 лет (ПСЗ 2, т. XIX, № 18340).

ческого значения, но о них следует упомянуть, как о мерах, направленных на приспособление крепостнических методов эксплуатации к условиям денежного хозяйства.

Уже в первые годы XIX в. такого рода планы разрабатывал В. Каразин. Ученый и изобретатель, деятель в области просвещения, Каразин был также автором агрохозяйственных проектов. Пытаясь найти способы укрепления основных прав землевладельческого класса, Каразин, между прочим, выдвинул план устройства в деревне «капиталов», созданных за счет сборов с крестьян, штрафов и т. д. На эти «капиталы» должны были содержаться школы, священник и врач. Вместе с тем, по мысли Каразина, этот «капитал» должен был выполнять и функции банка, выдавая ссуды крестьянам на 6% годовых¹.

Проект создания деревенского банка выдвигал и Мордвинов. В 1826 г. он предложил сдаться в долгосрочную аренду государственным земли (вместе с крестьянами). На арендаторов, между прочим, возлагалась обязанность учреждать деревенские банки, которые процентными платежами на вложенные капиталы гарантировали бы государству уплату податей².

В числе реальных попыток организации крестьянских банков можно назвать следующие. До нас дошел образец устава такого банка, сочиненный крупным смоленским помещиком В. Храповицким. В 1819 г. он разработал «Инструкцию по управлению вотчинами»³, в которой делалась одна из многочисленных в то время попыток «рационализации» крепостного труда путем его строжайшей регламентации и повышения норм эксплуатации. В этой «инструкции» нашел себе место и устав крестьянского банка.

По уставу Храповицкого, банк должен был давать крестьянам ссуды из 5%, погашавшиеся равными частями в течение 10 лет. Ссуды предоставлялись крестьянину «единственно на хозяйственные его нужды, исследованные строжайшим образом, как-то, например, на покупку лошади, коровы, избы и пр.» Казначеем банка должен был быть старик, «выбанный из крестьян, не служащий уже приюту, которому отпускать должно месячный хлебный паек и кормить с приносом дворовыми людьми».

У нас нет сведений о том, реализовал ли Храповицкий план создания банка для крестьян, но известно, что в нескольких поместьях такие банки функционировали. Подобный мирской банк существовал, например, в поместье Аракчеева. Орган реакционных крепостников «Дух журналов», сообщая своим читателям об этом факте, называет Аракчеева «попечительнейшим к благосостоянию

¹ «Великая реформа», т. II, М., 1911, стр. 155—156.

² Н. Дружинин, Государственные крестьяне и реформа П. Киселева, т. I, стр. 129.

³ Опубликовано по архивному документу М. Коваленским в «Хрестоматии по русской истории», вып. IV, М., 1923, стр. 119 и след.

своих крестьян помещиками»¹. В 1820 г. Аракчеев составил подробнейшую инструкцию для банка.

Создав в своей вотчине Грузино ссудное учреждение под названием Земский банк, Аракчеев предоставил ему из своих средств 10 тыс. руб. По уставу Аракчеевский банк имел право осуществлять такие операции: заготовка муки и продажа ее крестьянам, принудительная ссуда на обзаведение лошадыми и коровами, прием вкладов.

Ссудные операции банка включали: выдачу бедным крестьянам беспроцентных кредитов, «не считающихся бедными» — до 200 руб. из 6% (при наличии двух поручителей на каждые 50 руб. ссуды), богатым крестьянам и торговцам — до 2 тыс. руб. из 12%.

Аракчеевский банк продолжал существовать и впоследствии, когда Грузино оказалось в собственности казны (а потом Удельного ведомства). В 1857 г. в банке числилось 48 тыс. руб.²

Нечто вроде мирского банка (под наименованием «Вспомогательная касса для крестьян») учредил в 1820 г. в своем имении декабрист и известный экономист Н. Тургенев. Он составил подробный проект кассы, в котором следующим образом формулировал основание для ее существования: «принимая во уважение, что нередко несчастные случаи, неумышленные ошибки, или неудачи в делах близко ставят самых добрейших и прилежнейших крестьян к бедности и разорению, и что, в таком случае, они требуют помощи, без которой могут лишиться последнего имущества». Основной капитал кассы состоял из 500 руб., пожертвованных Тургеневым, и тех доходов, которые касса должна была получить, выдавая ссуды из 6% годовых. Кроме того, на приращение средств кассы обращались штрафы с крестьян³. Как развивалась деятельность этой кассы, нам неизвестно.

Общественный банк Воронежского вотчинного правления существовал и в поместьях Воронцовых⁴.

¹ «Дух журналов», 1818, № 16, стр. 498.

² «Журнал министерства государственных имуществ», ч. 66, 1856, стр. 231—235. Отметим, об этом же банке писалось в статье: «О частном банке, учрежденном в волости новгородского помещика», «Отечественные записки», 1830, № 2, стр. 265—271.

³ «Архив братьев Тургеневых», вып. 5, П., 1921, стр. 436—440.

⁴ «Обзор хозяйственно-имущественных материалов фонда Воронцовых», «Исторические записки», т. 37, 1951, стр. 261. Чтобы не возвращаться больше к крестьянским банкам, отметим, что накануне реформы в Тверской губернии существовало два банка: в поместьях графа Панина и князя Меншикова (А. Яковлев, «Очерк народного кредита в Западной Европе и в России», СПб., 1869, стр. 247). И. Игнатович («Помещичьи крестьяне накануне освобождения», М., 1925, стр. 26) указывает, что ей известно о существовании накануне реформы трех банков в поместьях. Нет сомнения, что таких банков было значительно больше, но это ни в коей мере не превратило их в сколько-нибудь заметный фактор экономического развития России.

Иногда случалось, что сами помещики брали на себя функции банка. В условиях слабого развития хозяйственной жизни сельские богаты зачастую не могли пускать в оборот свои денежные накопления. Вкладывать же их в существовавшие тогда кредитные учреждения зажиточные крестьяне не могли в силу своей гражданской неравноправности. Поэтому иногда они отдавали свои сбережения на сохранение или «приращение» помещику, который пускал их в оборот или вкладывал от своего имени в банк.

Такие вклады юридически никак не оформлялись, оставаясь всецело на «совести» помещика. К чему это приводило при полном бесправии крестьян, видно из такого факта. В Ярославской губернии, где промысловая и торговая деятельность крестьян приобрела особенно широкое распространение, один помещик получил от крестьян на сохранение 100 тыс. руб. Наследник умершего банкира попросту присвоил крестьянские деньги¹. Это был не единственный случай подобного завершения «банкирской» деятельности помещиков-крепостников. Еще чаще встречались случаи, когда помещик насильственно превращал зажиточных крестьян в своих кредиторов. Например, в 1817 г. помещик Капшальский (Псковская губерния), желая расплатиться с долгами, потребовал от богатых крестьян, чтобы они ссудили его деньгами. Сбрав порядочную сумму, помещик не возвратил ее, чем нанес крестьянам тяжелый ущерб².

Н. С. Мордвинов, конечно, имел в своем распоряжении достаточное количество фактов, когда писал: «очень в редкость, дабы крестьяне занимали свои деньги помещикам своим. Причину тому, как известно, есть то, что потребовать оных обратно и в случае неуплаты пожаловаться крестьянину невозможно»³.

5. ВОПРОСЫ КРЕДИТОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

В 1800—1820 гг. вопрос о кредитовании промышленности приобрел особую актуальность, поскольку промышленная деятельность несколько оживилась в связи с продолжавшимся увеличением емкости внутреннего рынка. В 1804 г. в России числилось 2399 предприятий обрабатывающей промышленности с 95 тыс. рабочих, а в 1820 г. — 4576 предприятий со 179 тыс. рабочих. Особенно быстро росло хлопчатобумажное производство, которое почти полностью базировалось на наемном труде. В 1804 г. было 199 хлопчатобумажных мануфактур с 8,2 тыс. рабочих, а в 1820 г. — 440 мануфактур с 36 тыс. рабочих. Вместе с тем в горнометаллургической промышленности господство крепостного труда приводило к застою:

¹ А. Заблоцкий-Десятовский, Указ. соч., стр. 318.

² И. Игнатович, Крестьянские волнения, «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 56.

³ «Архив Мордвиновых», г. III, стр. 646.

выплавка чугуна оставалась на уровне, достигнутом в начале XIX в. (10—12 млн. пуд.)¹.

Во время войны с Францией необходимость обеспечения армии с особой остротой выдвинула вопрос о развитии промышленности. Однако и тогда банковское кредитование промышленности имело ограниченное развитие. Это обусловлено было не столько отсутствием свободных средств, сколько причинами формального порядка, поскольку уставы банков не предусматривали соответствующих операций. Лишь те промышленники, которые были одновременно душевладельцами, могли получать ссуды под души рабочих и тем самым были поставлены в привилегированное положение. Это относилось в первую очередь к горнопромышленникам. Их кредитовал как Вспомогательный, так и Засный банки.

В основном же кредитование промышленности осуществляли, как и раньше, непосредственно государственные органы. В этом заключался один из наиболее действенных методов протекционизма, сыгравший немаловажную роль в развитии некоторых отраслей производства, имевших военное значение, например, суконная промышленность.

Еще в 1798 г. Мануфактур-коллегии было указано выдавать суконным фабрикантам в виде аванса на поставку солдатского сукна одну треть договорной суммы². В 1805 г. было предписано выдавать суконным фабрикантам юга, в частности г. Одессы, беспроцентные ссуды сроком на 10 лет в размере 3—10 тыс. руб.³. В 1808—1809 гг. в связи с активной подготовкой к войне правительство выдало фабрикантам «для усиления выдачи солдатских сукон» беспроцентную ссуду в размере 3 млн. руб. Эта операция осуществлялась непосредственно казначейством⁴.

В 1802 г. казначейство ассигновало 1 млн. руб. на образование так называемого мануфактурного капитала для выдачи ссуд промышленникам⁵. Как высказался министр внутренних дел, эти ссуды могли выдаваться иногда «без точного уверения в их возврате»⁶.

В 1811 г. мануфактурный капитал был увеличен⁷. Выдачи ссуд продолжались еще в течение двадцати лет. Совершенно естественно, что при таких условиях ссуды нередко превращались в безвозвратные пособия. Так, в 1825 г. за суконным фабрикантом Кремером оставалась непогашенной ссуда в размере 568 тыс. руб.⁸.

В 1811 г. из средств Засного банка было выделено 114 тыс. руб. на образование «капитала для поощрения промышленности»¹. Иско, что этот капитал ввиду его ничтожных размеров не смог сыграть сколько-нибудь заметной роли в развитии промышленности. Например, свеклосахарная промышленность, возникшая в России в первые годы XIX в., вовсе не использовала эти капиталы. Основатель первого в России сахарного завода, тульский помещик Ваванкенгель, получив в 1802 г. ссуду в 50 тыс. руб. сроком на 20 лет из средств... Почтового департамента².

В 1802 г. ссуду на устройство сахарного завода просил и некий Крюков. Но только в 1808 г. решено было предоставить ему ссуду в размере 20 850 руб. Тогда же выяснилось, что мануфактурный капитал уже исчерпан и в качестве компенсации ему было предложено 3 тыс. десятин земли в Саратовской губернии. На устройство сахарного завода просил ссуду в 300 тыс. руб. также князь Мещерский, но это домогательство, показавшееся чрезмерным, было отклонено³.

Владельцы горных заводов, если они не брали ссуды под залог душ, могли получить лишь небольшие кредиты. По «Горному положению» 1806 г. разрешалось предоставлять ссуды владельцам частных заводов сроком до пяти лет из 6 %. С этой целью горному управлению было выдано 100 тыс. руб.⁴.

Небольшие суммы (в общей сложности менее 0,5 млн. руб.) были определены на выдачу ссуд для строительства кораблей на Черном и Азовском морях.

Этим исчерпываются известные нам факты кредитования промышленности в первые два десятилетия XIX в. Как они показывают, русская промышленность только в очень ограниченном размере могла пользоваться кредитом, причем основная часть ссуд, которую получали промышленники, шла не через банковские учреждения, а из случайных источников (например, Почтового департамента) или из специальных «капиталов».

¹ Архив Государственного совета, т. IV, ч. 2, стр. 1378; ПСЗ 1, т. XXXI, № 24501.

² ПСЗ 1, т. XXVII, № 20992.

³ К. Воблы й, Опыт истории свеклосахарной промышленности СССР, т. I, М., 1928, стр. 75—76.

⁴ ПСЗ 1, т. XXIX, № 22208; т. XXXII, № 25143; А. Нисселевич, Указ соч., стр. 98.

¹ П. Хромов, Экономическое развитие России в XIX—XX вв., М., 1950, стр. 27, 47, 436.

² А. Семенов, Указ. соч., т. II, стр. 89.

³ ПСЗ 1, т. XXVIII, № 21867, 21911, 21968.

⁴ Там же, т. XXX, № 23757а.

⁵ Там же, т. XXVII, № 21103.

⁶ Там же, т. XXIX, № 22668.

⁷ Там же, т. XXXI, № 24501.

⁸ ЦГИАЛ, ф. 583, оп. 4, д. № 220, л. 93.

Глава X

РУССКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ПЕРВОЙ
ЧЕТВЕРТИ XIX в. И КРЕДИТНО-БАНКОВСКИЕ
ВОПРОСЫ1. ПЛАНЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТОРГОВЫХ И ПРОМЫШЛЕННЫХ
БАНКОВ

Кредитные учреждения России начала XIX в. продолжали обслуживать в основном землевладельцев-крепостников, в силу чего кредит носил почти исключительно потребительский характер. Таким образом, в стране, отличавшейся чрезвычайно бедным денежным рынком, банки отвлекали свободные средства от производственного приложения. Их роль в развитии хозяйственной жизни была крайне ограничена.

Следует, правда, отметить, что учетные конторы являлись слабым предвестником новых тенденций в банковской практике, но это не могло нарушить монополию крепостнического дворянства в пользовании дешевым банковым кредитом.

Господство феодально-крепостнических отношений обусловило чрезвычайно высокий уровень ссудного процента в России. По мнению современников, дороговизна кредита крайне отрицательно отражалась на развитии хозяйственной жизни. Так, граф В. Стройновский писал: «в России также процент между купцами имеет ход выше, чем в иных странах Европы»¹.

Закон 1754 г. об «указных процентах» и о запрещении «лихования» все еще формально сохранял свою силу. Конечно, в нелегальной кредитной практике (а при наличии этого закона любая частная кредитная операция, по существу, превращалась в нелегальную) этот закон ограничивал права заемщиков и вносил в кредитные операции дополнительный риск, что в конечном счете приводило к удорожанию кредита².

¹ В. Стройновский, Всеобщая экономия народов, ч. II, СПб., 1817, стр. 163.

² К. Маркс указывал, что в средние века «законом и судом лишь в незначительной мере обеспечивали долги. Тем выше была норма процента в отдельных случаях» (Капитал, т. III, стр. 611).

Указанный закон находился в таком вопиющем противоречии с объективными потребностями хозяйственной жизни, что с критикой его выступили, как будет показано дальше, представители самых различных направлений экономической мысли. Между тем закон этот формально не был отменен на протяжении всего изучаемого времени. Более того, в 1815 г. сочин необходимому напомнить о существовании именного указа Павла I от 1800 г., в котором подтверждалась действенность закона 1754 г.¹

Насколько сильно было влияние элементов феодального характера на кредитную деятельность свидетельствовали имевшие место случаи отдачи несостоятельного должника «в закив» для отработки долга. Этот пережиток долгового рабства был отменен только в 1834 г. Как показывает специальное исследование, отдача «в закив» встречалась, хотя и не часто, в первой четверти XIX в. по отношению к несостоятельным должникам из купечества и, вообще, представителям торгового капитала².

Таким образом, кредитные проблемы теснейшим образом переплетались с основным вопросом того времени, вопросом о крепостничестве. Поэтому они привлекали к себе широкое внимание³, вызвали к жизни множество проектов и предложений о реорганизации существовавших русских банков или о создании новых кредитных учреждений.

Эти проекты и предложения исходили и от лиц или групп, непосредственно заинтересованных в дешевом банковском кредите. Такого рода предложения писались в правительственных канцеляриях, их можно было найти и в многочисленных планах государственных преобразований. Естественно, что значительно чаще, чем раньше, на вопросе о кредите и банках останавливались представители экономической мысли, разрешая эти проблемы в соответствии с классовой направленностью своей общеэкономической концепции.

Очень интересный план создания торгового банка был выдвинут неизвестным нам автором в работе «Рассуждения о деньгах, в каком случае и каким образом составляют оные государственное богатство»⁴. Автор в качестве необходимого условия развития торговли выдвигал «установление банка, к которому бы купечество

¹ ПСЗ 1, т. XXXII, № 25997.

² Е. Кушнев, Одна из форм кабальной зависимости в России XVIII в. Сборник «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия», М., 1952, стр. 252 и след.

³ Отметим, например, что в журнале «Вестник Европы» за 1815 г. были помещены две статьи на кредитные темы: «Рассуждение о влиянии денег на народное хозяйство» (№ 3), «Ответ моему другу на жалобу его о процентах» (№ 8).

⁴ ЦГАДА, ф. Строгановых, д. № 33, л. 36—59. Не имея возможности в этой работе подробнее останавливаться на анализе этого интересного произведения, отмечу, что, по нашему мнению, наиболее вероятным автором его был кто-то из ближнего окружения С. П. Воронцова (русского посла в Лондоне). Ссылки на цены 1799 г. и на союз с Англией дают возможность датировать это произведение 1799 г. или 1801 г. (после 11 марта).

имело всю возможную уверенность». Средства для банка предполагалось получить от продажи на иностранных рынках, в первую очередь в Англии, меди и железа, используя очень выгодную рыночную конъюнктуру и благоприятную международную обстановку (союз с Англией).

Примерно тогда же некий Ф. Боргенс в записке, посвященной вопросу об улучшении вексельного курса, предложил учредить во всех губернских городах заемные и ассигнационные банки, которые будут способствовать истреблению «мерзкого лихоимства» (ростовщичества) и вместе с тем ускорят обращение денег¹.

Как ни слаба была общественная активность русской торговой и промышленной буржуазии и как ни ограничены были для нее в условиях самодержавно-крепостнического строя возможности формулирования своих пожеланий в области экономической политики, все же представители этой среды также выдвинули несколько проектов создания кредитных учреждений для нужд торговли и промышленности.

В 1798 г. глава магистрата г. Одессы Кесоглу возбудил перед Павлом I ходатайство об учреждении торгового банка, который давал бы ссуды под залог недвижимости и товаров². Ходатайство это, однако, осталось неудовлетворенным.

Большее внимание привлекло к себе предложение купца и банкира Пономарева, который в 1802 г. писал о необходимости учреждения «дисконтного банка в пользу россиян и торговали их продуктами» с конторой в Лондоне. Пономарев подчеркивал особое значение банка для развития русской внешней торговли, находившейся, по его словам, всецело в зависимости «от воли и расположения иностранцев и особенно англичан противу России». Пономарев брал на себя совместно с купцами Юдиным и Майбюмом реализацию этого плана и просил у казны ссуду в размере 100—250 тыс. руб. (из 8% годовых) сроком на 20 лет, хотя признавал, что для организации задуманного банка нужен капитал примерно в 1 млн. руб.³

Государственный совет, рассмотрев в 1803 г. предложение Пономарева, не счел возможным предоставить ему «предпочтительное право» на создание такого банка, высказавшись, однако, в общей форме о желательности учреждения «в посесси нашей торговле, часто нуждающейся в капиталах, общего установления в виде Коммерческого банка»⁴.

В том же 1802 г. Гурьев, впоследствии ставший министром финансов, при обсуждении плана организации «Императорского сере-

бряного банка», высказался за создание Коммерческого банка с отделениями «в первенствующих торговых городах, как-то: Архангельске, Москве, Астрахани, Одессе и в одном из приличных к тому городов России»¹. Гурьев выдвинул проект создания «банка на серебре», которому, по его плану, должны были быть приданы некоторые функции Коммерческого банка, в том числе учет векселей².

В это же время существовал проект о создании Коммерческого банка в Сибири, подробности которого нам неизвестны³.

Возникали также планы расширения государственного кредитования промышленности. Так, в 1810 г. промышленник В. Щеткин предлагал выделить не менее 10 млн. руб. для выдачи беспроцентных ссуд владельцам мануфактур⁴, а в 1814 г. купец О. Свешников наметил целую программу протекционистских мероприятий, среди которых было и удешевление кредита⁵.

Как бы конкретизировать план В. Щеткина и О. Свешникова, уполномоченные московского купечества возбудили в 1815 г. ходатайство о предоставлении казной ссуды в 5 млн. руб. сроком на 18 лет для «устройства в Москве купеческого вспомогательного банка, который состоял бы в полном распоряжении купчества, независимо от других местных начальств»⁶.

Граф В. Стройновский также развивал буржуазную точку зрения на кредит. Будучи наиболее последовательным противником законодательного ограничения высоты ссудного процента, В. Стройновский в своем обширнейшем сочинении «Всеобщая экономия народов»⁷ оправдывал ссудный процент с позиций вульгарной буржуазной политической экономии.

В 1809 г. появился проект о создании «Вольного Российского банка»⁸. По мысли автора проекта, этот банк, созданный на средства частных вкладчиков, должен был выпускать банкноты, которые якобы вытеснят ассигнации. У автора проекта не было сомнения в том, что банкноты сохранят прочный курс. Особое преимущество проектируемого банка он видел в том, что в отличие от западноевропейских чисто купеческих банков он будет одновременно и купеческим и помещичьим банком. Заложенные земаи автор считал наилучшим обеспечением кредита. Вместе с тем он указывал, что в «денежном деле, как и в натуре вещественной, вся сила со-

¹ «Архив Мордвиновых», т. III, стр. 121.

² ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 31, д. № 46, л. 85.

³ «Опись бумаг М. Сперанского 1812 г.», П., 1916, стр. 130.

⁴ С. Покровский, Указ. соч., стр. 184.

⁵ «Опись бумаг М. Сперанского», стр. 191.

⁶ «История московского купеческого общества», т. III, вып. 1, М., 1915, стр. 152—153.

⁷ В. Стройновский, Указ. соч., стр. 152 и след.

⁸ «Архив Мордвиновых», т. III, стр. 644—661.

¹ ЦГАДА, ф. Строгановых, д. № 39, л. 28—33.

² К. Смольников, Указ. соч., стр. 102.

³ И. Левин, Акционерные коммерческие банки в России, ч. I, П., 1917, стр. 38.

⁴ «Архив Государственного совета», т. III, ч. 2, стр. 700.

стоит в шибком оных обращении». Поэтому он объявил вредным предоставление долгосрочных ссуд. Между тем из всей истории существования банков видно, что, имея должниками землевладельцев, нельзя рассчитывать на быстрый оборот банковских средств.

2. КРЕДИТНО-БАНКОВСКИЕ ПЛАНЫ М. СПЕРАНСКОГО И Н. МОРДВИНОВА

С неизмеримо более широких позиций к вопросу о кредите и банках подошли крупнейшие государственные деятели и выдающиеся представители русской экономической мысли начала XIX в. М. Сперанский и Н. Мордвинов. Для них банковская проблема была только одной из частей плана экономического и социально-политического преобразования России. Поэтому их кредитные и банковские проекты могут быть правильно поняты и оценены только в увязке со всей системой их социально-экономических и политических взглядов.

Противник революционных методов общественного переустройства, убежденный, что революции можно избежать путем своевременного проведения соответствующих реформ, Сперанский продумывал систему мероприятий, которые объективно подготовили бы условия для установления в России буржуазных порядков. Вместе с тем Сперанский выступал как сторонник сохранения за дворянством монополии на владение землей и считал ликвидацию крепостного права задачей будущего.

Таким образом, отношение к основному вопросу — крепостному праву определило в конечном счете общественно-политическое лицо Сперанского как умеренного дворянского либерала.

Среди преобразовательных планов Сперанского большое место занимали финансовые и кредитные вопросы. И это было не случайно. Как уже отмечалось выше, обострение противоречий крепостнической системы, непрекращавшиеся войны, континентальная блокада привели к неудержимому росту бюджетного дефицита, быстрому падению курса ассигнаций, увеличению государственного долга.

Характеризуя состояние денежного обращения России в этот период, Маркс писал: «... в 1810 г. бумажное обращение достигло 577 000 000 и бумажный рубль стоил только 25 копеек, четвертую часть его стоимости в 1788 г., и вексельный курс на Лондон осенью 1810 г. понизился до 11½ пенсов за рубль вместо прежних 38—40 пенсов»¹.

Особый интерес Сперанского к финансово-кредитным вопросам можно объяснить еще и тем, что, с его точки зрения, создание устойчивой денежной системы и государственного кредита, покоя-

щегося на прочном «законом» основании, являлось важнейшей предпосылкой осуществления планов преобразования России.

Наиболее полно свои воззрения по финансово-кредитным вопросам Сперанский изложил в «Плане финансов», представленном в 1810 г., а также в «Записке о монетном обращении»².

В этих произведениях, представляющих крупный вклад в русскую финансово-экономическую литературу, Сперанский подчеркивал необходимость соблюдения строгой экономии при расходовании государственных средств. Он говорил о глупом влиянии на народное хозяйство неограниченного выпуска ассигнаций, указывая на то, что ассигнация есть не что иное, как государственный долг³. Сперанский особенно подчеркивал необходимость консолидации государственного долга. С этой точки зрения он считал нужным прекратить практику заимствования казначейством средств из банков, вместо чего он предлагал выпускать государственные займы⁴.

Значение торговых банков Сперанский видел прежде всего в обеспечении выгодного денежного курса, смысляя при этом на пример Английского, Амстердамского, Гамбургского и других банков, т. е. банков, занимавшихся преимущественно кредитованием внешнеторговых операций⁵.

Ставя перед собой широкие задачи укрепления денежного обращения и переустройства всей системы государственного кредита, Сперанский не останавливался на деталях реорганизации кредитной системы. Он ни словом не обмолвился об ипотечном кредите, т. е. о том, что наиболее чувствительно задевало интересы дворян. Показателен тот факт, что в указе «О мерах уменьшения государственного долга» (1810 г.)⁶, в котором были выражены основные взгляды Сперанского по финансово-кредитным вопросам, о роли банков в кредитовании землевладения ничего не было сказано. Однако из самой сути его планов вытекало, что Сперанский не считал возможным дальнейшее расточение средств на поддержку помещиков-крепостников. И они это хорошо понимали, обрушиваясь во главе с Карамзиным на проекты Сперанского.

Решительное противодействие влиятельных дворян всем преобразовательным планам Сперанского обрело на неудачу и его финансово-кредитные планы. Выше уже отмечалось, что за падением

¹ Есть основание думать, что в своих финансово-кредитных проектах Сперанский использовал материалы, подготовленные проф. М. А. Балаузиным, восьмипятый труд которого «Проект образования кредитных учреждений и банков» до нас не дошел (см. С. Венгеров, Критико-биографический словарь, т. II, СПб., 1891, стр. 80—83).

² И. Кауфман, Указ. соч., стр. 23—41; А. Эйдемант, Новейший номинализм и его предшественники, М., 1948, стр. 205—215.

³ Сборник РИО, т. 45, стр. 63.

⁴ Там же, стр. 46.

⁵ ПСЗ I, т. XXXI, № 24116.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 626.

Сперанского последовало установление некоторых новых льгот для дворян — должников Земского банка.

Если Сперанский в своих финансовых проектах уделял сравнительно мало внимания специально банковским вопросам, то с совершенно иным положением мы встречаемся при знакомстве с деятельностью и литературным наследством Н. С. Мордвинова.

Образованнейший человек своего времени, проживший долую и деятельную жизнь (1754—1845 гг.), занимавший крупнейшие посты в государственном аппарате, адмирал Мордвинов в своих печатных трудах, а еще больше в своих многочисленных записках, документах, письмах и т. д. изложил продуманную социально-экономическую программу.

Мордвинов был широко осведомлен о современной ему западноевропейской экономической науке. Но, являясь оригинальным мыслителем, он во всех своих выступлениях исходил из стремления обеспечить всестороннее развитие производительных сил России, в первую очередь ее промышленности, видя в этом залог ее экономического процветания, культурного прогресса и политического могущества.

Мордвинов считал, что создание развитой промышленности не может быть делом одной только частной инициативы. Отсюда его неуклонная борьба против фритредерских тенденций и последовательное отстаивание различных протекционистских мероприятий.

Признавая преимущества свободного труда, Мордвинов вместе с тем не сделал естественного вывода о том, что без ликвидации крепостничества невозможно добиться сколько-нибудь серьезного хозяйственного прогресса, что крепостная Россия никогда не сможет стать в ряды передовых стран мира, о чем он так страстно мечтал.

Мордвинов понимал историческую неизбежность отмены крепостничества, но считал, что крепостное право будет уничтожено в результате постепенного добровольного отказа самих помещиков от использования подневольного труда, когда со всей очевидностью обнаружатся преимущества хозяйства, основанного на свободном труде.

Мордвинов не только не посягал на основы феодально-крепостнического строя, но, наоборот, считал даже недопустимым посягательство на него со стороны законодателя. Поэтому, определяя общественно-политическую и социально-классовую позицию Мордвинова, следует охарактеризовать его как идеолога либеральной части дворянства.

В разрабатываемой Мордвиновым системе мероприятий важнейшее место занимают кредитные планы. Не в крепостничестве и не в самодержавии, а в отсутствии хорошо организованных кредитных учреждений Мордвинов видел едва ли не основную причину экономической отсталости России.

В бумагах Мордвинова сохранились наброски проектов учреждения в России особого «министерства кредитного»¹. Предпосылкой для создания прочной кредитной системы, по мнению Мордвинова, было оздоровление денежного обращения; в этом отношении он был последователем взглядов Сперанского.

Мордвинов решительно оспаривал точку зрения противников промышленного развития России, будто бы в России для этого нет достаточных капиталов. Он писал: «Громогласные отзывы о недостаточности наших в деньгах должны умолкнуть при воззрении на великолепные наши здания, на огромные заведения, на лавки, богатые товарами, на производства торгов знаменитых, на промыслы, приводящие в обращение миллионы рублей, на ярмарки у Макарья, Коренной и Ирбита, где в одно утро покупает русский купец целый караван, стоящий несколько миллионов рублей»².

На взгляд Мордвинова, задача экономической политики России «сводилась главным образом к тому, чтобы через кредитную систему аккумулировать имевшиеся в стране свободные денежные средства и через банки направить их в нужное русло».

Мордвинов подчеркивал теснейшую связь, существующую между банковской системой и всей системой государственного кредита³. Придавая большое народнохозяйственное и государственное значение банкам, Мордвинов считал, что государство должно оказывать активное содействие укреплению банковской системы⁴.

Вместе с тем Мордвинов не столько ратовал за укрепление уже существовавших тогда в России банков, сколько выступил с проектами создания банков, основанных на совершенно новых принципах.

В 1801 г. Мордвинов представил Александру I проект организации «Трупопоощрительного банка»⁵, который был передан тогда же на рассмотрение совета министров. Но еще в 1812 г. с горькой иронией Мордвинов писал: «В совете устав мой был читан, и члены совета пожелали оный прочесть со вниманием по домам своим. Кто из министров и членов совета оный читает со вниманием, мне неизвестно». А в 1825 г. Мордвинов жаловался, что не знает, куда девался его проект «Трупопоощрительного банка»⁶.

По проекту Мордвинова, капитал банка должен создаваться из ежегодных вложений Ассигнационного банка в размере не более 2 млн. руб. Задача «Трупопоощрительного банка» излагалась следующим образом: «вспомоществовать, поощрять и возбудять

¹ «Архив Мордвиновых», т. IX, стр. 140.

² Н. Мордвинов о в. Избранные сочинения, М., 1945, стр. 109; «Архив Мордвиновых», т. IV, стр. 614.

³ «Архив Мордвиновых», т. IV, стр. 133.

⁴ Там же, стр. 132.

⁵ Н. Мордвинов, Избранные произведения, М., 1945, стр. 47.

⁶ В. Иконников, Указ. соч., стр. 47.

охоту к трудолюбию, яко источнику, из которого проистекает богатство, изобилие, сила и благоденствие народное».

Землеладельцы должны были получать ссуды на осушение болот, улучшение почв, на разведение новых культур, на приобретение сельскохозяйственных орудий, на разведение скота и т. д. Промышленникам ссуды должны были выдаваться на «устройство фабрик», сооружение рудокопных и иных приносящих общенародную пользу заводов, распространение рыбных промыслов и тому подобное. В зависимости от характера кредитуемого объекта устанавливался размер процента (от 3 до 8%) и срок погашения ссуды (от 12 до 26 лет). В качестве залогов служили населенные поместья и каменные строения. Предусматривалась возможность предоставления ссуд и без залога.

Вместе с тем «Трудопоощрительный банк» должен был выполнять научные и учебные функции; вместе с Академией наук и Вольным экономическим обществом создавать труды по техническим вопросам, содержать библиотеку и научные кабинеты, специальную школу, образцовые хозяйства и т. д.

Таков был в общих чертах тщательно разработанный Мордвиновым проект «Трудопоощрительного банка». В последующих его банковских проектах имеет место много отголосков этого раннего проекта, в частности основная его мысль — банки должны быть поставлены на службу развития производительных сил страны.

В начале 1812 г. Мордвинов представил записку «О банках на серебряном основании»¹, в которой снова подчеркивал необходимость предоставления кредита преимущественно на производительные нужды.

К этому времени у Мордвинова созрел более обширный банковский проект, в котором до известной степени обобщались все предшествующие планы по организации кредитного дела в стране. Этот план он впервые коротко изложил в 1811 г. в записке «О частных по городам банках»². Несколько позже он развил эти мысли в не большой книжке, которую опубликовал в 1813 г. для раздачи высокопоставленным лицам. В 1816 г. Мордвинов издал эту работу для общего ознакомления под наименованием «Рассуждение о пользах, могущих последовать от учреждения частных по губерниям банков»³.

Теоретическим обоснованием проекта Мордвинова явилось уже знакомое нам утверждение о решающей роли денег и кредита в хозяйственной жизни и экономической политике. Мордвинов подчеркивал, что банковская система России абсолютно неудовлетвори-

тельна, и в первую очередь потому, что существующие банки обслуживают главным образом столицу и наиболее крупные города.

По мнению Мордвинова, только в маленьких городах и сельских местностях деньги находят производительное использование, «идут непосредственно в руки занимающихся полезной и прибыльной работой, и каждый рубль употреблен на частное и общее благоустройство и обогащение». Отсюда он делает вывод о необходимости учреждения банков в первую очередь на местах, в губерниях, но не только на государственные средства.

Основной капитал банка предполагалось составить из обязательных взносов дворянства каждой губернии, которое должно было вносить ежегодно в течение 16 лет определенную сумму с каждой ревизской души. Эти взносы обращались в «невозвратный капитал» банка, и вносители имели право на получение лишь дохода с этого капитала (4% годовых).

Банк должен был образовывать также фонды особого назначения. Среди них наибольшее значение приобретал капитал, предназначенный на выкуп всех налогов и податей. Для этой цели Мордвинов предлагал установить обязательный сбор в виде своеобразного прогрессивного подоходного налога: с доходов до 1 тыс. руб. в год — 0,19%, с доходов от 10 тыс. руб. и выше — 1% в год. По расчету Мордвинова, этот сбор, если даже предположить, что он даст не более 1 млн. руб. в год, вместе с нарастающими процентами через 60 лет должен был составить колоссальную сумму в 3339 млн. руб. Одни только доходы с этого капитала (Мордвинов считал, что банк будет давать минимально 10% дохода) дадут достаточную сумму для выкупа всех государственных налогов, платежей, поборов, судебных сборов и т. д. Таким образом Мордвинов создавал в своем воображении общество, в котором нет налогов и сборов.

Более того, Мордвинову представлялось, что доходов от подоходного сбора, автоматически самовосрастающих благодаря приращению процентами, не только хватит для выкупа всех налогов, но еще останутся средства «к употреблению на внутреннее общее благоустройство и внешнее ограждение империи».

Мордвинов утверждал также, что, причисляя ко всем налогам и сборам еще 1%, банк сможет накопить и специальный «военный капитал», к которому нельзя прикасаться 48 лет. В течение этого срока при 10% годовых должна накопиться огромная сумма в 3171 млн. руб., из которой можно будет покрывать все военные расходы, не причиняя ущерба государственным финансам, не вводя новых налогов, не заключая займов и не нарушая денежного обращения.

Мордвинов верил, что на местные банки можно возложить выполнение еще и другой, не менее сложной задачи, имевшей тогда особую актуальность: подготовить «восстановление упавшего бу-

¹ «Архив Мордвиновых», т. IV, стр. 610—627.

² Там же, стр. 580—588.

³ Второе издание этой книги вышло в 1817 г., а третье — в 1829 г. (оно перепечатано в «Избранных произведениях», стр. 117—172).

мажной монеты достоинства». Для этого Мордвинов предлагал использовать план, предложенный еще в 1810 г. Сперанским, а именно, пустить в продажу государственные земли с тем, чтобы получаемые в уплату их ассигнации уничтожать.

Вместе с этим Мордвинов предлагал возложить на банки и другие важные функции, а именно: «составление сельским жителям денежных капиталов», «составление денежных капиталов для ремесленников» и «составление дворянскому сословию родовых капиталов».

По мнению Мордвинова, в условиях развившейся в России внутренней торговли, достаточно иметь в натуре двухмесячный запас хлеба, весь же излишек надо продавать, а вырученные суммы отдавать в денежный капитал, хранящийся в банке. Доходы с этих капиталов должны были идти на удовлетворение «общественных сельских расходов». Тогда, говорил Мордвинов, «многие села воспримут вид градов, в коих рукоделья, промышленность и торговля постепенно водворятся и процветать будут».

В результате аккумуляции в банке мелких сбережений ремесленников будут составляться капиталы для их нужд.

Дворянские родовые капиталы должны были предотвратить оскудение дворянских родов, происходящее от дробления поместий при переходе по наследству. Для этого Мордвинов предлагал, чтобы дворянин, желающий обеспечить своих потомков, в течение 45 лет ежегодно вносил в банк определенную сумму. К этим оставшимся неприкосновенным деньгам ежегодно должны причисляться нарастающие проценты (6% годовых). В результате не только предотвращалось оскудение дворянских родов, что представлялось Мордвинову с политической точки зрения крайне нежелательным, но, наоборот, создавалось средство поддержания экономической мощи дворянства.

Мордвинов полагал, что губернские банки привлекут много частных вкладов, будут воспитывать в народе чувство бережливости и дадут толчок процессу накопления денежных средств. Мордвинов рассматривал губернские банки как учреждения не только чисто делового характера, но и в какой-то мере филантропические. Поэтому он предлагал, чтобы половина дохода банков шла на всевозможные благотворительные нужды. О том же, куда будут банки направлять свои средства, проект Мордвинова говорит значительно более лаконично.

Банк, по его мнению, должен предоставлять ссуды купцам под залог товаров, а также проводить учет векселей. Что же касается кредитования промышленности, то, очевидно, выполнение этой задачи Мордвинов предполагал возложить на «Трудопоощрительный банк», который должен был быть создан за счет доходов губернских банков.

Говоря об основных казнях тогдашних русских банков — вкредитниках-землеладельцах, Мордвинов видел экономическую целесообразность предоставления им ссуд. Еще в 1809 г. он писал: «где те, которые, будучи и не один раз помогаемы, удерживали за собою именья?»¹ Мордвинов прекрасно понимал, что почти невозможно обеспечить аккуратную уплату процентов и погашений со стороны этой категории клиентов банка, и все же он, исходя из своих классовых позиций, не мог обойти интересы дворян-землеладельцев. Кроме того, без их поддержки была бы совершенно исключена возможность реализации его широких банковских планов.

По плану Мордвинова ссуды должны были предоставляться преимущественно (но не исключительно!) тем помещикам, которые возьмут деньги на «устройство и поправление сельского хозяйства, на заведения, расширение промышленности способствующие». Размер ссуд определялся количеством душ, а срок ссуд устанавливался в 8—20 лет, т. е. практиковавшийся Заемным банком и сохранившийся казнами в начале XIX в.

В последующие годы Мордвинов предусматривал еще более широкую кредитную помощь землеладельцам и высказывался за удлинение срока ссуд дворянам, за уменьшение нормы процента и за «терпеливое» и «справедливое» отношение к помещикам, несвоевременно уплачивающим долги.

Рассматривая губернские банки как учреждения, поставленные на службу всем сословиям, Мордвинов вместе с тем считал, что руководство губернскими банками должно быть предоставлено дворянам.

Таким образом, проект Мордвинова теоретически был совершенно несостоятельным, утопическим. В основе его лежало представление о «безкризисной» экономике, вера в то, что все предприятия, в которые вложены банковские ссуды, будут бесперебойно давать высокие доходы. Между прочим, размеры предусмотренных Мордвиновым ежегодных банковских платежей землеладельцев значительно превышали нормальные доходы дворян-землеладельцев того времени. Планы Мордвинова, подкрепленные математическими расчетами, исходили из совершенно фантастического предположения, что непрерывно возрастающие капиталы банка будут целиком разорваны заемщиками, которые с точностью часового механизма будут покрывать свою задолженность. Только исходя из этого, Мордвинов мог сделать вывод, что поступающие в банк вклады будут с чудесною автоматичностью самовозрастать по законам сложных процентов.

Расчеты Мордвинова в данном случае представляются столь же «обоснованными», как и расчеты осмеянного Марксом фантазера,

¹ «Архив Мордвиновых», т. III, стр. 659.

который вычислил, что один пенни, отданный в ссуду при рождении Христа из 5% годовых, вместе с процентами на проценты вырос бы теперь в сумму, превышающую ту, в которую оценивались бы 150 миллионов земных шаров, сделанных из чистого золота. Автор, говоря по этому поводу Маркс, «...рассматривал капитал, не принимая во внимание условия воспроизводства и труда, рассматривал его как самодействующий автомат, как простое самоувеличивающееся число...»¹.

Увлеченный своими банковскими планами, изобретая все новые формы банковских операций, Мордвинов не понимал, что банки и кредитная система при всей их важной роли в хозяйственной жизни страны не являются ведущим фактором экономического развития. И все же, проект Мордвинова об учреждении «частных по губерниям банков» — замечательный памятник русской общественно-экономической мысли, произванный горящей верой в творческие силы русского народа, верой в то, что его ум, трудолюбие и настойчивость обеспечат непрерывный рост могущества, богатства и славы России.

Мордвинов попытался ознакомить со своим произведением и заграницу. Для этого он изготавил французский перевод «Рассуждений», который разослал виднейшим экономистам своего времени: Бентаму, Сею и др.² Чрезвычайно лестный отзыв о труде Мордвинова поместил в 1824 г. на страницах итальянского журнала экономист М. Жойя³.

В 1824 г. Мордвинов разослал всем губернским предводителям дворянства свою книгу в сопровождении циркулярного письма⁴. Между тем в России за годы, прошедшие с момента выхода первого издания его «Рассуждений», только харьковское дворянство обратило внимание на эту книгу. Очевидно, Мордвинов имел в виду деятельность В. Каразина, который, как уже указывалось выше, выступил в начале века с планом организации сельских банков. Единственный, кто из русской печати откликнулся на труд Мордвинова, был «Дух журналов», один из номеров которого за 1818 г. был полностью посвящен критике «Рассуждений».

«Дух журналов» был органом реакционных дворян-фритредеров. Понятно поэтому, что он обрушился на произведение Мордвинова беспощадную критику. Анонимный рецензент обошел молчанием основные вопросы, поднятые его книгой⁵. Нащупав самый слабый пункт в планах Мордвинова, он сосредоточил весь свой кри-

зисский огонь на доказательстве невозможности бесперебойного роста капиталов по законам сложных процентов¹.

Проект Мордвинова о создании губернских банков остался нереализованным даже в каких-либо частностях. И это произошло не только потому, что в его планах многое было практически нереализуемо. Проект Мордвинова, который объективно означал создание более благоприятных условий для развития капиталистических отношений, никак не согласовывался с основными тенденциями экономической политики царизма, направленной на сохранение господства крепостнического землевладения.

Однако Мордвинов и после этого не сложил оружия. В последующие годы (1816 г., 1823 г., 1825 г., 1826 г., 1838 г. и др.) он не пропускал ни одного случая, чтобы напомнить о своих проектах². До конца своей долгой активной государственной деятельности с поразительным упорством, свидетельствующим о непоколебимой и искренней вере в то, что им открыто средство быстрейшего хозяйственного развития России, Мордвинов пропагандировал свои банковские планы.

3. КРЕДИТНО-БАНКОВСКИЕ ПЛАНЫ ДЕКАБРИСТОВ

В первой четверти XIX в. важнейшая историческая задача — ликвидация самодержавия и крепостничества — овладела умами декабристов — «лучших людей из дворян» (Ленин). Они не смогли до конца преодолеть своей классовой ограниченности, сказавшейся в их революционной тактике и в социально-экономической и политической программе, они, по словам Ленина, «были страшно далеки от народа», но в их программе звучали отголоски освободительной борьбы крепостного крестьянства.

Полные патриотической тревоги за судьбы своей Родины, стремившиеся в результате революционного переворота вывести ее на путь величия, благоденствия и славы, декабристы в своих произведениях и программных документах выдвигали проекты преобразования почти всех отраслей хозяйства и государственного управления. Осуществление этих преобразований в условиях того времени выражало бы прогрессивную для того времени задачу — расчистку путей капиталистического развития.

Сохранившиеся труды декабристов дают очень важный материал для суждения о том, как они подходили к кредитно-банков-

¹ В качестве дополнения к этой статье в журнале был напечатан аспект «Арифметическая задача о финансовом предмете» («Дух журналов», 1818, № 16, стр. 501—510), в котором высмеивались расчеты на непрерывное самовозрастание капитала в результате начисления сложных процентов (Ответ Мордвинова см. «Архив Мордвиновых», т. V, стр. 399—409).

² В. Иконников в, Указ. соч., стр. 146, 386, 399; Н. Мордовinov, Набравшие произведения, стр. 236; «Архив Мордвиновых», т. VII, стр. 37, 213; сборник РИО, т. 74, стр. 31.

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 410.

² «Архив Мордвиновых», т. IV, стр. 339.

³ Перепечатано в 3-м издании «Рассуждений» на стр. 167—184.

⁴ «Архив Мордвиновых», т. IV, стр. 360—365.

⁵ «Дух журналов», 1818, № 16, стр. 479—500.

ским проблемам и какое место занимали эти вопросы в общей системе их экономических и политических воззрений.

Крупнейшим знатоком экономических наук был декабрист Николай Иванович Тургенев. Его особенно интересовали финансовые и кредитные проблемы. Уже осенью 1810 г. он приступил к написанию диссертации под названием «Рассуждения о банках и бумажных деньгах»¹. В этой работе Тургенев говорил о необходимости создания банков, которые способствовали бы экономическому развитию России, росту народного благосостояния, «на коем создаются свобода, независимость отечества и граждан»².

По окончании этой работы в середине 1811 г. Тургенев задумал новую диссертацию. «Я хочу, — писал он, — говорить о кредите, доходах, налогах, о продаже государственных имений. О России хочется кое-что сказать»³.

В последующие годы в центре теоретических интересов Тургенева продолжали оставаться финансовые вопросы. Он стал видным чиновником финансового ведомства. Вместе с тем финансовые вопросы Тургенев поднимал первоочередной проблеме русской действительности — ликвидации крепостничества.

В 1815 г. Тургенев разработал план постепенного освобождения крестьян путем их выкупа⁴. В этом проекте он отдавал дань своим либеральным иллюзиям, которые он постепенно, хотя и не до конца, изжил в последующие годы.

В своем дневнике на дату 5 декабря 1815 г. Тургенев записал мелькнувшую у него мысль: предложить употребить часть полученной Россией после победы над Францией контрибуции «на учреждение нескольких провинциальных заемных банков для ссуды мелких сумм»⁵. Эта мысль несколько совпадала с планами Мордвинова.

Работая в качестве чиновника министерства финансов, Тургенев пытался ввести новые принципы оценки земли — не по душам, а по стоимости ее⁶. В соответствии с этим он и предлагал изменить кредитную практику банков⁷.

Н. Тургенев занимался также вопросом об организации «погашательной казны», сберегательных касс, отмечая, как неудовлетво-

рительно выполняют функции сберегательных касс приказы общественного призрения¹.

Основным экономическим трудом Н. Тургенева была его книга «Опыт теории налогов» (1818 г.). В ней вопрос о кредите и банках являлся почти исключительно с проблемой бумажноденежного обращения. Обобщая свои мысли о роли кредита в общественном и хозяйственной жизни страны, Тургенев писал в конце книги: «Нек кредита наступает для всей Европы. Усовершенствование системы кредитной пойдет наряду с усовершенствованием системы представительства народного»². Таким образом, Тургенев отчетливо сформулировал мысль, что экономический прогресс находится в полной и непосредственной связи с ростом политических свобод. Эта мысль пронизывала всю книгу и придавала ей опозиционное звучание. В своей работе Тургенев не останавливался специально на анализе состояния кредитно-банковского дела в стране. Но некоторые высказывания его дают возможность сделать вывод, что он считал неправильным существовавшее тогда законодательное ограничение нормы процента. Тургенев указывал также, что недостаточная залоговая обеспеченность заемщиков отражается крайне вредно на развитии кредита³.

Глубоким знатоком политической экономии был и самый выдающийся декабрист Петр Иванович Пестель. К сожалению, у нас нет достаточно ясного представления об его воззрениях по вопросам кредита⁴, поскольку почти не сохранились его произведения. В «Русской Правде» Пестель не оставил без внимания банковско-кредитные вопросы, связав их с ядром своих планов социально-экономических преобразований — решением аграрного вопроса.

Как известно, аграрная программа Пестеля строилась следующим образом. В каждой волости вся земля делилась на две половины: на общинную и частную. Из общинной земли каждый мог получить участок земли, достаточный для пропитания семьи. Эта земля не могла ни продаваться, ни покупаться, ни быть заложеной. Пестель полагал, что в стране не останется ни одного граж-

¹ «Архив братьев Тургеневых», вып. V, стр. 14 и 69—70.

² Н. Тургенев, Опыт теории налогов, М., 1947, стр. 171.

³ Там же, стр. 132.

⁴ В 1925 г. была опубликована обширная рукопись «Практические начала политической экономии», авторство которой приписывали Пестелю. В этой рукописи некоторое место было уделено кредитно-банковским вопросам. В частности, с позиций буржуазной политической экономии подверглась критике тогдашняя практика кредитования дворянского землевладения («Красный архив», 1925, № 6, стр. 207—218). Сейчас, однако, считается установленным, что Пестель не являлся автором этого произведения. В. Сыроечковский («П. Пестель и К. Герман. К вопросу о ранних политических воззрениях Пестеля», «Ученые записки МГУ», вып. 167, 1954, стр. 151—178) считает, что «Практические начала» представляют собой запись лекций проф. К. Ф. Германа.

¹ «Архив братьев Тургеневых», вып. 1, СПб., 1911, стр. 458. Новые данные об этой работе Тургенева опубликованы Е. Тарасовой (см. «Ученые записки Мордовского государственного педагогического института», т. X, 1956, стр. 56—82). См. также Н. Тургенев, Письма к брату С. Тургеневу, Л., 1936, стр. 367.

² Е. Тарасова, Указ. соч., стр. 82.

³ «Архив братьев Тургеневых», вып. 1, стр. 293.

⁴ Там же, вып. III, СПб., 1913, стр. 305—306.

⁵ Там же, вып. III, стр. 304.

⁶ N. Tourgueneff, La Russie et les russes, t. I, P., 1847, p. 140.

⁷ «Архив братьев Тургеневых», вып. III, стр. 143.

данина, не владеющего землей на общинном праве, что предотвратит пауперизацию народных масс. Вместе с тем Пестель допускал частную земельную собственность. Вторая половина земельного фонда, по его мысли, предназначалась для «доставления избытка». Она могла быть объектом купли-продажи. Предпосылкой для такого решения вопроса было принудительное отчуждение части помещичьих земель.

Как ни суммарно и общо излагал Пестель свой аграрный план, все же перед ним должен был встать вопрос о средствах, на которые должны будут вести свое хозяйство иудии на асеме «пристаища и хлеба». Этой цели, по мнению Пестеля, должны были служить волостные банки. «Из сего банка получить будут граждане нужное число денег на первоначальное обзаведение своего хозяйства, когда в землеладельческое состояние поступать будут»¹.

Средства волостного банка, по плану Пестеля, составлялись из обязательных ежегодных взносов граждан волости. Банк должен был, во-первых, выдавать ссуды «чаенам волости» (причем ссуды не свыше определенной нормой должны быть беспроцентными); во-вторых, выдавать ссуды на первоначальное заведение хозяйства (беспроцентные, с погашением в течение ряда лет). Банку разрешалось выдавать под залог процентные ссуды и посторонним (т. е. жителям другой волости) гражданам.

Пестель особо предусматривал проведение банками страховых операций, которым придавал очень большое значение. Из прочих банковских операций он отмечал только переводные, а такие важнейшие операции, как учет векселей, подоварные ссуды и т. д., им даже не упомянуты².

Помимо волостных банков, Пестель предполагал функционирование и частных банков. Таким образом, и в банковских вопросах Пестель кладет в основу принцип сосуществования общественных и частных интересов.

Представляется очень вероятным, что на банковские планы Пестеля оказало большое влияние «Рассуждения» Мордвинова. Пестель так же, как и Мордвинов, проектировал создание сети местных (Пестель — волостных, Мордвинов — губернских) банков, основанных за счет обязательных ежегодных взносов местных жителей. Пестель тоже предусматривал использование части прибыли банка на общественные надобности, в том числе на уплату налогов. Но между планами Мордвинова и Пестеля была и глубокая принципиальная разница. Если Мордвинов подчинял банки задаче развития капиталистической промышленности и отчасти дворянского землевладения, то в центре банковских планов Пестеля — мелкий сельскохозяйственный производитель. И, наконец, дворянский либе-

рал Мордвинов считал возможным осуществление его банковских планов самодержавным правительством, тогда как дворянский революционер Пестель рассматривал свой план как один из пунктов деятельности правительства, которое придет к власти после революционного свержения самодержавия.

Сторонник свободы в хозяйственной деятельности, Пестель в «Русской Правде» решительно выступает против законодательного установления максимальной процентной ставки. «Частный рост», — писал он, — относится до отношений между гражданами и во уважение свободы промышленности не должен быть законом определен, но воле частных людей в их договорах быть предоставлен, тем более, что ростовые законы никогда не исполняются³.

Как мы видим, в этом вопросе Пестель обнаруживает полную солидарность во взглядах с А. Радищевым и Н. Тургеневым.

Декабрист С. Муравьев-Апостол также занимался финансово-экономическими вопросами. Имеются данные, что Пестель предложил ему написать статьи о финансах и народном хозяйстве для «Русской Правды»⁴.

Автором специальной работы на экономическую тему «О свободе торговли и вообще промышленности» был декабрист Н. Бестужев. Хотя книга написана в ссылке в 1831 г., Бестужев отражает в ней свои взгляды, сложившиеся до восстания.

Ярый сторонник свободы торговли и экономического либерализма, Бестужев очень критически относился к кредиту как фактору хозяйственного развития. С его точки зрения, банковские ссуды ничего не могут дать ни фабриканту, ни земледельцу по двум причинам: из-за упадка земледелия, объясняемого «рабством», «недостатком сбыта», и вследствие протекционистской политики, «ибо ежели бы первая и не существовала, то достаточно одной последней, чтобы уронить хлебопашество»⁵.

Если Бестужев был прав, не видя в кредите панацею, способной самостоятельно решить важнейшие задачи хозяйственного развития, то вместе с тем он не отдавал себе отчета в том, что в условиях экономической отсталости России ее промышленность не смогла бы встать на ноги без некоторых мероприятий протекционистского характера. Среди последних известное место должна была занять и соответствующая кредитная политика.

На совершенно противоположной Бестужеву позиции стоял другой видный декабрист Михаил Федорович Орлов. Интерес Орлова к финансово-кредитным вопросам определился рано. Уже в 1820 г. в письме к реакционному военному исторiku Бутурлину наряду с другими соображениями он писал о большой роли финансового фак-

¹ П. Пестель, «Русская правда», СПб, 1906, стр. 207.

² Там же, стр. 241—242.

³ П. Пестель, «Русская правда», стр. 222.

⁴ «Восстание декабристов», т. IV, стр. 115; т. X, стр. 21.

⁵ Н. Бестужев, Статьи и письма, М., 1933, стр. 119—121.

тора в войне¹. В 1833 г. в Москве анонимно вышла книга Орлова «О государственном кредите»². В этой работе Орлов изложил далеко не все, что им было продумано и написано по данному вопросу. Кроме того, часть текста была вычеркнута цензурой.

С исключенными цензурой разделами книги Орлов попытался тогда же ознакомить своих близких друзей, в том числе А. С. Пушкина³, но только в 1955 г. эти страницы были опубликованы⁴.

Книга М. Орлова была крупным явлением в мировой финансово-экономической литературе, а также замечательным памятником русской общественно-политической мысли. В ней Орлов попытался построить совершенно новую теорию государственного кредита. Он видел в государственных займах могущественное средство экономического и политического развития. Орлова по праву можно признать создателем «современной доктрины» государственного кредита, о которой писал К. Маркс⁵, возможно знакомый с работой Орлова, вышедшей в немецком переводе в 1840 г.

Поскольку вопрос о государственном кредите и роли государственных займов выходит за тематические рамки этой работы, мы не останавливаемся здесь подробнее на анализе книги М. Орлова⁶.

В начале 30-х годов Орлов написал не дошедший до нас труд «О современном состоянии кредитных установлений в России». В нем рассматривались вопросы, выдвинутые правительственными планами в области финансовой и экономической политики в начале 30-х годов (вопрос о курсе ассигнаций, о банковской процентной ставке и др.)⁷.

Орлов делал попытки и практического решения некоторых вопросов кредитного дела. Он разработал проект учреждения «Воль-

ного банка в Москве». К сожалению, мы не знаем точно, когда этот проект был составлен, неизвестно нам и его содержание. В изданном небольшом отрывке из этого плана¹ Орлов выражает свое восхищение Петром Великим, который высоко оценил труды пресловутого Джона Ло и не отрекся от своего мнения после краха Французского банка. Орлов проектировал создание акционерного банка, которому предоставлялось бы право выпускать акции и банкноты,отирующиеся на бирже.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что особое значение высказываний и планов декабристов в области кредита заключается в том, что эти проблемы поднимались основной задачей — освобождению России от гнета самодержавия и от позора крепостничества.

¹ «Русский архив», кн. VI, 1874, стр. 1578—1579.

¹ Опубликованно в сборнике «Декабристы и их время», т. I, М., 1928, стр. 204.

² М. Орлов, О государственном кредите, Сочинение, писанное в начале 1832 г., М., 1833.

³ Сохранилось несколько заметок, сделанных Пушкиным при чтении книги Орлова. Они свидетельствуют о том, что Пушкин не только усвоил содержание книги, но что она толкнула его на ряд мыслей о происхождении и роли кредита (А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. XII, М., 1949, стр. 206—207).

⁴ Опубликованно в «Записках отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина», вып. 17, 1955.

⁵ К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 757—758.

⁶ См. об этом подробнее в моих статьях: «Декабрист М. Орлов и его книга «О государственном кредите» («Известия АН СССР. Серия истории и философия», 1951, № 1, стр. 46—60), «Первые материалы о книге декабриста М. Орлова «О государственном кредите» («Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина», вып. 17, стр. 159—191).

⁷ План этой книги опубликован Л. Линде в «Записках отдела рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина», стр. 234—237.

Глава XI

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ
ЦАРИЗМА в 20—50-х годах XIX в.1. БАНКОВСКИЕ РЕФОРМЫ 1817 г. И ПЛАНЫ
ПЕРЕУСТРОЙСТВА КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ
в 1821—1824 гг.

Кредитные планы и проекты, выдвинутые в первой четверти XIX в. представителями различных общественных слоев и направлений, естественно, могли стать реальными только в той мере, в какой они отвечали интересам господствующего класса, соответствовали общим задачам экономической политики царизма.

В рассматриваемый период царское правительство стремилось сохранить крепостнические порядки и в то же время оно вынуждено было проводить мероприятия, вызываемые развитием капиталистических отношений. Маневрирование между этими двумя в конечном счете непримиримыми тенденциями и составляло основное содержание экономической политики царской России.

К моменту окончания войны с Францией в области кредитной политики встал целый ряд актуальных задач. Основное государственное банковское учреждение — Земельный банк еще не восстановил своих активных операций. Резко выросшая задолженность казначейства кредитным учреждениям превратилась в основную форму внутреннего государственного долга. Хотя падение курса ассигнаций уже приостановилось, но в 1817 г. один рубль ассигнаций стоил только 25 коп. серебром. Государственный бюджет сводился еще с громадным дефицитом (в 1817 г. при государственных доходах в 356 ман. руб. расходы составляли 438 ман. руб.).

Во внешнеторговых отношениях отмечалось падение цен на предметы русского вывоза (в первую очередь хлеб) и вместе с тем все больше обнаруживалась слабая конкурентоспособность русской промышленности как результат технико-экономической отсталости крепостнической России. Это грозило дальнейшим ухудшением внешнеторгового баланса, а следовательно, и неслышного курса рубля.

Все это вместе с экономическими и финансовыми последствиями войны 1806—1815 гг. делало необходимой перестройку кредитно-банковской системы и превращение ее в более эффективное орудие экономической политики.

С этой целью в 1817 г. были осуществлены два мероприятия: организация учетных контор в Коммерческий банк и создание Совета государственных кредитных установлений.

На Совет государственных кредитных установлений¹ была возложена координация деятельности всех существовавших кредитных учреждений. В Совете наряду с тремя членами от правительства (председатель Государственного совета, министр финансов и государственный контролер) участвовали и выборные члены: 6 депутатов от дворянства и 6 депутатов от купечества (петербургский городской голова и 5 членов из купчества, производящего торговлю при петербургском порте). Таким образом, если не говорить о купеческих депутатах в учетных конторах, то этот Совет был первым, а до учреждения в 1828 г. Мануфактурного совета, единственным государственным органом, куда вводились представители буржуазии. Однако равенство представительства дворянства и купчества в Совете не означало равноправия этих двух классов в социально-политическом отношении.

Представители консервативного дворянства еще долгое время не могли примириться с мыслью о том, что купцы заседают в государственном учреждении. Так, секретарь Екатерины II Грибовский писал: «В числе членов были от купчества русского, большого частью раскольников. Какая перемена в нравах! За 70 лет их и в переднюю не пускали»².

Совет государственных кредитных установлений был торжественно открыт 22 февраля 1818 г. На первом его заседании министр финансов Гурьев говорил: «Учреждение банков имело на государство общеполозное влияние, дав быстрое движение денежному обращению; трудолюбие получило новую пищу, дремавшая промышленность пробудилась, торговля оживилась, источники народного богатства открылись и расширились очевидно»³.

Совет, не имея никаких ясно очерченных задач или административных прав, должен был выполнять только чисто наблюдательные функции. Едва ли не важнейшим делом Совета было ежегодное издание отчета, в котором публиковались балансы банков. Поэтому Совет не оказался реальным фактором экономической политики.

Неизмеримо более значительным событием было открытие Коммерческого банка, объединившего учетные конторы. Это мероприя-

¹ ПСЗ 1, т. XXXIV, № 26834.

² «Записки А. Грибовского», «Русский архив», 1899, стр. 129.

³ «Отчет государственных кредитных установлений за 1817 г.», СПб. 1818, стр. 6—7. Отчет об открытии Совета был помещен также в «Духе журналов», 1818, № 10, стр. 311—320.

тие было связано с решением больших проблем экономической политики, с вопросом о том, должна ли Россия развиваться преимущественно как аграрная страна или как промышленная держава. К концу первой четверти XIX в. этот вопрос приобрел особую остроту. После вопроса о крепостничестве он являлся, пожалуй, наиболее актуальной социально-экономической проблемой. То или иное его решение должно было заметным образом отразиться на характере хозяйственного развития страны и по-разному сказаться на социальных и экономических позициях различных классов.

В конкретно-исторических условиях борьба сторонников промышленного развития сводилась в основном к требованиям установления протекционистских тарифов и устранения фритредерских тенденций во внешней торговле.

Сторонниками фритредерского направления выступали преимущественно идеологи дворянского землевладения. Свободная торговля обеспечивала наиболее благоприятные условия для вывоза сельскохозяйственной продукции, а также дешевые цены на иностранные товары (ткани, вино, предметы роскоши и т. д.), основным потребителем которых было дворянство. Но введение в 1816 и в 1819 гг. фритредерских тарифов крайне отрицательно сказалось на экономическом положении страны. Резко увеличился ввоз товаров, что привело в 1820—1822 гг. к пассивности торгового баланса. В ряде отраслей (сахарная, хлопчатобумажная и др.) начало даже сокращаться промышленное производство. Стало ясным, что дальнейшее сохранение фритредерских тарифов в экономически отсталой стране приведет к свертыванию промышленного производства.

Царское правительство было вынуждено перейти к протекционистской политике (таможенный устав 1822 г., действовавший до середины века). Высокие пошлины отвечали интересам русской буржуазии и объективно способствовали развитию капиталистической промышленности. Вместе с тем противоречивость социально-экономической действительности приводила к тому, что одновременно протекционизм поддерживал крепостническую промышленность, развитие которой в значительной мере зависело от покровительственных пошлин. Если стоимость русских хлопчатобумажных тканей была только немногим выше стоимости тканей, изготавливавшихся на предприятиях Запада, то цена русского железа была в 2—3 раза выше цены железа в Англии¹.

Сторонники промышленного развития России в силу своей классовой ограниченности не смогли подняться до понимания того, что без ликвидации крепостничества невозможно достигнуть хоть сколько-нибудь значительного экономического прогресса. Некоторые

из них отдавали себе отчет в том, что одни только защитительные тарифы не смогут двинуть вперед отечественную промышленность, что для этого необходимо провести целый комплекс мероприятий, среди которых особое место должно быть уделено обеспечению промышленников дешевым и широким кредитом.

В связи с этим большой интерес представляет выдвинутый министром финансов Гурьевым проект реорганизации кредитно-банковской системы в целях подчинения ее в первую очередь интересам промышленности. Выступление Гурьева в роли активного продвигателя планов промышленного развития России может несколько удивить, поскольку он в свое время выступал против протекционистского тарифа 1810 г.² Впоследствии Гурьев, очевидно, изменил свои взгляды по этому вопросу.

В конце 1821 г. Гурьев представил записку «О закрытии Государственного заемного банка и проект учреждения Государственной страховой конторы и положения о судах для поощрения промышленности»³. Эта записка стала предметом оживленного обсуждения в департаменте экономики Государственного совета⁴.

В своей записке Гурьев подверг критике существующую систему банков. Он указал, что Дворянский банк не достиг своей цели и что министерство финансов признало положение Заемного банка «не соответствующим ни первоначальной цели, ни общим правилам кредитной системы». Однако оно считало нецелесообразным касаться этого вопроса, пока не упрочился Коммерческий банк. Ныне же, по мнению Гурьева, наступило время передать Коммерческому банку капиталы Заемного банка, «а вместо этого открыть суды для вспомоществования промышленности, в настоящих обстоятельствах только нужного».

Обосновывая эту мысль, Гурьев писал: «Если земледелие может обойтись без нового усиления капиталов со стороны казны, если коммерция наша получила с учреждения Коммерческого банка все вспомоществование, какое правительство в сем отношении оказать ей было в состоянии, то внимания его наиболее требуют и настоящих обстоятельствах промышленность, мануфактурная и заводская». Гурьев предлагал учредить суды для поддержки промышленности при посредстве Коммерческого банка. Суды должны, по его мнению, выдаваться размером от 5 до 50 тыс. руб. сроком на 12 лет из 5% (под застрахованное имущество) и 6% (под не-

¹ К. Лодыженский, История русского таможенного тарифа, СПб. 1886, стр. 172.

² ЦИТАЛ, ф. 583, оп. 4, д. № 220, л. 42. Некоторые считали, что подлинным автором этой записки был сотрудник Кредитной канцелярии Ламберт (см., например, К. Скальковский, Наши государственные и общественные долги, СПб. 1891, стр. 427).

³ «Архив Государственного совета», т. IV, ч. 1, стр. 319.

⁴ М. Туган-Барановский, Указ. соч., стр. 58; С. Струмилин, История черной металлургии в России, стр. 201—202.

застрахованной). Размер ссуды мог составлять 40—70% страховой оценки стоимости предприятия и 50% стоимости земли. Дворянским же фабрикам предоставлялась ссуда в размере 200 руб. с души, т. е., как разъяснял министр, «четвертою долею больше, нежели как производится займы из ломбардов и приказов». Такой повышенной нормой Гурьев рассчитывал стимулировать дворянское предпринимательство. Фабриканты обязывались в течение 3 лет со дня получения ссуды привести фабрику «на полное действие».

Гурьев предлагал также учредить при Коммерческом банке страховую контору вместо страховой экспедиции, существовавшей при Заемном банке¹.

План ликвидации Заемного банка и превращения промышленных предприятий в основной объект долгосрочного кредитования задел интересы крепостников-землеладельцев, которые до тех пор были почти монополиями клиентами государственных кредитных учреждений. Вместе с тем он лишил государство твердого ресурса в виде краткосрочных и долгосрочных займов, получаемых из кредитных органов. Использование значительной части банковых вкладов в качестве ссуд промышленникам могло свести на нет способ, при помощи которого министерство финансов без особых хлопот достигало бюджетного благополучия.

Точку зрения дворянства по этому поводу сформулировал князь Лобанов-Ростовский, заявивший, что с уничтожением Заемного банка землеладельцы остаются без всякого пособия от казны, «а поелику и капитал того банка приобщается ныне к составу Коммерческого банка, то и самая благовидность требует, дабы при том Коммерческом банке находилась хотя бы экспедиция под названием дворянской».

Заявление Лобанова-Ростовского, в котором он без обиняков назвал план ликвидации Заемного банка «неблаговидным», было поддержано большинством членов Государственного совета, среди которых был и Сперанский².

В защиту проекта Гурьева выступил только один из его сотрудников по министерству финансов — барон Кампгаузен, который указал на экономическую неэффективность предоставления ссуд землеладельцам³.

Гурьев, возражая членам Совета, указывал, что кредитование дворянского земледелия производится сохранными казнами и что Заемный банк фактически уже десять лет не функционирует.

Он попытался доказать, что «с закрытием Заемного банка представляется дворянству новая выгода, ибо собственный капитал своего обратился в вспомоществование фабрикам и заводам, из которых большая часть принадлежит дворянству»⁴.

Аргументация Гурьева не произвела никакого впечатления. Под нажимом влиятельных представителей землевладельческих кругов в 1823 г. Гурьева вынудили подать в отставку⁵. На место Гурьева был назначен Е. Ф. Канкрин, который оставался на посту министра финансов почти четверть века. Канкрин дал совершенно иное направление делу о Заемном банке.

Вступив на пост министра, Канкрин прежде всего попытался окончательно разделиться с проектом Гурьева. Он подверг его самому резкому критическому разбору в особом «Журнале», представленном 20 февраля 1824 г. от имени Комитета финансов и подписанном им совместно с князем Куракиным и Аракчеевым. В заключении «Журнала» писалось: «Из всего здесь изложенного открывается, что Комитет находится в совершеннейшей противоположности мыслей с проектом (Гурьева)... новые рассуждения г. Гурьева повели бы тою к бесполезным прениям и к потере времени»⁶.

В мае 1824 г. на заседании Государственного совета Канкрин выступил как самый ревностный защитник интересов дворян-крепостников. Не ограничиваясь предложением сохранить Заемный банк, он представил проект значительного расширения его операций. Канкрин в противоположность Гурьеву предложил предоставлять для этой цели вклады, оседавшие в Коммерческом банке. Вопрос о кредитовании промышленности Канкрин обошел молча, ограничившись замечанием о рискованности предоставления «ссуд под фабрику, если оные не будут определены с большою осмотрительностью»⁷.

Государственный совет полностью одобрил точку зрения нового министра финансов. Одновременно было опубликовано решение о возобновлении с 4 июня 1824 г. активных операций Заемного банка⁸.

Таким образом, реакционные дворянские элементы, определявшие в целом экономическую политику царизма, смогли и на этот раз пресечь попытку хоть сколько-нибудь ограничить монополию крепостников на использование дешевого и льготного кредита.

¹ «Архив Государственного совета», т. IV, ч. 1, стр. 350.

² Князь П. Долгоруков в своих воспоминаниях пишет, что, когда на государственной неделе 1823 г. стало известно, что Гурьев уходит с поста министра финансов, в Петербурге поздравлял друг друга («Петербургские очерки», М., 1934, стр. 150).

³ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 31, д. № 46, л. 43.

⁴ «Архив Государственного совета», т. IV, ч. 1, стр. 368.

⁵ Там же, стр. 373.

⁶ С. Я. Боровой

¹ «Архив Государственного совета», т. IV, ч. 1, стр. 326 и след. Вопрос о страховой конторе вскоре был отделен от банковских проблем, а в 1827 г. страховое дело передано частному акционерному обществу («Российское страховое от огня общество»), которое в 1829 г. приняло на себя активы и пассивы страховой экспедиции Заемного банка (см. там же, стр. 376—385).

² Там же, стр. 343.

³ Там же, стр. 352.

2. КРЕДИТНО-БАНКОВСКАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. и ЕЕ РЕАКЦИОННО- КРЕПОСТНИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ

Министр финансов Канкрин (1823—1844 гг.) олицетворял реакционно-крепостническую сущность экономической политики России второй четверти XIX в. Чрезвычайно далекий от передовых экономических учений своего времени, он рассматривал себя не как министра финансов великой страны, а как личного казначея монарха. Канкрин любил о себе говорить: «Я — министр финансов не России, а русского императора»¹. Основную задачу хозяйственного руководства он видел в том, чтобы как-то свести доходную и расходную части государственного бюджета.

Канкрин относился к России как к «варварской» стране и не верил в ее будущее, считал, что Россия суждено навсегда оставаться отсталой по сравнению с «передовыми», «культурными» государствами. Канкрин решительно высказывался против сооружения железных дорог в России, видя в них фактор усиления «непостоянства духа нашего времени», категорически возражал против форсирования промышленного развития. По его словам, расширение промышленности путем выдачи ссуд «едва ли не ведет к большим потерям, когда капитал позаный в народе не получил еще соразмерного расширения»².

Правда, при Канкрине сохранились защитительные тарифы 1822 г., и он провел некоторые протекционистские мероприятия, но это объяснялось прежде всего соображениями фискального порядка. Кроме того, слишком могущественными были те объективные исторические условия, которые вызвали к жизни русскую промышленность, и те социальные силы, которые были заинтересованы в ее дальнейшем развитии, чтобы Канкрин мог их игнорировать.

Если, по крылатому выражению Герцена, Николай I поставил себе задачу «заморозить» Россию, то трудно было бы ему найти более подходящего исполнителя этого замысла, чем Канкрин. Канкрин сам говорил о себе, что его заслуги состоят «не в том, что он сделал, а в том, что он не допустил сделать»³. В значительной мере обязанный своей карьерой Аракчеву⁴, Канкрин был одним из реакционнейших деятелей своего времени.

Архаичность и реакционность взглядов Канкрин, неверие в силы русского народа и т. д. с особой яркостью засвидетельствованы в кредитной практике и в его высказываниях по кредитно-

банковским вопросам. Он был ярым врагом капиталистической банковской системы, отрицающей ее с феодальных позиций. Высказывания Канкрин на эту тему остались бы в области курьезов, если бы не принадлежали человеку, который на протяжении почти четверти века осуществлял кредитную и финансовую политику страны, если бы мы не знали, что эти принципы он проводил в жизнь с маниакальной настойчивостью, сосредоточив в своих руках весь аппарат абсолютистской монархии и опираясь на поддержку самодержавного государя.

«Частные банки (не банкиры), — говорил Канкрин, — выпускающие кредитные бумаги, не должны быть терпимы правительством подобно шарлатанам, универсальным врачевным средствам и прочим художествам, спекулирующим на легкомыслии публики»¹. И далее: «По нашему крайнему убеждению, вовсе не должно бы допускать учреждения частных банков, так как их заменить можно было бы учреждениями более прочным, были бы то правительственные банки или же банки официальные, состоящие не только под контролем правительства, но и под его руководством. В противном же случае страна, при возрастающем критическом положении в Европе, постоянно стоять будет на вулкане катастроф и, положим, если не катастроф, то, по крайней мере, каких-то вредностных недоумений»².

В контексте лекций по русским финансам, прочитанных в 1838 г. наследнику престола Александру II, Канкрин снова подчеркивал, что частные банки «стоить же опасны, даже опаснее, нежели выпуск бумажных денег от правительства. Контроль над ними труден или несудобозвожен... Итак банки сего рода вовсе не должны быть допускаемы и только те терпимы, кои состоят в ближайшей связи с правительством и под точным контролем оного»³.

В 1826 г., когда возник паник предостережения жителям Москвы кредитов для восстановления сильно пострадавшего во время войны 1812 г. города, Канкрин заявил: «Желаемый успех в поправлении городов зависит от местного положения, промыслов и торговли... система исправлять какие-либо состояния судами во многих случаях не ведет к своей цели»⁴.

В последние годы своей жизни, как бы подводя итоги своего многолетнего опыта, в дневнике, не предназначавшемся для печати, Канкрин писал, что банки, несомненно, способствуют ускорению

¹ А. Никитенко, Дневник, т. II, М., 1955, стр. 6.

² «Архив Государственного совета», т. IV, ч. 1, стр. 366.

³ «Русский архив», 1866, т. IV, стр. 124.

⁴ См. письма Канкрин к Аракчеву (Н. Дубровин, Указ. соч., стр. 384 и 443; см. также Н. Божерянов, Граф Е. Канкрин, СПб., 1897, стр. 79—80).

¹ [G. Kankrin], Weltreichtum, Nationalreichtum und Staatswissenschaft, München, 1821, S. 217.

² [G. Kankrin], Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaften und Finanzwesen, Stuttgart, 1843, S. 146.

³ Е. Канкрин, Краткое обозрение российских финансов за 1838 г. Опубликовано в «Сборнике исторических материалов», т. II, СПб., 1880, стр. 103.

⁴ «История Москвы», т. III, М., 1954, стр. 145.

обращения капитала, «но приносит ли это пользу или вред — кто может об этом судить?». И далее он лабукосмисленно заявлял, что, рассматривая деятельность банков, трудно провести «разграничительную линию между положительным и отрицательным»¹.

Следует отметить, что в вопросе о банках так же, как вообще по всем вопросам экономической политики, у Канкрин были два подхода: один для России, другой для «культурных», «развитых» стран. Канкрин признавал необходимость существования частных банков в «высокоразвитых странах», в странах, где наряду с обширной промышленностью имеет большое значение также и торговля, преимущественно внешняя. Иное дело, говорил он, в других странах (он имел в виду, конечно, в первую очередь Россию). Там, где нет достаточно высокого уровня культуры, нет честного и солидного купечества, «там не должны основываться частные коммерческие банки, так как они будут приносить убыток или чрезвычайно низкую прибыль, будут вредить солидным купцам, как это часто бывает с банками, и будут причинять правительству серьезный ущерб»².

По отношению к крупнейшим иностранным банкам Канкрин относился с предубежденностью, особенно к тем из них, которые участвовали в реализации русских государственных займов на зарубежных денежных рынках³.

В политике укрепления и развития связей с крупными иностранными банками Канкрин пользовался абсолютной поддержкой со стороны Николая I, который хотел создать у зарубежных банкиров впечатление солиднейшего и великодушного партнера.

В своих взглядах на пути экономического развития России, и в частности в вопросе о роли банков, Канкрин был решительным противником Мордвинова. Отвечая проект Мордвинова об учреждении губернских частных банков, Канкрин утверждал, что «банки суть только последствие, а не начала народного богатства».

Последовательное противодействие финансовой и кредитной политике Канкрин оказывал граф Друцкий-Любецкий, министр финансов Царства Польского.

Ставя во главу угла кредитной политики поддержку дворянства, и в этом пункте совершенно солидарный с Канкриным, Друцкий-Любецкий, однако, считал, что кредит должен шире использоваться в целях приспособления помещичьего хозяйства к новым условиям экономической действительности. В своих выступлениях Друцкий-Любецкий отстаивал интересы торгового капитала, в котором он

¹ «Aus Reisetagebüchern des Grafen C. Kankrin», В. I, Braunschweig, 1865, S. 133.

² G. Kankrin, Die Oekonomie..., SS. 143 и 154.

³ В высшей степени интересны его многочисленные, хранящиеся в архиве министерства финансов письма к Ротшильдам, Гоне, Берлигу и другим крупнейшим банкам того времени.

видел подчиненного союзника землевладельца нового типа. Для этого он считал необходимым значительно расширить деятельность Коммерческого банка и тем способствовать укреплению товарооборота как внутреннего, так и внешнего. Сторонник свободной торговли, Друцкий-Любецкий не обнаруживал особого интереса к вопросам развития русской промышленности, в корне расходясь с этим с Мордвиновым.

Совершенно естественно, что в буржуазных кругах вовсе не были довольны деятельностью Канкрин. Раздавались громкие голоса недовольства его кредитной политикой, абсолютно не учитывающей экономического потребности развития России. Несмотря на это, до последнего дня своего пребывания на посту министра финансов Канкрин отказывался от проведения каких-либо мероприятий в кредитно-банковском деле.

Свой кредитно-банковский «символ веры» Канкрин сформулировал в особе секретной записке «О предположениях и видах по финансовой части»¹, представленной в 1840 г. В этой записке Канкрин опровергал тех, кто считал, что русская кредитная система покончена на «зыбких основаниях», и приводил ряд соображений, которые в конечном счете могут быть сведены к такому парадоксальному выводу, что при феодально-самодержавном режиме кредит неизмеримо более прочен, чем в капиталистических странах. В последних возможны «дурное управление» кредитом или «чрезвычайные происшествия», под которыми он понимал, очевидно, экономические кризисы (ссылка на США) или революции (ссылка на Бельгию).

Необычайно удовлетворенный состоянием русских банков и вообще всей организацией кредитного дела в России, Канкрин видит опасность в проведении каких-либо реформ в банковском деле или даже в разговорах о них. «Более всего должно остерегаться», писал он, — навести малейшее сомнение на основание банков, сведения, возбуждать рассуждения и даже разговоры в публичке; ибо малейшее сомнение в публичке может их внезапно лишить кредита и возродить такое истечение, коих удовлетворить вдруг нельзя и кои затем могут иметь последствием банкротство».

Через некоторое время выяснилось, что неурожай 1839—1840 гг. вызвал большой отлив вкладов из кредитных учреждений. Банки не только не могли удовлетворить спрос землевладельцев на новые ссуды, но оказались не в состоянии обеспечить своевременное и бесперебойное возвращение вкладов².

Такое положение, понятию, возбудило тревогу в правительственных кругах, тем более, что как раз в тот момент возникла особая заинтересованность в устойчивости кредитно-банковской системы.

¹ Хранится в ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 31, д. № 33 (раздел «Банки», а. 9—15).

² Сборник РИО, т. 98, стр. 161.

Укреплению государственного кредита мешала неупорядоченность денежного обращения, хотя понижение курса бумажного рубля отчасти было выгодно помещикам, так как создавало некоторые выгоды при экспорте сельскохозяйственных продуктов и снижало их задолженность банкам.

В 1839 г. приступили к проведению денежной реформы, в основе которой лежал обмен обесцененных, но к тому времени уже стабилизированных ассигнаций на кредитные билеты, подлежащие обязательному размену на серебро.

Таким образом, денежная реформа являлась одним из факторов, способствовавших развитию капиталистических отношений.

В 1839 г. был осуществлен только первый этап денежной реформы. Возможность проведения завершающих операций требовала в качестве обязательной предпосылки достижения прочности государственной кредитно-банковской системы, нарастания в банках вкладов и использования их в качестве внутренних займов.

В 1839—1840 гг. возникло несколько планов реорганизации кредитной системы. Других-Любецкий предложил значительно увеличить выпуск казначейских билетов, что дало бы возможность расширить суды промышленникам и купцам. Отсюда вытекала необходимость преобразования Коммерческого банка.

Однако план Другого-Любецкого был отклонен после обсуждения в специально созданном комитете «о средствах к покрытию дефицита в государственной росписи на 1841 г.». Большинство членов комитета утверждали, что этот план нарушает всю систему государственного кредита и находится в противоречии с интересами дворян-крепостников¹.

Хотя и на этот раз были сорваны планы, направленные на приспособление кредитной системы к условиям капиталистического развития, это, однако, не снимало с повестки дня вопрос об укреплении доверия к казенным кредитным учреждениям.

Прежде всего необходимо было предотвратить возможность банкротства банковско-кредитных учреждений. С этой целью в 1839 г. правительство разрешило выпустить депозитные билеты на общую сумму в 50 млн. руб.² Билеты, выдававшиеся Сохранной казной вкладчикам и обеспеченные населенными поместьями, должны были обращаться в качестве законного платежного средства. Это мероприятие облегчило положение кредитных учреждений, затормозило отлив вкладов, а также оказалось одним из звеньев проводимой денежной реформы. Кроме того, оно было использовано в целях расширения кредитования дворянства.

В ходе проведения денежной реформы после длительного обсуждения 26 февраля 1841 г. было принято решение выпустить вместо

казначейских билетов беспроцентные билеты, обеспеченные разменным фондом. Выпуск новых кредитных билетов предусматривался «не иначе, как через ссуды под залог недвижимых имений, но выпущенные однажды через ссуды присвоить впоследствии повсеместное хождение наравне с серебром; сверх Сохранных казен это же право распространить и на Земельный банк». Всего было постановлено выпустить кредитных билетов на сумму в 30 млн. руб.¹

Следует, однако, отметить, что, несмотря на все меры, направленные на их укрепление, новые денежные знаки не получили большого распространения. К 1843 г. в обращении было кредитных билетов только на 6,5 млн. руб.; остальные находились в кассах казенных банков². В 1843 г., в завершающий момент денежной реформы, было решено из указанных 30 млн. руб. оставить 10 млн. руб. в оборотном капитале кредитных учреждений, а 20 млн. руб. были отчислены в запасной капитал (впоследствии переданы в подкрепление Сохранной казне и Земному банку)³.

При проведении денежной реформы было осуществлено несколько мероприятий, непосредственно направленных на дальнейшее облегчение условий кредитования крепостнического земледельца: увеличены нормы ссуд и введен ряд льгот для заемщиков-дворян.

Таким образом, и в этот период одним из важных факторов ухудшения денежного обращения и финансовых затруднений явилось стремление государства поддержать кредитными мероприятиями позиции дворянского земледельца. Вместе с тем денежная реформа вовсе не способствовала расширению или улучшению кредитования промышленности или торговли.

Денежная реформа не внесла ничего нового и в организационную структуру государственных кредитных учреждений. Правда, в 1841 г. был создан постоянный «секретный комитет по делам государственных кредитных учреждений», но вся работа комитета ограничивалась составлением ежемесячных отчетных ведомостей по всем государственным кредитным учреждениям.

В 1849 г. вновь возник проект объединения Земного банка с Сохранной казной и приказами. Для рассмотрения его был образован особый секретный комитет. Но деятельность и этого комитета оказалась совершенно бесплодной. Рассмотрение вопроса затнулось до Крымской войны и тогда комитет, почти дословно повторяя мысли Канкрин, вынес решение: при сложившихся обстоятельствах «неудобно и даже невозможно было не только приступить к коренному преобразованию наших кредитных установлений, даже неудобно было входить в какое-либо о том суждение»⁴.

¹ Сборник РИО, т. 98, стр. 166. См. также ПСЗ 2, т. XVI, № 14700.

² А. Дружинин, Очерки по истории денежного обращения в России, М., 1939, стр. 28.

³ ПСЗ 2, т. XXVIII, № 27744.

⁴ Я. Печерин, Указ, соч., стр. 11.

¹ Сборник РИО, т. 98, стр. 133—152.

² Фактически депозитных билетов было выпущено на 44 млн. руб. (см. сборник РИО, т. 98, стр. 187).

Видя в деятельности банков один из составных элементов социально-экономической и политической системы самодержавия, царское правительство отказывалось от проведения реформы банков. Только революционная ситуация конца 50-х годов, вынудившая царское правительство провести «крестьянскую» реформу, повлекла за собой реорганизацию кредитно-банковской системы.

3. БАНКОВСКИЕ ВКЛАДЫ КАК ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК ОБРАЗОВАНИЯ ВНУТРЕННЕГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ДОЛГА в 1830—1850 гг.

К концу 20-х годов XIX в., когда в порядок дня был поставлен вопрос о реорганизации русской банковской системы, было распространено убеждение, что Россия крайне скудна свободными денежными средствами и что основным источником пополнения средств банков могут быть лишь государственные вклады. Отсутствие значительных денежных накоплений и недоверие к кредитным установлениям считали главным препятствием для развития в России банковского кредита. Правда, Мордвинов решительно возражал против этой точки зрения. Но даже такой глубокий знаток финансового положения России, как Сперанский, очень скептически относился к возможности привлечения русскими банками сколько-нибудь значительных вкладов. Он считал, что русские купцы и даже помещики привыкли получать на свои капиталы неизмеримо более высокие барыши (до 20%), чем им может дать банк, и отсюда делал вывод, что вклады в русские банки «большую частью временные и случайные»¹.

Скоро, однако, обнаружилась ошибочность этого предположения. Рост вкладов в кредитные учреждения стал далеко опережать спрос на ссуды. В 1826 г. частные лица вносили в Засемный банк вкладов на 6,2 млн. руб., а казна (включая вклады Коммерческого банка) — на 9,5 млн. руб.; в то же время частным лицам под залоги было выдано ссуд на 7,4 млн. руб., т. е. новые ссуды частным заемщикам не только полностью погасили новые частные вклады, но и часть казенных. В 1829 г. картина совершенно изменилась: внесено частными лицами 7,8 млн. руб. (казной — 13,3 млн. руб.), выдано же частным лицам только 3,5 млн. руб., т. е. меньше половины частных вкладов².

Еще большие суммы не использованных частными заемщиками денежных средств накопились в Сохранной казне. Это обстоятельство заставило ходатайствовать о передаче «излишних сумм» в Засемный банк.

Чем же объяснялось это неожиданное и на первый взгляд парадоксальное явление — накопление в кассах банков неиспользованных вкладов? Прежде всего общими условиями социально-экономического развития страны. Несмотря на рост капиталистических отношений в промышленности и заметное увеличение внутренних и внешних торговых операций, хозяйственное развитие страны, тормозившееся феодально-крепостническими порядками, шло медленно. Достаточно напомнить, что на протяжении 20—30-х годов производство черного металла оставалось на одном и том же уровне, горная промышленность была крайне слабо развита, железнодорожное строительство еще не развернулось. Отсталое сельское хозяйство не могло быть объектом приложения капиталов. Хозяйственное же предпринимательство было не в состоянии поглотить все доходы, накопившиеся в результате феодальной эксплуатации крестьян, торговых, ростовщических, откупных и тому подобных операций. При таком слабом тоне хозяйственной жизни перспектива обеспечения 5% дохода на вложенные в банки деньги представлялась весьма соблазнительной.

Накоплению денежных средств в кассах кредитных учреждений способствовали и некоторые другие факторы. В России, в отличие от развитых капиталистических государств, почти совершенно отсутствовал рынок ценных бумаг (облигаций, акций); отвлечение крупных денежных средств в откупные операции началось только после восстановления в 1827 г. откупной системы продажи водки.

Таким образом, вклады в банки были тогда практически единственной формой извлечения rantьверских доходов. Конечно, ростовщические операции обещали более высокие доходы, но они были сопряжены с риском. Поэтому небольшая сеть казенных банков являлась фактически монополистом на денежном рынке.

То обстоятельство, что русские банки того времени все без исключения были государственными и в течение многих лет беспрекословно выполняли свои обязательства перед вкладчиками, создавало им авторитет. Сравнительно высокий доход и полная обеспеченность вкладов привлекали в русские банки даже иностранных вкладчиков. Московский купец О. Свеншиков в записке «О причинах упадка торговли и купеческого капитала» (1823 г.) утверждал, что и в русских банках «немало находится капиталов, иностранных принадлежащих, чего правительство привести в известность не может»³.

Усиленный приток вкладов в кредитные учреждения объяснялся еще и тем, что население более широко осведомлялось об их операциях. В результате в кассы Сохранной казны, банков и приказов перекочевывали деньги, припрятанные «про черный день» у граждан, которые до того времени, возможно, и не знали о существова-

¹ «В память Сперанского», СПб, 1877, стр. 466.

² Е. Даманский, Указ, соч., стр. 52; И. Кауфман, Указ, соч., стр. 2—3.

³ «Архив Мордвиновых», т. VI, стр. 411.

нии таких касс, где можно держать деньги не только в безопасности, но с явной прибылью для себя.

Наличие свободных средств в банках давало возможность казначейству постоянно совершать «позаимствования» в виде займов на покрытие текущих бюджетных дефицитов. Больше того, финансовые органы очень часто сознательно ограничивали активные операции казенных банков, чтобы обеспечить необходимые для покрытия дефицитов средства.

Однако к концу 20-х годов дефицитность государственного бюджета значительно уменьшилась. В 1826 г. государственные доходы составляли 390 млн. руб., а расходы — 393 млн. руб., в 1827 г. соответственно — 390 млн. руб. и 409 млн. руб. Возникли надежды на достижение бездефицитных бюджетов. Рост же государственных займов в банках приводил к тому, что платежи казны по долгам доходили до 15% расходной части бюджета.

В этих условиях Канкрин выдвигает план снижения процентной ставки по вкладам с тем, чтобы создать равновесие в государственном бюджете. Мотивируя свое предложение, Канкрин указывал также на желательность отвлечения капиталов для «употребления их в частных оборотах». Но основой его плана было предложение, наряду с уменьшением процента по вкладам, уменьшить процентную ставку по ссудам и удлиннить срок кредита.

После долгих обсуждений 21 декабря 1829 г. Государственный совет принял решение о снижении банковских ставок как по вкладам, так и по ссудам; одновременно были установлены более льготные условия кредитования помещиков-крепостников.

Все это облегчало дворянам бремя платежей по ссудам, давало возможность перезаложить свои поместья на новые сроки и тем отсрочить еще на ряд лет продажу заложенных имений. Вместе с тем для расширения кредитования промышленности или торговли ничего не было сделано.

1 января 1830 г. был обнародован манифест «О вкладах и ссудах в банковских установлениях»¹. В нем объявлялось, что все кредитные учреждения уменьшают на один процент ставки по вкладам и ссудам, а именно: вкладчикам вместо 5% будут платить 4%, а с заемщиков вместо 6% будут взимать 5%. Вместе с тем удлинялся срок ссуд до 15 лет; 24-летние займы под поместья заменялись 26-летними. Вводились также ссуды на 37 лет (с уплатой ежегодно 5% плюс 1% погашения плюс 1,5% единовременного взноса). Взавшим ссуду на 24 года предоставлялось право переоформить ее по правилам 37-летнего займа.

Опасаясь, что уменьшение процентов по вкладам может вызвать недовольство вкладчиков и даже несколько подорвать кредит банков, правительство опубликовало в газетах специальное разъясне-

ние², из текста которого видно, что оно заведомо интересовало в основном торгово-промышленных элементов. В этом разъяснении доказывалась законность этой меры, ее разумность и полезность с точки зрения интересов развития промышленности и торговли. По словам правительственного разъяснения, высокая процентная ставка приводила к тому, что большая часть капиталов «уклонялась от торговли и промыслов, с тем вместе наклонность оставалась в бездействии, довольствуясь общими банковскими процентами, беспрерывно учащаясь».

Таким образом, в манифесте 1830 г. очень четко были выражены основные черты экономической политики того времени. В нем было два аспекта: крепостнический и так сказать «пробуржуазный». Непосредственную же выгоду это мероприятие приносило главным образом крепостникам-землеладельцам. Конечно, среди вкладчиков банков было немало и дворян. Но то, что они теряли в результате снижения процентной ставки по вкладам, было ничто по сравнению с тем, что дворянство в целом выигрывало как должник банка. Для капиталистических же элементов это мероприятие было в целом невыгодным, поскольку их удельный вес как заемщиков был незначителен, а как вкладчики кредитных учреждений они много теряли на снижении процентной ставки.

Следует отметить, что в это время наблюдался подъем правительственной активности в деле создания правовых и организационных предпосылок для развития коммерческого оборота. Так, в течение одного только 1832 г. были обнародованы: новый устав о векселях³, устав о торговой несостоятельности⁴, устав коммерческих судов⁵, устав Петербургской биржи⁶ и другие. Но все они не предполагали каких-либо изменений или ухудшений условий кредитования торговли и промышленности. Кредит, пожалуй, даже более последовательно, чем в предшествующие десятилетия, был поставлен на службу крепостникам-землеладельцам.

В 30—50 годах XIX в. продолжают расти вклады в русских банках⁶. В 1826 г. общая сумма депозитов Земного банка состав-

¹ «Сенатские ведомости» от 18 января 1830 г. Перепечатано в других изданиях, например «Одесский вестник», 1830, № 9.

² ПСЗ 2, т. VII, № 5462.

³ Там же, № 5463.

⁴ Там же, № 5360.

⁵ Там же, № 5648.

⁶ Определяя реальный рост вкладов в кредитные учреждения, надо учитывать изменения в покупательной силе рубля в те годы. Если исходить из валютных цен, то, приняв за 100 среднегодовую цену 1860—1865 гг., будем иметь такое изменение индекса: 1816—1820 гг. — 59; 1821—1825 гг. — 57; 1826—1830 гг. — 42; 1831—1835 гг. — 73; 1836—1840 гг. — 66; 1841—1845 гг. — 58; 1851—1855 гг. — 74; 1856—1860 гг. — 86 (исчислено по данным, опубликованным в статье «Цены», Энциклопедический словарь Брокгауза—Ефрона, т. 75, стр. 325). Повышение цен с конца 40-х годов послеза-

¹ ПСЗ 2, т. V, № 3399.

лила 46 млн. руб., а в 1856 г. — 400 млн. руб.; еще более значительные суммы оседали в Сохранной казне¹.

По ориентировочным оценкам, накопления, оседавшие в Государственном заемном банке (включая суммы, переданные ему на «приращение процентов») Коммерческим банком и приказами), а также в Сохранной казне, могут быть определены следующими цифрами (в млн. руб. серебром)²:

1823 г.	112	1856 г.	924
1833 г.	295	1858 г.	1012
1843 г.	520	1859 г.	970
1853 г.	806		

Таким образом, в крепостнической России, в стране, которая, как полагают, отличалась бедностью денежных капиталов, в наличии оказались огромные суммы депозитов. Ни один иностранный банк (да и банковская система любого государства в целом) не располагал тогда такими громадными, а главное стабильными и постоянно возрастающими депозитами.

Например, Английский банк в 1820 г. имел депозитов только на 4,4 млн. ф. ст., в 1850 г. — на 9,1 млн. ф. ст., а в 1860 г. — на 12 млн. ф. ст. Общая же сумма депозитов в лондонских акционерных банках в 1850 г. составляла 12 млн. ф. ст., а в 1860 г. — 43 млн. ф. ст. В США в 1840 г. 901 банк насчитывал депозитов на 120 млн. долл., в 1850 г. в 824 банка было депозитов на 146 млн. долл., в 1860 г. в 1 562 банка — 310 млн. долл. Значительно меньшие суммы оседали в качестве депозитов в банках германских государств и Франции.

Сравнительно небольшие размеры вкладов в банках капиталистических стран объяснялись высокой хозяйственной активностью

восточного промышленного и торгового предпринимательства, эмиссии ценных бумаг и т. д.

В России крепостничество продолжало сковывать хозяйственную жизнь страны. Поэтому некоторое снижение процентных ставок, проведенное в 1830 г., не смогло сократить притока вкладов в государственные кредитные учреждения. Основная причина этого заключалась в дальнейшем развитии товарно-денежных отношений и в условиях продолжавшегося господства феодально-крепостнической системы, тормозившей развитие производительных сил и закрывшей возможности для превращения «празднующего» капитала в функционирующий.

Н. Огарев писал: «При крепостном праве, где сторону труда представляли крестьяне, поземельный кредит для помещиков был невозможен, и то исключительно казенный. Монополия казенного кредита не была правительственным захватом, а была вызвана силой обстоятельств. Юридическая неурядица частных обязательств давала только казне возможность пользоваться вещественным обеспечением без особых хлопот и потерь; акционерных обществ не существовало; кредит частных лиц был бесконечно дорог... Это монополизация казенного кредита производило не от доступности его заемщикам, а от его доступности вкладчикам, которые без всякого труда могли не только жить на проценты, но и копить капитал, получая процент. Это сделало из казенных банков средоточие самого тупого и скучного ростовщичества»¹.

В отдельные годы, под влиянием тех или иных причин (главным образом неуродов), наблюдался отлив вкладов из банков. Но это было временным явлением. Так, в начале 1832 г. Канкрин в секретной записке сообщал, что «востребования вкладов из банков в прошедшем и в текущем годах вообще превышают взнос оных»².

Еще больший отлив вкладов (и в первую очередь из сохранной казны) наблюдался в 1840—1841 гг., когда в связи с тяжелым неурожаем, застоєм промышленности и т. п., по словам Корфа, «большая помещики все вдруг стали требовать своих капиталов, а менее достаточные — пособия займами». В последний день перед закрытием Сохранной казны в кассе ее оставалось всего 30 тыс. руб., тогда как прежде минимум наличности составлял обычно 15 млн. руб.³

В 1845—1847 гг., в связи с неурожаем и экономическим кризисом, поразившим страны Западной Европы, в сохранных казнах 1 сентября по 29 ноября 1845 г., а в банках с 1 октября по 29 ноября сумма вкладов уменьшилась более чем на 6 млн. руб.⁴

¹ Н. Огарев, За пять лет (1855—1860). «Политические и социальные взгляды Александра и Н. Огарева», ч. II, Лондон, 1861, стр. 191—192.

² ЦИИАЛ, ф. 583, оп. 4, д. № 227, л. 29.

³ Из записок статс-секретаря М. Корфа, сборник РИО, т. 98, стр. 148.

⁴ ЦИИАЛ, ф. 583, оп. 4, д. № 240, л. 261.

понижающей тенденции отмечается по всем источникам (см., например, В. Безобразов, О некоторых явлениях денежного обращения в России, М., 1863, стр. 25). Колебание покупательной силы рубля в России в общих чертах совпадало с изменением индекса мировых товарных цен.

¹ Рост вкладов по отдельным кредитным учреждениям показан в соответствующих разделах работы.

² Цифры на 1823 и 1833 гг. исчислены по показателям, имеющимся у Заемного банка; данные по другим кредитным органам выведены на основании оценок. Показатель на 1843 г. определен на основании сведений о вкладах в Заемный банк и Сохранную казну, к ним прибавлены остатки вкладов в Приказный и Коммерческий банк, не переданные в Заемный банк. Данные на 1856, 1858 и 1859 гг. приводятся по отчетам государственных кредитных установлений (см. также П. Мигулин, Указ, соч., стр. 58). Следует снова подчеркнуть, что эти цифры не могут считаться совершенно точными, так как при проверке этих показателей методом, примененным нами для установления сумм вкладов на 1843 г., получается некоторая, правда, незначительная разница.

Для подкрепления ресурсов Засемного банка министерство финансов получило разрешение выдать 10 млн. руб.¹

По вопросу о том, какая часть вкладов принадлежала дворянству, а какая буржуазным элементам, трудно дать исчерпывающий ответ. Но некоторые соображения по этому поводу могут быть высказаны.

Нет сомнения, что до конца первой четверти XIX в. основная масса вкладов принадлежала дворянству. Со второй четверти XIX в. положение стало заметно изменяться в пользу буржуазных элементов, хотя их вклады, вероятно, не составили и половины всех депозитов. Рост буржуазных вкладов демонстрируется раньше всего возрастом вкладов в Коммерческом банке (в 1819 г. — 11 млн. руб., в 1858 г. — 240 млн. руб.). Конечно, нельзя считать, что все вклады Коммерческого банка принадлежали буржуазным элементам, так же как не все вклады в Засемном банке и в Сохранной казне — дворянам. Но купечество, естественно, тянулось к «своему» банку, а дворянство — к своим сословным кредитным учреждениям. Вклады в приказах носили более смешанный характер. Здесь имели значение особенности той или иной губернии; в этом отношении интересно приращение вкладов в так называемых недворянских губерниях, в частности в Сибири.

Наиболее убедительным доказательством роста накоплений в банке за счет буржуазных элементов является громадный приток вкладов в годы Крымской войны. У поставщиков военной продукции, подрядчиков, интендантов и всякого рода спекулянтов скопилось большое количество денег. Как свидетельствовал один современник, «из неудачных в военном отношении турецких походов, из опустошенного Крыма, из-под огнестрельных укреплений Севастополя ворвались в Россию люди с огромными состояниями»². Часть этих денег была вложена в предпринимательство, а часть хлынула в кредитные учреждения. Если за 1852 г. остаток вкладов в кредитных учреждениях вырос на 4 млн. руб., то в 1853 г. — на 33 млн. руб., в 1854 г. — на 5 млн. руб., в 1855 г. — на 32 млн. руб., в 1856 г. — на 52 млн. руб.³

Как же использовались громадные накопления русских банков? Прежде всего большую часть вкладов банки передавали на «приращение процентам» в Засемный банк, который в свою очередь передавал их казначейству в качестве кратко- или долгосрочных ссуд. Таким образом, накопления, осевшие в Засемном банке, а отчасти в Сохранной казне, превращались в государственный внутренний долг. Это явление наблюдалось еще в конце XVIII в., но теперь оно выступило с особой отчетливостью. С 1826 по 1856 г. общая

сумма вкладов Засемного банка (включая вложения Коммерческого банка, приказов и т. д.) выросла в 9 раз (с 46 млн. руб. до 400 млн. руб.), в то время как ссуды, выданные под залог поместий (а также каменных домов в столице), увеличились только в 2 раза (с 26 млн. руб. до 49 млн. руб.). Высвобождавшиеся громадные суммы «заставлялись» казначейством.

В 1826 г. на балансе Засемного банка числилось ссуд, выданных «по высочайшему повелению» (в подавляющей части долг казначейства), на 19 млн. руб., а в 1856 г. — 346 млн. руб.⁴

С какой последовательностью возрастала роль Засемного банка как источника государственных доходов, показывают следующие данные (в % к общей сумме ссуд, выданных Засемным банком):

Годы	Ссуды, выданные под залог частным лицам	Ссуды, выданные «по высочайшему повелению»
1826	56,8	43,2
1829	39,9	61,1
1832	41,1	58,9
1835	35,9	64,1
1838	32,5	67,5
1841	30,4	69,6
1844	25,1	74,9
1847	22,1	77,9
1850	17,2	82,8
1853	14,0	86,0
1856	12,4	87,6
1859	13,8	86,2

Государственный долг по отношению к массе вкладов в Сохранной казне составляла значительно меньшую величину, чем в Засемном банке. Как видно из таблицы, в 1832 г. долг казначейства Засемному банку составляла примерно 59% к сумме вкладов, а в 1830 г. долг государства Сохранной казне составляла только 19 млн. руб. асс. н 2 млн. серебром⁵, т. е. примерно 15% вкладов.

В дальнейшем удельный вес «поземоставовый» казны в этих учреждениях заметно возрос, но он никогда не составлял более одной трети общей массы вкладов. В 1833 г. долг казначейства

¹ «Министерство финансов», стр. 250.

² В. Безобразов, Указ. соч., стр. 22.

³ И. Кауфман, Указ. соч., стр. 6.

⁴ И. Кауфман, Указ. соч., стр. 2—3.

⁵ ЦИГАЛ, ф. 583, д. № 225, л. 252.

Сохранной казне составляла только 32 млн. руб. серебром, в 1838 г. — 39 млн. руб., а в 1842 г. — 41 млн. руб.¹

В 1852 г. из 469 млн. руб., выданных Сохранной казной в виде ссуд, только 110 млн. руб. было предоставлено казначейству, остальные суммы были использованы для выдачи ссуд помещикам.²

Казначейство «заимствовало» (при посредничестве Заемного банка) и часть вкладов, оседавших в приказах общественного призрения. Нижегородский приказ в 1827 г. перевел в Заемный банк 200 тыс. руб.,³ Тобольский — 35 тыс. руб.; в 1828 г. Омский приказ перевел 5 тыс. руб.⁴ и т. д. Как мы видим, наличие даже очень мелких свободных сумм озабочивало местные приказы, и они предпочитали направлять их в Заемный банк.

В каких размерах производились казначейством «заимствования» из кредитных учреждений в отдельные годы, показывают следующие цифры⁵ (в млн. руб. серебром):

Годы	Сумма	Годы	Сумма	Годы	Сумма
1826	2,8	1838	7,2	1850	43,1
1827	1,7	1839	10,1	1851	36,6
1828	2,9	1840	6,4	1852	25,0
1829	0,5	1841	2,3	1853	45,9
1830	2,7	1842	17,8	1854	57,9
1831	0,6	1843	15,2	1855	31,2
1832	2,7	1844	14,5	1856	24,4
1833	7,2	1845	15,4	1857	15,1
1834	8,2	1846	16,8	1858	9,2
1835	13,7	1847	15,6	1859	5,5
1836	5,5	1848	25,7	1860	1,7
1837	4,4	1849	40,0		

Поскольку краткосрочные ссуды казначейству непрерывно возобновлялись, а долгосрочные погашались очень медленно, задол-

¹ «Министерство финансов», стр. 231. Цифра долга на 1838 г. дана Канкринем в его лекции наследнику престола (см. «Краткое обозрение финансов», стр. 123). Впрочем, Канкрин в этих лекциях применял задолженность казначейства кредитным учреждениям. Так, он определял на этот же срок долг казны Заемному банку (вместе с Коммерческим) в 62 млн. руб. в то время как по данным «Отчета государственных кредитных установлений» этот долг составлял 81 млн. руб.

² Е. Ламаевский, Указ. соч., стр. 134.

³ ЦРГАЛ, ф. 585, оп. 13, д. № 213.

⁴ Там же, т. № 214.

⁵ «Министерство финансов», стр. 625—627. Цифры округлены, показаны (до 1839 г.) переведены на серебряное исчисление.

женность государства банкам все время возрастала и достигала к моменту ликвидации дореформенных банков громадной суммы — свыше 500 млн. руб.

На займы, предоставляемые государству кредитными учреждениями, падала громадная и все возрастающая часть государственного долга.

Это наглядно показывает следующая таблица (в млн. руб. серебром)¹:

Годы (из 1 января)	Весь государственный долг	В том числе заемный долг	Ссуды из кредитных учреждений			
			из Заемного банка	из Сохранной казны	всего	в % к государственному долгу
1828	203,3	25,7	24,0	9,7	33,7	16,6
1834	315,0	47,0	54,8	32,8	97,6	30,9
1848	505,6	37,2	178,2	53,7	231,9	45,9

На 1855 г. долг казначейства Сохранной казне вырос до 145 млн. руб., а Заемному банку — до 292 млн. руб.²

В последние годы удельный вес долга кредитным учреждениям в общей массе государственной задолженности стал падать в связи с выпуском внешних займов на железнодорожное строительство. Но значение этого ресурса продолжало оставаться очень большим. Например, образовавшийся в 1853—1857 гг. (в связи с Крымской войной) дефицит в 702 млн. руб. был покрыт на 83 млн. руб. внешними займами, на 420 млн. руб. выпуском бумажных денег, а на 188 млн. руб. за счет задолженности кредитным учреждениям.³

Если в 1820—1829 гг. удельный вес правительственных «позаимствований» из кредитных учреждений в государственном бюджете составлял не более 3%, то в последние годы их доля существенно возросла. Обычно она выражалась в 5—8%, а в 1849—1850 гг. (кризис, поход в Венгрию и т. д.) и в 1853—1854 гг. (Крымская война) она достигла 12—15%.

¹ Таблица составлена по данным Н. Бржеского, Государственные долги, СПб, 1884, стр. 235—243. Итоговые данные о росте государственного долга и об его структуре в эти годы см. П. Мигулин, Русский государственный кредит, т. III, вып. V, Харьков, 1907, стр. 1146—1147. Данные, приведенные в записке Ю. Гагенмейстера (опубликована в «Историческом архиве», 1956, № 2, стр. 113), очевидно, не полностью учитывают краткосрочные ссуды.

² А. Гурьев, Обзор развития государственного долга России, СПб, 1903, стр. 33.

³ Н. Бржеский, Указ. соч., стр. 244.

По годам задолженность правительства банкам составляла (в млн. руб. серебром)¹:

Годы	Сумма	Годы	Сумма
1823	25,0	1848	231,9
1828	33,7	1855	437,0
1834	97,6	1859	521,0
1838	101,0		

Таким образом, русские банки, постепенно превращаясь в органы кредитования государства, стали уделывать относительно меньше средств для выполнения своей важнейшей функции — кредитования дворянского земледелия, хотя в абсолютных цифрах судам землевладельцам продолжали возрастать. С 50-х годов ссуды дворянства росли медленнее, чем займы правительства в банках.

Однако использование ресурсов банка в первую очередь для кредитования дворянского государства не означало какого-либо изменения основной классовой направленности русской кредитной политики. В условиях углубляющегося кризиса крепостнического строя, не создававшего экономической базы для развития денежного хозяйства, финансовое положение страны становилось особенно трудным. Сложная внутренняя и международная обстановка вызвала увеличение государственных потребностей, превышавшее рост производительных сил. Невозможно назрело расстройство государственных финансов. Финансовое ведомство не могло не использовать такое средство пополнения кассы и покрытия дефицитов, как «позаимствование» в банках.

Превращение банковских вкладов в основной источник государственных займов при отсутствии возможности контролировать движение вкладов и предотвращать в случае каких-либо политических или экономических затруднений массовый их отлив, естественно, должно было вызвать тревогу более трезвым государственным деятелем. Государственный контролер Кушелев-Безбородко еще в 1850 г. предлагал принять меры к уменьшению зависимости государственного кредита и государственных финансов от «неконтролируемого затребования вкладов». С этой целью он безуспешно реко-

¹ В основу таблицы положены данные, приводимые П. Мигулиным и А. Гурьевым. Эти цифры нельзя считать совершенно бесспорными. Трудности установления точного размера государственной задолженности банкам объясняются тем, что во важнейшему кредиту — Ссудной кассе у нас есть только единичные цифры. Кроме того, ссуды «по высочайшему повелению» включаются не только ссуды кассы, а в какой-то незначительной части и высочайшим указом дворянам, не имеющим узаконенных залогов. Цифра на 1838 г. приводится по Канкрину («Состояние русских финансов», стр. 123), но она, несомненно, занижена (см. примечание на стр. 176).

мендовал выпустить на особенно льготных условиях внутренний заем¹.

Еще яснее была сформулирована мысль о вредности и опасности сложившейся практики использования казначейством банковских вкладов в записке, представленной в конце 1855 г. чиновником министерства финансов Ю. Гагенмейстером. Он писал: «кредитные установления обязались принимать все предлагаемые вклады и уплачивать по ним проценты, но они не приняли никаких мер для надлежащего употребления этих денег, и потому правительство поставлено в необходимость тратить вверенные ему суммы по своим надобностям и не могло не тратить их частью на безделье»².

«Позаимствования» в основном шли на покрытие бюджетных дефицитов, что видно из следующей таблицы (в млн. руб. серебром):

Годы	Бюджетный дефицит	«Позаимствования»
1835	14,0	13,7
1839	7,2	10,1
1842	14,0	17,8
1847	23,0	15,6
1848	58,0	25,6
1849	51,0	40,0
1850	55,0	43,1

Как мы видим, в некоторые годы средств, «позаимствованных» в банках, не хватало даже для покрытия дефицитов, тогда они покрывались внешними и внутренними займами и выпуском кредитных билетов. Особенно ярко это выражалось в годы Крымской войны³. В годы же бюджетного благополучия «позаимствования» были совсем незначительными. Например, в 1830 г. при дефиците в 0,6 млн. руб. из банков было «позаимствовано» 0,6 млн. руб., в 1837 г. при дефиците в 0,5 млн. руб. — 4,4 млн. руб. и т. д.

Широкое использование казенной банковских ресурсов вызвало резкое осуждение А. Герцена и Н. Огарева. Они видели в этом обычное для правительства Николая I проявление произвола, вредного вмешательства в хозяйственную жизнь страны, недостаточное отношение средств на непродовольственные нужды. Огарев

¹ ЦГАДА, разд. XIX (дополнительная нумерация), д. № 47 (1855).

² Ю. Гагенмейстер, О финансах России, «Исторический архив», 1936, № 2, стр. 114.

³ См. главу XVI данной работы.

по этому поводу писал, что правительство всегда имеет право запустить в банковские ресурсы свою ладную лапу¹.

Своеобразие и противоречивость, присущие русской кредитной политике того времени, заключались в том, что рост вкладов в кредитные учреждения свидетельствовал о дальнейшем развитии товарно-денежных отношений, в частности о росте производства товарного хлеба. В то же время эти вклады использовались для консервации крепостнического строя и, следовательно, тормозили развитие капиталистических отношений.

Русские кредитные учреждения осуществляли и другую функцию, противоречившую интересам дворян-крепостников. Поскольку суды казне превращались в государственный долг, банки благодаря этому становились существенным фактором первоначального накопления капитала. «Государственный долг, — писал Маркс, — делается одним из самых сильных рычагов первоначального накопления. Слово прикосновением волшебного жезла он одаряет непроизводительные деньги производительной силой и превращает из таким образом в капитал, устрояя всякую надобность подвергать их опасностям и затруднениям, неразрывно связанным с помещением денег в промышленность и даже с частноростовщическими операциями»².

Денежные капиталы, лежавшие в банках и увеличивавшиеся в результате «приращения процента», ожидали момента, чтобы превратиться в промышленный капитал, приобрести форму железнодорожных облигаций, акций всевозможных предприятий (промышленных, торговых, банков) и т. п. Банковские вклады наряду с выкупными платежами, доходами от откупов и т. д. сыграла определенную роль в образовании тех миллионов, которые были пущены в оборот при проведении буржуазных реформ.

Рассматривая значение внутреннего государственного долга для развития капиталистических отношений, надо подчеркнуть, что его рост приводил к росту государственного бюджета. Это в свою очередь означало увеличение государственных заказов и, следовательно, расширение промышленной и торговой деятельности, а также увеличение подрядных операций, являвшихся тогда «капиталистической» формой обогащения торговой и промышленной буржуазии за счет государственного бюджета. Вместе с тем процентные доходы, получаемые вкладчиками из государственного казначейства, служили одной из важных форм перераспределения национального дохода в интересах буржуазии.

¹ «Колокола», № 81.

² К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 758.

Глава XII

КРЕДИТОВАНИЕ КРЕПОСТНИЧЕСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ в 20—50-х годах XIX в.

1. КРЕДИТОВАНИЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ

К концу второго десятилетия XIX в. в дворянских кругах возрастает интерес к сельскохозяйственному производству и агротехнике. Это объяснялось падением цен на хлеб и другие сельскохозяйственные продукты, которое началось с 20-х годов и продолжалось на протяжении двух десятилетий. В начале 20-х годов Россия пережила несколько неурожайных, а во многих районах — голодных лет. Понижение цен на хлеб, а следовательно, резкое уменьшение доходности землевладения ставило с особой острой проблемой применения передовой агротехники и о развитии товарных отраслей. Некоторые помещики устремились в промышленное предпринимательство, используя крепостной труд и собственное сырье.

В эти годы возникают такие очаги дворянской агрономическо-экономической мысли, как Московское общество сельского хозяйства (1818 г.), Общество сельского хозяйства юга России (1828 г.) и др. Растет книжная и журнальная литература по вопросам экономики сельского хозяйства.

Однако все опыты внедрения передовой агрикультуры носили, как правило, дилетантский характер и не имели хоть сколько-нибудь заметных экономических последствий. Господство феодально-крепостнических отношений почти полностью исключало возможность эффективного ведения сельского хозяйства. «Дедовская» техника, находящаяся в крайне низком и рутинном состоянии, остается одним из основных и обязательных признаков барщинного хозяйства.

Несмотря на это, банковские ссуды, получаемые землевладельцами, как и раньше, почти не использовались для улучшения и развития производства, а шли на потребительские нужды.

Например, Юсуповы, владевшие имениями в 17 губерниях, только между 1822 и 1830 гг. заняли в Опекунском совете свыше 2 млн. руб., но лишь ничтожная их часть пошла на улучшение

хозяйства. Специальное исследование бюджета Юсуповых установило, что в 1808 г. они на покупку молотильных машинок и другого сельскохозяйственного инвентаря израсходовали 1 640 руб.; в 1819 г. на молотильные машины было израсходовано 19 тыс. руб. Но очень скоро Юсуповы отказались от таких затрат, признав их неэффективными и бесполезными. В 1821 г. в газетах было объявлено с продаже ими молотильных машин¹. Только в 1840 г. в хозяйстве Юсуповых появляется несколько новых машин и произведены некоторые затраты на хозяйственные нужды. Но все это не изменило общего характера ведения хозяйства.

Прекрасный знаток экономики помещичьего хозяйства второй четверти XIX в. Заблочкин-Десятовский писал об органах кредитования дворянства, что они «ни мало не улучшили ни земледелия, ни промышленности в помещичьих имениях, а только способствовали распространению безрасчетной роскоши и неоплатных дагов дворянства...»².

Даже такой реакционный экономист, как А. Бутковский, называя Земельный банк «замечательнейшим», вынужден был признать, что, «доставив легкомысленным помещикам возможность получить значительные суммы под залог полурозоренных имений, он только усилил их расточительность... Земли же остались, по-прежнему, худо возделанными, приносящими мало дохода. Так множество помещиков вошли в неоплатные долги...»³.

Придерживавшийся демократических взглядов Д. Журавский тоже считал, что кредиты помещикам «вместо пользы обращаются иногда во вред»⁴.

О непроизводительном использовании банковских ссуд говорили и революционные демократы. Так, Н. Огарев писал: «Помещики тратили занятые капиталы куда полагало, всего менее на увеличение производительных сил в государстве»⁵. Чернышевский, подводя итоги деятельности дореформенных банков, совершенно справедливо указывал, что они давали «ссуды часто только на мотовство помещиков»⁶.

Здесь вполне уместно вспомнить письмо Ф. Энгельса к Даниэльсону. Хотя в этом письме Энгельс характеризовал положение дела в Пруссии во второй половине XIX в., все им сказанное с полным правом может быть отнесено и к России интересующего нас пе-

риода. «Боюсь, что ваш дворянский земельный банк, — писал Энгельс, — приведет к тем же результатам, к каким привели прусские земельные банки. Здесь дворянство заключало займы под предлогом улучшения своих поместий, но на самом деле тратило большую часть полученных денег на поддержание привычного образа жизни, на картежную игру, на поездки в Берлин и главные города своих провинций и т. п. Дворянство считало своим первым долгом — жить сообразно достоинству своего сословия, а первым долгом государства — помогать ему выполнять эту задачу. Таким образом, несмотря ни на какие банки, ни на какие громадные, прямые и косвенные, денежные подкаты им со стороны государства, прусские дворяне находятся по-уши в долгах у ростовщиков...»¹.

Все же лишь небольшая часть помещиков пыталась интенсифицировать свое хозяйство и нуждалась для этой цели в кредитах. В начале же 20-х годов для большинства должников Земного банка истек срок ссуд, что явилось для дворянства побудительной причиной настаивать на восстановлении выдачи ссуд.

Выше уже указывалось, что в 1824 г. после длительной борьбы вокруг банковских планов окончательно взял верх курс на подчинение кредитной системы интересам крепостников-землеладельцев. 4 июня 1824 г. было опубликовано «Положение об открытии вновь займов из Государственного заемного банка»², которое реализовало пожелания дворян. Установленные положением новые ссудные правила были тогда же распространены на Сохранный казну³, а вскоре и на приказы общественного призрения⁴.

Положение 1824 г. предусматривало выдачу ссуд на 8, 12 и 24 года. Получившие ссуды на 12 и 24 года ежегодно отдавали по ссуде с уплатой установленных 6% произволили постепенное погашение самой ссуды (по 2% в год), т. е. выплачивали всего 8% в год. Размер ссуд устанавливался от 5 тыс. руб. до 500 тыс. руб., которые выдавались под залог насажденных имений, каменных домов в Петербурге, фабричных зданий и заводских крестьян, а также крестьян, приписанных к горным заводам.

Размер ссуд, как и раньше, определялся количеством заложенных душ. Было установлено, что под одну душу дается 150 или 200 руб. в зависимости от класса губерний⁵.

¹ К. Маркс Ф. Энгельс, Соч., т. XXVIII, стр. 6.

² ПСЗ 1, т. XXXIX, № 2994.

³ Там же, № 29937.

⁴ ПСЗ 2, т. 1, № 77 и там же, т. III, № 2375.

⁵ К губерниям первого класса были отнесены: Петербургская, Московская, Владимирская, Курская, Гродненская, Орловская, Пензенская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Тульская, Рязанская, Калужская, Казанская, Оренбургская, Ярославская, Владимирская, Киевская, Подольская, Астраханская, Самарская, Костромская, Тверская. Ко второму классу были отнесены остальные губернии Европейской части России.

¹ К. Сивков, Бюджет крупного собственника-крепостника, стр. 135—142.

² А. Заблочкин-Десятовский, Указ, соч., т. IV, стр. 330.

³ А. Бутковский, Опыт о народном богатстве или начала политической экономии, т. II, СПб., 1847, стр. 279.

⁴ Д. Журавский, Об источниках и употреблении статистических сведений, М., 1946, стр. 46.

⁵ Н. Огарев, За пять лет (1855—1860), стр. 192.

⁶ Н. Чернышевский, Избранные экономические произведения, т. II, М., 1950, стр. 530.

Распределение губерний по классам производилось без учета уровня доходности хозяйства: к первому классу были отнесены некоторые губернии, в которых доходы помещиков были очень низкими (Пензенская, Симбирская, Курская и др.).

На Сибирь, ввиду отсутствия в ней крепостнического земледелия, ссудная деятельность Заемного банка не распространялась.

Как только стало известно, что кредитные учреждения увеличат размеры выдачи ссуд и удлинит их срок, многие должники срочно погасили свой долг с тем, чтобы сейчас же заложить имущество по новым правилам.

Положение 1824 г. предусматривало, что заложенные имущества могут служить дополнительным обеспечением подрядов и поставок из расчета 50 руб. на заложленную душу. Это послужило поводом для того, чтобы добиваться новых дополнительных ссуд¹.

Понятно, что все эти льготы были встречены с большим удовлетворением в дворянской среде. Декабрист И. Якушкин писал в письме к П. Чаадаеву от 4 марта 1825 г.: «конечно, нынешние годы платить довольно трудно и может многие были бы весьма в затруднении, если бы Опекунский совет не вздумал выдать по 50 руб. асс. прибавочных на заложенные души и если бы не рассрочил долги свои на 24 года, так что должники в Воспитательный дом, платя ежегодно только по осьми процентам с занятого капитала, в 24 года весь долг выплачивают»².

Новое положение открыло такую широкую возможность получения крупных ссуд, что некоторые землевладельцы сошли для себя выгодным приобрести за счет банковских кредитов новые поместья. Так, Юсуповы в 40-х годах за счет банковских ссуд купили поместья в Смоленской и Петербургской губерниях³.

К банковским ссудам прибегали и для расплаты с ростовщиками. Были, наконец, и такие помещики, которые использовали ссуды для откупных, подрядных и ростовщических операций. Но едва ли неосновными клиентами банка оставались так называемые «беспечные» дворяне, т. е. помещики, бравшие ссуды для удовлетворения своих пристрастий. Такие клиенты банка мало думали о хозяйственных последствиях своих действий, о покрытии долга.

Обычно при наступлении первого же срока уплаты процентов и погашения по новым займам среди дворян возникало недовольство условиями ссуд. Ссылались просьбы о снижении процентных ставок

и вместе с тем об увеличении нормы ссуд⁴. При этом дворяне выходили из одного только стремления — получить как можно большие денежные суммы для покрытия дефицитов своих бюджетов или для погашения ссуд, взятых у ростовщиков из более высоких процентов. Между тем увеличение нормы выдачи ссуд соответственно повышало ежегодные платежи процентов и погашений, зачастую составляя большую сумму, чем доход, который крепостная душа приносила в виде барщинных повинностей или оброчных платежей.

Поэтому дворяне требовали установления еще более льготных условий кредитования. Об этом писал и Мордвинов⁵.

В 1830 г., как уже отмечалось, было осуществлено некоторое снижение процентных ставок. В 1833 г. по случаю неурожая на ссуды помещикам было дополнительно ассигновано 18 млн. руб.⁶ Новые льготы для землевладельцев были введены в 1839—1841 гг. в связи с проведением денежной реформы.

Манифест от 1 июля 1839 г., которым начиналось проведение реформы, извещал о некотором повышении нормы ссуд под души (60—75 руб. серебром)⁷. Но на этом правительство не остановилось. В 1841 г. нормы ссуд были изменены, причем дополнительные выгоды получили владельцы наиболее крупных поместий. Обсуждая это мероприятие, Канкрин указывал, что за последние годы «ценность имений значительно возвысилась». 16 мая 1841 г. был обнародован манифест «О назначении нового размера ссудам из кредитных установлений под залог населенных поместий»⁸. В отличие от прежних правил, губернии страны действовали уже не на два, а на три разряда.

Размер ссуд под душу устанавливался в губерниях первого разряда в 70 руб. серебром, во втором разряде — в 60 руб., в третьем разряде — в 50 руб. Впервые в практике кредитования дворянства при установлении размера ссуд стали принимать во внимание количество земли. Было установлено, что если в губернии первого разряда на душу приходится более 5 десятин, второго разряда — более 6 десятин, а третьего — более 7 десятин, то заемщик приобретает право получить дополнительно еще 10 руб. на душу⁹. Доходность поместья по-прежнему не учитывалась. Совершенно игнорировались интересы помещиков, применявших наемный труд, т. е. перешедших к капиталистическим методам хозяйствования.

¹ С. Середонин, Исторический очерк деятельности комитета министров, т. II, ч. I, СПб. 1902, стр. 231.

² «Архив Мордвиновых», т. VII, стр. 36 и 207; т. VIII, стр. 30, 136—138, 152—156, 160—164, т. IX, стр. 60.

³ И. Б. Яковлев, Указ. соч., стр. 196.

⁴ ПСЗ 2, т. XIV, № 12497, § 7.

⁵ ЦИАЛ, ф. 583, оп. 4, л. № 236, л. 92; ПСЗ 2, т. XVI, № 14461.

⁶ А. Ходский, Повеменный кредит в России, стр. 78.

¹ В 1827 г. эта льгота была распространена и на заемщиков сохранивших наем, а в 1828 г. — на клиентов приказов (см. ПСЗ 2, т. II, № 1440, т. III, № 2375).

² И. Якушкин, Записки, статьи, письма, М., 1951, стр. 241.

³ А. Насонов, Из истории крепостной вотчины XIX в. в России, «Известия Академии наук СССР», 1926, № 7—8, стр. 499—509; К. Сивков, Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в., М., 1951, стр. 14.

Одновременно были установлены новые, тоже несколько повышенные нормы ссуд под «фабричные, на праве помещицким состоящие» именные¹. Кредитование горнозаводских предприятий продолжало проводиться на прежних основаниях.

В 1852 г. по мере распространения крепостнического землевладения в Заволжье право получать ссуды под залог душ приобрели и помещики Самарской губернии².

К этому времени были также уточнены правила о ссудах под залог посессионных поместий. Владельцы этих поместий, приобретенных до 1807 г., могли получить по обычной норме (50—70 руб.), но «при удалении от фабрик посессионных крестьян» ссуда уменьшалась до 36 руб. за душу³.

Как и раньше, клиентам банка предоставлялось право перекаладывать поместья с целью получения разницы в размере ссуд. Конечно, это право многие использовали.

Появление разряда «обязанных крестьян»⁴ вызвало необходимость введения новых форм кредитования помещичьего землевладения «по соразмерности с постоянными доходами, определяемыми по пространству и качеству земли и по способам обработки оной»⁵. Ссуды под земли, населенные обязательными крестьянами, не должны были превышать десятикратный годовой доход⁶.

Указ об обязанных крестьянах почти не имел никакого значения для облегчения крепостного гнета. До 1861 г. в разряд обязанных крестьян перешло менее четверти процента помещичьих крестьян.

В 30—50-х годах, так же, как в предшествующие десятилетия, кредитные учреждения нередко в обход установленных правил предоставляли своим заемщикам всевозможные льготы. Это делалось по ходатайству отдельных клиентов банка, а иногда и целых групп помещиков⁷.

В неурожайные годы правительство выдавало помещикам специальные ссуды из «продовольственного капитала» и других источников с обязательством кормить крестьян. Однако в большинстве случаев эти пособия использовались помещиками только на свои нужды, частью даже обращались на уплату долгов.

Как вспоминает один современник, «во время голода помещики хотя и брали на прокормление крестьян деньги из казенного капи-

вала на народное продовольствие, но эти деньги проигрывали, другие платили ими долги или употребляли на свои нужды»⁸.

Несколько позже в дополнение к указу 1824 г. было издано распоряжение о том, что при предоставлении поместий в качестве залогов по подьякам и откупам и т. д. каждая душа расценивается на 10 руб. выше банковской нормы. В 1842 г. было разъяснено, что помещики, не использовавшие этого права, могут получить из Сибирской казны дополнительно по 10 руб. под душу. Если новая ревизия установит прирост душ, то помещик приобретал право получить дополнительно ссуды по числу «прибылых душ» на срок прежних займов⁹. Даже после десятой ревизии (1858 г.), т. е. уже во время подготовки «крестьянской» реформы, разрешалось получать ссуды под «прибылые души». Владельцы заложенных поместий, конечно, не упускали возможность получать дополнительную ссуду, даже самых ничтожных размеров¹⁰.

Знакомство с деятельностью органов кредитования дворянского землевладения показывает, что они только в чрезвычайно редких случаях прибегали к предусмотренной уставами банков продаже заложенных поместий в случае длительной неуплаты процентов и платежей. Стремление во что бы то ни стало сохранить в руках владельцев-дворян их поместья произвело все условия продажи с торгов имущества должников банка. В правилах 1828 г., например, указывалось, что поместья, поступившие в банковское управление, должны сдаваться в аренду по возможности самим же задолжавшимся помещикам¹¹. Кроме того, покупка поместий казной производилась на таких льготных для владельцев условиях, что вообще рассматривалась как особая милость со стороны верховной власти.

По официальным данным, с 1824 по 1837 г. было продано за долги только 25 поместий (с 3 696 душами) и обращено в собственность казны (с уплатой банковского долга) три поместья с 13 336 душами¹².

К 1840 г. на продажу было назначено до 1 500 поместий¹³. Однако введение некоторых дополнительных льгот для заемщиков привело к тому, что большинство поместий несправных должников осталось в руках владельцев.

Если же заемщику удавалось получить ссуду, превышающую стоимость его имущества, то такие поместья продались с торгов не под-

¹ ПСЗ 2, т. XXVII, № 25962.

² Там же, № 26490.

³ С 1842 г. помещикам было разрешено «освобождать» крестьян с земельным наделом, но с сохранением определенных обязанностей по отношению к помещикам.

⁴ Сборник РИО, т. 98, стр. 269.

⁵ ПСЗ 2, т. XXI, № 19641.

⁶ ПСЗ 2, т. VIII, № 6417; т. XIX, № 18140; т. XX, № 18609, 18811, т. XXIV, № 23182, 23666, 23350; т. XXV, № 23988, 24052, 24033, 24723, 24874; т. XXVI, № 25624; т. XXVII, № 25946, 26059.

⁷ Н. Крылов, Накануне великих реформ, «Исторический вестник», 1903, кн. 9, стр. 101.

⁸ ПСЗ 2, т. X, № 7748; т. XI, № 9698; т. XVII, № 15276; т. XIX, № 17469; т. XXVI, № 25382; т. XXVII, № 26923.

⁹ А. Заблоцкий-Десятовский, Указ, соч., т. IV, стр. 318.

¹⁰ ПСЗ 2, т. III, № 2342.

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 583, л. № 232, л. 420.

¹² Сборник РИО, т. 98, стр. 148.

лежали. В этих случаях банку приходилось оставлять поместья за собой и сдавать их в аренду обычно бывшим владельцам¹.

Сохранные казны, которые несколько строже относились к своим клиентам, чем Заемный банк, тоже очень редко исполняли право продажи с торгов поимостей своих должников. Так, по Петербургской сохранной казне с 1849 по 1858 г. было назначено к продаже 404 поместья, из которых фактически было продано менее одной четверти². Всего же по Петербургской сохранной казне на 1859 г. числалось заложенными 8 463 поместья³. Таким образом, доля поимостей, предназначенных к продаже за неплатежи, составляла менее 5%, а фактически проданных — немногим более 1%.

В Екатеринославской губернии в 1853 г., по сведениям местной администрации, было заложено 581 поместье, из них 31 было описано за неплату банковских долгов, но только одно продано с торгов; в Херсонской губернии из 493 заложенных поимостей 20 было описано, 11 представлено к продаже, но только 5 продано⁴.

Между тем дворяне не прекращали добиваться новых льгот, поблажек и пожалований на строгость правил кредитования⁵. Так, в 1831 г. некий помещик Стороженко предложил отменить продажу имений за неплату банковских долгов, а вместо этого брать их в опеку до выплаты долгов⁶. В 1848 г. другой помещик выразил мысль, что в случае неплаты банковского долга надо не продавать заложенное поместье с торгов, а брать в казну с уплатой владельцу разницы между ценой поместья и суммой банковского долга. Специальный комитет отверг этот проект не столько по финансовым соображениям, сколько по политико-классовым мотивам. Было указано, что большинство назначаемых к продаже имений или остается в руках бывших владельцев или переходит в руки других дворян и, таким образом, площадь дворянского землевладения не уменьшается. Это случилось бы, если бы был принят указанный проект⁷.

Основным требованием землевладельцев было увеличение размеров суд. Вместе с тем неразрешимость противоречий крепостного хозяйства в период его разложения приводила к тому, что тем большими были суды, тем менее они экономически оправдывались, тем меньше было возможности их погасить.

¹ ПСЗ 2, т. XXIV, № 23746.

² «Труды комиссии по устройству земских банков», т. I, СПб, 1860, приложение, стр. 55.

³ Там же.

⁴ ООГА, ф. 1, оп. 248, л. № 1578, л. 146 в 402.

⁵ См., например, брошюру А. Мухомова, Мысли о причинах упадка кредита в дворянском сословии и средствах восстановления оного, М., 1831.

⁶ ЦГИАА, ф. 583, л. № 232, л. 15.

⁷ В. Семецкий, Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века, т. II, СПб, 1888, стр. 194.

На первый взгляд суды, получаемые помещиками, могут показаться крайне необременительными. При среднем их размере в 60 руб. на душу годовая уплата процентов вместе с погашением составляла 3—5 руб., т. е. примерно 10% обычного оброка. Однако следует учитывать, что реальное число плательщиков оброка было значительно меньше числа душ, поскольку в число последних входили дворовые, малолетние, старики, крепостные, находившиеся «в бегах», сданные в солдаты, и т. д. В барщинных поместьях по тем же причинам количество реальных «тяглов» было меньше числа списочных душ. Кроме того, следует учитывать условия реализации продуктов крестьянского труда, нередко неблагоприятные (ничтожный товарный выход, низкие цены и т. д.). Главная же причина обременительности суд для помещиков заключалась в том, что они использовались в основном в потребительских целях.

Н. Г. Чернышевский писал: «каждому известно, что когда имение заложено... то уплата процентов берет более половины валового дохода у помещиков; во многих поместьях она брала (по прежнему расчету процентов на долги кредитных учреждений) две трети и даже три четверти валового дохода; наконец, известно, что часть поимостей покупалась с прибавкой самой ничтожнейшей суммы к переводу долга на покупателя»¹.

Вскрывая классовую суть политики кредитных органов дореформенной поры, Чернышевский указывал, что банки могли бы добиться улучшения дела «через принятие более серьезных мер взъяснения»².

Дворяне-землевладельцы в своей подавляющей части не входили ни в какие экономические расчеты; их радовало временное облегчение, возможность получить новые податки, их поддерживала надежда, что государство и дальше все сделает для того, чтобы сохранить дворянское землевладение — опору существования монархии.

Поставив задачу поддерживать дворян-крепостников, кредитные органы игнорировали интересы весьма немногих в то время дворян, которые внедряли капиталистические методы ведения хозяйства. Например, в 1841 г. доктор медицины Адамс приобрел в окрестностях Петербурга 700 дес. пустыря, осушил и завел образцовое хозяйство. В 1849 г. он просил предоставить ему суду в 70 тыс. руб., но, поскольку не мог предьявить законного залога — души, получив на свое ходатайство отказ³.

В Новороссийском крае было вовсе запрещено кредитование под залог ненаселенных поимостей.

Новороссия, т. е. причерноморские степные губернии Украины,

¹ Н. Чернышевский, Избранные экономические произведения, т. I, М., 1948, стр. 27.

² Там же, т. II, стр. 530.

³ ЦГИАА, ф. 583, л. № 244, л. 43—50.

в первые десятилетия XIX в. быстро заселялась. С каждым годом расширялись все новые тысячи десятины чернозема, в делениях степей развивалось оледование. Но дальнейшее хозяйственное развитие Причерноморья тормозилось недостатком рабочей силы, так как крепостное население здесь почти отсутствовало. Это создавало предпосылки для развития капиталистических форм хозяйствования и в то же время привлекало помещиков Новороссии кредита на обычных основаниях.

Генерал-губернатор Новороссии граф Воронцов в 1828 г. писал: «о трех Новороссийских губерниях состоит помещичьих земель около 8 млн. дес., не имеющих перед законом никакой ценности». Воронцов ходатайствовал о «дозволении принимать земли в Новороссийских губерниях по 5 руб. за десятину». И хотя Воронцов подчеркивал, что деньги, полученные этими помещиками, «готовы будут для оборотов коммерции и народной промышленности», Канкрин заявил, что залогом под неоплаченные поместья «рискованы, а потому не могут иметь места...»¹.

В 1838 г. дворянство Таврической губернии возбудило аналогичное ходатайство. В заявлении утверждалось, что доход всех помещичьих семейств Таврии (345 семейств, всего 1500 человек) составляет 1,4 млн. руб., т. е. около одной тысячи рублей на человека, или 70 коп. с десятины. Такой низкий доход объяснялся, по их словам, недостатком рабочей силы. Но выход из положения дворяне Таврической губернии видели не в применении вольнонаемного труда, а в предоставлении им особых кредитов для приобретения крепостных².

Их просьба также была отклонена. Верный себе Канкрин ответил, что нет основания делать исключение для Таврической губернии³.

В 1850 г. тульский предводитель дворянства В. Норов представил записку «О стеснительном состоянии кредита дворянского и об отвращении дальнейшего состояния оного». Основная идея записки состояла в предложении изменить методы кредитования: выдавать ссуды, «не касаясь душ», а исходя из количества и качества земли. Тогда, по мнению Норова, кредит будет основан на прочной базе⁴.

Однако до самой отмены крепостного права ссуды продолжали выдаваться почти исключительно под залог крепостных крестьян.

¹ ЦГИАЛ, ф. 583, л. № 223, л. 2—5. Единственно, чего смогли добиться помещики Новороссии, это права получать ссуды в годы неурожаев в Одесской палате Коммерческого банка. Был также создан особый «капитал для расширения сельской промышленности в Новороссии», составленный в 1841 г. вчетверную сумму в 426 тыс. руб. Из этого капитала выдавались ссуды размером до 5 тыс. руб. на 4% (ПСЗ 2, т. XIV, № 12917; т. XVIII, № 17315).

² ООГА, ф. 1, оп. 191, л. № 69, л. 3—12.

³ Там же, л. 25.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 583, л. № 245, л. 223.

2. ЗАЕМНЫЙ БАНК в 1824—1859 гг.

Прекратившись с началом Отечественной войны 1812 г. выдачу ссуд Заемный банк возобновил эти операции только в 1823 г., после издания указа «О назначении из Заемного банка 5 млн. руб. для выдачи в пособие дворянству губерний, потерпевших от неурожаев в прошедшие годы стеснение в денежных оборотах, под залог реальных душ на правах 12-летних займов»¹.

Первоначально лишь немногие помещики смогли воспользоваться этим пособием, так как по закону ссуду можно было получить только под залог «чистого», т. е. ранее не заложенного, поместья. Но уже в следующем 1824 г. было дозволено «помещикам, потерпевшим разорение, перекаладывать их имения в Заемном банке без удержания долгов их, принадлежащих другим кредитным установлениям»².

Изменение условий залога сразу же было широко использовано дворянами-землеуладельцами. Если в 1823 г. было выдано ссуд приблизительно на 700 тыс. руб., то в 1824 г. — на 7,7 млн. руб., а в 1825 г. — на 13,1 млн. руб.³.

В 1843 г. число заложенных в банке крепостных крестьян измнилось 590 тыс., в 1852 г. — 634 тыс., в 1856 г. — 556 тыс.⁴. Это составляло примерно 10% общего числа заложенных душ.

Характеризуют деятельность Заемного банка следующие данные (в млн. руб., серебром, см. табл. на стр. 192)⁵.

Приведенная таблица ярко иллюстрирует уже известный нам факт, что основные ресурсы Заемного банка складывались из сумм, переданных из Коммерческого банка, приказов, а также из различных казенных мест для «приращения процентами». Вклады, непосредственно аккумулированные Заемным банком, составляли непрерывно уменьшавшуюся часть общей массы вкладов: в 1826 г. — 63,4%, в 1841 г. — 25,5, в 1859 г. — 11,9%.

Кроме того, из таблицы видно, что большая часть накоплений Заемного банка обращалась в ссуды «по высочайшему повелению», т. е. представляла казне в виде краткосрочных или долгосрочных ссуд.

В 30—50-х годах для производства операций по кредитованию дворянского землеуладения банк располагал почти стабилизировавшейся суммой в 40—50 млн. руб.

Поскольку быть клиентом Заемного банка было выгоднее, помещики стали добиваться перевода долга из Опекунского совета

ПСЗ 2, т. XXXVIII, № 29503.

ПСЗ 1, т. XXXIX, № 29737.

³ Е. Ламацкий, Указ. соч., стр. 61—63.

⁴ А. Ходский, Поземельный кредит в России, М., 1882, стр. 81; «Известие долги и положение губерний в 1856 г.», «Журнал министерства внутренних дел», 1860, февраль, стр. 215.

⁵ И. Кауфман, Указ. соч., стр. 2—3.

Годы	Всего	Вклады				Остаток погашенных ссуд к началу года		Выдано новых ссуд	
		Коммерческого банка	Приватного	Государственного	Частного	Под залог	По выпискам из ссудных книжек	Всего	По выпискам из ссудных книжек
1826	46,7	7,6	1,9	8,1	26,5	26,4	19,2	7,4	1,9
1829	74,1	25,4	3,4	10,2	30,6	34,4	31,9	3,5	12,1
1832	85,3	32,1	5,6	11,4	34,3	36,2	30,0	25,6	5,3
1835	109,1	46,5	7,6	15,7	37,0	38,2	68,0	4,0	9,3
1838	133,6	62,1	6,0	22,9	38,9	41,4	85,3	10,3	12,8
1841	163,3	87,2	7,5	22,6	41,8	50,7	115,5	7,3	3,0
1844	198,2	103,3	11,5	30,7	44,5	50,6	143,7	5,0	11,3
1847	234,1	125,9	17,4	33,0	53,2	50,7	178,2	4,4	16,2
1850	292,8	170,9	25,1	34,6	57,6	49,0	234,2	26,8	
1853	338,5	195,0	36,2	41,6	59,7	46,5	279,9	32,7	
1856	440,1	222,0	64,0	42,7	63,9	49,2	346,7	5,8	10,2
1859	317,8	175,1	54,9	34,9	37,9	52,8	330,5	30,6	33,2

в Заемный банк с тем, чтобы получить единовременную выплату по 50 руб. на душу и другие льготы¹.

Так, крупнейшая помещица графиня Строганова, задолжавшая Заемному банку и Сохранной казне 6,9 млн. руб. (под залог 41 тыс. крепостных), прислала о переводе ее двухмиллионной доли Сохранной казне на Заемный банк, об отсрочке уплаты процентов, частичном перечислении их в капитальный долг и о других льготах. Это ходатайство было удовлетворено². Таких примеров можно привести множество.

Об ориентации Заемного банка на преимущественное обслуживание придворной знати свидетельствует и рост удельного веса ссуд под залог каменных зданий в Петербурге. Так, в 1856 г. в Заемном банке числилось ссуд под залог помещений на 30 млн. руб., а под залог домов в столице — 19 млн. руб.³

Чтобы получить кредиты, дворяне часто прибегали к протекции влиятельных царедворцев. Очень часто таким посредником выступал всесильный Бенкендорф, действовавший через голову министра финансов⁴.

Нередко Заемный банк в нарушении правил выдавал ссуды без залога, «за ручательством его императорского величества». Так, в одном только 1826 г. были выданы такого рода ссуды: генерал-адъютанту Шипову (60 тыс. руб.), Бибикову (100 тыс. руб.), Тимрогу (15 тыс. руб.) и др.⁵

Из государственных средств «по высочайшему повелению» часто производилась уплата долга за некоторых заемщиков, пользовавшихся особыми царскими милостями. В 1837 г., например, в этих целях было внесено в Заемный банк 468 тыс. руб.⁶

3. СОХРАННЫЕ КАЗНЫ И ПРИКАЗЫ в 1820—1850 гг.

Сохранные казны, которые даже в годы Отечественной войны 1812 г. не прекращали своих активных операций, превратились в важнейший центр аккумуляции вкладов имущей части населения страны. В 1833 г. вклады в одну только Московскую сохранную казну составили 115 млн. руб. серебром (в 1823 г. — 44 млн. руб.)⁷, тогда как в том же 1833 г. в Заемном банке вклады выразились в 35 млн. руб., а в Коммерческом банке — в 52 млн. руб. Поэтому на протяжении второй четверти XIX в. (вплоть до «крестьянской реформы») сохранные казны в кредитовании дворянства играли значительно большую роль, чем Заемный банк.

Являясь по своим операциям «всесоюзной организацией», в области активных операций сохранные казны имели резко выраженный крепостнический облик, поскольку их деятельность ограничивалась выдачей ссуд под крепостных крестьян.

Приведенные ниже данные показывают развитие операций казен (см. табл. на стр. 194)⁸.

Данные таблицы подтверждают, что сохранные казны выдавали ссуды на сумму почти в десять раз большую, чем Заемный банк. Соответственно в казнах было заложено примерно в десять раз больше крепостных крестьян: в 1843 г. — 4,9 млн., в 1856 г. — 12 млн.⁹

Значительно меньших размеров были операции приказов. Но, с развитием капиталистических отношений, по мере роста денежных накоплений в стране увеличивалась и сумма вкладов в приказы, поскольку из существовавших тогда кредитных учреждений приказы имели наиболее развитую сеть. Если Заемный банк кредитовал только одну контору в Петербурге, сохранные казны —

¹ ЦГИАЛ, ф. 583, д. № 221, л. 132.

² Е. Канкрин, Краткое обозрение российских финансов, стр. 57.

³ Д. Филимонов, Указ, соч., стр. 270.

⁴ И. Кауфман, Указ, соч., стр. 6. До 1841 г. сохранные казны не вели своих балансов, а архивы сохранных казен не сохранились.

⁵ Д. Холдский, Указ, соч., стр. 81; «Банковые долги и положения дворян в 1856 г.», стр. 215.

⁶ И. С. Я. Боровой

¹ ЦГИАЛ, ф. 583, оп. 4, д. № 223.

² Там же, д. № 220, л. 274.

³ «Банковые долги и положения губерний в 1856 г.», стр. 215 и 219.

⁴ См., например, ЦГИАЛ, ф. 583, д. № 234, л. 20, 234, 236 и след.

обязательство вносить в течение 10 лет по 14^{1/2} коп. с души для «обеспечения» отставных солдат из нижегородских помещичьих крестьян. Из создавшегося таким образом капитала, который полагался за счет других местных источников, представлялись ссуды помещикам¹.

Хотя Нижегородская губерния занимала второе место в стране по проценту заложенных поместий, обороты указанного банка были весьма незначительными. В 1856 г. банк выдал под залог населенных поместий ссуд на 1,1 млн. руб., в то время как задолженность нижегородских помещиков в этом же году выражалась в 14,8 млн. руб.²

В организации Александровского банка можно видеть отголосок планов Мордвинова по созданию местных банков, но только в той части, которая была выгодна дворянству.

4. ЗАДОЛЖЕННОСТЬ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ КРЕПОСТНОГО СТРОЯ

Донесшие до нас цифры, характеризующие размеры дворянской задолженности в изучаемый нами период, но многих случаев противоречивы и неполны. Изучение архивов показывает, что и официальные органы не располагали обобщающими данными о количестве заложенных поместий и душ, об их размещении по губерниям и другими важнейшими показателями. Даже наиболее освещенные современники, пытаясь определить размеры дворянской задолженности, оперировали только очень приближенными оценками³.

Так, размеры задолженности дворянства на 1833 г. попытались определить Н. Мордвинов, А. Заблоцкий-Десятовский и Кс. Друцкий-Любецкий. Мордвинов считал, что в закладе находилось тогда примерно половина всех поместий⁴; Заблоцкий-Десятовский измерила задолженность в 950 млн. руб. асс. (или 37% душ)⁵, а Друцкий-Любецкий определил ее в 660 млн. руб.⁶

Точные официальные данные имеются только для 1856 и 1859 гг.

Нами сделана попытка обобщить и свести в таблицу данные о задолженности дворянского землевладения в первой половине XIX в.⁶:

¹ ЦГИАЛ, ф. 583, д. № 232, л. 239; ПСЗ 2, т. XVI, № 14982.

² «Банковые долги и положение губерний в 1856 г.», стр. 208—234.

³ В. Иконников, Указ, соч., стр. 479.

⁴ А. Заблоцкий-Десятовский, Указ, соч., стр. 331.

⁵ Кс. Друцкий-Любецкий, Мнение об оценке и продаже имений, «Чтения в обществе истории и древностей российских», 1853, ч. III, стр. 142.

⁶ Невозможность точного определения размеров дворянской задолженности банкам объясняется тем, что официальные данные о ссудах по Земному банку

Годы	Выдано ссуд дворянам (в млн. руб. серебром)	Заложено крестьян (в млн.)	Процент заложенных крестьян к общему их числу по последней ревизии	Источники
1775	4,3	0,2	5,0	А. Куломзин, Указ, соч., стр. 236.
1796	28	0,6	6,0	Указ, соч. А. Заблоцкого-Десятовского, г. IV, стр. 331; Д. Филимонова, стр. 270; H. Storch, стр. 63.
1812	64	1,2	12,0	«Архив Государственного совета», т. IV, ч. 1, стр. 322; ЦГИАЛ, ф. 560, д. № 46, л. 61.
1823	90	2,1	20,2	Указ, соч. И. Кауфмана, стр. 2—3; Д. Филимонова, стр. 270; И. Баранников, История министерства внутренних дел, т. II, стр. 469; ЦГИАЛ, ф. 560, д. № 46, л. 62.
1833	205	4,5	43,2	Указ, соч. И. Кауфмана, стр. 2—3; А. Заблоцкого-Десятовского, стр. 330; ЦГИАЛ, ф. 560, д. № 77, л. 71.
1843	340	6,4	52,4	И. Кауфман, Указ, соч., стр. 2—3; «Министерство финансов», т. I, стр. 231; «Банки и кредитные учреждения», стр. 209.
1856	398	6,6	61,7	«Банковые долги и положение губерний в 1856 г.».
1859	425	7,1	66,0	Материалы редакционных комиссий, обработанные А. Скребицким в книге «Крестьянское дело в царствование Александра II», Бюли на Рейне, 1868, стр. 1244—1249; «Труды комиссии для устройства земских банков», т. I, СПб., 1860, стр. 228, приложение, стр. 1—6.

имеются только с 1818 г., но по этому учреждению количество заложенных душ приходится устанавливать на основании ориентировочных расчетов. Данные по сохранившимся казам точны только с 1843 г., а по приказам — с 1849 г. В большинстве случаев нет точных данных о суммах, «позанимствованных» в кредитных учреждениях казны. Мы не можем точно установить, какая часть ссуд приказов попала к дворянским сословиям и т. д. Поэтому при восстановлении недостающих элементов расчета приходилось делать некоторые допущения, исходя из обычных соотношений тех или иных показателей (например, ссуды Петербургской казны приравниваются к 55% ссуд Московской). Наши цифры расходятся с оценками С. Вознесенского («Разделение крепостного имущества и классовая борьба в России в 1800—1860 гг.», М., 1932, стр. 66 и 123), а также с другими данными приводимыми в литературе (например, И. Блюмкин, Очерки экономической мысли в России, М., 1940, стр. 16).

Определение, хотя и приближенное, удельного веса ссуд земледельцам в операциях кредитных учреждений представляет очень большой интерес и позволяет сделать ряд выводов:

Года	Собственные средства					в млн руб. серебром				
	Земельный банк	сохранные казны	приватизм	Всего	Вклады	Ссуды земледельцам	Ссуды мелким помещикам	Ссуды крупным помещикам	Всего	Вклады
1823	6,0	30*	4,7	40,7	112*	152,7	90*	25,0*	37,7	152,7
1833	8,0*	40*	11,0	59,0	295*	354,0	205*	97,6	51,4	394,0
1843	10,0*	61	13,0	84,0	520*	604,0	340	200,0*	64,0	604,0
1856	13,0*	77	15,0*	105,0	924	1 029,0	398	437,0*	194,0	1 029,0
1859	13,5*	135	15,0*	163,0	970	1 033,0	425	521,0	87,0	1 033,0

Примечания.

1. Операции Коммерческого банка отражены здесь только в части вклада в ссуды в пассивах Земельного банка.

2. Звездочками отмечены цифры, введенные предположительно.

3. Источники данных по вкладам и ссудам операций банков были указаны в предшествующих таблицах.

4. Сведения о собственных капиталах кредитных учреждений взяты: для Земельного банка см. Е. Ламацкий, Указ, соч., стр. 217; для сохранных казен см. И. Кауфман, Указ, соч., стр. 6; Е. Ламацкий, Указ, соч., стр. 286 (следует учитывать, что примерно 20% этих средств заключались в строениях); для приказов см. «Архив Государственного совета», т. IV, ч. 1, стр. 307; «Банки и другие кредитные учреждения», стр. 218. Е. Ламацкий, Указ, соч., стр. 301.

5. Показатели графы «Удельная численность и другие операции» выведены как разница между суммой пассивов и выданных ссудами. В «другие операции» относятся некоторые неуставные ссуды Земельного банка и т. п. В связи с тем, что в состав «собственных средств» включалась стоимость административных и неиспользованных свободных средств оказывается заметная преувеличенная. Не подлежащую часть средств, объединяемых этой графой, составляла кассовая наличность, которая обычно выражалась в очень больших размерах. В 40-е годы в кассах сохранных казен обычно зачислялось не менее 15 млн руб. (см. сборник РИО, т. 98, стр. 148). Необходимость хранения такой крупной наличности объяснялась тем, что капиталы банка состояли в основном из бесрочных вкладов. Громадный разрыв между пассивами и суммой выданных ссуд в 1856 г. подчеркивался в выступлении министра финансов, который в 1857 г. указывал, что в банках накопилось на 150 млн руб. не использованных в активных операциях вкладов (см. ПСЗ 2, т. XXXIV, № 34812).

6. Рассматривая приведенные данные, надо прежде всего отметить, что ссуды земледельцам с начала второй четверти XIX в. и до ликвидации дореформенных банков увеличались примерно в 4,5 раза (с 1833 г. — в 2 раза), в то время как ссуды казне — почти в 25 раз (с 1833 г. — в 5 раз). Если в 1823 г. ссуды земледельцам составляли примерно 80% всей массы вкладов, оспешивших в кредитных учреждениях, то в 1833 г. — 70%, в 1843 г. —

63 в 1856 г. — 43%. Соответственно возрастал удельный вес ссуд казне на 23%, 33, 38, 46 и на 54%¹.

С 50-х годов даже в абсолютных цифрах количество ссуд земледельцам почти перестало расти. Но было бы неправильно видеть в этом признак улучшения хозяйственного положения крепостнического земледельца. Также неверно было бы сводить вопрос только к отвлечению средств банков для покрытия бюджетных дефицитов. Как писал в 1852 г. Е. Ламацкий, «ссуды под залог ограничены именно физическою невозможностью постоянного, значительного увеличения, потому что имения, фабрики и дома... остаются довольно долгое время в залоге и могут быть только перезакладываемы с новых сроков, а свободные, по своей малочисленности, не могут постоянно, каждый год и в возрастающем количестве, представляемы быть в банк для получения под них ссуд»².

Это привело к тому, что прилив вкладов был значительно больше, нежели банки могли разместить кредитов под залог имений.

Остановимся несколько подробнее на анализе данных о банковской задолженности крепостнического земледельца. Как распределялась задолженность земледельцев по отдельным кредитным учреждениям и по объектам кредитования, показывают приведенные ниже таблицы (см. стр. 200)³.

Данные об операциях Московского сохранный казны, и в особенности приказов, говорят о том, что немалая часть ссуд предоставлялась средним и мелким земледельцам.

Официальные данные показывают (см. табл. на стр. 201), что в 1856 г. в банках было заложено 39% всех поместий. Вместе с тем на 1835 г. насчитывалось крупных земледельцев (владельцев более чем 1 тыс. душ) 1453, или только 1,4% общего их числа, в среднепоместных (т. е. имевших от 100 до 1 тыс. душ) — 17,6%. Основную массу помещиков (88,9 тыс., или 81%) составляли мелкопоместные⁴. Таким образом, если даже допустить, что все крупные и средние земледельцы были заложены, то и тогда на долю мелких помещиков пришлось бы значительная часть ссуд.

Однако точно установить распределение ссуд по отдельным категориям земледельцев не представляется возможным. Нет у нас и данных, которые позволяли бы сделать вывод, что ссуды, выдаваемые мелким земледельцам, шли на улучшение хозяйства.

¹ В общей сумме ссуды земледельцам и казне обычно превосходили сумму вкладов, так как для выдачи ссуд использовались и некоторая часть собственного капитала.

² Е. Ламацкий, Указ, соч., стр. 223.

³ Цифры для 1856 г. заимствованы из книги «Банковские долги и положение губерний в 1856 г.», стр. 208—234, а для 1859 г. из указанной книги А. Сиреницкого. Однако цифровые показатели нами в некоторых случаях округлены.

⁴ А. Тройницкий, Крепостное население России по 10-й народной переписи, СПб, 1861, стр. 67.

(По данным на 1856 г., в мал. руб. серебром)

Название кредитного учреждения	Выдано ссуд под залог				
	населенных поместий	неиспеченных земель, сенок и виноградов	каменных домов	всего	в % ко всей заимчивости
Московская сохранный казна	192,261	—	1,069	193,330	45,0
Петербургская сохранный казна	133,427	—	0,435	133,862	31,0
Земельный банк	30,126	0,128	19,720	49,974	12,0
Приказы общественного призрения	40,964	5,071	2,755	48,793	11,6
Нижегородский дворянский банк	—	—	—	1,135	0,3
Ярославский дом призрения бедных	—	—	—	0,329	0,1
Всего	398,296	5,199	23,980	427,425	

(По данным на 1859 г.)

Название кредитного учреждения	Выдано ссуд под залог населенных поместий (в мал. руб. серебром)	То же в %	Заложено			Среднее число душ на помещику
			поместий	в %	в них крестьянских душ	
Московская сохранный казна	150,397	45	20 067	46	3 076 269	43
Петербургская сохранный казна	151,244	36	8 463	19	2 469 230	35
Земельный банк	32,198	8	959	2	622 089	9
Приказы общественного призрения	47,331	11	14 673	33	922 820	13
Нижегородский дворянский банк	—	1	135	—	—	—
Ярославский дом призрения бедных	—	—	—	—	—	—
Всего	425,503	100	54 162	100	7 091 008	100

Можно лишь предположить, что у мелких и средних землевладельцев относительно более заметная доля средств пукалась в оборот (ростовщические операции, участие в мелких подрядах).

Данные о заложенных поместях по отдельным губерниям:

Губерния	Число заложивших помещиков	Число заложивших душ	Сумма долга на помещиков	% заложивших помещиков к общему числу помещиков в губернии	% заложивших душ к общему числу помещиков в губернии
Архангельская	—	—	—	—	—
Астраханская	4	1 322	106 332	4,1	22,3
Бессарабская	—	—	—	—	—
Вилевская	280	52 530	2 929 287	12,5	26,5
Витебская	690	149 160	9 201 357	43,3	68,2
Владимирская	1 661	207 711	12 075 059	60,9	62,8
Вологодская	841	67 251	3 686 758	64,4	68,3
Вольнская	599	175 842	10 260 900	25,3	39,9
Воронежская	905	164 029	10 811 651	31,3	67,6
Вятская	31	7 429	377 495	25,6	30,8
Гродненская	539	104 723	6 137 226	31,3	53,1
Екатеринославская	647	79 292	4 855 592	24,7	49,9
Казанская	339	80 496	4 544 061	32,6	80,9
Калужская	2 177	233 876	14 111 940	93,6	74,0
Киевская	894	305 897	19 342 403	56,4	58,7
Ковенская	212	66 698	19 342 403	12,6	38,1
Костромская	1 792	182 265	9 699 431	52,1	62,3
Курляндская	—	—	—	—	—
Курская	1 529	222 065	13 174 669	24,7	61,3
Лифляндская	—	—	—	—	—
Минская	500	167 988	9 661 525	24,8	58,3
Могилевская	830	197 826	11 667 865	39,7	68,7
Московская	1 390	197 448	12 763 865	61,9	63,7
Нижегородская	1 146	229 138	14 874 034	78,3	66,1
Олонекская	24	2 210	100 026	9,3	40,7
Оренбургская	282	52 164	3 490 522	25,7	49,7
Орловская	1 928	278 623	17 475 852	47,4	74,8
Пензенская	1 076	196 118	13 192 941	50,3	70,9
Пермская	23	143 025	5 578 245	20,0	55,3
Подольская	814	276 915	17 922 034	48,8	56,9
Полтавская	1 192	168 249	7 295 962	15,8	51,7

Губернии	Число заложен- ных душ	Число заложен- ных душ	Сумма долгов в рублях	Продолжение	
				% зало- женных душ к об- щему числу крестьян в дан- ной губер- нии	% зало- женных душ к об- щему числу крестьян в дан- ной губер- нии
Псковская	1 229	123 387	7 992 990	46,7	65,9
Рязанская	2 790	275 675	18 179 137	49,8	69,9
Самарская	302	37 489	2 243 430	31,4	33,7
С.-Петербургская	675	77 982	5 338 139	36,4	63,0
Саратовская	1 190	223 563	15 136 214	44,4	68,9
Симбирская	902	171 989	11 418 213	50,9	81,3
Смоленская	2 228	246 006	17 996 881	43,7	67,7
Таврическая	41	8 197	485 777	7,5	38,8
Тамбовская	1 744	255 843	17 518 173	39,2	71,2
Тверская	2 340	277 010	12 861 782	61,6	63,1
Тульская	2 384	296 233	19 514 684	61,1	76,3
Харьковская	787	129 955	5 918 687	18,4	57,7
Херсонская	749	78 915	4 043 036	26,6	52,2
Черниговская	966	162 300	7 439 424	19,8	58,6
Ягеландская	—	—	—	—	—
Ярославская	1 684	159 860	9 591 604	59,3	59,2
	43 569	6 606 909	398 246 424	39,1	61,7

Из приведенной таблицы видно, что основным объектом кредитования оставались крепостные крестьяне. Под души в 1856 г. было выдано 93% всех ссуд. Ссуды, выданные по другим статьям, тоже почти полностью попали в руки дворян.

Средний размер ссуды под одну душу в различных губерниях был неодинаков. Наибольшей величины он достиг в Астраханской губернии — 80 р. 43 к., на втором месте была Смоленская губерния (70 р. 30 к.), на третьем — Тамбовская (68 р. 47 к.); на последних же местах находились Пермская (39 руб.), Новгородская (39 р. 80 к.) и Ковенская (40 р. 95 к.) губернии.

Нетрудно заметить, что средний размер ссуды в очень малой степени соответствовал хозяйственному положению губерний или даже их принадлежности к тому или иному классу губерний (по нормам кредитования). Так, на первых местах шли Астраханская и Смоленская губернии, тогда как они были отнесены ко второму

разряду норм кредитования. Сопоставление процента заложенных поместий с процентом заложенных душ свидетельствует, что ссудами пользовались в первую очередь крупные землевладельцы.

Относительно большее число крепостных крестьян, приходившихся в среднем на одно заложенное поместье в Пермской губернии, объяснялось тем, что там закладывались не обычные поместья, а вотчины уральских магнатов — крупных душевладельцев.

Так называемые Новороссийские губернии (Херсонская, Таврическая, Екатеринославская) занимают последние места по удельному весу заложенных поместий и душ. Степные помещики в небольшой мере использовали возможности получения банковского кредита. Число крепостных у них было, как правило, очень незначительным, поэтому получение ссуд не могло представить для них большого интереса.

Таким образом, именно в тех районах, где сельское хозяйство начало принимать капиталистические формы, банковские кредиты использовались слабо.

Некоторую особенность представляла собой Киевская губерния, где развивалась сахарная промышленность. Специфичность положения этой отрасли промышленности заключалась в том, что она была тесно связана с помещичьим хозяйством как источником сырья и поэтому развивалась в районах, где было значительное крепостное население.

Д. Журавский в статистическом описании Киевской губернии указывал, что некоторые помещики использовали банковские ссуды для устройства сахарных заводов. Однако он тут же отмечает, что стоимость всех помещичьих заводов и фабрик в Киевской губернии не составляет и 50% полученных помещиками ссуд из банков¹. Следовательно, вторая и при этом бóльшая часть банковских кредитов шла на непрямое потребление.

Хотя белорусские и прилегающие к ним губернии характеризовались низкими ценами на хлеб, частыми недородами, невысокой урожайностью, однако не они имели наибольшую задолженность. На первых местах по этому признаку были губернии средней полосы России — исторический центр русского дворянского землевладения.

Отсутствие прямой зависимости между хозяйственными условиями и уровнем задолженности дворянского землевладения отмечали и некоторые царские сановники. Так, в 1856 г. министр внутренних дел Ланской писал, что на саратовских помещиках числилось банковского долга «почти в такой же пропорции, что и в Витебской губернии, известной своим крайним расстройством и нище-

¹ «Статистическое описание Киевской губернии», т. II, стр. 240. Отдельные показатели и данные о задолженности помещиков Украины в 20—50 годах приведены в книге И. Гуржия. Розклад феодально-крепостнической системы в сельском хозяйстве Украины первой половины XIX ст., Киев, 1954, стр. 352—361.

гой. Вообще губернии, находившиеся в бесспорно худших хозяйственных условиях, чем Саратовская, и потерявшие не менее от неурожая, не накопили таких значительных долгов»¹.

Созданный в 1856 г. комитет по банковским долгам, конечно, не мог вскрыть социально-экономические и политические предпосылки неизбежности роста дворянской задолженности, но в своих выводах он правильно отмечал некоторые стороны этого явления. В частности, комитет констатировал: «Долги зависели не от хозяйственного состояния губерний... Так, некоторые губернии... не пострадавшие от неурожая и даже считающиеся в числе богатых и хлебородных, оказались неисправными в платеже долгов более, чем губернии беднейшие. Вообще обнаружено было, что большее и меньшее накопление долгов находилось в прямом соответствии с большим или меньшим количеством льгот, рассрочек, пособий и ссуд, дарованных губерниям в разное время»².

В конечном счете уровень задолженности землевладельцев-крепостников в той или иной губернии только в некоторых случаях определялся условиями хозяйственного положения района (низкая урожайность, слабое развитие товарности, недороды и т. п.), особенностями экономики или спецификой социально-экономического развития (Правобережная Украина, Бессарабия, Таврия и т. д.). В основном это определялось уровнем земледельческих доходов. Следует сделать поправку и на такие факторы, как связи в высших сферах и т. п., вполне закономерные в условиях самодержавно-крепостнического строя.

Вопрос о том, какие помещики чаще всего прибегали к банковским ссудам — барщинные или оброчные, очень важен для выяснения роли кредита в экономике крепостного хозяйства.

Губернии, где преобладала барщинная форма крепостнической эксплуатации, включали значительно большее число поместий и крепостных. По данным министерства внутренних дел, в 1856 г. в Европейской России (за исключением Прибалтики) насчитывалось всего 111 693 помещичьих землевладения, а помещичьих крестьян (по 9-й ревизии) — 10 709 529. Они следующим образом распределялись между барщинными и оброчными губерниями:

Губерния	Число поместий	В % к итогу	Число крестьян	В % к итогу
Барщинные	84 706	75,8	8 007 567	74,8
Оброчные	26 987	24,2	2 701 962	25,2
Итого	111 693	100,0	10 709 529	100,0

¹ А. Юровский. Саратовские вотчины. Статистико-экономические очерки, Саратов, 1923, стр. 69.

² «Банковые долги и положение губерний в 1856 г.», стр. 201.

Если сопоставить данные о количестве заложенных поместий и числе заложенных душ по этим двум категориям губерний, выявится преобладание оброчных губерний¹:

Губернии с преобладанием	Всего поместий	Из них заложенных	% заложенных поместий	Всего крестьян	Из них заложенных	% заложенных крестьян
Барщинные . . .	84 706	28 601	33,9	8 007 567	4 832 290	60,3
Оброчные	26 987	14 928	55,4	2 701 962	1 774 619	65,6
Всего	111 693	43 569	39,1	10 709 529	6 606 909	61,7

Эти данные не дают точного представления об удельном весе барщинных или оброчных крестьян среди заложенных душ², так как в барщинных губерниях было не мало крестьян на оброке, и наоборот. Но нет сомнения, что доля заложенных оброчных крестьян была еще большей. Ведь ссуды получали чаще владельцы наиболее крупных землевладений, где обычно господствовала оброчная система эксплуатации.

Тот факт, что помещики, применявшие оброк, в большей мере пользовались банковскими ссудами, является еще одним доказательством непроизводительности в основном использования банковских ссуд. В оброчном хозяйстве часть ссуд, идущая на хозяйственные улучшения, была ничтожной.

В нашей литературе совершенно справедливо указывалось, что «ипотечный кредит не выводил и не мог вывести крепостничество на капиталистическую дорогу, но зато мог способствовать углублению его неразрешимых противоречий. Уплаты банковских процентов на большую величину суженных денег, не превращаемых в своей главной доле в капитал, должны были еще больше зажимать тиски крепостнической эксплуатации и подрывать производственный базис помещичьего хозяйства»³.

Приведенные выше показатели говорят о задолженности дворянского землевладения только официальным кредитным учреждениям. Между тем этим далеко не исчерпывались долги дворян-крепостников.

¹ Таблица составлена нами по материалам редакционных комиссий для составления положения о крестьянах.

² Эти цифры, очевидно, близки к истинному распределению крестьян на указанные категории. По данным министерства внутренних дел, в 1860 г. в Европейской России (без Староприсоединенной губернии) насчитывалось 9 881 006 помещичьих крестьян, на которых 2 420 110 (или 25%) были оброчными. См. «Ведомость о числе оброчных и издольных крестьян в материалах редакционных комиссий для составления положения о крестьянах, ч. IV, 1860.

³ Н. Чаголов. Очерки русской экономической мысли периода падения крепостного права. М., 1956, стр. 31.

В статье «Об освобождении крестьян в России» (1859 г.) К. Маркс, указывая, что помещики должны казенным банкам 400 млн. руб., отмечал: «...известно также, что русское дворянство, кроме того, находится в большой задолженности у частных лиц, банков, купцов, евреев и ростовщиков, причем эта задолженность их в большинстве случаев так велика, что они являются лишь номинально собственниками своих поместий»¹.

Выше уже указывалось, какие громадные ссуды получали Юсуповы, Демидовы, Репнины и др. у частных лиц. Нередко к «услугам» ростовщиков прибегали средние и мелкие помещики.

Например, из сохранившегося табеля долгов помещиков Пенковских (Киевская губерния) видно, что в 1835 г. за ними числилась задолженность на 36 тыс. руб., но только 3800 руб. были получены из Киевского приказа, а остальные — под заемные письма из 8—9% у различных дворян, у Овруцкого католического монастыря, у ростовщиков Фишеля и Янкеля и т. д.².

Следует заметить, что ростовщиками нередко выступали и сами землевладельцы, иногда пуская в оборот ссуды, взятые ими в банках. Д. Журавский свидетельствует, что в 1848 г. помещики Киевской губернии 103 раза выступали как займодавцы, ссудив 278 тыс. руб., и в то же время сами получили ссуды у частных лиц на 422 тыс. руб.³ Д. Журавский не мог учесть в своих статистических разработках обязательства, не засвидетельствованные законным образом у маклеров и нотариусов. Часто клиенты ростовщиков, беря ссуды под заложенные и перезаложенные имения, вынуждены были по требованию своих займодавцев подписывать всекеля и обязательства на фиктивные суммы, облегчая ростовщикам возможность обойти закон об «указных процентах»⁴.

Таким образом, общая сумма задолженности дворянского землевладения на начало второй половины XIX в. измерялась сотнями миллионов рублей (только долги банкам превышали 400 млн. руб.).

Рост задолженности дворян-помещиков не мог не привести к усилению крепостнической эксплуатации, поскольку она была и оставалась почти единственным источником их дохода. А это означало, в конечном счете, дальнейший упадок помещичьего хозяйства и рост классовых противоречий. С этой точки зрения задолженность дворянства становилась одним из важнейших факторов разложения крепостничества.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XI, ч. 1, стр. 540.

² ООГА, Фонд Собацких. «Табель долгов имения Пенковских».

³ Д. Журавский, Материалы для статистики частных имуществ и кредита, ч. I — «О кредитных сделках в Киевской губернии», стр. 3.

⁴ Замски графа М. Бутурлина («Русский архив», 1897, т. II, стр. 556—557), относящиеся к 30-м годам XIX в., дают детское описание такого рода сделок. См. также рассказы князя В. Ф. Одоевского: «Утро ростовщика» и «Клязьма, мельник и два его аполога».

В эти годы наблюдалась особая беспощадность при сборе крестьянских недоимок, настойчивость и предприимчивость в изыскании новых источников крепостнических доходов. Еще в большей мере, чем раньше, помещик стремился выжать из своих крестьян средства, необходимые не только для удовлетворения своих повседневных нужд, но и для погашения текущих долгов, уплаты процентов и т. д.

Усиление крепостнического гнета неизбежно вызвало подъем освободительной борьбы крестьянства. Поэтому при выяснении конкретно-исторических условий, приведших к возникновению революционной ситуации накануне реформы 1861 г., имеет большое значение проблема дворянской задолженности.

5. КРЕПОСТНОЕ ПРАВО И ПРОЕКТЫ ЛИКВИДАЦИИ ПОМЕЩИЧЬЕЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Кризис крепостнического хозяйства и обострение антикрепостнической борьбы поставили крестьянский вопрос во главу угла внутренней политики царизма. В 1818 г. по предложению Александра I Аракчеев в секретной записке изложил свои мысли по крестьянскому вопросу. Ограниченный и злобный реакционер, он меньше всего помышлял о мерах, которые могли бы привести к ликвидации крепостного строя. Преследуя прежде всего интересы дворян-крепостников, он предлагает провести мероприятия по сокращению задолженности помещиков путем постепенного выкупа казенной заложенной поместий и крепостных. Каждая душа выкупалась с наделом, не превышающим двух десятин. Остальная земля оставалась у помещиков. На проведение этой операции предлагалось ежегодно отпускать 5 млн. руб. Тем самым выкуп крестьян растягивался на очень длительный период¹. Что касается органов кредитования землевладения, то им прямо было запрещено производить операции, которые могли бы, даже не требуя от банка каких-либо специальных затрат, содействовать выкупу крестьян.

Если в начале века наблюдалось несколько случаев, когда Заемный банк выдавал крестьянам ссуды для выкупа из крепостной зависимости, то позднее подобные ходатайства стали неизменно отклоняться. Так, в 1831 г. 113 крестьян помещицы Никитиной (Язаянская губерния) попросили разрешения получить из Заемного банка ссуду в 25 тыс. руб. для выкупа в свободные хлебопашцы; Канкрин счел подобные ссуды неудобными, так как, по его мнению, это могло дать повод предполагать, «будто правительство негодно думает о положении помещичьих крестьян, содействуя со своей стороны их выкупу»².

¹ Н. Шильдер, Император Александр I, т. IV, СПб, 1903, стр. 42.

² В. Семевский, Крестьянский вопрос в России..., т. II, стр. 233.

В годы, когда вопрос о ликвидации крепостного права, еще не поставленный на официальную почву, широко обсуждался представителями всех ответвлений общественно-политической мысли, органы кредита продолжали осуществлять узкокрепостническую политику. Правительство не допускало и мысли о том, что банки, созданные для укрепления крепостнического землевладения, могут принять участие в выкупе крестьян. Подчеркивалось, что залог имений не должен привести к ограничению владельцев прав крепостников. Характерным в этом отношении был закон 1837 г., который подтверждал право помещиков отдавать в рекруты людей «дурного поведения» из имений, заложенных в банке и сохранных казнах¹. Крестьян заложенных поместий допускалось переводить в разряд обязанных только с разрешения кредитных органов².

Секретный комитет по делам банковских установлений указывал, что разрешения на переход в обязанные крестьяне надо давать с особой осмотрительностью с целью «оградить банковые установления от убытка, могущего произойти от умышленного увольнения зажиточнейших крестьян»³.

Таким образом, государственные кредитные органы стали дополнительным препятствием для проведения в жизнь единственного при Николае I закона, создававшего формальные условия для выкупа крепостных.

В ноябре 1847 г. был издан указ о праве крестьян в случае продажи с публичных торгов залогов в кредитных учреждениях имения выкупаться с землей (по полной оценке земли)⁴. Этот указ, вызвавший большое недовольство со стороны помещиков, был признан властями «неосторожным». Под предлогом, что применение его якобы вело к беспорядкам, в 1849 г. было разъяснено, что крестьянам право выкупа будет предоставляться только с согласия помещика, а в 1852 г. действие указа совсем прекратилось⁵.

Однако на практике кредитных органов не могли не отразиться явления, отражавшие разложение крепостнического строя.

Довольно большое число крестьян при выкупе брало на себя банковские долги помещиков. Так, в 1844 г. 12 тыс. крестьян графа Бутурлина (Воронежская губерния), выкупив 62 тыс. десятин земли, взяли на себя обязательство уплатить помещику 1,4 млн. руб., в том числе долг Сохранной казне в 959 тыс. руб. В 1845 г.

314 крестьян графини Орловой (Нижегородская губерния) выкупились, взяв на себя долг банку в 23 тыс. руб., и т. п.⁶.

В 1844 г. для решения вопроса «об устройстве сословия дворовых людей» был создан специальный секретный комитет. Дворовые якобы своей «развращенностью», склонностью к «буйствам» и т. д. вызывали особые опасения охранителей самодержавно-крепостнического правопорядка. Было высказано мнение о необходимости уменьшения числа дворовых, для чего было предложено разрешить увольнение дворовых из заложенных поместий в числе не более 10 человек на каждые сто заложенных душ⁷. Это предложение комиссии было оформлено специальным законом только в 1855 г., в период нового подъема крестьянского движения⁸.

Среди появившихся в это время проектов ликвидации крепостного права были и такие, которые предусматривали использование в этих целях кредитных учреждений. В связи с этим вставал вопрос, способствует ли задолженность дворянства ликвидации крепостного права или, наоборот, препятствует этому.

Пожалуй, наиболее четко поставил этот вопрос А. С. Пушкин в черновых записках к «Путешествию из Москвы в Петербург» (примерно 1835 г.). В этих записках Пушкин писал: «говорят некоторые, раздробление имений способствует к освобождению крестьян. Помещики, не получая достаточных доходов, принуждены заложить своих крестьян в Опекунский совет и, разорив их, приходят к невозможности платить проценты, имение тогда поступает в ведомство правительства, которое может обратить их в волные хлебопашцы или в экономические крестьяне. Расчет ошибочный. Помещик, пришедший в крайность, поспешает продать своих крестьян, на что всегда найдет охотников, а долг дворянства связывает руки правительству и не допускает его освободить крестьян, ибо в таком случае дворянство справедливо почтет свой долг угашенным уничтожением залога»⁹.

Таким образом, гениальный поэт значительно раньше, чем многие экономисты того времени, понял, что задолженность дворянства является фактором, осложняющим ликвидацию крепостнических планов.

Некоторые планы «освобождения» крестьян связывали эту проблему с целым комплексом сложных вопросов государственного кредита и финансов. Примером этого может служить составленный в 1847 г. проект А. Желтухина¹⁰, который предложил продолжить

¹ См. «Журнал министерства государственных имуществ», ч. 69, 1858, стр. 321—348.

² Сборник РИО, т. 98, стр. 243.

³ ПСЗ 2, т. XXX, № 29111.

⁴ А. Пушкин, Соч., издание АН СССР, т. XI, стр. 241.

⁵ Опубликованы впервые в 1860 г. в «Журнале земледельцев», т. VI, № 24, приложение № 6.

⁶ С. Я. Боровой

¹ ПСЗ 2, т. XV, № 915.

² Сборник РИО, т. 98, стр. 269.

³ ЦГИАЛ, Указ. фонд, д. № 238, л. 62—69.

⁴ ПСЗ 2, т. XXIII, № 21689.

⁵ В. Семевский, Крестьянский вопрос в России..., т. II, стр. 206.

срок всех помещичьих займов на 37 лет, а затем вновь заложить «чистые» от долгов поместья на такой же срок.

Целью этой операции было обеспечение помещиков капиталами за счет крестьян, так как последние обязывались при выкупе части земли брать на себя уплату долга, который приходится на всю землю, оставшуюся у землевладельца. Это должно было резко повысить размер выкупа для крестьян. Вместе с тем для помещиков ликвидировался материальный стимул расширения крестьянского землевладения, поскольку сумма, поступающая от крестьян в уплату его долга, всегда остается на прежнем уровне¹.

В 1848 г. князь Голицын предложил Николаю I учредить губернские банки, которые брали бы в залог земли, предназначенные для «освобождаемых» крестьян. Облигации банка, по его мнению, должны были идти в погашение долгов землевладельцев². Не нужно доказывать, что и этот план носил явно крепостнический характер.

В 1848 г. М. В. Буташевич-Петрашевский rozdal членам петербургского губернского дворянского собрания записку «О способах увеличения ценности дворянских или населенных имений»³. М. Буташевич-Петрашевский предлагал обсудить план ликвидации крепостничества. В его плане сказались утопии воззрений Петрашевского, а также не преодоленные автором колебания в сторону либерализма.

Не развивая своих революционно-демократических воззрений, Петрашевский указывал на вред, который приносит монополия дворянства на владение населенными землями и предлагал разрешить купцам покупать населенные поместья при условии перевода крестьян в разряд обязанных, а крестьянам совершать выкупные операции.

Чтобы облегчить осуществление намеченных мероприятий, он предлагал широко прибегнуть к кредитным операциям; организовать «кредитные земские учреждения, как в Польше», и учредить «дворянские или, лучше сказать, земельные банки». Кроме того, он считал необходимым «создать сеть сберегательных касс, поставленных под контроль приходских священников, а также ломбарды».

Напомним, что на собраниях петрашевцев обсуждение кредитных вопросов занимало заметное место⁴. Очевидно, эти вопросы интересовали Петрашевского и его единомышленников в связи с проектом «народного банка» Прудона. На собраниях Петрашевского одно

время бывал Е. Ламацкий, специалист в области кредита, впоследствии председатель правления Государственного банка⁵.

Только в 1859 г. крестьянам вновь было разрешено приобретать в собственность имения, за которые на первых торгах была предложена недостаточная сумма, при условии выплаты банковского долга помещика.

Известен ряд случаев, когда крестьяне воспользовались этим правом. Однако обязательства по погашению помещичьего долга сказались крайне обременительными. Погасив всю сумму долга, крестьяне много лет после этого должны были уплачивать недоимки и проценты. Так, крестьяне с Рожково (Рязанская губерния), взявшие в 1851 г. на себя обязательство уплатить 30,8 тыс. руб. банковского долга, еще в 1910 г. не расплатились с банком; крестьяне ~~Ураза~~ Головина (Костромской уезд) в 1845 г. обязались уплатить 101 тыс. руб. и только в 1910 г. по закону 1905 г. о прекращении взаимных недоимок по выкупным платежам они перестали платить долги⁶.

В 1838 г. появилась брошюра смоленского помещика А. Воняря-Лярского: «О кредите, труде и отчетности в сельском хозяйстве». Она примечательна тем, что в рассуждениях этого автора при всей их классово-дворянской направленности сказались ориентация помещичьего хозяйства на рынок, что, по словам В. И. Ленина, являлось «предвестником распада старого режима».

Помещик и крепостник Воняря-Лярский даже и не ставил вопроса о ликвидации крепостнических порядков, но он видел важнейшее условие повышения доходности помещичьего хозяйства в перестройке взаимоотношений между помещиками и крепостными на основе кредитных отношений.

С поразительной откровенностью повествует Воняря-Лярский о барышах, извлеченных им путем выдачи крестьянам кредита деньгами и хлебом. Предвосхищая методы эксплуатации, которые после реформы стали широко применяться помещиками и кулаками, Воняря-Лярский считал особенно выгодным, когда крестьяне-должники отработывают свои долги⁷.

Развивая свой план вотчинного кредита, Воняря-Лярский писал: «Вы можете создать кредит в вашем владении, превышающий ценность вашего имения. Но на первый случай для вас довольно несколько сот рублей. Нарезьте билетов, карточек, наделайте марок жестяных, кожаных, каких-угодно с кружочками, крестиками, палочками и назначьте им условную цену; пусть кружок будет рубль,

¹ Е. Ламацкий, Воспоминания, «Русская старина», 1915, № 1, стр. 76.

² П. Лященко, Очерки аграрной эволюции России, т. II, СПб, 1913, стр. 144.

³ А. Воняря-Лярский, О кредите, труде и отчетности в сельском хозяйстве, СПб, 1838, стр. 11.

⁴ 14*

¹ Подробный анализ проекта Желтухина см. Н. Цаголов, Указ. соч., стр. 173 и след.

² «Литературное наследство», т. 62, 1955, стр. 67.

³ Опубликована впервые в «Былом», 1906, № 1. Перепечатана в сборнике «Петрашевцы», П.—М., 1927, стр. 82—84.

⁴ «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», М., 1953, стр. 443.

крестик — гривна и т. д., утвердите их своею подписью, печатью, штемпелем, тавром, чем угодно. Платите ими за лишнюю работу, и уверьте своих крестьян смело, что для них — это тоже деньги. Сначала мужик покачает головой, однакож возьмет. Когда же вы примите свои марки в подати, повинности, оброки, когда отпустите за них на вольную работу, когда продадите то, что у него недостает, или выдадите наличными деньгами, тогда он смеет делом, что барин и рад бы платить, да денег дескать не случилось»¹.

Не нужно объяснять, что эта «кредитная утопия» Вонляр-Лярского была так же обречена на неудачу, как и все выдвигавшиеся в годы кризиса крепостнической системы планы внедрения отдельных элементов капиталистического хозяйства в рамки феодально-крепостнического производства.

Через десять лет (1848 г.) тот же Вонляр-Лярский² выдвинул новый кредитный проект. Известный народничско-либеральный историк крестьянства В. Семевский назвал его «замечательным для своего времени».

Вонляр-Лярский выступил как сторонник «освобождения» крестьян при условии в первую очередь полного освобождения (уже без кавычек) помещиков от долгов. Он полагал, что, если помещики освободятся от задолженности, то получат необходимые средства для ведения хозяйства по-новому, т. е. капиталистическими методами. Крестьяне же выкупят свои наделы по «справедливой» цене, а государство обретет новые источники дохода. Вонляр-Лярский предлагал осуществить авансирование кредитными учреждениями помещиков за счет крестьян. Здесь должен был оказать чудесное действие закон сложных процентов, который многих увлекла тогда на путь фантазии.

По вычислениям автора проекта, крестьянам достаточно платить 2 р. 50 к. с десятины, чтобы они в течение 10 лет покрыли выкуп за землю, в течение 37 лет погасили задолженность помещиков и дополнительную ссуду, выданную помещикам для ведения рационального хозяйства. Когда крестьяне полностью погасят свой долг кредитным учреждениям, они будут продолжать платить в казну, что доставит государству более 100 млн. руб. в год дохода. Вся эта операция, по мнению Вонляр-Лярского, требовала от кредитных учреждений вложения только 650 млн. руб.³

Стремление Вонляр-Лярского под прикрытием «освобождения» крестьян переложить на них всю тяжесть дворянской задолженности поддерживалось большинством дворян. По существу на этой же позиции стоял Фонвизин, представивший в 1842 г. записку «О крепостном землевладельцев состоянии в России». В ней он предлагал объединить в одно учреждение все существовавшие

в стране ипотечные кредитные органы, пополнить их капиталом в 30 млн. руб., обложить крестьян ежегодным оброком в 5 руб. в зачет выкупа, который постепенно должно было произвести указанное учреждение. По расчетам Фонвизина, за 14 лет крестьяне смогут выплатить все платежи, а также погасить помещичьи долги в банках⁴.

В 1844 г. группа тульских дворян дала согласие «освободить» своих крестьян, выделив им по одной десятой. Зато крестьяне обязывались уплачивать ежегодно по 3 руб. в кредитные учреждения в погашение помещичьих долгов. Кроме того, помещики требовали на 10 лет отсрочить платежи. Авторы этого проекта рассчитывали, что крестьяне, не получив достаточно земли, «неминуемо должны будут вступить с владельцами земель, окружающих их селения, в разнородные обязательства и брать те земли за деньги или за работу»⁵.

Аналогичного характера проекты выдвинули в 1836 г. барон Бодэ⁶, в 1842 г. помещик Кривцов⁷ и др. Эти так сказать «переводные» дворяне понимали историческую и экономическую неизбежность ликвидации крепостного права. В их практических предложениях были предвосхищены основные принципы «крестьянской реформы» 1861 г.: обеспечение помещика дешевой рабочей силой в лице прикованных к месту крошечными наделами крестьян и переложение на них основной массы помещичьих долгов.

Таким образом, широким кругам дворянства представлялась бесспешной мысль, что в первую очередь и независимо от всех иных проблем должны быть ликвидированы дворянские долги.

¹ В. Семевский, Крестьянский вопрос в России..., т. II, стр. 366.

² Там же, стр. 238—240.

³ Там же, стр. 448.

⁴ Там же, стр. 450.

¹ А. Вонляр-Лярский, Указ, соч., стр. 41.

² План Вонляр-Лярского подробно изложен В. Семевским в книге «Крестьянский вопрос в России...», т. II, стр. 170—174.

Глава XIII

КРЕДИТОВАНИЕ ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ
в 20—50-х годах XIX в.

1. КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК (1818—1860 гг.)

Период 20—50-х годов XIX в. характеризуется завершением разложения крепостничества. Производительные силы развивались, преодолевая тормозящее влияние господствующих крепостнических производственных отношений, расширялся, хотя и медленно, внутренний рынок, создавая условия для увеличения товарного производства. Если в 1825 г. насчитывалось 5621 предприятие обрабатывающей промышленности с 210 тыс. рабочих, то в 1860 г. таких предприятий было свыше 15 тыс. с 365 тыс. рабочих. Особенно заметно развивались те отрасли промышленности, в которых эксплуатировался труд наемных рабочих.

В области крестьянских промыслов разоряющиеся мелкие товаропроизводители постепенно приближались к категории домашних рабочих, работающих на капиталистов, а крестьянская «свистка» и мелкая кустарная мастерская поглощались децентрализованной или централизованной капиталистической мануфактурой.

В этих условиях начинался в России промышленный переворот. В промышленности внедряются машины. Однако препятствовала этому застой в горнометаллургической промышленности (за исключением золотопромышленности). Выплавка чугуна на протяжении второй четверти века выросла только на 60—70%. Отставание России по этому показателю от ведущих капиталистических стран возрастало с катастрофической быстротой, что было связано в основном с преобладанием в этой отрасли производства крепостного труда.

Тормозящее воздействие крепостничества привело к тому, что начавшийся промышленный переворот получил затяжной характер и завершился только после реформы 1861 г.

Дальнейшее углубление общественного разделения труда обусловило развитие товарного обращения. Рост внутреннего рынка сопровождается увеличением оборотов ярмарок, в первую очередь Нижегородской, обороты которой в середине века достигали 115—

130 млн. руб. По приближенным подсчетам статистика К. Арсеньева оборот внутренней торговли в конце первой четверти XIX в. равнялся примерно 1 млрд. руб.

Продолжала расти внешняя торговля. Ее обороты составляли: в 1840 г. — 163 млн. руб., а в 1860 г. — 344 млн. руб. Особенно вырос в те годы вывоз хлеба через черноморские порты.

Несколько улучшились и условия транспортировки грузов. Был построен ряд каналов, продолжено некоторое количество шоссейных дорог, а также началось железнодорожное строительство. К 1861 г. в России было 1,6 тыс. км железнодорожных путей. В то же время следует отметить, что по протяженности речных путей Россия стояла далеко позади основных капиталистических стран.

В некотором отношении этому экономическому развитию способствовала и организация Коммерческого банка. В манифесте 7 мая 1817 г. говорилось, что вместо учетных контор, «кои действие по маловажности их капиталов и разным неудобствам, в образовании их замечением, не приносит торговле ощутительной пользы», решено учредить Коммерческий банк¹.

Подтоварные ссуды выдавались банком в основном по правилам учетных контор. Только в отдельных случаях правительство расширяло список товаров, под которые дозволялось выдавать ссуды².

Учетные операции Коммерческого банка были строго регламентированы, но все же давали большую свободу по сравнению с учетными конторами. Учет векселей производился «со взиманием в сем случае процентов сообразно с движением коммерческих оборотов, имея в предмете понижение количества оных (т. е. процентов), а не умножение прибыли банка».

Круг лиц, от которых банку было разрешено принимать к учету векселя, определялся следующим образом: «В учет принимаются векселя российских подданных и иностранных гостей, производящих торговлю или банкирские дела, или содержащих заводы и фабрики, и торговых компаний, с тем, чтобы векселедатель или подписатель или принимаемый был российским подданным и чтобы один из участвующих в векселе имел пребывание в С.-Петербурге. Другие же векселя в учет не принимаются»³.

В отличие от учетных контор, Коммерческому банку разрешалось принимать вклады (по правилам Заемного банка) «для обращения из процентов». Но, как уже отмечалось, привлеченные банком вклады в основном использовались для кредитования государства.

Собственный капитал Коммерческого банка был определен в 30 млн. руб. Во главе банка стояли директор, половина которых

¹ ПСЗ 1, т. XXXIV, № 26837.

² ПСЗ 2, т. XX, № 19469, т. XXII, № 21678.

³ В провинциальных конторах учитывались векселя местных купцов.

назначалась правительством, а остальные набирались сроком на 4 года «обществом первых двух гильдий из первостатейных купцов, торгующих при С.-Петербургском и Крошштадтском портах».

2 января 1818 г. Коммерческий банк торжественно открыл свои операции. Московское купечество обнаружало громадную заинтересованность в открытии отделения Коммерческого банка в Москве. С этой целью в столицу был послан специальный ходатай, направлялся прошения на имя директора Коммерческого банка и т. д.¹ В августе 1818 г. была открыта Московская контора, в распоряжение которой было передано 4 ман. руб.

Вслед за этим были открыты конторы банка в крупнейших портовых городах.

В первую очередь решил организовать конторы Коммерческого банка в Одессе с капиталом в 3 ман. руб.² Роль Одессы во внешней торговле тогдашней России, особенно экспортной, общезвестна. Как раз в 1819 г. Одесса была объявлена порто-франко, что увеличило внешнеторговые (в особенности импортные) операции Одесского порта.

Одесской конторе разрешалось проводить те же операции, что и столичной. Вместе с тем, учитывая отдаленность города от основных экономических центров страны, Одесской конторе предоставлялось право покупать золото и серебро «в отвращение затруднений, встречаемых купечеством при обмене на российский привозной к Одесскому порту иностранной золотой и серебряной монеты»³.

Тогда же была учреждена контора Коммерческого банка в Архангельске, в распоряжение которой было передано 2 ман. руб.⁴

В 1820 г. была открыта контора банка в Нижнем Новгороде, которая функционировала только во время работы ярмарки, с 20 июля по 20 августа⁵. Четыре директора от купечества избирались «по выбору всех купцов первых гильдий, съезжающихся на ярмарку».

В распоряжение Нижегородской конторы Коммерческого банка было передано 6 ман. руб.⁶ В отличие от московского и одесского, нижегородское купечество сначала не обнаружало интереса к банку и в лице городского головы высказало даже опасение, как бы расходы по содержанию помещения банка не пали на них.

¹ ЦГИАЛ, ф. 586, д. № 1273, л. 1—4.

² Там же, д. № 1336, л. 75. См. также ПСЗ 1, т. XXXVI, № 27950.

³ «Банки и другие кредитные установления», стр. 156.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 583, д. № 1342; ПСЗ 1, т. XXXVI, № 27943.

⁵ Только в 1845 г. по ходатайству местного купечества срок деятельности конторы был удлинён (ЦГИАЛ, ф. 583, д. № 240, л. 180).

⁶ ЦГИАЛ, ф. 586, д. № 1378, л. 35—41.

С того же 1820 г. стала действовать контора Коммерческого банка в Риге с 2 ман. руб. капитала¹.

Учрежденной в 1821 г. Астраханской конторе банка, исходя из специфичности торговли, было разрешено принимать в залог не только товары, предусмотренные общим уставом Коммерческого банка, но и «азнатский шелк и хлопчатую бумагу». В число директоров этой конторы от купечества могли быть выбраны купцы из «старат и персиян»². В распоряжение конторы был выделен 1 ман. руб.³.

Так сложилась сеть учреждений Коммерческого банка. Конторы банка были созданы либо вместо ликвидированных учетных контор (Петербург, Москва, Одесса, Архангельск), либо в городах, где до того были купеческие банки (Рига и Астрахань). Единственной конторой, созданной, так сказать, на неподготовленной почве, была Нижегородская. С другой стороны, в Феодосии и Таганроге вместо ликвидированных учетных контор не было создано никакого нового кредитного учреждения, очевидно, потому, что обороты этих портов были незначительными.

Как развивались операции Коммерческого банка в первые годы его существования, показывает следующая таблица⁴ (в ман. руб. серебром):

Годы	Вклады	Учет векселей	Ссуды под товары	Учетный процент
1818	2,9	10,9	1,4	8—7
1820	17,2	38,3	0,8	7
1823	19,2	27,3	1,9	7

Министерство финансов чрезвычайно оптимистически расценивало первые результаты деятельности Коммерческого банка⁵. Первый директор банка граф А. И. Рибопьер писал: «Смею могу сказать, что это мое создание принесло великую пользу торговле, промышленности и кредиту»⁶. К. Арсеньев тоже свидетельствовал, что Коммерческий банк в первый год своего существования «имел блистательный успех»⁷.

¹ ЦГИАЛ, ф. 586, дело № 1406, л. 104; ПСЗ 1, т. XXXVII, № 28457; ПСЗ 1, т. X, № 30543а.

² ПСЗ 1, т. XXXVII, № 28683.

³ ЦГИАЛ, ф. 586, д. № 1452, л. 141.

⁴ И. Кауфман, Указ. соч., стр. 4—5.

⁵ «Отчет государственных кредитных установлений за 1819 г.», стр. 13.

⁶ А. Рибопьер, Записки, «Русский архив», 1877, т. II, стр. 7.

⁷ К. Арсеньев, Указ. соч., т. II, стр. 267.

Особо подчеркивалось, что в результате деятельности Коммерческого банка якобы резко снизился судный процент. В Петербурге и Москве учетный процент на бирже доходил до 12—15, после же открытия банка он упал до 7—8¹.

Однако не следует забывать, что банк учитывал векселя только «соидных» купцов, которые таким образом пользовались монополией на дешевый кредит.

С первых же шагов деятельности Коммерческого банка обнаружилась необходимость внести в его устав некоторые изменения². В частности, был поставлен вопрос об изменении правил выдачи подтоварных ссуд с тем, чтобы в большей мере стимулировать развитие промышленности.

Между тем введенные в 1816 г. фритредерские тарифы отразились самым отрицательным образом на положении русской промышленности. Тем самым усиливались позиции сторонников протекционистских мероприятий, создававших планы использования Коммерческого банка для укрепления позиций русской промышленности.

В связи с этим в 1819 г. были опубликованы «Дополнительные статьи» к уставу Коммерческого банка³. Для «поощрения внутренней промышленности» разрешалась выдача ссуд под некоторые промышленные товары (стекла, зеркала, ситец, пуховые шляпы). Понятно, что это мероприятие не могло сыграть значительной роли в деле поддержания промышленности. Крепостническая направленность кредитной политики царизма в целом сильно задерживала развитие деятельности Коммерческого банка.

Почти всегда отклонялись попытки купечества добиться некоторых изменений в уставе с целью большего удовлетворения интересов торгового капитала. В 1821 г. был отвергнут план реорганизации Коммерческого банка и превращения его в орган кредитования промышленности⁴.

В 1830 г. Одесское отделение банка ходатайствовало об удлинении срока учета векселей с четырех месяцев до шести. Директор Одесской конторы банка, повторяя аргументацию Канкрин, ответил, что «государственные кредитные установления не должны и не могут созидать капиталов и снабжать ими лиц, которые сами оных не имеют». Также отклонены были пожелания о расширении операций с иностранными траттами, о пересмотре закона об «указных процентах» и т. д.⁵.

Вопреки интересам развивающейся внутренней и внешней тор-

¹ «Отчет государственных кредитных установлений за 1820 г.», стр. 84.

² «Архив Государственного совета», т. IV, ч. 1, стр. 285—287.

³ ПСЗ 1, т. XXXVI, № 27870.

⁴ См. гл. XI настоящей работы.

⁵ ООГА, ф. 1, оп. 191, д. № 48, л. 19—36.

говали сеть отделений банка росла необычайно медленно, а Астраханская контора в 1817 г. была даже закрыта¹.

В 1839 г. было удовлетворено ходатайство киевского генерал-губернатора Библикова об открытии конторы банка в Киеве². Созданию этой конторы придавалось определенное политическое значение. Она должна была заменить закрытое в 1838 г. по настоянию Библикова Бердичевское агентство Польского банка, в котором усматривали опору «польского элемента»³. По характеру своей деятельности Киевская контора фактически стала местным филиалом Заемного банка.

Министерство финансов под различными предлогами с 1841 до 1846 г. оттянуло открытие постоянного отделения конторы Коммерческого банка в Рыбинске⁴.

В 1843 г. была открыта контора в Харькове, которая должна была выдавать ссуды «помещикам, заводчикам и фабрикантам Харьковской, Черниговской и Полтавской губерний и купцам, имеющим оседлость в Харькове». Учитывая специфику хозяйства левобережной Украины, устав конторы предусматривал выдачу ссуд под шерсть, водку, селитру, сахар и табак⁵. Харьковская контора, так же как и Киевская, являлась по существу местным органом дворянского кредита.

В 1847 г. «в видах содействия частным горным заводам хребта Уральского к выгоднейшему сбыту их произведений и для облегчения денежных оборотов Ирбитской ярмарки» была создана Екатеринбургская контора с ярмарочным отделением в Ирбите. Основные операции конторы сводились к выдаче ссуд под залог металлов: под пуд железа — 60 коп., сортового железа — 80 коп., котельного — 1 р. 25 к., меди — 7 руб., под золотник золота — 1 р. 80 к.⁶

Операции Екатеринбургской конторы банка были в целом подчинены интересам уральской металлургии. Но основные средства заводчики получали от Заемного банка как «душеладельцы».

В 1852 г. в Полтаве была создана ярмарочная контора банка⁷, которая получила право выдавать ссуды под залог шерсти только

¹ ПСЗ 2, т. VI, № 4912; т. VII, № 5136.

² Там же, т. XIV, № 12369.

³ Н. У. Лазарь, *Kontrakty Kijowskie*, СПб, 1900, стр. 43—45. Отметим, что в 1835—1838 гг., по официальным данным, больше половины денежных сумм, привозимых банкирами на киевские ярмарки, принадлежало Польскому банку: в 1836 г. из 1,3 млн. руб. — 857 тыс. руб.; в 1837 г. из 1,2 млн. руб. — 725 тыс. руб. («Статистическое описание Киевской губернии», т. III, СПб, 1852, стр. 570).

⁴ ЦИМАЛ, ф. 353, д. № 236, 241, 242 *passim*. См. также ПСЗ 2, т. XVI, № 14987.

⁵ ПСЗ 2, т. XVIII, № 20808, 20185. Решение о продлении существования конторы см. там же, т. XX, № 19371.

⁶ Там же, т. XVII, № 20808, 20809, 20810; т. XXVIII, № 33921.

⁷ Там же, т. XXVIII, № 26991; т. XXIX, № 28339.

Харьковской акционерной компании, созданной группой помещиков и пользовавшейся особым покровительством со стороны властей¹.

Вопрос об открытии конторы банка в Тбилиси был возбужден в 1828 г. Поддерживая ходатайство местного купечества, тифлисский военный губернатор писал, что «торговля Грузии стесняется высоким ростом с капиталов, ибо торговцы Грузии поставлены в необходимость в частных руках занимать деньги, платя в год обыкновенно 30 и более процентов». В ответе Канкрин по этому вопросу сказала не только последовательно проводимая им линия на максимальное торможение развития деятельности банка, но и общие тенденции колониальной политики царизма. Он писал: «как грузинское купечество не достигло еще надлежащей степени европейской образованности, то благонадежность ссуд под учет векселей подвержена великому сомнению»².

Основанный в 1828 г., вопреки решительным возражениям Канкрин, Польский банк в Варшаве в 1830 г. обратился в Коммерческий банк с предложением о сотрудничестве, которое так и осталось без ответа. Несколько позже президент Польского банка обратился к Канкрину с личным письмом, в котором он снова ставил вопрос об установлении делового контакта между Польским и Коммерческим банками, по сути о превращении первого в контрагента Коммерческого банка и русского казначейства. Но это предложение встретило резкое противодействие со стороны Канкрин³.

Проект об учреждении контор Коммерческого банка в крупнейших зарубежных центрах, в первую очередь в Лондоне и Гамбурге (1848 г.)⁴, также был отвергнут. Операции с русскими фондами за границей продолжали оставаться монополией иностранных банов.

Таким образом, ничтожное расширение сети контор Коммерческого банка не было свидетельством медленного роста товарооборота в стране, еще меньше оно говорило об отсутствии потребности в органах кредитования торговля. В этом факте прежде всего сказалась реакционная линия кредитной политики царизма. Как писал Канкрин, «он не видит никакой пользы в увеличении числа контор Коммерческого банка»⁵. И эту точку зрения он последовательно проводил в жизнь.

¹ ПСЗ 2, т. XXVII, № 26197.

² ЦИТАА, ф. 583, л. № 223, л. 139—148.

³ H. Radziszewski, Bank Polski, Warszawa, 1910, стр. 114—115. См. также К. Вобайль. Очерки по истории польской фабричной промышленности, т. I, Киев, 1909, стр. 256.

⁴ ЦГАДА, разд. XIX, л. № 35 (новая нумерация). «Проект банка Вермюрен об учреждении от Коммерческого банка контор за границей для торговых операций» (на французском языке).

⁵ Отчет опубликован впервые в приложении к книге «Aus Reisetagebüchern des Grafen G. Kankrin», S. 63.

Переходя к рассмотрению операций Коммерческого банка в 30—50-х годах, познакомимся с ростом вкладов в банк¹ (в ман. руб. серебром):

Годы	Остаток вкладов	Годы	Остаток вкладов
1818	2,9	1841	98,8
1820	17,2	1844	123,0
1823	19,2	1847	146,9
1826	30,4	1850	175,0
1829	43,9	1853	198,0
1832	45,1	1856	241,1
1835	65,9	1859	198,0
1838	79,9		

Не следует преувеличивать значение роста банковских вкладов, поскольку казенные банки были тогда монополистами на денежном рынке. Чтобы выявить реальную роль вкладов в Коммерческий банк, сопоставим некоторые данные. По оценке статистика А. Семёнова, во второй четверти XIX в. в промышленность России было вложено 500 ман. руб., обороты по откупам и подрядам составляли 200 ман. руб., а во внутреннюю и внешнюю торговлю было вложено 1 млрд. руб.². Учитывая, что в остальных кредитных учреждениях (1859 г.) числилось примерно 800 ман. руб. вкладов, можно сделать вывод, что соотношение между предпринимательской и функционирующим капиталом свидетельствовало о слабом развитии в России хозяйственной жизни и предпринимательской деятельности.

Это подтверждает и анализ активных операций Коммерческого банка. Операции по выдаче подотварных ссуд занимали очень скромное место в деятельности Коммерческого банка. Обычно их сумма в год не превышала одного миллиона. Это объяснялось не только довольно стеснительными условиями (ограниченный круг товаров, короткий срок, особые условия хранения товаров), но и неразвитостью сети отделений³.

Основной активной операцией Коммерческого банка был учет векселей, что видно из следующей таблицы⁴ (в ман. руб. серебром):

¹ «Статистика русских банков», стр. 4—5. В данной таблице указываются суммы на последний день года.

² А. Семёнов, Указ. соч., т. III, стр. 242—243.

³ В годы кризиса 1847 г. конторам банка временно разрешено было выдавать ссуды под залог хлеба (ПСЗ 2, т. XXII, № 21494).

⁴ «Статистика русских банков», стр. 4—5.

Годы	Учено векселей	Годы	Учено векселей	Годы	Учено векселей
1818	10,9	1832	8,1	1847	16,4
1820	38,3	1835	9,2	1850	21,6
1823	27,3	1838	12,5	1853	25,8
1826	36,2	1841	9,7	1856	17,6
1829	17,5	1844	9,7	1859	47,6

Если в первые годы деятельности банка учетные операции выражались суммой, которая превосходила сумму вкладов (значит, использовалась и основной капитал банка), то примерно с 1827 г. положение изменилось. Доля учетных операций по отношению к сумме вкладов все время падала: 1838 г. — 15,6%, 1847 г. — 11,1, 1856 г. — 7,3%.

Причиной незначительного объема учетных операций был прежде всего уровень и особенности развития торговли и кредита, который носил преимущественно личный характер, т. е. предусматривал непосредственное знакомство заимодавца не только с делами, но и с личными качествами должника. Этим объясняются и крайне ограниченные обороты ярмарочных отделений банка (в Нижнем Новгороде, Ирбите, Полтаве). По свидетельству современника, Коммерческий банк не имел «почти никакого значения для ярмарочной торговли»¹.

Немалую роль играла и кредитная политика царизма, которая в ущерб интересам торговли использовала средства Коммерческого банка для пополнения ресурсов Заемного банка.

До 1831 г. Коммерческий банк не знал никакого ограничения по учету векселей. Следствием этого, по утверждению министерства финансов, были протесты векселей на огромные суммы и потери банка².

В связи с этим в 1831 г. «дополнительными правилами» было установлено, что одно лицо не может быть должником на сумму более 10 тыс. руб. асс.³ В дальнейшем максимальный размер вексельных ссуд определялся принадлежностью купца-векселедателя к той или иной гильдии: для купцов 3-й гильдии — 7,5 тыс. руб. серебром, для 2-й гильдии — 30 тыс. руб., для 1-й гильдии — 60 тыс. руб.⁴ Этим объясняется резкое снижение учетных операций в 30—40-х годах.

¹ И. Аксаков, Указ, соч., стр. 23.

² ЦГИАЛ, ф. 583, оп. 4, л. № 242, л. 353.

³ ПСЗ 2, т. VI, № 4600.

⁴ ЦГИАЛ, ф. 583, л. № 242, л. 356. Принадлежность к одной из гильдий определялась размерами «заявленного капитала».

Поскольку к учету принимались купеческие векселя только после признания маклерами их «солидности» и с согласия купеческих депутатов, верхушка купечества получала возможность использовать кредит как дополнительное средство обогащения за счет «маломощных» купцов, лишенных права пользования банковскими ссудами. Что же касается торгующих мещан, крестьян и прочих лиц, не принадлежавших к купеческому сословию, то они никогда не получали банковского кредита.

Как писал Н. Огарев на страницах «Колокола», на Нижегородской ярмарке купцы жаловались на классификацию учета по гильдиям: «первая гильдия имела права на учет прежде второй, вторая вытесняла третью»¹.

Для широких кругов купечества не оставалось секретом, что наиболее широко кредитом банка пользовались крупные купцы, состоявшие в деловой связи с директорами². В качестве иллюстрации приведем такой факт.

В 1826 г. 102 петербургских купца подали прошение о награждении директора Коммерческого банка коммерции советника Кусова. Министр финансов по этому поводу писал, что «при ближайшем рассмотрении сей просьбы открывается, что большая часть купцов, ходатайствующих ныне о награждении Кусова, пользовалась во время бытности его директором в банке, по одобрению его, значительными ссудами из оного и сим ходатайством желают изъять свою признательность Кусову за расширение их кредита, чему служит доказательством и то, что теперь, как слышно, некоторые из купцов ропщут на более осмотнительный учет векселей при настоящих директорах банка».

Этот случай стал поводом для издания постановления Государственного совета, в котором подчеркивалось, что «служение, законом установленное, есть обязанность к престолу и отечеству каждого подданного, внимание же на службу обращает неадекватно по мере оказанных услуг, а не по одобрению избирателей»³.

К 1832 г. в портфеле банка насчитывалось просроченных векселей на 2,5 млн. руб., т. е. 40% суммы, находившейся под учетными операциями⁴. Постоянное возрастание опротестованных векселей в Астраханской конторе стало одним из официальных поводов ее закрытия. Еще в 1826 г. выяснилось, что вексельные операции Астраханской конторы банка выросли за короткий срок почти в два раза, а главнейшими должниками являются директора от купечества⁵. Тайная ревизия установила, что директор банка от купечества

¹ Н. Огарев, Финансовые реформы в России, «Колокол», 1862, № 128.

² «История московского купеческого общества», т. II, вып. 1, М., 1915, стр. 159.

³ ЦГИАЛ, ф. 583, л. № 221, л. 166—168.

⁴ Е. Ламанский, Статистический обзор операций государственных кредитных установлений, стр. 93.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 583, л. № 223, л. 98.

ства астраханский городской голова Сапожников использует средства банка преимущественно в своих личных коммерческих интересах, допуская множество нарушений закона¹. Это послужило дополнительным основанием для сокращения учетных операций Коммерческого банка.

При таком отрицательном отношении к учетным операциям не удивительно, что правительственные органы решительно отвергли представленный в 1848 г. проект учреждения в Калуге банка «для дисконтирования купеческих векселей». Было признано, что эта мера «преждевременная и несоответствующая действительной надобности»².

Со стороны клиентов Коммерческого банка раздавались жалобы на дороговизну учета. Учетная ставка банка с 1818 по 1859 г. колебалась от 8 до 6,5%. Кроме того, начислялись $\frac{1}{3}\%$ в качестве вознаграждения маклерам за «освидетельствование» векселя, а также некоторые дополнительные сборы (примерно до $\frac{1}{2}\%$).

Учетная ставка Коммерческого банка была более высокой, чем в странах с развитой кредитной системой. Так, в Англии, Франции и Германии учетная ставка в 1848—1860 гг. была 3—4%, достигая только в годы промышленных кризисов 6—6,5%³. Между тем для русского денежного рынка того времени учетная ставка в 6% не считалась чрезмерно высокой. Она во всяком случае была более низкой, чем проценты, взимавшиеся частными дисконтерами, не говоря уже о ростовщиках. Так, харьковские купцы жаловались в 1843 г., что тамошние дисконтеры учитывают векселя из 1,5% в месяц⁴.

Из официальных разъяснений министерства финансов видно, что оно сознательно поддерживало высокий уровень учетного процента с тем, чтобы использовать банковские вклады преимущественно для кредитования помещиков и казначейства. Министр финансов Вронченко указывал, что уровень учетной ставки определяется условиями предоставления ссуд помещикам. Далее он отмечал, что в случае расширения учетных операций «следовало бы отказаться от займов на казенные и общественные потребности, так как оные хотя и производятся из Заемного банка, но потребные для того суммы передаются из Коммерческого банка в виде процентных вкладов»⁵.

Своих несостоятельных должников Коммерческий банк привлекал к ответственности в соответствии с юридической практикой тех лет, не останавливаясь перед помещением их в долговые тюрьмы («ямы»).

¹ ЦГИАЛ, ф. 583, д. № 224, л. 131.

² И. Левина, Указ, соч., т. 43.

³ См. «Мировые экономические кризисы 1847—1935 гг.», М., 1937, стр. 492—505.

⁴ В. Судейкин, Указ, соч., стр. 134.

⁵ ЦГИАЛ, ф. 583, д. № 242, л. 358—362.

Так, купец Дедов за неплатеж банку по учетному векселю 3 тыс. руб. содержался свыше семи лет в долговой тюрьме.

В 1847 г. Петербург посетил представитель Французского банка Вернес. Познакомившись с деятельностью Коммерческого банка, он свидетельствовал, что «находит учет векселей слишком малоозначительным в сравнении с другими европейскими учетными банками и с оборотом процентных его вкладов». Вернес представлялось совершенно ненормальным, что размер суды определяется принадлежностью к той или иной гильдии, что учетные операции производятся только два раза в неделю и т. д. Он признал также чрезвычайно высоким учетный процент Коммерческого банка. В интересах иностранного купечества Вернес предлагал отменить запрещение учитывать векселя иностранных купцов¹.

В эти годы капиталистические страны переживали экономический кризис. Русская промышленность и торговля в 1848 г. также имели ряд серьезных затруднений в связи с неурожаем, усилением военных приготовлений царизма, связанных с назреванием революции на Западе.

Еще летом 1848 г. купечество возбудило ходатайство об отсрочке уплаты долгов Коммерческому банку, ссылаясь на «общее расстройство кредита коммерческого, повсюду обнаруживающееся»². Удовлетворив прошение купцов³, правительство нашло в этом случае еще один аргумент против планов расширения кредитования торговля.

Не получили сколько-нибудь заметного развития и трансфертные (переводные) операции Коммерческого банка, несмотря на расширение товарно-денежных оборотов в стране. Это объяснялось сложностью правил банка, дороговизной оплаты переводов ($\frac{1}{3}\%$), а главное — задержкой выдачи денег ввиду частого отсутствия наличности в кассах банка. Кроме того, банк не принимал переводов на сумму меньше 5 тыс. руб., в результате чего пользоваться услугами банка имели возможность только крупные купцы.

Мелочный контроль, сложные бюрократические формы производства операций, стеснительный устав, сковывавший деятельность банка, чрезвычайная ограниченность тех ресурсов, которые Коммерческий банк мог использовать по своему прямому назначению, — все это отражалось на функциях банка и предопределяло масштабы и формы его деятельности.

Архивные фонды министерства финансов свидетельствуют, как нуждался и настойчиво добивался купцы и промышленники получения ссуд из Коммерческого банка или других кредитных учреждений. Приведем несколько примеров.

В 1821 г. с ходатайством о выдаче ссуды размером в 1 млн. руб. сроком на 8 месяцев из 6% обратился купец Клейн. Банк такой

¹ ЦГИАЛ, ф. 583, д. № 242, л. 349. Записка Вернеса в деле не сохранилась.

² А. Нифонтов, Россия в 1848 г., М., 1949, стр. 29.

³ ПСЗ 2, т. XXIII, № 22483.

ссуды не смог выдать, но условия ссуды привлекали великого князя Михаила Павловича, из личных средств которого указанный купец и получил ссуду¹.

В 1832 г. купец Миллер, владелец крупнейшего торгового дома Маайво, просил о выдаче ссуды в 600 тыс. руб. под залог сахарного завода в Екатериноударе. При этом указывалось, что полученная тем же Миллером в 1821 г. ссуда из Заемного банка размером в 600 тыс. руб. им была своевременно и исправно возвращена².

Опека над деятельностью банка заходила так далеко, что любой вопрос, выходящий за узкие рамки устава, должен был представляться министром финансов на «благоусмотрение» самого монарха, даже если речь шла о сложении небольшой пени.

Объявив основой торговой и промышленной политики осторожность и предоставление все естественному и «органическому» движению, объявив Россию отсталой, «варварской» страной, а русское купечество недостаточно развитым для кредита, вершители экономической политики России тех лет все сделали для того, чтобы Коммерческий банк не смог использовать полностью свои ресурсы по прямому назначению. В результате большая часть средств Коммерческого банка, созданного, казалось, специально для оказания содействия кредитом торговой и промышленной буржуазии, использовалась в интересах помещиков-крепостников.

Так, Екатеринбургской конторе разрешалось выдавать ссуды под залог продукции казенных и посессионных заводов Урала и Алтая, применявших тогда почти исключительно крепостную рабочую силу. Со временем это стало важнейшей операцией Екатеринбургской конторы. В 40—50-х годах она выдавала в среднем в год ссуд такого типа на 3,5—4 млн. руб. и примерно на 1 млн. руб. ссуд под залог металлов³.

Киевской конторе предоставлялось право выдавать ссуды помещикам под залог сельскохозяйственной продукции: хлеба, льна, пеньки, шерсти. Такая операция ставила целью помочь помещикам задерживать товарную продукцию своих крепостнических хозяйств до сезона более высоких цен. Киевской конторе разрешалось проводить и другие операции, которые по существу превращали ее из органа кредитования торговой буржуазии в филиал дворянского землевладельческого банка. Например, она имела право выдавать ссуды под залог населенных поместий (правда, в данном случае Киевская контора выступала только как посредник между землевладельцами и Заемным банком либо Сохранной казной)⁴.

¹ ЦГИАЛ, ф. 583, л. № 221, л. 35.

² Там же, л. № 227, л. 40.

³ Е. А. Ламанский, Статистический обзор операций государственных кредитных учреждений, стр. 117.

⁴ ПСЗ 2, т. XIV, № 12369, § 17—28; т. XVII, № 16056.

Одесская контора, несмотря на крупные торговые обороты, тоже уделяла некоторую часть своих ресурсов кредитованию землевладельцев¹.

Харьковская контора, как уже отмечалось, почти все свои ресурсы направляла на кредитование помещичьего землевладения, вследствие чего у нее не оставалось средств для выполнения функций купеческого банка. Генерал-губернатор, стоя на страже интересов помещиков, высказался против проекта об отмене операций по выдаче ссуд землевладельцам и в этом он нашел поддержку министерства финансов.

Ограничение операций банка, торможение его кредитной деятельности создали парадоксальное положение. Коммерческий банк был лишен возможности размещать по прямому назначению большую часть своих ресурсов. В поисках выхода из этого искусственно созданного тупика, как уже указывалось, в 1825 г. было дано распоряжение передавать «для приращения процентов» остающиеся без использования вклады Коммерческого банка в Заемный банк, который использовал их для расширения кредитования помещиков и как источник внутреннего займа казны.

О возрастании части ресурсов Коммерческого банка, передаваемой в качестве вкладов в Заемный банк, свидетельствует следующая таблица² (в млн. руб. серебром):

Годы	Сумма вкладов Коммерческого банка	Из них передано в Заемный банк	
		сумма	в %
1820	16,2	1,6	10,0
1823	19,2	0,7	3,4
1826	30,4	6,0	19,8
1829	43,9	16,4	37,4
1832	45,1	27,0	58,9
1835	65,9	33,2	50,4
1838	79,9	56,2	70,3
1841	98,8	90,3	91,4
1844	123,0	104,4	84,8
1847	146,9	124,7	84,9
1850	175,0	164,8	94,2
1853	198,0	195,0	98,4
1856	241,1	222,0	92,1
1859	198,0	177,6	89,7

¹ Е. А. Ламанский, Статистический обзор операций государственных кредитных учреждений, стр. 119.

² «Статистика русских банков», стр. 4—5.

Хотя на протяжении всего рассматриваемого времени внутренний и внешний товароборот рос и вопрос о кредитовании торговли приобретал все большую актуальность, операции Коммерческого банка развивались в прямо противоположном направлении. Ресурсы банка увеличивались, а удельный вес операций по кредитованию торговли резко сокращался. Для основных операций, которые определяли его коммерческую деятельность (учет векселей и подтоварные ссуды), банк использовал сумму, не превышающую его основной капитал (30 млн. руб.). Роль Коммерческого банка по существу сводилась к аккумуляции средств, направляемых в распоряжение Земного банка.

Таким образом, Коммерческий банк, объективной задачей которого было содействие развитию капиталистических отношений, стал по существу придатком Земного банка.

2. ВОПРОСЫ КРЕДИТОВАНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Как показало рассмотрение деятельности Коммерческого банка, он имел очень небольшое отношение к промышленности. Однако этот факт неправильно расценивать только как проявление отсталости России. Надо помнить, что на мануфактурном этапе и даже на первых стадиях развития промышленного капитализма европейские банки также почти не проводили операций по кредитованию промышленности (за исключением некоторых английских, в особенности шотландских банков). Во Франции, например, только с 50-х годов XIX в. банки начинают кредитовать промышленников. Но и тогда эти ссуды большей частью представляли собой ипотечный кредит, т. е. давались под залог недвижимости.

В России кредитование промышленности осуществлялось тогда двумя путями: через банки и из казны.

Казенные ссуды являлись одним из основных методов меркантилистской политики и весьма широко были распространены в мануфактурный период. В начале XIX в., в особенности в годы континентальной блокады, правительство нередко прибегало к этому средству поддержки отечественной промышленности (например, учреждение специального «мануфактурного капитала» и т. д.).

Еще в начале 20-х годов XIX в. мы встречаемся с отдельными случаями предоставления ссуд фабрикантам из казенных средств. Это проводилось под видом выдачи ссуд из Земного банка «по высочайшему повелению», т. е. без предоставления законного обеспечения в виде душ или каменных домов в столице.

Так, в 1821 г. купец Воробьев получил ссуду в 200 тыс. руб. сроком на 10 лет под залог посессионной Ярославской суконной мануфактуры, которую он оценивал (вместе со стоимостью 230 мастеровых) в 800 тыс. руб. Поскольку под души он уже в свое время получил 100 тыс. руб., то новая ссуда была выдана в порядке

«высочайшего повеления». В 1825 г. подобная ссуда была выдана купцу Казалету, владельцу фабрики канатов в Петербурге, пострадавшему во время наводнения 1824 г.

С середины 20-х годов почти полностью прекращается предоставление казенных ссуд промышленникам. Это совпало с введением протекционистского тарифа. Последний был, очевидно, признан единственным средством поддержки отечественной промышленности, избавляющим правительство от необходимости отложения государственного бюджета ссудами фабрикантам.

В архивах сохранился громадный материал, который показывает, как последовательно отклонялись тогда почти все ходатайства фабрикантов (иногда и из дворян) о предоставлении казенных ссуд. Например, в 1823 г. владелец суконной фабрики Головинский, Напимер, в 1820 г. из Сохранной казны под залог крепостных получивший в 1820 г. из Сохранной казны под залог крепостных ссуду в 268 тыс. руб., просил выдать ему дополнительную ссуду в 300 тыс. руб. под залог поместья в Киевской губернии с 1792 душами и фабричных строений. Канкрип отказал в удовлетворении ходатайства, а «тем наче выдавать еще особый капитал на фабричные строения, которые, находясь в деревне, не могут иметь определенной стоимости»¹.

В 1824 г. помещик Вьюрберг, имевший в своем поместье в Петербургской губернии стекальный завод, просил ссуду в 50 тыс. руб. сроком на 12 лет. Канкрип под предлогом, что в стекальных заводах вообще особой нужды нет, в ссуде отказал. Тогда же купец Черолев, владелец «сахарного заведения», просил выдать ссуду в размере 350 тыс. руб. И хотя он имел поддержку самого Аракчеева, все же в ссуде ему было отказано. В том же 1824 г. было отказано в ссудах еще очень многим другим фабрикантам и лицам, пожелавшим создать промышленные предприятия².

Надо отметить, что нередко, отказывая выдать ссуды, необходимые для промышленного строительства, правительство, верное классовой направленности кредитной политики, продолжало выдавать громадные суммы владельцам крепостнических латифундий. Те же немногие ссуды, которые попадали промышленникам, в большинстве случаев выдавались по ходатайству высших сановников. Так, была удовлетворена просьба ротмистра Коханова (1848 г.) о предоставлении ему ссуды для восстановления сгоревшей суконной фабрики. Его ходатайство было поддержано всесильным главой III отделения А. Орловым, который указал на «беспорочную в течение 19 лет службу Коханова по корпусу жандармов». Жандарму-промышленнику была выдана беспроцентная ссуда в 12 тыс. руб. сроком на 10 лет³.

¹ ЦГИАЛ, ф. 583, оп. 2, л. № 220, л. 146.

² Там же, л. 170, 183, 185 и др.

³ Там же, л. № 243, л. 58.

В 1827 г. по распоряжению Канкрин была предоставлена ссуда в размере 300 тыс. руб. авантюристу Кастелла, взявшемуся организовать в Тбилиси шелкомоталую фабрику. Заботы Канкрин о шелкомотальной фабрике пошли так далеко, что было разрешено взять из русских каторжных тюрем 400 женщин для работы на ней¹. Однако, несмотря на это, дела фабрики шли неудачно. Когда в 1828 г. Кастелла умер, выяснилось, что капитал истрачен, фабрика не достроена, производительность ее ничтожна.

В последующие годы случаи выдачи казенных ссуд промышленникам стали еще более редкими, хотя ходоатайства о них время от времени возбуждались.

Через несколько лет в ответ на просьбу князя Голицына о выдаче ему ссуды в 400 тыс. руб. на восстановление уничтоженной пожаром бумагопрядильной фабрики было принято специальное решение принципиального порядка, которое гласило: «при распространяющейся ныне фабричной промышленности, производство таковой ссуды послужило бы и другим желающим заводить фабрики поводом к подобным домогательствам...»².

Таким образом, банковский кредит оставался доступным почти исключительно только владельцам предприятий, основанных на крепостном труде.

Упомянувшееся уже «Положение об открытии вновь займов из Государственного заемного банка» (1824 г.) предусматривало, что ссуды могут предоставляться только «фабрикам по многочисленности и разнообразию работ, на ней производимых, и по употреблению различных орудий и машин, имеющих большую ценность, требующих явщего вспомоществования». К числу их относились: суконные, шелковые, ситцевые, полотняные, красильные, сахарные, фаянсовые фабрики. Исключая инструментальные и шелковые предприятия, которые занимали крайне незначительное место в русской промышленности того времени, а также ситцевую и красильную, все перечисленные отрасли использовали крепостной труд.

При выдаче ссуд промышленникам рекомендовалось соблюдать особую осторожность. Всякая ссуда под залог фабрики должна была утверждаться министром финансов.

Архивные материалы показывают, что банковскими ссудами пользовались почти исключительно владельцы крепостнических предприятий, в первую очередь уральские заводчики. Владельцы горных заводов получали ссуды под «приписных крестьян». Ссуды выдавались из расчета 250 руб. асс. под душу для заводов, получающих казенную субсидию, и по 300 руб. — для остальных. Для недействующих заводов соответственно 150 и 200 руб. На основа-

¹ М. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке по второй четверти XIX в. и русской буржуазии, М., 1949, стр. 134—140.

² ЦГИАЛ, ф. 583, оп. 4, л. № 225, л. 8.

нии этих правил Демидовы только в 1826—1827 гг. получили под залог своих заводов ссуду в 1,7 млн. руб.¹.

Привилегии, которыми пользовались дворяне — владельцы промышленных предприятий, отмечались современниками. Д. Журавский, например, объяснял незначительность развития промышленности в Киевской губернии в конце 40-х гг. тем, что «средние сословия обладают весьма незначительными капиталами, еще менее знаниями и предприимчивостью» и их «ничто не ободрает и не поощряет к мануфактурной деятельности... Совсем другого рода промышленная деятельность помещиков... Посредством займов из кредитных установлений они всегда могут располагать огромными капиталами для первоначального устройства заведений...»².

Некоторые дворяне-предприниматели, вымогая ссуды, не стеснялись подчеркнуть, что они имеют преимущественные права на поддержку со стороны правительства потому, что дворянство якобы является инициатором введения технических новшеств в промышленность. Так, московский генерал-губернатор Закревский, поддерживая в 1849 г. ходоатайство подполковника Мертваго о выдаче ему ссуды в 120 тыс. руб. на устройство механической льнопрядильни, указывала, что «настало время воспользоваться улучшениями, достигнутыми за границы после долгих и дорогих опытов, но купцы наши при отсутствии духа предприимчивости и знания дела считают всякое предприятие в области механики недоступным для них до тех пор, пока дворяне трудами не проложат им дороги, как было с механическим прядением бумаги»³.

Приведенные данные о кредитовании промышленности по второй четверти XIX в. показывают, что Канкрин был совершенно прав, когда, уходя с поста министра финансов, писал: «ошибочно думать, что промышленность в России поддерживалась какими-либо жертвами со стороны правительства... на протяжении 25 лет для поддержки фабрик не было истрачено каких-либо существенных средств»⁴. Он утверждал, что не недостаток капиталов (а значит, и не проводимая им кредитная политика), а недостаток познаний в «некультурной» России — вот основная, едва ли не единственная, причина ее промышленного отставания.

¹ ЦГИАЛ, ф. 583, оп. 4, л. № 228; л. 195.

² «Статистическое описание Киевской губернии», т. III, стр. 245. Интересно отметить, что Н. В. Гоголь считал отсутствие капиталов главным препятствием, мешавшим помещикам создавать промышленные предприятия. Он писал: «помещики видят теперь сами, что с одним хлебом и винокурением нельзя значительно повысить свои доходы. Начинают понимать, что пора приниматься за мануфактуру и фабрики, но капиталов нет, существа предпринимателя, наконец, замирает, а они рыскают с горя за займами» (Соч., изд. 1-е, т. 1, стр. 239).

³ ЦГИАЛ, ф. 583, л. № 224, л. 106.

⁴ Aus Reise tagebüchern des Grafen G. Kanckrin, S. 245.

Канкрин продолжал настаивать на том, что русская промышленность вообще не испытывает недостатка в капиталах и что вообще опасно форсировать ее развитие. В 1833 г. в отчете, подводящем итоги первых десяти лет управления министерством финансов, он писал: «большое изобилие капиталов, особенно ядром на фабрики употребляемых, ведет, как в Англии, к несоизмерному умножению изделий»¹.

Таким образом, Канкрин доказывал вредность форсирования в России развития промышленности ссылаясь на опыт Англии, которая столкнулась с таким неизбежным спутником развитого капитализма, как периодические промышленные кризисы. В условиях же крепостнической России этот пример был неуместен.

В программной статье, которой открывался первый номер официального органа министерства финансов «Журнала мануфактур и торговли» за 1825 г., писалось: «думали, и даже теперь многие думают, будто бы большие денежные капиталы могут родить в государстве промышленность; без сомнения они необходимы как срудие. Но мы были свидетелями и их беспомощности... Не денежные капиталы, которых впрочем в России достаточно для поощрения дальнейших усилий, могут подвинуть вперед нашу промышленность, но запас необходимых познаний, без коих все богатства бесполезны, все предприятия пагубны»².

В свете приведенных фактов становится особенно ясным смысл той борьбы за широкое кредитование промышленности, которую в эти годы после краха планов реорганизации Коммерческого банка (1821—1824 гг.) продолжал вести Мордвинов.

Итак, в тот период, когда в России происходил первый этап промышленного переворота, и промышленники особенно нуждались в дешевых кредитах, правительство, создав систему протекционистских тарифов, почти полностью отказалось от предоставления им дешевых ссуд. Специального кредитного органа для кредитования промышленности тогда так же не было создано.

Между тем проекты создания такого кредитного органа продолжали возникать и во второй четверти XIX в., что подтверждало актуальность этой задачи.

Начиная с 40—50-х годов в министерство финансов непрерывно поступали ходатайства различных капиталистов, как русских, так и иностранных, о разрешении основать купеческие банки. Особого рассмотрения заслуживает проект, представленный московским купцом О. Свешниковым, неоднократно выступавшим в качестве автора программных документов, исходивших от имени московского купечества.

В 1834 г. он представил проект Московского городского банка для содействия расширению торговли и промышленности. Банк

¹ М. Рожкова, Указ, соч., стр. 231.

² Журнал мануфактур и торговли, 1825, № 1, стр. 1.

должен был производить все обычные операции, предусмотренные уставом Коммерческого банка, и, кроме того, выдавать ссуды под «круговое ручательство мещанских артелей». Другая особенность этого проекта состояла в том, что, возможно, под влиянием планов Мордвинова предусматривалось принудительное обложение горожан для создания основного капитала банка. План Свешникова не встретил поддержки¹.

Всего с 1836 по 1859 г. было представлено не менее 17 планов создания подобных банков². В 1836 г. некто П. Ковалевский обратился с ходатайством о разрешении основать частный банк в Москве. Он мотивировал свое предложение следующим образом: «Промышленность непрестанно встречает необходимость в пособиях капиталов как главных своих деятелей. Весьма часто великие предприятия, достойные всякого уважения, за большим или меньшим недостатком денег остаются без начинания»³. В 1842 г. с подобным же ходатайством выступила группа петербургских делцов. Она тоже говорила о нуждах промышленности⁴. Но все эти ходатайства неуклонно отклонялись.

Между тем развивавшаяся промышленность, в особенности некоторые отрасли легкой промышленности, все более привлекала к себе внимание торгового и ростовщического капитала, который, как всегда, пытался подчинить себе промышленника и мануфактуриста. Так, купеческий сын Ч. предоставил одному киевскому мещанину 2 тыс. руб. на устройство свечного завода. Последний обязывался платить заимодавцу, кроме 6% за ссуду, 5% от своего дохода⁵.

Еще нагляднее это может быть показано на примере сахарной промышленности, делавшей тогда первые и весьма успешные шаги. Владельцами первых сахарных заводов были помещики, создававшие на своих землях свекольные плантации и пользовавшиеся даровой подневольной рабочей силой. Нуждаясь в средствах на оборудование заводов, они прибегали к услугам торгового и ростовщического капитала. Например, в 1847 г. помещик-сахарозаводчик З. заключил договор с купцом [Бродским], в силу которого помещик получал ссуду в размере 15 тыс. руб. и сдавал завод в аренду купцу. Помещик обязывался поставлять по заранее фиксированной цене заводу свеку, а также предоставлял своих крепостных крестьян, которым арендатор обязывался платить от 2 до 5 руб. в месяц⁶. Таким образом, этот договор фактически пре-

¹ Подробно план Свешникова изложен в «Истории московского купеческого общества», т. II, стр. 370—390.

² И. Левин, Указ, соч., стр. 45, 46—49.

³ Там же, стр. 39.

⁴ Там же, стр. 42.

⁵ «Статистическое описание Купеческой губернии», т. III, стр. 167.

⁶ Там же, стр. 15.

вращал представителя торгово-ростовщического капитала во владельца завода.

Быстро развивавшаяся в конце второй четверти XIX в. сахарная промышленность испытывала особенно острую нужду в кредите. Устав же Киевской конторы Коммерческого банка не предусматривал выдачи ссуд под залог сахара, хотя ходатайство о соответствующем изменении устава конторы было возбуждено еще в 1842 г.¹

В сахарной промышленности сложилась тогда своеобразная и довольно сложная система кредитования. Сахар продавался почти исключительно в кредит. Рафинары за законтрактованный ими песок чаще всего выдавали векселя сроком на 8—12 месяцев. Банки учитывали эти векселя из 1—2% в месяц. Если же сахарозаводчики нуждались в наличных деньгах, то они продавали песок местным купцам по 4 руб. за пуд; в свою очередь последние продавали его рафинарам за 5 руб., но в кредит. Постепенно многие из ростовщиков сами превращались во владельцев заводов. «Изобретение» этой системы современники приписывали сахарозаводчику Яхненко².

Очевидно, некоторые сахарные заводы превращались в известное подобие местных банков. Так, один мемуарист рассказывает, что в с. Малево, где находился завод Яхненко, в 40-х годах «красовалось большое здание главной конторы, в которой, кроме заведывания делами фирмы, за отсутствием в то время банков в крае, принимались деньги в заем за узаконенные проценты и выдавались из конторы тратты»³. Есть свидетельства, что тратты сахарозаводчиков в определенных районах широко обращались как заменители денег⁴.

Все эти примеры, число которых легко можно было бы увеличить, ясно говорят о том, что неуклонно развивавшаяся в условиях разлагавшегося крепостного строя капиталистическая промышленность испытывала настоятельную потребность в организованном и дешевом кредите. Но кредитная политика царизма, находившаяся в полном противоречии с интересами нарождавшейся капиталистической промышленности, продолжала в основном служить задачам консервации крепостнических отношений как в сельском хозяйстве, так и в промышленности.

В течение всего рассматриваемого нами периода не было осуществлено «требования подчинить капитал, приносящий проценты, промышленному капиталу» и не было создано «органических образований, осуществивших эти условия капиталистического производства в форме современного банкового дела...»⁵.

¹ К. Воблый, Опыт истории свеклосахарной промышленности СССР, т. I, М., 1928, стр. 279—280.

² Там же, стр. 274—277.

³ Е. Клебановский, Воспоминания о фирме братьев Яхненко и Симиренко, «Киевская старина», 1896, т. III, стр. 103.

⁴ К. Воблый, Указ. соч., стр. 275.

⁵ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 617.

3. РОЛЬ РОСТОВЩИКОВ И «ЧАСТНЫХ БАНКИРОВ» В КРЕДИТОВАНИИ ТОРГОВЛИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Отсутствие банков, которые могли бы удовлетворить, хотя бы отчасти, возросшие нужды торговли и промышленности, оставляло широкое поле деятельности для ростовщиков, для разных «дисконтеров» и частных банкиров. Вместе с тем создавались условия и для возникновения всевозможных суррогатов коммерческих банков¹.

Объем операций по кредитованию торговли официально существовавших тогда частных банковских домов не может быть установлен хоть сколько-нибудь точно. Крупнейший банкирский дом в России того времени принадлежал барону Штиглицу. Основанный в 1803 г., он просуществовал до 1860 г. и принес его владельцам колоссальные состояния. По имеющимся данным, Людвиг Штиглиц начинал свои операции со 100 тыс. руб., полученных им взаймы от своего дяди. К моменту смерти его состояние оценивалось в 30 млн. руб., а его сын после смерти оставил 100 млн. руб. (не считая недвижимости)².

Основные банкирские операции Штиглицев сводились к выполнению поручений правительства. Через них, например, были размещены в 1843—1846 гг. три займа, выпущенные для финансирования железнодорожного строительства. Их контрагентами выступали крупнейшие европейские банкирские дома того времени: Гопе (Амстердам) и Беринг (Лондон).

Штиглицы являлись частными банкирами крупнейших представителей русской знати и членов царской фамилии. Обычными банковскими операциями (учет векселей, ссуды купцам и промышленникам и т. д.) они, очевидно, почти не занимались.

В 1860 г., когда был основан Государственный банк, его директором был назначен А. Л. Штиглиц, в связи с чем он ликвидировал свой банкирский дом.

Основанный в 1818 г. банкирский дом Юнкера до 60-х годов занимался преимущественно торговыми операциями, но наряду с этим продавал иностранные и русские ценные бумаги и выигрышные билеты, занимался переводными операциями (на Варшаву) и др.³.

О других столичных частных банкирских домах того времени сохранились лишь немногие сведения. Это дома Томсона, Бокара, Стерие, Миллера и др.⁴. Они выступали главным образом как

¹ Сколько можно судить по имеющимся материалам, роль монастырей как банков в это время была уже совсем незначительной. Этого, очевидно, нельзя сказать о католических монастырях западных районов страны, которые в известной мере продолжали кредитовать местных купцов и земладельцев.

² Штиглицы были не только банкирами, но и проводили торговые комиссионные операции, а также являлись владельцами большого числа промышленных предприятий и крупных земельных угодий.

³ И. Левин, Указ. соч., стр. 17.

⁴ Там же, стр. 14.

контрагенты иностранных банкирских домов и не играли заметной роли в кредитовании внутреннего товарооборота.

В качестве контрагентов варшавского Польского банка в Петербурге выступали банкирские и торговые дома «Шульц и Помер», «Пирлинг и К°» и др.¹

Операции московских банкиров (Маркс, Юнкер и др.), насколько можно судить, не достигли больших размеров. Более значительную роль в кредитовании торговли и промышленности сыграли ссудно-ростовнические операции, которыми занимались многие представители купечества.

Большое значение в развитии кредита в Москве имели старообрядческие религиозные общины, в первую очередь Преображенское кладбище, — этот полулегальный центр московского старообрядчества XIX в. Устав этой общины предписывал безбрачие, и богачи должны были перед смертью отдавать ей все имущество. По правилам 1808 г. членам общины предоставлялось право пользоваться ссудами из общинной казны, причем кредит предусматривался беспроцентный, допускались и безвозвратные ссуды². В 20-х годах в общине взяли верх зажиточные «кlientы», которые стали направлять общину на службу крупнейшим московским капиталистам-старообрядцам. Стали выдавать процентные ссуды. Каких значительных размеров достигала казна общины, видно из такого, например, факта. Московский купец Федоров в 1845 г. завещал Преображенскому кладбищу 3 млн. руб.³ Из этих денег фабриканты Гучков, Носов и Егоров получали по 100—150 тыс. руб. В 1847 г. владельцы суконной фабрики Носовы получали из средств кладбища на расширение дела ссуду в 500 тыс. руб. на 3 года без процентов, а после этого срока с уплатой 4%⁴.

Около 1840 г. одному из попечителей общины фабриканту Гучкову был передан на хранение сундучок с деньгами и ценностями на сумму в 12 млн. руб.⁵

Кредитно-денежные операции Преображенского кладбища способствовали формированию крупной буржуазии из старообрядческой среды, накоплению капиталов. Многие современники склонны были приписывать коммерческие успехи старообрядцев в первую очередь тому, что они могли пользоваться кредитом в больших масштабах и на более льготных условиях, чем остальные купцы.

¹ Н. Radziszewski, Указ. соч., стр. 64.

² П. Рынделюнский, Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма, «Вопросы истории религии и атеизма», М., 1950, стр. 194—197.

³ «Дневные дозорные записки о московских раскольниках», «Чтения в обществе истории и древностей российских», 1885, кн. IV, стр. 83.

⁴ О. Рустик, Старообрядческое Преображенское кладбище («Как накопился капитал в Москве»), «Борьба классов», 1934, № 7—8, стр. 76.

⁵ Чтения в обществе истории и древностей российских, 1885, кн. II, стр. 17.

Очевидно, такую же роль банков играли хайстоковые «кобрабли» и некоторые другие неадекватно существовавшие тогда сектантские общины (в том числе и скопские). По свидетельству историка русской церкви Н. Никольского, скопская организация в первой половине XIX в. превратилась в «огромный ростовнико-биржевой союз, дирижруемый из Петербурга»¹.

Крупным банкирским центром тогдашней России был г. Бердичев Киевской губернии. В нем, начиная с 30-х годов, возникает несколько банкирских домов, оказавших заметное влияние на хозяйственную жизнь Правобережной Украины. По официальным данным, в 1849 г. в Бердичеве насчитывалось 8 банкирских домов², но фактически их число было больше. На Золотой улице в городе были расположены конторы банкиров, вокруг которых ройлось бесчисленное число посредников, комиссионеров, маклеров («пермиллинов»).

Основные свои операции бердичевские банкиры производили на Киевской контрактной ярмарке. Местные векселя учитывались очень редко, преимущественно же производился учет переводных векселей на Петербург, Москву, Одессу, Харьков, Ромны и другие города из 1/2—1% в месяц. Тесная связь существовала у бердичевских банкиров с банкирскими домами Петербурга, Москвы, Вильны, Варшавы, Риги, а особенно Одессы. Они были связаны также со многими иностранными банками³.

По данным Д. Журавского, в 1835—1844 гг. бердичевские банкиры привозили на «контракты» 500—600 тыс. руб. серебром ежегодно, а в 1845—1849 гг. — более 1 млн. руб.⁴. Надо думать, что это неточные цифры. Из фискальных и иных соображений банкиры, очевидно, давали крайне преуменьшенные данные о совершаемых операциях.

Аккумулируя сбережения мелкой и средней буржуазии, чиновников и землевладельцев, бердичевские банкиры предоставляли ссуды не только владельцам крепостнических латифундий, но и помещикам средней руки, откупщикам и промышленникам. В частности, они снабжали денежными средствами мелких ростовщиков.

Сохранились данные о широких кредитных операциях торговых домов в Пинске⁵.

¹ Н. Никольский, История русской церкви, М., 1930, стр. 222.

² «Статистическое описание Киевской губернии», т. I, стр. 424.

³ Там же, т. III, стр. 368—370.

⁴ Д. Журавский, О кредитных сделках в Киевской губернии, Киев, 1856, стр. 17—18; «Статистическое описание Киевской губернии», т. III, стр. 570.

⁵ И. Оршанский, Очерки экономического и общественного быта, СПб., 1877, стр. 89.

Почти с самого основания Одессы (1795 г.) в ней начал действовать ряд торговых домов, занимавшихся банковскими операциями. В начале XIX в. большинство их находилось в руках иностранных negociантов (преимущественно греков и итальянцев). Постепенно эти negociанты вытеснялись представителями местного торгово-судного капитала, связанными с внутренним товарным и денежным рынком.

По словам известного знатока экономики Одессы первой половины XIX в. А. Скальковского, Одесса служила денежным и кредитным рынком не только для своего района, но и для всех черноморских и азовских портов, а частью и для Москвы¹.

Впрочем, денежные ресурсы одесских банкиров были, очевидно, не очень значительны. В Одессе при хлеботорговых сделках коммерческий кредит преобладал над денежно-судными операциями. Канкрин в 1837 г. писал: «Одесса вообще не богата капиталистами и торговля производится главнейше по комиссии и на кредит»².

Итак, не располагая достаточными данными о масштабах и характере деятельности частных банкиров, можно все же утверждать, что в кредитовании внутреннего и даже внешнего товарооборота они играли в рассматриваемый период более значительную роль, чем Коммерческий банк.

При этом следует помнить, что частные банковские дома были связаны только с верхушкой купечества. Купцы средней руки, а в особенности мелкие и мельчайшие, продолжали прибегать к услугам ростовщиков.

Так, житомирские домовладельцы обычно закладывали свою недвижимость из 8—10% годовых, всячески же учитывали из 12—15%. Полученные в результате такой операции средства раздавались в качестве мелких ссуд под залоги из 3% месячных или одалживались лавочникам из 26,5% годовых³.

Как рассказывает современник, «в городах и более в торговых местечках существуют так называемые еврейские банки, прежде содержавшиеся богатыми евреями... а впоследствии, узнав выгоду их, стали открывать подобные банки и неевреи, чиновники, вдовы их и разночинцы, обладающие иногда несколькокими сотнями лиших рублей. Банки эти учреждаются без всякого правительственного разрешения. Основания их, главнейше, бывали следующие: выдача производится за поручительство... за вычетом 10 или более процентов, смотря по величине капитала (чем меньше капитала, тем проценты более...), и потом ежемесячно выплачивают десятую часть капитала и 10% на него... Но бывают и менее выгодные усло-

¹ А. Скальковский, Записка о торговых и промышленных силах Одессы, СПб, 1865, стр. 109. См. также «Одесса 1794—1894», Одесса, 1895, стр. 182.

² ЦГИАА, ф. 560, оп. 31, д. № 8, л. 121.

³ «Экономист», 1859, т. II, кн. 1.

вия...»⁴. Существование таких банков в местечках на Херсонщине подтверждается документально. Надо полагать, что они имели место и в прилегающих губерниях.

Можно привести еще много фактов, свидетельствующих о том, что ростовщический капитал, используя отсутствие источников организованного и дешевого кредита для мельчайшего, мелкого и среднего торговца, обращал его в объект своей эксплуатации. Само собою разумеется, что услуги ростовщика заметно снижали доходы мелких торговцев. Чудовищные проценты, уплачиваемые ростовщикам, в конечном счете перекладывались на потребителя, преимущественно наиболее немужного — главного клиента мелких лавочников.

Приведенные факты еще раз подтверждают правильность известного указания Маркса, что слабое развитие товарно-денежных отношений не мешает, а благоприятствует развитию ростовщичества. «Чем незначительнее та роль, которую в общественном воспроизводстве играет обращение, тем пышнее расцветает ростовщичество»⁵.

Для мелкого и среднего торговца не меньшее значение, чем денежные ссуды, имел так называемый коммерческий кредит (продажа товаров в кредит). Однако и он при отсутствии каких-либо органов кредитования мелкого и среднего товарооборота приобретал совершенно ненормальные (с точки зрения капитализма) формы.

И. Аксаков, беседуя с торговцем украинскими ярмарок, писал: «Каждая лавка, желая привлечь к себе покупателя, соперничает с другой не большим или меньшим достоинством товара, не дешевизной, ибо цены уравниваясь у всех до низшей ступени и у всех почти одинаковые, а более или менее отталкивающим кредитом. Кто больше кредитует, тот и большую массу товаров сбывает... Без кредита не было бы никакой возможности сбывать такое огромное количество товаров, мало того, без кредита не было бы никакой выгоды торговцу. Цена товара на украинских ярмарках — кредитная, основанная большей частью на 6-месячном кредите, от одной ярмарки до другой... Фабриканты на ярмарках признавались нам сами, что если покупатель два раза сразу забирает товары (разумеется, в одинаковом количестве) и за один раз заплатит сполна по кредитной цене, а за другой и вовсе не заплатит, то они, конечно, и не в выгоде, но и не в существенном убытке. Стало быть кредитная цена чрезвычайно высока... Купец-капиталист покупает, например, у фабриканта известное количество товара, по известной, т. е. кредитной, цене и в долгие сроки, месяцев на 12 и 18... Приобретя товар и пустивши его в оборот, он старается как можно скорее, через месяц или два, заплатить фабриканту наличные деньги,

⁴ А. Шиняйт, Материалы для географии и статистики России. Херсонская губерния, ч. 1, СПб, 1863, стр. 512.

⁵ К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 623.

вычитая в свою пользу проценты за все остальные месяцы, а сам продает товар по кредитной цене и даже иногда несколько дешевле самой общепринятой кредитной цены. Дерзость кредита, размеры купеческого риска превосходят всякое вероятие. Если явится покупатель и берет на 3 тыс. руб. сер. товаров за наличные деньги, то может смело забрать товаров точчас же на 30 тыс. руб. в кредит»¹.

И. Аксаков установил чрезвычайно интересный факт. По его наблюдениям, в ярмарочной торговле очень малую роль играли так называемые «торговые векселя». Оптовые купцы и фабриканты, предоставляя коммерческий кредит, который по высоте ссудного процента носил по существу ростовщический характер, как правило, не брали со своих должников векселей. Скорей всего это объяснялось тем, что при небезопасности кредита такие векселя вряд ли могли быть утены².

О небезопасности кредита и о потерях, которые в результате этого несли московские купцы, отпускаявшие в долг товары ходебщикам, писал еще в 1829 г. П. Попов в записке «Кредит и добрая вера должников обязательств». По его словам, «крестьяне... платят долги токмо при барышах... Ходебщики сии, рассеянные по всей сущи России... ослабляют торговлю городов»³.

В Сибири также основную роль играл коммерческий кредит. Сибирские купцы получали товары в кредит непосредственно от фабрикантов или от крупных оптовиков на Нижегородской или Ирбитской ярмарках. Большая часть купцов брала ссуды у ростовщиков, которым платила высокие проценты. В условиях Сибири, где отдаленность рынков друг от друга обуславливала медленность товарооборота, для ростовщических операций открывалось особо широкое поле⁴.

В Сибири того времени встречались совершенно архаические формы коммерческого кредита. Так, крупнейшие сибирские купцы Поповы «разрешали приказчикам выдавать товары в долг, часто на годичный срок, и получать не деньгами, а жирным товаром или другими произведениями. Отсюда образовался в Сибири примечательный кредит или замена денег салом под поры (пуд скотского сала и кожи)»⁵.

Таким образом, знакомство с ролью так называемого коммерческого кредита и ростовщического капитала в кредитовании торговли должно было еще раз подтвердить тот факт, что Коммерческий банк имел незначительное влияние на развитие торговли, особенно внутренней.

4. ГОРОДСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ БАНКИ

В первой половине XIX в. потребности городской буржуазии (торговой и промышленной) в дешевом и организованном кредите не удовлетворялись даже в самой минимальной мере. Положение дел мало изменялось и с возникновением небольшой сети городских общественных банков.

Разрешив учреждать городские банки, правительство несколько отошло от последовательно проводимой при Канкрине практики абсолютного недопущения создания новых кредитных органов. Вместе с тем оно не отказалось от принципа ограничения частных банков. Все общественные банки в соответствии с традициями XVIII в. в своих уставах предусматривали соединение кредитных функций с благотворительными делами.

Однако, несмотря на архаичность этих банков и на ничтожную роль в хозяйственной жизни, возникновение их являлось еще одним предвестником зарождения кредитной системы, соответствующей складывающимся капиталистическим отношениям.

Как уже отмечалось, в конце XVIII в. — в начале XIX в. в России возникло только четыре местных банка¹. Лишь с середины 30-х годов к числу их присоединилось несколько новых кредитных учреждений такого же типа.

В 1836 г. в Иркутске начал действовать «Иркутский при сиротопитательном доме Елизаветы Медниковой банк». Этот банк был основан на пожертвованный в 1834 г. братьями Медниковыми капитал в 14,2 тыс. руб. серебром. Банк должен был давать ссуды сибирскому купечеству. Залогом служило движимое имущество или дома и земли в Иркутске².

Иркутские купцы (очевидно, ростовщики, увидевшие в банке конкурента) попытались воспрепятствовать созданию банка. В Государственном совете также возникли возражения. Лишь поддержка губернатора и Сперанского, хорошо знавшего сибирские условия³, позволила положительно решить этот вопрос.

Хотя этот банк был единственным в Сибири (если не говорить о приказах), его операции росли очень медленно. Они значительно расширились несколько позже в связи с развитием золотопромышленности. Но ссуды золотопромышленникам банк мог выдавать только в нарушение устава, так как он имел право кредитовать лишь купцов, торгующих в городе⁴.

¹ См. главу IX настоящей книги.

² Устав банка см. ПСЗ 2, т. XI, № 9332; в 1845 г. банк получил новый устав (ПСЗ 2, т. XX, № 19503). История этого банка описана очень подробно А. Пановым в книге «Банк сиротопитательного дома Елизаветы Медниковой в Иркутске. Историко-статистический очерк, составленный по архивным материалам», т. I—II, М., 1892.

³ А. Панов, Указ. соч., стр. 17—28.

⁴ Там же, стр. 97.

¹ И. Аксаков, Указ. соч., стр. 21.

² Там же, стр. 23.

³ «Архив Мордвиновых», т. X, стр. 258.

⁴ В. Покиншевский, Заседание Сибири, Иркутск, 1951, стр. 112.

⁵ «Экономический указатель», 1857, № 33, стр. 758.

В том же 1836 г. возник другой банк такого же типа в г. Верхотурье Пермской губернии. Он был основан на средствах, завещанные купцом Поповым (50 тыс. руб.).

Верхотуревский банк должен был действовать по уставу Амфиловского банка. Из его доходов 500 руб. ежегодно шли на уплату государственных податей за беднейших жителей города¹.

Городские общественные банки, учрежденные до 1857 г., т. е. до издания нового положения о городских общественных банках, действовали также в следующих городах и населенных пунктах²:

Города	Год основания	Основной капитал в момент основания (в тыс. руб. серебром)
1. Вологда	1789	2,2
2. Слободское (Амфиловский банк)	1809	12,4
3. Любич (Ларинский банк)	1817	10,5
4. Осташково	1819	8,1
5. Иркутск	1836	14,2
6. Верхотурье	1836	14,2
7. Порхов	1843	10,0
8. Томск	1843	85,0
9. Троицкосавск	1844	25,0
10. Пенза	1844	5,7
11. Тула	1845	20,0
12. Устюг	1846	33,0
13. Аибава	1847	10,0
14. Ростов	1847	15,0
15. Зарайск	1847	17,0
16. Коломна	1847	11,4
17. Казань	1847	25,0
18. Архангельск	1847	50,0
19. Ирбит	1849	30,0

¹ «Экономический указатель», 1857, № 33.

² Таблица составлена на основании данных ПСЗ 2, т. XVIII, № 16715, 17017; т. XIX, № 18099, 18311; т. XX, № 19564; т. XXI, № 19729; т. XXII, № 20781, 20837, 21027, 21067, 21160, 21162; т. XXIV, № 20898. В. Осоков «Городские общественные банки в России», СПб, 1872, стр. 66) и «Сборник материалов и сведений по ведомству министерства финансов» (кн. III, СПб, 1863, стр. 123) дают неполные данные.

Таблица показывает мизерные размеры капиталов банков, что, в известной мере, предопределяло ничтожный объем их операций. Среди операций городских банков большое место занимали ссуды под залог недвижимости. Они превращались по существу в зародыши городских ипотечных банков.

О размерах ипотечных операций в 1859 г. говорят следующие цифры¹:

Название городского банка	Размер ссуд под залог недвижимости (в тыс. руб.)
Архангельский	4,0
Вологодский	7,1
Зарайский	100,0
Верхотуревский	1,4
Ирбитский	14,2
Казанский	604,2
Коломенский	0,4
Осташковский	30,6
Пензенский	13,8
Слободской (Амфиловский)	140,8
Томский	343,0
Всего	1 259,6

В 1859 г., когда в связи с предстоящей ликвидацией крепостного права на очередь дня был поставлен вопрос о реорганизации кредитной системы, было издано «Положение о городских общественных банках»². По этому положению городским банкам разрешалось выдавать ссуды только местным жителям. Размер ссуды определялся принадлежностью к той или иной гильдии. За каждым банком числилось филантропическое учреждение. Директором банка назначался пожизненно учредитель: «будучи им, он по сущности дела становится раздавателем кредита в городе и тем более имел возможность быть пристрастным в этом случае, чем ближе была провинция, чем городские обыватели были беднее, т. е. чем более они нуждались в кредите»³.

¹ «Труды комиссии по устройству земских банков», т. II, СПб, 1860, приложение, стр. 19.

² ПСЗ 2, т. XXXII, № 31967.

³ В. Осоков, Указ. соч., стр. 61.

Положение 1859 г. так мало соответствовало новым требованиям экономического развития страны, что с момента его издания вплоть до 1861 г. было основано всего 4 городских банка: в Елабуге (1859 г.), Самаре (1860 г.), Калуге (1861 г.) и Соликамске (1861 г.)¹. Эти банки, основной капитал которых составлял 173 тыс. руб., не развернули сколько-нибудь широкой деятельности².

Правительство вынуждено было в 1862 г. издать нормальное «Положение о городских общественных банках»³. Но история банков, действовавших на основании этого положения, выходит за хронологические рамки этой работы.

5. КРЕДИТНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1820—1890 гг.

Существовавшая во второй четверти XIX в. практика кредитования торговли и промышленности находилась в вопиющем противоречии с объективными потребностями экономического развития страны. Однако политические условия того времени не позволяли подвергать кредитную систему критике в печати. Считалось опасным, с точки зрения государственных интересов, «возбуждать расхождения и даже разговоры» о банках.

Лишь в некоторых сугубо теоретических произведениях, написанных с позиций буржуазной политической экономии, могли прозвучать некоторые отголоски критического отношения к сложившейся в тогдашней России кредитной системе. Но и здесь чаще всего умащивали о русской кредитной практике. Например, А. Бутовский в книге под названием «Опыт о народном богатстве» изложение теоретических положений вульгарных апологетов капитализма эклектически сочетал с защитой крепостнических порядков. Автор работы выступил как восторженный сторонник частных банкиров⁴. Однако, говоря о плодотворной деятельности частных банкиров, Бутовский ни словом не обмолвился о положении дел в России, где в то время не было ни одного частного банка. В отношении же Земного банка он считал, что «благие намерения» правительства были использованы во вред расточительным дворянством.

Такой же тактики придерживался И. Горлов, автор «Теории финансов»⁵. В этом труде, излагающем проблемы кредита с позиций вульгарных экономистов (Шторха и Селя), русская практика совер-

шенно игнорировалась. Надо думать, что этим автор давал понять, что кредитная система России того времени являлась с теоретической точки зрения «аномалией».

Интересно отметить, что в обзоре литературы Горлов, вспоминая работы декабристов Н. Тургенева и М. Орлова, выразил мысль, что перестройка финансовой и кредитной системы в соответствии с планами декабристов не совместима с самодержавно-крепостническим строем.

Особого внимания заслуживают высказывания профессора Нежинского лицея и Киевского университета Н. Х. Бунге, впоследствии министра финансов. В своей работе «Речь о кредите» Бунге подчеркивал большое значение кредита «в настоящее время», когда «с каждым днем ощущается более и более связь между просвещением и благосостоянием материальным»¹.

Характеризуя роль кредита с позиций вульгарной политической экономии, Бунге останавливался особенно подробно (в этом, пожалуй, заключалась некоторая оригинальность его «теории») на труде, как на «совершеннейшей гарантии кредита, ручательстве в наилучшем употреблении обращающегося капитала». Но здесь же автор подчеркивал, что труд может играть такую роль не всегда; это зависит «от способности лица, от места, занимаемого им в ряду хозяйственных отношений, и проч.»². В этих рассуждениях в туманной форме выступало неприятие крепостничества. В дальнейшем изложении Бунге в филистерском тоне говорит о благах, которые может принести кредит.

Кредит, писал Бунге, «помогая деятельности и сбережению состояния рабочих классов, дает им большую хозяйственную самостоятельность... Благосостояние не должно быть основано ни на произвольном распределении имущества, ни на произвольном распределении доходов, ни на вымышленной хозяйственной организации»³. Совершенно ясно, что идеал, выдвигаемый Бунге, никак нельзя было совместить с крепостными порядками.

В книге Бунге также не упоминается о русской кредитной практике, а почти безоткрытой критикой ее звучало требование допущения частных лиц к организации кредитной системы⁴.

Значительно меньший интерес представляет другая книга Н. Бунге — «Теория кредита», опубликованная через три года после первой. Эта книга, как отмечалось в научной литературе, была написана под непосредственным влиянием французского вульгарного экономиста Коклена⁵. Чрезвычайно интересно, что в ней Бунге сче-

¹ А. Яковлев, *Очерки народного кредита в Западной Европе и в России*, СПб., 1869, стр. 242.

² «Сборник материалов и сведений по ведомству министерства финансов», вып. III, СПб., 1861, стр. 123.

³ Свод узаконений и уставов кредитных, т. I, СПб., 1873, стр. 106.

⁴ А. Бутовский, *Указ. соч.*, т. II, стр. 223.

⁵ И. Горлов, *Теория финансов*, Казань, 1841.

¹ Н. Бунге, *Речь о кредите*, Киев, 1849.

² Там же, стр. 20.

³ Там же, стр. 147—148.

⁴ Там же, стр. 165.

⁵ И. Блюмин, *Очерки экономической мысли в России*, М., 1940, стр. 80. Имеется в виду книга Ch. Coquelin, *Du credit et des banques*, Paris, 1848.

необходимым отречься от своей «Речи», как «незрелого» произведения. В «Теории» приведенные выше рассуждения о труде, о «рабочих классах» выпадали. Однако и в этом произведении Бунге полностью игнорирует существующую русскую кредитную систему, даже в разделе, где говорится о поземельном кредите¹. Это умалчивание можно рассматривать как своеобразное осуждение тогдашней русской банковской системы.

Растущий интерес к кредитным проблемам вызвал к жизни еще некоторое число работ на кредитные темы². Но и они по известным нам причинам рассматривали эти вопросы в чисто теоретическом плане. Научная ценность этих работ ничтожна³.

Иную оценку следует дать появившейся в 1856 г. работе Д. П. Журавского «О кредитных сделках в Киевской губернии». Это исследование, как и все работы Д. Журавского, было выдающимся явлением в русской экономической литературе⁴.

В отличие от охарактеризованных выше работ, рассматривавших кредитные проблемы в абстрактно-теоретическом плане и наполненных восхвалением кредита в духе вулгарной политической экономии, Журавский подошел к вопросу с принципиально иных позиций. Он впервые в русской научной литературе попытался проанализировать кредитные операции с точки зрения участия в них представителей различных общественных классов.

В своем исследовании Журавский подверг анализу кредитные сделки, официально засвидетельствованные в 1848 г. в Киеве. Его интересовал вопрос о «кредитном балансе» различных групп насе-

¹ Н. Бунге, Теория кредита, Киев, 1852, стр. 83 и след.

² И. Банников, О кредите как нравственном основании гражданского общества, и в особенности о кредите купеческом, «Речи, говоренные воспитанниками Московского коммерческого училища», М., 1842; П. Дегай, Ипотечные системы и их влияние на финансы и вообще государственное благосостояние, СПб., 1849; И. А. Банки, их польза и действия, «Отечественные записки», 1849, т. XIII, отд. II. Несколько другой характер имела работа В. Соснова «О банках и кредитных учреждениях вообще» («Речи, говоренные воспитанниками Московского коммерческого училища», М., 1846), содержащая довольно обстоятельный очерк истории русских банков, составленный на основе законодательных материалов.

³ В. Лесин (Указ соч., стр. 77 и след.) приписывает оклеивание интереса к кредитным вопросам, обнаружившемуся в русской экономической литературе в конце 50-х годов, влияние идей Прудона. Конечно, было бы неверным отрицать знакомство представителей передовой русской мысли с планами французских социалистов-утопистов. Однако совершенно ясно, что возросший интерес к кредитной проблематике объясняется в первую очередь объективными условиями социально-экономического развития России того времени.

⁴ Д. Журавский, Материалы для статистики частных имуществ и кредитных сделок в Киевской губернии, Киев, 1856. Подробный анализ этой работы с точки зрения статистической теории см. М. Птуха, Д. П. Журавский. Жизнь, труды, статистическая деятельность, М., 1951, стр. 62—66. См. также Г. Подпарно, В. Русский статистик-экономист Д. Журавский, «Ученые записки МГУ», вып. 130, 1949, стр. 127—128.

ления. Журавский выяснил немало любопытного. Он установил, например, что если помещики получали ссуд на 194 тыс. руб. больше, чем ссудили, то купцы, наоборот, ссудили на 190 тыс. руб. больше, чем взяли ссуд, и т. п.

Исследуя вопрос о происхождении вкладов, оседавших в Киевском приказе, Журавский установил, что на первом месте по размерам вкладов стоят чиновники и офицеры. Нет сомнения, что для Журавского были ясны источники обогащения тогдашних чиновников, наживавшихся на взятках, ограблении народа. В цензурных условиях того времени Журавский не мог писать об этом открыто. Почти не скрывая иронии, он писал: «если допустить, что в образе жизни этих классов соблюдаются строгая экономия и отсутствие роскоши, то можно бы, кажется, объяснить существование излишних капиталов у чиновников и офицеров, не доискиваясь других источников»⁵.

Конечно, сами по себе конкретные данные и цифры, приведенные Журавским, недостаточно точны, поскольку большая часть кредитных операций не свидетельствовалась официальным порядком. Но значение труда Журавского состоит в том, что он сделал попытку с позиций демократа дать анализ социальных функций кредита в условиях русского общества того времени. Вот почему Н. Чернышевский чрезвычайно высоко оценил этот труд. Он писал: «Статья покойного Журавского имеет, как все исследования этого замечательного ученого, большое научное достоинство». Чернышевский считал, что «способ исполнения этой работы Журавского действительно должен явиться образцом для последующих трудов по этой части»⁶.

К сожалению, работ такого рода в русской экономической литературе того времени мы больше не встречаем.

⁵ Д. Журавский, О кредитных сделках в Киевской губернии, стр. 20.

⁶ Н. Чернышевский, Соч., т. IV, М., 1948, стр. 612—613.

Глава XIV

ЗАРОЖДЕНИЕ НИЗОВОГО ЗВЕНА КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

1. СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЕ КАССЫ И «МИРСКИЕ КАПИТАЛЫ»

Во второй четверти XIX в. началось формирование низшего звена кредитной системы в виде сберегательных касс и «мирских капиталов». Их возникновение свидетельствовало о развитии товарно-денежных отношений, все сильнее подтачивавших натурально-хозяйственную основу крепостнического строя. В то же время крепостнические отношения предопределяли мизерный характер операций касс и придавали их деятельности специфические сословные черты. На их деятельность сказались и основные принципы кредитной политики, отражавшие самые глубокие общественные противоречия того времени.

Основной задачей сберегательных касс было улавливание мелких сбережений для использования их в интересах царского правительства. Специфическая роль сберегательных касс и «капиталов» состояла в том, чтобы способствовать созданию зажиточных групп населения среди городских и сельских обывателей и этим увеличивать удельный вес «законопослушных элементов». Вместе с тем, как указывал Маркс, «цель, — по крайней мере, точный экономический смысл сберегательных касс, — должна... заключаться в том, чтобы рабочие, благодаря своей собственной предусмотрительности и благоразумию, вырывали себе благоприятное для труда время с неблагоприятным, т. е. таким образом распределяли свою заработную плату в том цикле, который совершает промышленное движение, чтобы в действительности их расходы никогда не превышали минимума заработной платы, расходов на самое необходимое для жизни»¹. Конечно, это указание Маркса только в известной мере может быть отнесено к тогдашней России, в которой еще не утвердились капиталистические отношения.

Мизерность операций сберегательных касс и «капиталов» не давала возможность низшим звеньям кредитной системы даже в ничтожной мере выполнять возложенные на них задачи.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. т. 5, изд. 2-е, стр. 589.

Впервые сеть сберегательных и вспомогательных касс (а наряду с ними и «мирские капиталы») стала создаваться после издания закона от 10 июля 1839 г. в селах, населенных государственными крестьянами.

Указанный закон являлся звеном в цепи тех мероприятий, которые известны под названием реформы Киселева. Преследующая в конечном счете задачу подготовки постепенной ликвидации крепостного права при сохранении экономических и политических привилегий дворянства, реформа Киселева содействовала разложению крепостнической системы и, в частности, разложению крестьянства.

Сельские сберегательные кассы должны были в первую очередь обеспечить нормальную уплату податей и снять с государственной казны бремя продовольственной помощи в случае неурожая.

В 1837 г. из так называемых «крестьянских капиталов» удельным ведомством был выделен «капитал заемный», из которого выдавались ссуды от 10 до 500 руб. из 6% сроком до одного года. В качестве залога требовалось представление свидетельства «мирского общества» о «добром поведении» и двух поручителей на каждые 50 руб. ссуды¹.

Как писалось в официальном органе министерства государственных имуществ, учреждая сельские сберегательные кассы, министерство исходило из убеждения, что «развитию благосостояния сельских обывателей, как материального, так и нравственного, препятствуют затруднения в прискании денег для удовлетворения разных срочных платежей в казну или покупки необходимых потребностей по сельскому хозяйству, а равно неимение способов, в случае некоторого излишка у поселянина денег, сохранить их с выгодой на будущее время»².

Вспомогательные кассы выдавали ссуды размером до 60 руб. из 6%. Учреждаемые одновременно с вспомогательными кассами сберегательные кассы передавали вклады для «приращения процентов» в приказы или предоставляли их в распоряжение вспомогательных касс. Сберегательные кассы платили своим вкладчикам 4%.

В 1840 г. в виде опыта такие кассы были организованы в трех волостях Петербургской губернии, в распоряжении которых было предоставлялось из общественных сумм 15 тыс. руб.³ Как росла сеть этих касс, видно из следующих цифр (см. табл. на стр. 250)⁴.

По данным 1857 г., наибольшее число вспомогательных касс числилось в Черниговской губернии (164), на втором месте стояла Пермская губерния (67), на третьем — Вятская (42), в Астрахан-

¹ Журнал министерства государственных имуществ, 1858, ч. 66, стр. 230.

² Там же, стр. 235.

³ А. Заболоцкий-Десятовский, Указ. соч. т. II, стр. 99.

⁴ Журнал министерства государственных имуществ, 1858, ч. 66, стр. 241.

Годы	Вспомогательные кассы	Сберегательные кассы	Всего
1842	6	6	12
1846	408	101	509
1857	882	460	1 342

ской губернии имелась только одна вспомогательная касса. По числу же сберегательных касс первое место занимала Пермская губерния (64), второе — Харьковская (40), а последнее место — Самарская и Тверская губернии (по 1)¹.

К 1852 г. было создано 79 вспомогательных и 45 сберегательных касс в западных губерниях. В 1857 г. их число возросло соответственно до 252 и 201. Однако операции этих касс были еще более мелкого масштаба, чем в великорусских губерниях. Так, в 1857 г. капитал всех 252 вспомогательных касс составлял всего 145 тыс. руб.

Совсем ничтожных размеров в этих губерниях были операции сберегательных касс. В Витебской и Ковенской губерниях они вообще не были открыты «по неимению вкладов». В 1852 г. в 45 сберегательных касс Виленской, Волынской, Гродненской, Минской и Подольской губерний было внесено вкладов всего на 3 783 руб.

В те годы вспомогательные и сберегательные кассы были открыты также в болгарских колониях в Бессарабии, обороты которых составили примерно 40—50 тыс. руб., и в еврейских земледельческих колониях².

Одновременно в селах государственных крестьян создавались и так называемые «мирские капиталы». Эти «капиталы» складывались за счет доходов с «мирских оборочных статей», штрафов, выморочных капиталов, сумм, вырученных от продажи излишков общественного хлеба, пожертвований и т. д. Назначением «мирского капитала» были расходы на некоторые общественные нужды, а также уплата податей за несостоятельных крестьян.

«Мирской капитал» должен был храниться в кредитных учреждениях «для приращения процентов».

Сначала «мирские капиталы» были учреждены в Московской и Ярославской губерниях, а в 1843 г. этот опыт был распространен на Петербургскую, Черниговскую, Екатеринославскую и Гродненскую губернии. В 1847 г. было решено учредить «мирские капиталы» в остальных губерниях, за исключением прибалтийских, западных и сибирских³.

¹ Журнал министерства государственных имуществ», 1858, ч. 66, стр. 242—243.

² Там же, стр. 248—256.

³ ПСЗ 2, т. XVIII, № 17381.

Приведем данные о размерах «мирских капиталов»¹ (в тыс. руб.):

1844 г.	230	1852 г.	2 135
1847 г.	914	1854 г.	2 931
1850 г.	1 692	1857 г.	4 084

На 1857 г. из «мирских капиталов» было отчислено во вспомогательные кассы 1421 тыс. руб., отослано «для приращения процентов» в кредитные учреждения 1831 тыс. руб., выдано же суд крестьянам всего на 329 тыс. руб. Таким образом, в 1857 г. в среднем на ревизскую душу приходилось по 58 коп. «капитала». Бессарабская губерния по размеру «капитала» на душу стояла на первом месте (2 р. 54 к.), на втором была Херсонская (2 р. 14 к.), на третьем — Таврическая (1 р. 94 к.). На последних местах были Тамбовская (3 коп.), Смоленская (3¼ коп.) и Новгородская (8 коп.) губернии².

«Мирские капиталы» так же, как вспомогательные кассы, могли только в очень небольшой мере удовлетворять потребности в кредите зарождавшейся сельской буржуазии. Это было ясно и современникам. «Существуют мирские капиталы, — писал один из них, — из которых выдаются иногда ссуды, или вспомогательные и сберегательные кассы, созданные правительством. Правда, число их в селениях крестьян государственных и уделного ведомства довольно значительно, но начала, на которых они основаны, заключаю в себе прежний благотворительный характер... Это не банк, собирающий капиталы и обращающий их к производству, действующий только как посредник, а какие-то благотворительные учреждения, создаваемые по усмотрению начальства»³.

Имеются свидетельства, что «мирскими капиталами» иногда пользовались и помещики, хотя это было явным нарушением существовавших законоположений. Так, на страницах «Земледельческой газеты» в 1857 г. писалось: «нам часто приходится видеть, что главными должниками мирских касс есть помещики»⁴.

Как ни мизерны те суммы, которыми орудовали деревенские кассы и «капиталы», все же они свидетельствовали о росте денежных отношений на селе и разложении крепостного строя.

Оценивая деятельность органов крестьянского кредита и усиления накопления крестьянами денежных сумм, В. И. Ленин отмечал: «Увеличение же вкладов в сберегательные кассы указывает само по себе вовсе не на рост «народных» сбережений вообще, а лишь на рост (иногда даже только на стягивание в центральные учрежде-

¹ ПСЗ 2, т. XXII, № 21790.

² Журнал министерства государственных имуществ», 1858, ч. 69, стр. 19—22.

³ А. Яковлев, Указ. соч., стр. 247.

⁴ «Земледельческая газета», 1857, № 89.

ния) денежных «сбережений». В крестьянстве, напр., при переходе от натурального хозяйства к денежному, вполне возможно увеличение денежных сбережений при уменьшении всей суммы «народных» сбережений. Крестьянин старого закала держал свои сбережения в кубышке, когда это были сбережения денежные, а большей частью эти сбережения состояли из хлеба, кормов, холста, дров и т. п. предметов «в натуре». Теперь у разоренного и разоряемого крестьянина нет ни натуральных, ни денежных сбережений, а у ничтожного меньшинства богатейших крестьян скапливаются денежные сбережения и начинают попадать в государственные сберегательные кассы¹.

Денежные сбережения «ничтожного меньшинства богатейших крестьян» только в самой незначительной части откладывались в сберегательных кассах, в большинстве своем они пускались в оборот, использовались для всякого рода предпринимательства и торговой деятельности, а главное — для роскошных операций.

Первые городские сберегательные кассы были организованы в 1842 г. в Петербурге и Москве при сохранении казнах². Городским сберегательным кассам разрешалось брать вклады размером от 50 коп. до 10 руб. с тем, чтобы общая сумма вкладов на одно лицо не превышала 300 руб. Ограничение размеров вкладов объяснялось, очевидно, боязнью создать в лице сберкас конкурента Коммерческому банку и приказам. Может быть, в этом сказывалось также опасение, что не удастся найти достаточно выгодного приложения накопленным вкладам.

В 1841 г. максимальная сумма единовременного взноса была увеличена до 25 руб., а общая сумма вклада — до 700 руб.³. В 1853 г. Петербургской сберегательной кассе разрешили брать единовременно взносы в размере до 50 руб. (при максимальном вкладе в 750 руб.)⁴. Сберегательные кассы были открыты два раза в неделю. Но если Петербургскую сберкассу еще в 1844 г. перевели на трехдневную работу, то в отношении Московской кассы на это нашлись возражения у самого царя.

¹ В. И. Ленин, *Соч.*, т. 6, стр. 71.

² Отметим, что еще в 1772 г. в Петербурге и Москве при Воспитательном доме были созданы судные казны (ломбарды). Они могли давать ссуды только под залог драгоценностей (а до 1840 г. и под залог платя). Законы, отраслевые и рабочие суды, запрещали выдавать ссуды «нищенским», который в 1820 г. доходил до 12% только с 1830 г. ссуды стали выдаваться на «указного процента». Операция ссудных касс достигла немалых размеров. Как суд на 7 млн. руб., а Московская — 3 млн. руб. (А. Яковлев, *Указ. соч.*, стр. 230).

³ ПСЗ 2, т. XIX, № 18467.

⁴ Там же, т. XXVIII, № 27097.

Операции Петербургской и Московской сберегательных касс постепенно росли, хотя в целом они не достигли сколько-нибудь значительных размеров. Это видно из следующей таблицы¹:

Годы	Остаток вкладов (в тыс. руб.)	Число книжек
1842	44	4 505
1844	215	5 865
1847	923	18 063
1850	1 500	36 033
1859	3 637	нет сведений

В 1846 г. было принято решение о создании сберегательных касс при губернских приказах, но начали они свою деятельность лишь в 1849 г. Министерство запросило местные власти о целесообразности этого мероприятия. Только шесть губерний высказались против: Курляндская, Лифляндская и Эстляндская под тем предлогом, что там уже существовали подобные учреждения, «приспособленные к местным обычаям», а в Архангельской, Енисейской и Тобольской губерниях не ожидали поступления вкладов².

Как ни незначительны были тогда денежные сбережения у городской и сельской мелкой буржуазии, все же только полной бездействием администрации можно объяснить тот факт, что в Симбирскую кассу за первый год ее существования было внесено 186 руб., в Пермскую — 100 руб., а в Витебскую вообще ничего не поступило. Но даже те сберегательные кассы, которые были на первом месте по размерам вкладов, удивляли чрезвычайной незначительностью масштабов операций.

Оборот сберегательных касс при губернских приказах может быть охарактеризован следующими цифрами³:

Годы	Внесено (в тыс. руб.)	Остаток вкладов (в тыс. руб.)	Количество книжек
1849	140	—	3 367
1852	490	—	11 786
1859	784	1 187	13 535

Данные о социальном и социальном составе вкладчиков показывают, что в Петербургской сберкассе в 1849 г. на первом месте по сумме вкладов стояли ремесленники (101 тыс. руб.), на втором — крестьяне, занимавшиеся той или иной «городской профессией»

¹ А. Яковлев, *Указ. соч.*, стр. 239.

² Журнал министерства внутренних дел, 1853, ч. 1, современная летопись, стр. 42.

³ А. Яковлев, *Указ. соч.*, стр. 239.

(92 тыс. руб.), мещане (76 тыс. руб.), чиновники (69 тыс. руб.), нижние чины (39 тыс. руб.) и т. д.¹

Приведем данные по провинциальным кассам на 1852 г.²:

Группа вкладчиков	Число вкладов	Сумма вкладов (в тыс. руб.)
Чиновники	5 084	231,4
Купцы	117	4,7
Мещане	681	22,6
Ремесленники	150	1,7
Военнослужащие	1 527	37,2
Иностранцы	100	9,2
Духовенство и разно- чипцы	3 404	161,2
Воспитанники	66	2,4
	11 129	490,4

Из этих цифр видно, что средний размер вкладов по группам вкладчиков сильно различался. Так, средний размер вклада иностранцев составлял 92 руб., духовенства — 47 руб., крестьян — 30 руб., а ремесленников — 11 руб. Эти данные подтверждают мысли Ленина, выраженные им в 1902 г. в статье «Из экономической жизни России». В ней Ленин показал, что большая часть вкладов в сберегательных кассах принадлежит небольшой части вкладчиков, что «обездоление массы населения» сказывается с громадной силой даже на таком учреждении, которое специально приспособлено для «меньшого брата», для малоимущего населения...³ «Обездоление масс» сказывалось и в том, что только ничтожная часть населения являлась вкладчиками касс, а также в грошовых суммах, которые вкладывались.

2. К ВОПРОСУ О РОЛИ РОСТОВЩИЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ДОРФОРМЕННОЙ ДЕРЕВНЕ

В. И. Ленин указывал, что даже в условиях русской пореформенной деревни, характеризовавшейся наличием сильнейших пережитков крепостничества, исключавших возможность широкого развития товарного обращения, не было условий для деятельности кредитных учреждений капиталистического типа.

«Остатки средневековых учреждений, тяготеющие над нашей деревней (сословная замкнутость крестьянской общины, прикре-

ление крестьян к наделу, круговая порука, сословная неравномерность податей), создают громадные препятствия для помещиных мелких капиталов в производстве, для обращения их на сельское хозяйство и промышленность. Естественным результатом этого является непомерная распространенность низших и худших форм капитала, торгового и ростовщического. Немногочисленные зажиточные крестьяне, находясь среди массы «малоимущих» крестьян, ведущих полуголодное существование на их ничтожных наделах, неизбежно превращаются в эксплуататоров худшего вида, забавляющих бедноту раздачей денег в долг, зимней наемкой и пр. и пр.»¹

В десятилетия, непосредственно предшествовавшие «крестьянской» реформе, когда развитие товарного производства происходило в условиях крепостнических порядков, для деятельности ростовщичества открывалось особенно широкое поле.

Анализ ленинских положений показывает, что для выяснения роли ростовщичества в формировании капиталистических отношений в русском селе изучаемого нами периода необходимо установить, не ограничивалась ли в ней роль капитала кабально-ростовщической деятельностью; вкладывали ли зажиточные крестьяне свои деньги в покупку или аренду земли, в улучшение инвентаря, в наем рабочих; наконец, представляло ли крестьянство достаточно дифференцированную в социальном отношении среду.

В обстановке разложения крепостного строя крестьянство не представляло собой массы, однородной по своей имущественной обеспеченности. Один из современников, описывая на страницах «Земельческого журнала» (1822 г.) положение оброчных крестьян, отмечал: «между тем редко видим уравнительное и общее благосостояние. Во всяком селе есть богат; он, как огромный дуб, подавляет мелкие деревья, вокруг него растущие. Отметает общую всем пищу и один токмо в тучности своей цветет. Он властелин в уголке своем. Все ему покорны, жители все даяники его, самовластвует он на мирской сходке и участь бедняка совершенно от него зависит».

Денежные суммы, находившиеся в распоряжении деревенских богатеев, достигали по тому времени немалых размеров. Это подтверждает следующий пример. Когда один из помещиков Вятской губернии задумал прикупить землю, он поручил приказчику одолжить у крестьян необходимые деньги, всего 20 тыс. руб.²

О развитии ростовщических операций в деревне имеется немало сведений. В качестве ростовщиков выступали как помещики, так и богатые крестьяне, мелкие торговцы. Кабальный характер этих кредитных операций виден из таких фактов. Богатые крестьяне за ссуду

¹ Е. Ламанский, Статистический обзор операций государственных кредитных учреждений, стр. 137.

² Журнал министерства внутренних дел, 1853, ч. I, стр. 94—95.

³ См. В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 73—74.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 53—54; см. также т. 2, стр. 293.

² В. Капанин, Крепостные крестьяне-землеладельцы накануне реформы. Л., 1934, стр. 64.

в размере 7 руб. требовали отработать в течение 8—9 месяцев по одному дню в неделю (в переводе на деньги, считая за рабочий день 40 коп., составят 14 руб.). За ссуду посевным зерном требовалось до 50% урожая, т. е. за четверть ржи — 3,5 четверти, за четверть ячменя — 3 четверти и т. д. Таким образом, натуральные ссуды давались из 300 и более процентов.

По другим данным, за ссуду хлебом обязывались возратить на $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{6}$ больше полученного. Отработка за ссуду определялась в размере один день работы при сборе урожая за каждую одолженную четверть зерна.

Денежные ссуды давались минимум из 20%. Торговые крестьяне, предоставляя ссуду, требовали, чтобы их должники никому другому не продавали товарной продукции своего хозяйства (например, конопля, лен и т. п.), никому другому не подражали взимать лес и т. д. Таким образом, здесь наблюдались типичные для того времени формы подчинения мелкого производителя торговому и ростовщическому капиталу¹.

Анализируя процесс развития капитализма в русской деревне, В. И. Ленин указывал, что удельный вес торгового и ростовщического капитала находится в обратном пропорциональном отношении к уровню развития капитализма; что ростовщичество является фактором, задерживающим развитие капитализма на селе. «... Чем больше, — писал Ленин, — будут развиваться европейски правильные формы кредита, вытесняя деревенского ростовщика, — тем дальше и глубже должно пойти разложение крестьянства. Крестьян-зачетных крестьян, вытесняемый из мелкой торговли и ростовщичества, обратиться в более широких размерах на производство...»².

Роль сельских «капиталов», вспомогательных и сберегательных касс была очень незначительной, их ресурсы были так ничтожны, а сфера деятельности так ограничена, что они только в самой ничтожной мере могли потеснить деревенского ростовщика. Все же было бы ошибкой делать вывод о том, что в дореформенном селе кредит совершенно не использовался на производственные цели. Но такое использование кредита могло существовать только как слабо выраженная тенденция, к тому же искаженная и маскируемая крепостническими порядками.

Приведем некоторые характерные в этом отношении факты. Как указывалось, деревенские ростовщики иногда давали ссуды, в частности под отработку. В этих случаях можно говорить о «производственном» использовании кредита, но в специфически кабальной форме.

Конечно, до ликвидации крепостного права нельзя было рассматривать покупку крестьянами земли как распространенное явление.

¹ И. Бровар, Украина на переходе от помещичьего капитализма, т. II, Харьков, 1933, стр. 27 и след., 103 и след.

² В. И. Ленин, Соч., т. 3, стр. 152—153.

Но в нашей историко-экономической литературе уже давно отмечено такое парадоксальное явление, как землевание крепостных крестьян. Отдельные крестьяне, обходя тем или иным способом закон, приобретали в собственность земли, населенные крепостными. Иногда такие покупки производились при содействии ростовщиков.

Например, в Псковской губернии в 1821 г. десять крестьян в складчину купили 505 десятин земли. Покупка была произведена частью на свои, частью на занятые средства. Выплачивали они долг вплоть до 1861 г., когда один из покупателей отдал в погашение задолженности свою последнюю корову. Группа крестьян Тверской губернии, купившая землю за несколько десятилетий до 1861 г., к моменту реформы еще не полностью выплачивала долг. При таких условиях купленная земля оказывалась часто в залоге у односельчан-богачев.

Так, в рязанском поместье Новосильцева земля одного крестьянина в течение многих десятков лет находилась в залоге у кредитора. Земля новгородского крестьянина Гурова, купленная в кредит, в течение многих лет была в руках ростовщика и его наследников¹.

Какие кабальные формы приобретали кредитные операции крестьян «землеладельцев», ярко показывает такой факт. Крестьянин Боховской волости Орловской губернии Филатов занял в 1816 г. у крестьянина Иванова 180 руб. под залог земли, дававшей ежегодно доход в 26 руб. Таким образом, за двадцать лет Филатов выплатил 520 руб., но кредитор отказывался возратить землю, требуя единовременной уплаты долга².

Приведенные случаи использования кредита для покупки земли способствовали расслоению крестьянства. Вместе с тем они показывают, как искажался и тормозился этот процесс крепостническими порядками и тем, что Ленин называл «самостоятельным развитием торгового и ростовщического капитала в нашей деревне». Все это препятствовало развитию капитализма на селе, не позволяло «европейски правильным формам кредита» в виде сельских «капиталов», сберегательных и вспомогательных касс сыграть сколько-нибудь серьезную роль в этом деле.

¹ В. Капшин, Указ, соч., стр. 73.

² Там же, стр. 75.

Глава XV

КРЕДИТНО-БАНКОВСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ГОДЫ
РЕВОЛЮЦИОННОЙ СИТУАЦИИ

1. А. И. ГЕРЦЕН И Н. П. ОГАРЕВ О КРЕДИТЕ И БАНКАХ

В годы революционной ситуации, в момент обсуждения проектов «крестьянской» реформы, кредитно-банковские вопросы опять получили прежнюю остроту. Поскольку большинство крепостных крестьян было заложено в кредитных учреждениях, естественно, что любой вариант ликвидации крепостного права неизбежно включал и проблему дворянской задолженности.

Кредитно-банковские вопросы не могли не заинтересовать революционеров-демократов А. Герцена, Н. Огарева, Н. Чернышевского. Самоотверженные борцы с самодержавием, последовательные и непримиримые противники крепостничества, они подходили к этому вопросу с позиции угнетенного крестьянства.

Герцен специально этой проблемой не занимался, но в своих выступлениях по крестьянскому делу он много раз останавливался на вопросе о выкупе. Настаивая на освобождении крестьян с землей, Герцен полагал возможным согласиться на выкуп. Но при этом он подчеркивал, что выкуп отнюдь не означает признания помещичьей собственности на крестьянские наделы. Для Герцена согласие на выкуп диктовалось только тактическими соображениями, было попыткой путем денежной подачи дворянству приобрести землю для крестьян и их личную свободу.

Ближайший сподвижник и боевой соратник Герцена — Н. Огарев специально интересовался финансово-экономическими вопросами¹ и уделял особое внимание кредитно-финансовому аспекту крестьянской реформы.

В одной из своих статей, написанных за несколько лет до реформы, Огарев доказывал, что рост дворянской задолженности

неправильно объяснять только мотовством дворянства, а это есть яркий показатель экономического кризиса крепостной системы.

В 1856 г. Огарев писал: «да взгляните вы на отчеты опекунских советов и приказов: ведь со времени их учреждения почти ни одно дворянское имение не выкуплено и почти все по несколько раз перезаложено! Разве вам не очевидно будет необходимость реформы, т. е. освобождения крепостного сословия?»

Я не думаю, что разорение дворянских имений происходило от мотовства помещиков, как предполагают многие. Странно заподозрить гуртом целое сословие в мотовстве! Ложное положение отношений помещиков и крестьян более вероятная, коренная причина упадка дворянских имений. А упадок страшный!»¹.

Отвечая обвинение помещиков в мотовстве, Огарев стремился со всей силой подчеркнуть историческую обреченность, полную экономическую бесперспективность крепостнического хозяйства. Сведение же вопроса только к мотовству помещиков грозило переводом разговора в морально-психологическую плоскость.

В работах Огарева по крестьянскому вопросу, особенно в ранних, обнаруживаются некоторые либеральные колебания, вера в то, что крестьянская проблема может быть решена мирным путем. Огарев тогда полагал, что для достижения этой цели можно пойти и на известные уступки, в частности на высокий выкуп. Предпочтительность такого решения он готов был мотивировать экономическими аргументами: «при борьбе двух сословий выкуп за землю обойдется крестьянам дешевле, чем бунтовать»². Однако так же, как Герцен, Огарев соглашался на выкуп только из тактических, а не из принципиальных соображений³.

Рассматривая земледельческий строй как основу самобытности России, веря в общину как чудотворное средство, которое создаст возможность перехода к социализму, минуя мучительную стадию капитализма, Огарев пришел к мысли, что земля якобы лучшая и наиболее прочная основа кредита. Больше того, Огарев был

¹ Н. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. 1, М., 1932, стр. 110.

² «Колокол», 1860, № 10. Эта же мысль высказана Огаревым в статье «За пять лет» (Политические и социальные статьи Искандера и Н. Огарева, ч. II, стр. 172).

³ «Колокол», 1859, № 38. Что Огарев принимал выкуп только из тактических соображений подтверждается тем, что у него уже были разработаны планы революционной ликвидации крепостничества. Так, в составленном им в 1859—1860 гг. проекте «всеобщего нового устройства России», в первом же пункте говорилось об «отдаче крестьянам земли... положив помещикам денежное вознаграждение из общих государственных доходов, без всякого особого внимания к крестьян чего-либо сверх обычной подачи, платимой ими на пользу общину» (М. Нечкина, Огарев в годы революционной ситуации, «Известия АН СССР. Серия истории и философия», 1947, № 2, стр. 107).

¹ См., например, рукописные заметки Н. Огарева о бюджете России 1848—1855 гг. («Опись документальных материалов личного фонда», Центральный государственный литературный архив, М., 1950, стр. 8).

убежден, что поземельный кредит «является обеспечением ценности бумажных денег гораздо более действительным, чем металлический фонд». Исходя из этого, Огарев утверждал, что русская дореформенная кредитная система построена на самых рациональных основаниях¹.

Взгляда на землю как на самое прочное обеспечение кредита позволил Огареву сделать утопический вывод о том, что можно найти форму выкупа, в равной мере выгодную для помещиков, крестьян и правительства. В 1858 г. Огарев разработал соответствующий проект, который опубликовал на страницах «Колокола»². В этом проекте обнаруживаются не только утопизм Огарева, но и наибольшие его колебания к либерализму. Однако и здесь в конечном счете демократические взгляды взяли верх.

Страстно отстаивая необходимость освобождения крепостных людей с землей, Огарев заявлял, что «освободить крестьян с землей так, чтобы интерес помещика не страдал, можно только посредством выкупа. Где же правительство возьмет капитал для такого огромного дела, скажут мне? Нигде, потому что для этого никакого капитала не нужно. Этот капитал — сама почва; пустить ее в оборот можно только посредством общественного кредита».

Для Огарева не было сомнения в том, что помещики охотно согласятся на выкуп. При этом он считал, что крестьяне должны выкупать только ту землю, которая фактически была в их пользовании, что, по его ошибочному мнению, составляло не более одной трети всей помещичьей земли, а в общей сложности не более 33 млн. десятины. Вся операция выкупа должна была, по предложению Огарева, производиться Опекунским советом (сохранными казнами), т. е. через привычный для дворянства орган кредитования.

Если раньше Опекунский совет выдавал помещикам под залог имений ссуду в среднем по 70 руб. за душу, причем вся земля имения поступала в залог, то теперь Огарев предлагал, чтобы сохраненные казны выдавала помещикам те же 70 руб. особыми векселями, но только под залог земли, которая была в пользовании крестьян. Векселя Сохранной казны, т. е. свой выкуп, крестьяне должны были погасить по правилам 37-летнего займа. Таким образом, заключал Огарев, «в течение 37 лет на этом основании крестьяне выплачивают ему (т. е. Опекунскому совету) капитал, и он в течение 37 лет выкупит свои векселя, проценты (5% в год) останутся в его пользу».

Всего, по расчетам Огарева, Опекунский совет выдст за счет крестьян помещикам векселей на сумму 770 млн. руб.

По мнению Огарева, выкуп должен был привести к полной ликвидации помещичьей задолженности, так как если поместье было

заложено, то векселя будут выдаваться только на сумму, которую можно было бы получить при переизлоге.

Удивительно, что свой утопический проект Огарев считал не только удобоисполнимым, но и выгодным для всех участников. Для крестьян якобы не создается никаких трудностей при уплате выкупных платежей, которые будут ниже, чем самый низкий оброк. Не менее аккуратными плательщиками должны оказаться и помещики, так как земля будет все время дорожать³.

Через два года Огарев так же, как и Герцен, почти полностью изживает свои иллюзии насчет способности царизма произвести «освобождение» в пользу крестьян. Для Огарева становится очевидной политическая и практическая неосуществимость плана превращения старых органов дворянского кредита в основное орудие решения крестьянского вопроса. Тогда Огарев выдвигает другой план освобождения крестьян при посредстве основанного по общественной инициативе и совершенно независимого от правительства специального выкупного банка. По этому плану, еще более утопичному, образованные помещики должны сами договориться с крестьянами о выкупе земли и открыть подписку для организации выкупного банка. За этим меньшинством дворян, по мнению Огарева, должны были пойти и остальные. Если же правительство не признает такой выкупной банк, то, говорит Огарев, «никто не может мешать вашим векселям за поручительством служить законным документом и пользоваться кредитом по мере того доверия, которое вы вызываете своей круговой порукой, вашим умением, вашей деятельностью и личным благородством»⁴.

В создании общественных кредитных органов, которые должны способствовать ликвидации крепостничества, Огарев видел зародки государственного строя обновленной России. Общественные банки, в мечтах Огарева, становились основой новой русской демократической государственности.

Общественные общественные банки, писал Огарев, действующие «за круговой порукой всех сословий», вызовут «следственно и стремление к областным совещаниям всех сословий... А по дороге достиг-

¹ В 1858 г. на страницах «Голосов из России», издаваемых Герценом и Огаревым, был опубликован проект крестьянского выкупа с одновременной ликвидацией дворянской задолженности при участии сохраненных казен. Автор проекта считал, что на эту операцию потребуются 1,5 млрд. руб., которые будут покрыты путем уплаты в течение 55 лет 15-рублевого оброка с тугла («Голоса из России», вып. V, Лондон, 1858). Автором этого анонимного проекта, очень близкого по своей аргументации и выводам к проекту Огарева, был В. А. Панев (См. «Герцен в воспоминаниях современников», М., 1956, стр. 242).

² «Колокол», 1860, № 77. Подобное об этом плане см. Б. Козьмин, Из публицистического наследия Н. Огарева («Литературное наследство», т. 39—40, М., 1941, стр. 297—298).

³ А. Друян, Указ. соч., стр. 52; В. Мартыновская, Н. Огарев о кредите, «Финансы и кредит СССР», 1953, № 1, стр. 83—90.

⁴ «Колокол», 1858, № 14.

неться цель областного выборного самоуправления, связанного в одно федеративное государство¹.

Когда выяснилась нереальность плана создания таких банков, Огарев все же не отказался от проектов использования кредита как одного из факторов социалистического (в понимании социалиста-утописта) преобразования. В 1861 г., уже после объявления манифеста 19 февраля, Огарев выдвинул план создания особой сети поземельных банков, которые должны были, по его мнению, сыграть величайшую роль в укреплении крестьянских общин, стать сильнейшим орудием преобразования общественного строя. Банки должны были «способствовать развитию земледелия и потому снабжать общины, с оплатой от них за пользование, полевыми машинами и орудиями», в результате чего, «естественно из общинного земледелия разовьется и общинный труд и в тех местностях, где земледелие только личное»².

Нетрудно убедиться, что между кредитно-банковскими планами Огарева и проектом создания народного банка Прудона была глубокая принципиальная разница. Если кредитная теория Прудона, выдвинутая им в условиях уже развитого в Европе капитализма, имела реформистскую антиреволюционную сущность, то в России, только выходящей из крепостничества, проект Огарева представлял по существу прогрессивную программу развития капиталистических отношений³. Вместе с тем утопические проекты Прудона в области кредита играли в системе взглядов Огарева подчиненную роль по отношению к идее крестьянской борьбы на землю и признанной им уже в конце жизни идее народной революции.

Обнародованный в годы подготовки реформы, план «комиссии для устройства земских банков»⁴ так же, как «предварительные соображения редакционной комиссии», вызвал резкий критический разбор Огарева. Он правильно указывал, что этот проект ставил перед собою только одну задачу: изыскание средств, необходимых помещикам в условиях применения вольнонаемного труда. Вместе с тем проект игнорировал вопрос о том, «как применить поземельный кредит к освобожденным крестьян». И в этом Огарев видел коренной порок проекта, характеризующий его антикрестьянскую направленность⁵.

Герцен и Огарев недолго оставались на позициях признания допустимости выкупа. После того как реформа 1861 г. была прове-

¹ Н. Огарев, За пять лет, стр. 156.

² «Колокола», 1861, № 89.

³ В. Мартыновская, Экономические воззрения Н. Огарева, «Вопросы экономики», 1952, № 9, стр. 92. Она же, Огарев о кредите, «Финансы и кредит СССР», 1953, № 1, стр. 86—88; Е. Филатова, Экономические взгляды Герцена и Огарева, М., 1953, стр. 227.

⁴ Было опубликовано отдельным изданием, а также как приложение к журналу «Экономист», 1860, № 1.

⁵ Н. Огарев, За пять лет, стр. 181—182.

дена и выяснилась ее крепостническая природа, Герцен и Огарев в крестьянском вопросе решительно и смело выдвинули требование полного раздела помещичьих земель, революционной (а не мирной) ликвидации помещичьего землевладения. Анализируя «Положение» 1861 г., Огарев писал на страницах «Колокола»: «старое крепостное право заменено новым», «народ царем обманут»¹.

2. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ И Н. А. СЕРНО-СОЛОВЬЕВИЧ О ВЫКУПЕ В СВЯЗИ С «КРЕСТЬЯНСКОЙ» РЕФОРМОЙ

В лице Николая Гавриловича Чернышевского русская революционно-демократическая мысль достигла самого высшего развития. Обсуждая в своих подцензурных статьях вопрос о размерах крестьянского выкупа, Чернышевский ни на минуту не считал выкуп «справедливым», но отдавал себе отчет в том, что при сложившемся соотношении классовых сил, пока крестьяне не будут организованы, не возмущаются «за топоры» и не свергнут революционным путем помещиков, выкуп неизбежен.

Во всех своих статьях Чернышевский страстно отстаивал интересы крестьянства, стремясь доказать необходимость максимально снизить размеры несправедливого, ничем, с его точки зрения, не оправдываемого выкупа. Он прямо говорил, что все его расчеты о размерах выкупа он вел «исключительно в интересах должника», т. е. крестьянина².

В статье «О необходимости держаться возможно умеренных цифр при определении величин выкупа», опубликованной еще в 1858 г. на страницах «Современника», Чернышевский разоблачал стремление помещиков включить в выкуп не только цену земли, но и возмещение за утрату прав на даровой труд крестьян. С особой энергией и последовательностью вел Чернышевский борьбу за максимальное снижение выкупа, по сути дела за дискредитацию самой идеи юридической и экономической обоснованности его.

Чернышевский подвергал критическому анализу преувеличенные расчеты размеров выкупа, выдвигавшиеся помещиками и представителями либеральной мысли. Но вместе с тем Чернышевский разоблачал и тех крепостников, которые пытались путем фантастических подсчетов показать нереальность выкупа и тем самым доказать невозможность отмены крепостного права.

Например, П. Киселев 9 июля 1857 г. в секретной записке Александру II писал, что так как наделение крестьян земель без компенсации помещиков невозможно, а последнее в финансовом отно-

¹ «Колокола», 1861, № 101.

² Н. Чернышевский, Избранные экономические произведения, т. I, М., 1948, стр. 632.

нудный либерально-бюрократическими деятелями план организации земских банков. Он указал, что образование земских банков, «не есть самостоятельная независимая мера, она неразрывно связана с нашей главной, коренной реформой — с крестьянским вопросом. Всякая другая точка зрения будет неправильна»¹.

С позиций угнетенного крестьянства в легальной форме Серно-Соловьевич вскрыв помещичье-классовый характер плана устройства земских банков, показал, что этот проект превратит кредит в привилегию «дворянства, купцов, землевладельцев и казаны», в то время как те, которые больше всего нуждаются в кредите — крестьяне государственных, удельные, помещичьи или срочно-обязанные будут лишены кредита.

Серно-Соловьевич высказал опасение, что создание земских банков окажет помещикам такую поддержку, что «исчезнет самая сильная побудительная для них причина — жажда выкупа крестьянских земель». А это сможет привести к «отдалению на неопределенное время правильного решения крестьянского вопроса, представляемого выкупом»².

В работах, написанных в 1861—1862 гг., Серно-Соловьевич весьма подробно останавливается на роли банков и кредита в преобразовании России. Он рмал эти вопросы в духе утопического социализма. Очевидно, разрабатывая эти проблемы, Серно-Соловьевич оказался под сильным влиянием Огарева.

3. «КРЕСТЬЯНСКАЯ» РЕФОРМА 1861 г. КАК СРЕДСТВО ПЕРЕЛОЖЕНИЯ ДВОРЯНСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ НА КРЕСТЬЯН

Всюду, где обсуждалась «крестьянская» реформа, возникал вопрос о способах проведения выкупа, об его размерах, о ликвидации дворянской задолженности и т. п. В Главном комитете, губернских и редакционных комиссиях, в Государственном совете разыгралась борьба различных групп помещиков (так называемых либералов и крепостников) о конкретных способах и формах проведения «освобождения». Но, как показал В. И. Ленин, «пресловутая борьба крепостников и либералов... была борьбой внутри господствующих классов, большей частью внутри помещиков, борьбой исключительно из-за меры и формы уступки»³.

Как для крепостников, так и для либералов не было сомнения в том, что покрытие задолженности дворянства должно быть в той

¹ Н. Серно-Соловьевич, Разбор трудов комиссии для устройства земских банков, «Современник», 1860, № 7, стр. 94. В Романенко в своей монографии «Мировоззрение Н. Серно-Соловьевича» (М., 1934) почти умолчал об этой замечательной работе.

² Там же, стр. 109.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 96.

или иной форме переложено на плечи «освобожденных» крестьян. В этом вопросе они нашли общий язык.

В эти годы Н. Тургенев обнаружил значительный крен в сторону либерализма. В статьях, опубликованных анонимно на страницах «Русского аграрного сборника», Тургенев решительно возражал против установления обязательного выкупа крестьянами наделов. Это он мотивировал интересами крестьян, так как считал, что выкуп ляжет на них непосильным бременем. А о безвыкупе отчуждении у помещиков крестьянских наделов Тургенев даже не помышлял.

Нерасходный казався Тургеневу и мыслал, что выкуп можно облегчить организацией особых сельскохозяйственных банков. Единственным возможным решением Н. Тургенев считал безвыкупное предоставление крестьянам одной трети помещичьей земли¹. Определив весьма точно банковскую задолженность дворян в 395 млн. руб., Тургенев полагал, что вместе с уменьшением на одну треть размеров дворянского землеведения соответственно должна быть уменьшена и их задолженность. Эти 132 млн. руб. долга, по его мысли, должно было взять на себя правительство. Тургенев считал также «справедливым», чтобы та половина помещиков, которая не имела долгов, была компенсирована в равной мере. Помимо этого, Тургенев считал необходимым выдать некоторое возмещение и мелкопоместным землеладельцам (примерно 125 млн. руб.). Всего, по его расчетам, для выкупа понадобится около 400 млн. руб. Эту сумму Тургенев рассчитывал получить путем займа².

Хотя Н. Тургенев был уверен, что его планы защищают крестьян от посягательства дворян, в действительности они почти полностью совпали с планами, которые выдвигались наиболее решительными и откровенными защитниками дворянских интересов. Впоследствии сам Н. Тургенев признал ошибочной свою точку зрения и высказался за расширение крестьянских наделов.

В специальной статье «Кредит и крепостное хозяйство» Н. Буиге подробно рассматривал различные методы проведения выкупной операции. Будущий министр финансов считал само собой разумеющимся, что покрытие банковских долгов помещиков будет произведено за счет крестьянских выкупных платежей. Приписывая банкам

¹ «Русский аграрный сборник», ч. II, тетрадь 1 («Пору»), Париж, 1858, стр. 28 и след.

² Там же, ч. III, тетрадь 1, Париж, 1859. В № 18 «Колокола» (1858 г.) была напечатана анонимная статья «Обращение на статью „Колокола“». В этой статье в ответ на выкупные планы Огарева, опубликованные в № 14 «Колокола» (разобранные нами выше), приводится план освобождения, полностью совпадающий с предложениями Тургенева, напечатанными в «Русском аграрном сборнике». Очевидно, и указанная статья из «Колокола» принадлежала Тургеневу. Огарев отгнул на эту статью в № 38 «Колокола». Продолжение этой полемики см. «Колокол» № 40—41.

большую роль в проведении выкупной операции, Бунге считал, что крестьянским выкупным платежам не следует придавать характер уплаты по банковскому долгу и отдавал преимущество форме податного платежа, как более надежному, по его мнению, средству выкупа из крестьян «долга»¹.

Виднейшие идеологи русского либерализма К. Кавелин (названный В. И. Лениным одним «из откровеннейших типов либерального хамства»²) и Б. Чичерин в своих статьях тоже настаивали на «справедливом» (с точки зрения помещика) выкупе. Они требовали, чтобы помещик был не только вознагражден за утрату надельной земли, которая будет закреплена за крестьянами, но и компенсирован за утрату права собственности на души³. Ясно, что в таком случае выкуп дал бы возможность полностью покрыть за счет крестьян банковские долги помещиков.

По существу на этой же позиции стоял идеолог славянофилов Ю. Самарин. В своей записке «О крепостном состоянии и о переходе из него к гражданской свободе» (1856) он учитывал как несомненное условие перехода к «гражданской свободе» выдачу помещикам выкупа (за счет крестьян) «с зачетом или без зачета банковского долга»⁴.

Несколько иначе подошел к этому вопросу В. А. Кокорев, представитель буржуазной экономической мысли. Выдвинул проект выплаты помещикам в виде компенсации 1 млрд. руб.⁵ Кокорев вместе с тем высказывался за организацию специального частного банка для выдачи крестьянам ссуд для выкупа надельной земли⁶.

Проекты Кокорева обеспечивали раньше всего интересы землевладельцев, ускорили окончательный выкуп земель и полную компенсацию помещиков.

Интересно отметить, что иностранные финансовые круги заинтересовались операцией по выкупу крепостных повинностей и крестьянских земель, увидев в этом возможный источник обогащения за

счет русского народа. В 1859 г. на страницах русского официоза «Le Nord» был опубликован проект иностранных банкиров Гомберга и Френкеля. Они предлагали организовать специальное кредитное учреждение, задачей которого было бы выколачивать из крестьян выкуп за «освобождение» путем размещения 6-процентных «общинных облигаций» на срок 50 лет. Авторы проекта рассчитали, что крестьяне внесут сумму, превышающую в два раза ту, которую кредитное учреждение выплатит помещикам в виде «справедливого» выкупа.

Неприкрыто грабительский характер проекта и, кроме того, желание русского дворянства отдавать слишком большой куш представителям иностранного банковского капитала привели к отказу от этого «хитроумного» плана¹.

Примерно на таких же «теоретических» основаниях был построен проект некоего Кисловского об организации кредитного учреждения, предназначенного для содействия выкупу крестьянских наделов и погашению дворянских долгов².

Все эти соображения о способах переложения на плечи крестьянства дворянской задолженности в конечном счете переводились на практический язык законодательных мероприятий в органах, подготовлявших крестьянскую реформу.

Так, нижегородское дворянство, занимавшее второе место в стране по проценту заложённых поместий, предложило переложить на крестьянские земли часть помещичьего долга кредитным учреждениям³. Некоторые губернские комитеты выдвинули планы создания особых банков, на которые должны были перевести дворянские долги. В официальном документе эти предложения были резюмированы следующим образом: «По именным, заложённым в кредитных установлениях, допускают различные способы расчета: или долг уплачивается кредитным учреждениям облигациями особого местного банка (твердое большинство), или облигации удерживаются на известную сумму при выпуске их (владимирское меньшинство), или же предоставляется помещику реализовать облигации и уплатить свой долг наличностью (владимирское меньшинство), или долг переводится на местный земский банк, проводящий операции выкупа (харьковский проект), или выданные облигации представляются должником для погашения лежащего на них долга из следующих по облигациям процентов (калужский проект выкупного банка), или долг переводится на свободное именование помещика, а сумма выкупа в облигациях выдается сполна (владимирское меньшинство),

¹ «Русский вестник», 1859, т. IX, ч. 4, стр. 369.

² В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 13.

³ К. Кавелин, Собр. соч., т. II, СПб., 1898, стр. 41 и след. Б. Чичерин, О настоящем и будущем положении помещичьих крестьян, «Атеней», ч. I, М., 1858, стр. 493 и след.

⁴ Ю. Самарин, Соч., т. III, СПб., 1878, стр. 17—136.

⁵ В. Кокорев, Миллиард в тумане, «С.-Петербургские ведомости», 1859, № 5—6. Эта статья вызвала полемические отклики. И. Вернадский в статье что «платить ведь будут все те же крестьяне», 1859, № 108) указывал, Н. Никифоров («Миллиард не в тумане», «Журнал земледельцев», 1859, т. V, № 19, отд. III). Он, конечно, без всяких оснований обвинял Кокорева в стремлении «разорить» помещиков. Подробнее об этой полемике см. Н. Цаголов, Указ. соч., стр. 378—379.

⁶ П. Понаевский, Запрещенный по высочайшему повелению банк в Москве 19 февраля 1858 г., «Полоса минувшего», 1914, № 2, стр. 209—211.

¹ П. Кованько, Реформа 19 февраля 1861 г. и ее последствия с финансовой точки зрения, Киев, 1914, стр. 67—68.

² Там же, стр. 69.

³ «Первое издание материалов редакционных комиссий для составления положения о крестьянах», СПб., 1859, ч. I, гл. V, стр. 113.

к 1872 г. за счет крестьянских выкупных платежей было погашено 272 млн. руб. дворянских долгов (85% суммы, переложенной на крестьян)¹, а к 1894 г. весь долг был полностью погашен. Однако крестьяне фактически продолжали платить в счет банковского долга, так как последний не обособлялся от выкупных платежей. Таким образом, выкупные платежи превратились в дополнительное налоговое обложение, утратившее непосредственную связь с выкупными свидетельствами и вообще какие-либо следы своего «кредитного» происхождения.

Итак, «крестьянская» реформа принесла дворянам еще одно благодеяние. Она оказалась чудесным средством, освободившим их от накапливавшейся в течение ста пяти лет (1754—1859 гг.) задолженности; она открыла перед «первенствующим сословием» возможность получать новые ссуды в новых кредитных учреждениях.

В. И. Ленин убедительно показал, что «великая реформа», будучи буржуазной по своему объективному содержанию, «была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники»². Крепостнический характер реформы Ленин вскрывал, анализируя основные положения закона о крестьянской «воле». Ленин напомнил, что «за свои, потом и кровью политые, крестьянские земли крестьяне были обязаны платить выкуп, то есть дань» вчерашним рабовладельцам. Сотни миллионов рублей этой дани крепостникам выплатили крестьяне, разоряясь все более и более³. Приведенные выше факты являются прекрасной иллюстрацией для ленинского определения «крестьянской» реформы как «бессовестного грабежа крестьян»⁴.

Хотя царизм, напуганный размахом крестьянского движения в годы первой народной революции, отменил в 1905 г. взыскание невыплаченных сумм и недоимок по выкупным платежам (кстати, к тому времени они даже с избытком были уже выплачены крестьянами), но подлинную ликвидацию всех прямых и косвенных последствий «крестьянской» реформы принесла только Великая Октябрьская социалистическая революция.

¹ П. Кованько, Указ, соч., стр. 297.

² В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 95.

³ Там же, стр. 65.

⁴ Там же, стр. 94.

Глава XVI

ЛИКВИДАЦИЯ ДОРЕФОРМЕННЫХ БАНКОВ

Разительное несоответствие банковской системы потребностям развивавшегося капитализма, недопустимость дальнейшего сохранения монополии правительства и дворян в использовании денежных накоплений — все это особенно сказалось после Крымской войны, когда усилилось промышленное предпринимательство и возникли планы широкого приваечения частного капитала к железнодорожному строительству.

Но окончательно предрешена была судьба старой банковской системы в тот момент, когда царское правительство убедилось в невозможности дальнейшего сохранения крепостного права. Уже одно то, что главным объектом кредитования были населенные поместья, а размеры ссуд определялись количеством душ, говорило, что существовавшая тогда в России кредитно-банковская система была плодом от плоти феодально-крепостнического права и должна была пасть вместе с ним¹.

Мероприятия, проводившиеся в области кредитного дела в годы, непосредственно предшествовавшие «крестьянской» реформе, носили очень противоречивый и непоследовательный характер. Чтобы понять конкретную обстановку, при которой происходила ликвидация дореформенных кредитных учреждений, следует напомнить о некоторых явлениях в области денежного обращения и кредита.

Крымская война вызвала прекращение обязательного размена кредитных билетов на серебро и привела к значительному росту

¹ В связи с некоторым ослаблением цензуры в конце 50-х годов в печати появились книги и статьи, критиковавшие кредитную систему дореформенной России с буржуазных позиций. См., например, Ю. Гагенмейстер, О кредитной «Журнал министерства государственных имуществ», 1858, № 1; М. Степанов, Необходимость частных банков в России («Вестник промышленности», 1859, № 12); Е. Муравьев, Несколько слов о новой кредитной системе в связи с другим экономическим вопросом в России (Одесса, 1860); Курсы ссуды — Счетная, Банки (Перепод редакцией В. Безобразова, СПб, 1862, предисловие В. Безобразова). Много статей на эти темы было помещено в журналах «Экономический указатель» и «Приложение к «Экономическому указателю» за 1857—1860 гг.

бумажно-денежной массы. Если к началу 1853 г. в обращении было кредитных билетов на 333 млн. руб. (покрытых на 39,4%), то к началу 1858 г. — 735 млн. руб. (16,4% покрытия).

У военных подрядчиков, интендантов, всякого рода поставщиков появилось много «дешевых» денег. Часть «заработанных» ими на войне миллионов хлынула тогда в кредитные учреждения, чтобы там «приумножаться процентами» и выжидать выгодного приложения. Этим объяснялось также и уже отмеченное выше значительное увеличение вкладов в казенных банках в 1853—1856 гг.

Накопление вкладов в годы войны было использовано правительством для дополнительных «позамыслований». За счет этого источника оно покрывало на одну треть бюджетные дефициты, образовавшиеся в 1852—1856 гг. (228 млн. руб. при дефиците в 631 млн. руб.)¹.

Однако к 1857 г. положение изменилось. Громадный рост вкладов приводил к автоматическому увеличению «позамыслований», к увеличению расходов бюджета на уплату процентных платежей, а значит к росту и без того значительного дефицита.

Один из официальных документов, констатируя накопление вкладов в казенных банках, отмечал: «Чрезвычайное накопление вкладов в банках обнаружилось в высшей степени за два перед сим (1857) года, когда сумма капиталов, не розданных в суды, составила огромную цифру — свыше 180 млн. руб. сер.»².

С окончанием войны правительство попыталось ввести бюджет в нормальные рамки, сократить расходы. Была осуществлена попытка сбросить «лишние» накопления, осевшие в казенных банках. С этой целью в 1857 г. было проведено уменьшение процентной ставки. В официальном выступлении министра финансов Брока то преподносилось как средство «устранения предвидимых для банковских установлений ущерба от скопления весьма значительных капиталов, которым установлении сии, по свойству их оборотов, не могут доставить надлежащих оборотов, равно с целью дать праздным капиталам направление, более соответствующее пользе государства»³.

В 1857 г. процентная ставка по вкладам была снижена до 3%, а по казенным вкладам — до 1,5%, но одновременно были удешевлены ссуды (до 4%) и чуть удлинены сроки суд по населенные поместья (вместо 26 и 37 лет — 28 и 39 лет)⁴.

Скоре снижение процентных ставок было распространено на городские общественные банки (за исключением Архангельского)⁵.

Этому мероприятию придавалось большое общеэкономическое значение; в нем можно было видеть проявление новых буржуазных тенденций в экономической политике, которые, однако, в ближайшие десятилетия не стали преобладающими. В официальных заявлениях отмечалось стремление правительства направить «праздные» капиталы в промышленность, в железнодорожное дело, торговые предприятия и т. д.

Надо вспомнить, что в 1855—1857 гг. Россия переживала грюндерский ажиотаж. Это был первый в истории рождавшейся капиталистической России дикий подъем, который сопровождался экспансией кредита, спекулятивным предпринимательством и т. д. Если капитал всех акционерных обществ, возникших в России с 1799 по 1853 г., составлял 27 млн. руб., то в 1856 г. капиталы акционерных обществ выросли на 10 млн. руб., в 1857 г. — на 7,5 млн. руб., в 1858 г. — на 28 млн. руб.⁶.

Вспоминая эти годы, В. Безобразов писал: «коренное оживление наших промышленных дел принадлежит к 1854—1857 гг. ... Апогей этого движения внутри России был в 1855 и 1856 гг., о которых решительно все участники нашей промышленной и коммерческой деятельности говорят, как о золотом времени»⁷.

На 1857 г. приходилось основание «Главного общества российских железных дорог» — крупнейшего спекулятивного предприятия, попытавшегося монополизировать железнодорожный транспорт в России. Некоторые осведомленные современники считали, что заправляли именно этого общества, заручившись небескорыстной поддержкой представителей высшей бюрократии, добились снижения банковских процентов, чтобы таким образом привлечь капиталы в свое общество⁸.

Из казенных банков начался отлив вкладов: в 1857 г. затребование вкладов превысило вложения на 11 млн. руб., в 1858 г. — на 52 млн. руб., в 1859 г. — на 104 млн. руб.⁹.

Однако этот отлив объяснялся не только снижением банковского процента. Его нельзя было объяснить также и отмеченным только что грюндерством. Дело заключалось в том, что в это время в России начинался частичный промышленный кризис¹⁰, осложненный нарушением денежного обращения (в связи с прекращением в начале Крымской войны свободного обмена кредитных билетов

¹ «Мировые экономические кризисы», т. III; И. Трахтенберг, Десятилетия кризисы (1821—1938), М., 1939, стр. 802.

² В. Безобразов, Указ, соч., стр. 50.

³ А. Яснопопольский, Заметки коммерческого банковского кредита в России, «Банковская энциклопедия», т. I, Киев, 1914, стр. 279.

⁴ И. Кауфман, Указ, соч., стр. 6.

⁵ См. подробнее А. Мендельсон, Экономические кризисы и циклы XIX в., М., 1949, стр. 355—358; А. Яковлев, Экономические кризисы в России, М., 1955, стр. 61—77.

¹ П. Мигулин, Наша банковская политика, стр. 58.

² ПСЗ 2, т. XXXIV, № 34852.

³ «Отчет государственных кредитных установлений за 1856 г.», стр. 6.

⁴ ПСЗ 2, т. XXXII, № 32082.

⁵ ПСЗ 2, т. XXXIII, № 33116.

на металл), резким ухудшением платежного баланса. В 1859 г. под влиянием падения цен разразился биржевой кризис, сопровождавшийся большим числом банкротств¹.

Характеризуя это время, А. Шипов писал: «недостаток денег сделался повсеместным»².

Правительство оказалось захваченным врасплох этими обстоятельствами, которые оно частично само вызывало уменьшением процентной ставки. Вся государственная кредитная система оказалась под угрозой. Банковские вклады были «заморожены» в долготелетних и практически неликвидных судах землевладельцев либо использованы казной в качестве займов.

Срочно были проведены некоторые контрмероприятия, в частности, выпущен государственный четырехпроцентный заем под названием «Государственные непрерывные доходные билеты». Однако подписка на него шла плохо в условиях денежного голода, высокого учетного процента, наличия на денежном рынке акций, суливших более значительные доходы. На 1 января 1860 г. было продано билетов только на 23 млн. руб. Пришлось прибегнуть к выпуску внешнего займа. Выпущенный в крайне неблагоприятных условиях (Франко-итальянская война 1859 г., мировой промышленный кризис), он дал всего 39 млн. руб. Этого не хватало даже на покрытие спроса вкладчиков. Правительство вынуждено было дополнительно выпустить кредитных билетов на 33 млн. руб.³.

Были проведены и некоторые другие «негласного порядка» мероприятия, имевшие целью предотвратить отлив вкладов из казенных банков. В 1858 г. Комитет финансов счел необходимым: во-первых, затруднить сколько возможно выдачу новых суд под недвижимые имущества, во-вторых, приостановить на некоторое время выдачу разрешений на открытие новых акционерных обществ⁴.

Все это явилось свидетельством глубокого кризиса всей экономической политики царизма, попыткой как-то совместить две тенденции: сохранить старое, соответствующее феодально-крепостническому строю направление кредитной политики и, уступая напору новых капиталистических отношений, несколько подчинить кредитную систему интересам промышленной и торговой буржуазии.

Вопрос о ликвидации крепостного права был уже предпринят, и страна вступала в полосу спекулятивного ажиотажа и капиталистического предпринимательства, хотя позиции землевладельцев-крепостников все еще оставались решающими и определяющими в экономической политике. Вместе с тем объективный ход экономического развития выдвигал задачу реорганизации кредита с такой остротой,

влияние капиталистических элементов, втягивавших в сферу своих интересов представителей крупного землевладения и высших правительственных кругов, становилось настолько всеким, что руководители экономической политики царизма все чаще склонялись в сторону создания кредитной системы капиталистического типа. Отсюда непоследовательные колебания в области кредитной политики, противоречивые, исключающие друг друга мероприятия.

Вопрос о реорганизации кредитной системы не терпел отлагательств. С этим слишком тесно были связаны вопросы государственного кредита и бюджетного благополучия. Одновременно в руководящих правительственных кругах был поставлен вопрос о создании новой системы ипотечного кредита.

В 1859 г. была учреждена комиссия для разработки проекта устройства земских банков, в состав которой были включены крупнейшие теоретики и государственные деятели в области финансов и кредита, в основном придерживавшиеся либерально-буржуазного направления: Бунге, Заболоцкий-Десатовский, Безобразов, Милютин, Арцимович, Рейтер и др. Комиссия решила изменить характер кредитных учреждений, положив в основание ипотечного кредита систему частных банков¹. Однако деятельность комиссии не привела ни к каким реальным результатам. Земские банки не были созданы ни тогда, когда окончательно прекратили свою деятельность старые кредитные учреждения, ни позже, когда происходила перестройка помещичьего хозяйства на новых началах.

Но еще до того, как была ликвидирована комиссия по земским банкам, началась ликвидация старых крепостнических банков.

16 апреля 1859 г. был издан указ о приостановке выдачи ссуд под населенные имения². Таким образом, прекращалась столетняя практика дореформенных банков по выдаче ссуд под души. 1 сентября 1859 г. было обнародовано «Положение о государственных пятипроцентных банковых билетах и о вкладах в государственные банковые установления»³.

Одновременно с этим положением была опубликована записка министерства финансов, которая являлась как бы программой намечавшегося преобразования кредитных учреждений. В записке, в частности, указывалось, что «правильное устройство кредита составляет одно из жизненных условий государственного развития. Это было особенно ощутительным в последнее время, в связи с возрождением промышленного предпринимательства, ожидаемым строительством железных дорог и других улучшенных путей сообщения, наконец, ввиду великой экономической реформы, подготовляемой для большей части земледельческого населения».

¹ А. Яковлев, Экономические кризисы в России, стр. 77.

² А. Шипов, Куда и отчего исчезают у нас деньги?, СПб, 1860, стр. 33.

³ П. Мигулин, Напа банкотская политика, стр. 66—68.

⁴ Я. Печерин, Указ, соч., стр. 13—14.

¹ «Труды комиссии для устройства земских банков», тт. I—II, СПб, 1859—1860.

² ПСЗ 2, т. XXXIV, № 34379.

³ Там же, № 34852.

Далее, записка министерства финансов указывала на необходимость соблюдать постепенность при создании новой кредитной системы. В ней подчеркивалось, что накопленные в подлежащих реорганизации кредитных учреждениях вклады совершенно обеспечены, что должно было предотвратить отлив вкладов. Но одновременно указывалось на необходимость изменить условия деятельности банков, чтобы создать возможность «без опасения для нынешних банков открыть кредитные операции, вполне соответствующие потребностям народной предприимчивости, которая при этом будет развиваться с большей постепенностью и правильностью».

С этой целью вкладчикам банка было предложено обменять вклады на срочные билеты, которые должны были давать пятипроцентный доход вместо 3% на вклады, говоря иначе, вклады формально превращались в то, чем они были по существу, — во внутренний заем. Разрешалось оставлять вклады на старых условиях (т. е. с правом в любое время требовать их возвращения), но при снижении процента до 2.

Новое снижение процентных ставок вызвало громадный отлив вкладов. Только за один 1860 г. сумма вкладов уменьшилась на 47 млн. руб. Правда, реализация нового пятипроцентного займа дала лучшие результаты, чем выпуск непрерывного четырехпроцентного займа. До 1 января 1861 г. облигаций нового займа было продано на 265 млн. руб.¹ Все же правительству пришлось изыскивать новые средства для расплаты с вкладчиками и покрытия бюджетного дефицита. Были заключены новые внешние займы; кроме того, оказались необходимым допустить дальнейшую эмиссию кредитных билетов почти на 100 млн. руб.

С приближением «крестьянской» реформы наступил совершенно неизбежный конец всей старой банковской системы. 31 мая 1860 г. был ликвидирован Коммерческий банк. Его место должен был занять вновь основанный Государственный банк с эмиссионными функциями. Тогда же был ликвидирован Государственный закладный банк. Его дела передавались Петербургской сбереженной кассе. Однако сохранение кассы также прекращало свою деятельность, рассчитываясь со своими вкладчиками и передавая получаемые в счет погашения суд суммы в Государственный банк. На эти же основания прекратили свою кредитную деятельность и приказы².

Так закончилась более чем столетняя история дореформенных русских банков, хотя ликвидация расчетов по упраздненным кредитным учреждениям продолжалась много лет.

Большая часть (59%) переданных Государственному банку пассивов ликвидированных банков состояла из вкладов, подлежащих возврату преимущественно по требованию. В активе же на-

ходились исключительно долгосрочные ссуды. Дело осложнялось еще и тем, что значительная часть долгов по ссудам была переведена по выкупиной операции на крестьян, а сроки погашения этих долгов не совпадали со сроками погашения банковых билетов. Поэтому поступающих платежей не хватало для выдач по пассивным счетам. Являлась необходимость осуществить крупные затраты на ликвидацию этих долгов из средств Государственного банка. В отдельные годы эти затраты составляли громадные суммы. Так, к началу 1864 г. затраты банка по ликвидации долгов старых кредитных учреждений составили 165 млн. руб.; только в 1886 г. долги кассы по ликвидации были совершенно погашены¹.

Ликвидация дореформенных банков явилась объективно прогрессивным актом, который надо рассматривать в ряду буржуазных реформ, содействовавших превращению крепостнической России в капиталистическую. С упразднением монопольных казенных банков создавались предпосылки для создания кредитной системы, соответствующей интересам нарождавшейся буржуазии.

Но складывавшаяся после реформы 1861 г. капиталистическая банковская система далеко не в полной и не в достаточной мере удовлетворяла потребности буржуазии. Специальное исследование по этому вопросу показало, что вплоть до промышленного подъема 90-х годов под влиянием общественно-хозяйственных условий создание кредитной системы и денежного рынка в России протекало медленно и с большими перебоями².

Крепостнические пережитки, которыми был пронизан общественный строй пореформенной России, не могли не наложить своего отпечатка и на кредитно-банковскую систему. Раины всего это нашло свое выражение в том, что Россия была тогда единственной из крупных капиталистических стран, в которой эмиссионный банк зависел от государственного казначейства, был по существу департаментом министерства финансов. Больше того, Государственный банк выполнял не только эмиссионные функции, но и вел крупные так называемые коммерческие операции и в значительной мере контролировал частные коммерческие банки, являясь банком банков.

Оказывая громадное влияние на хозяйственную жизнь страны в целом, Государственный банк становился важнейшим рычагом экономической политики царизма, которая определялась стремлением сохранить перенствующие позиции за полукрепостническим крупным землевладением, а также поддержать некоторую часть промышленной и финансовой буржуазии, преимущественно связанную с придворной знатью и бюрократической верхушкой.

¹ В. Судейкин, Указ. соч., стр. 145.

² ПСЗ 2, т. XXXV, № 35847.

¹ «Государственный банк. Краткий очерк деятельности с 1860 по 1910 г.», СПб. 1910, стр. 105—106.

² И. Гиндия, Русские коммерческие банки, М., 1948, стр. 63.

Поддержка Государственным банком крупнобуржуазных элементов являлась одним из наиболее ярких проявлений экономической зависимости русской буржуазии от царизма. Экономическая зависимость буржуазии от царизма стала одним из факторов, предопределивших ее контрреволюционность.

Говоря о методах «подкупа» царизмом буржуазии, следует вспомнить о «неуставных ссудах» Государственного банка в пореформенный период. Они являлись прямым продолжением описанных нами выше выданных «по высочайшим повелениям», льготных (а часто и безвозвратных) ссуд царским фаворитам, виднейшим аристократам, магнатам уральской крепостнической промышленности и т. д. Только с начала XX в. «неуставные ссуды» стали приобретать признаки, более созвучные эпохе финансового капитала, сохраняя, однако, много крепостнических черт¹.

Ликвидация казенных банков и прекращение судебных операций сохранных казен вызвали недовольство дворян-землеладельцев. В годы проведения реформы и позже среди дворян раздавались жалобы, в которых они обвиняли правительство в прекращении деятельности органов кредитования помещичьего землеустройства.

Конечно, нет надобности доказывать, что в период буржуазных реформ царское правительство меньше всего заслуживало упрека в том, что оставило без внимания интересы дворянского землеустройства. Хорошо известно, что и в пореформенный период и даже в период империализма сохранение помещичьих латифундий оставалось одной из основных забот царизма. Эта задача осуществлялась путем упоминавшихся «неуставных ссуд» Государственного банка и через сеть ипотечных банков, возглавленных Государственным дворянским банком, учрежденным в 1885 г.

Все эти кредитные учреждения следует рассматривать как прямых наследников старых дворянских банков. Они были уничтожены только Великой Октябрьской социалистической революцией, которая смело и все сохранившиеся в экономике и в политическом строе России пережитки крепостничества.

25 ноября 1917 г. во исполнение декретов о земле и об уничтожении сословных учреждений был ликвидирован Дворянский земельный банк. Только этим актом победившей пролетарской революции было навсегда покончено с бесстыдным расхищением народных средств, в течение почти двух столетий осуществлявшимся царизмом под видом кредитования дворянского землеустройства.

¹ И. Гиндин, Неуставные ссуды Государственного банка и экономическая политика царского правительства, «Исторические записки», т. 35, 1950 стр. 97.

АЛФАВИТНО-ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Александровский дворянский банк — 15, 50, 90, 195—196, 200.
Амфиловский банк — 129, 242—243.
Арбитраж валютный — 128.
Армянский банк в Астрахани — 89.
Артиллерийский банк — 52—53.
Ассигнации — 58, 61—62, 65, 74, 91, 116, 124, 140—141, 146, 154, 156, 166.
Ассигнационный банк — 58, 62—63, 73, 80, 143.
Астраханский банк — 87—89.
Банк для дисконтирования купеческих векселей (проект) — 224.
— для поправления при Санкт-Петербургском порте коммерции — см. Купеческий банк.
— казенный (проект) — 33.
— на серебряном основании (проект) — 144.
Банки — городские — 128—129, 144, 232, 241—244, 277.
— помещичьи — 131—132.
— сельские — 130—133.
Банкирские дома — 235—238.
Банкиры — 67, 70, 87, 128, 237—238, 244.
Банковские конторы вексельного производства — 53.
— билеты — 33—70, 74—75, 78—80, 94, 139, 155, 166—167, 279. См. также Кредитные деньги (билеты).
Банкротства — 35, 93—94, 171, 278.
Водный казна — 67.
Вексельное обращение — 55, 90—91, 93, 171, 240.
Вексельный курс — 32, 82, 94, 124, 128, 138, 140, 156.
— учет — 88, 94, 124—125, 127, 139, 146, 152, 215, 217—218, 221—225, 234—235, 237—238.
Вексели переводные — 15, 50, 90, 218, 234, 237.
Вклады банковские — 54, 56—57, 66, 68, 115—118, 165—166, 168—176, 191—193, 198, 217, 221, 227, 247, 276—281.
Вологодский банк — 128—129.
Волостные банки (проекты) — 152.
Вольный банк (проект) — 155.
— российский банк (проект) — 139.
Воспитательный дом 56—57. См. также Сохранная казна.
Вспомогательные кассы — 249—251.
Вспомогательный банк для дворянства — 7, 72—80, 114, 124, 134.
Выкуп крестьян — 150, 180, 207—213, 258—274, 281.
Выкупной банк (проект) — 261, 269.
Государственный банк — 53, 235, 280—282.
— бюджет — 24—25, 43, 47, 61, 106—107, 156, 170, 180, 276.
— долг внешний — 44, 164, 177.
— долг внутренний — 44, 62, 141, 174—180.
Губернские банки (проект) — 210.
— дворянские казны — 71—72.
Двадцатипятилетняя экспедиция — 80.
Дворянский банк — 44—49, 53—59, 87.
Денежная реформа Канкрин — 156—167, 185.
Денежный рынок — 168—169, 221, 278, 281.
Дефицит бюджетный — 25, 44, 61, 64, 106—107, 156, 170, 177, 179, 276, 280.
Задолженность дворянского землеустройства — 14, 40—41, 48, 57, 60—61, 72—73, 78—79, 111—112, 181—182, 195—200, 206—207, 209—212, 259, 261, 264, 266—274.

Земельный банк — 7, 63—67, 71, 78, 80, 112—119, 123, 134—135, 141, 156, 159—161, 167—168, 171—172, 174—178, 183—184, 188, 191—193, 196—200, 207, 219, 226—228, 230, 244, 273, 280.

Займы государственные внешние — 177, 233, 278. См. также Государственный долг внешний.

— государственные внутренние — 115—117, 179, 278, 280. См. также Государственный долг внутренний.

— казначейства на кредитных учреждениях — 116—117, 120, 121, 141, 170, 174—180, 191, 198—199, 224, 227, 276.

Земские банки (проекты) — 262, 266, 269, 279.

Ивановское купечество в Новгороде — 19—20.

Императорский серебряный банк (проект) — 138.

Иностранные банкеры — 164, 220, 235—237, 268—269.

Иркутский банк — 241.

Кабальные ссуды — 12, 18, 20—21, 103.

Каштад для распространения сельскохозяйственной промышленности в Новоросии — 190.

— заводной — 249.

Комиссия о коммерции — 7, 33, 44, 85—86, 88.

Коммерческий банк — 7, 89, 157, 159—161, 165—166, 168, 172, 174—176, 190—191, 193—194, 214—228, 232—234, 238, 240, 252, 280.

— кредит — 13, 238—240.

Контроль придворных банкиров — 128.

Контрибуционная ярмарка в Киеве — 219, 237.

Кредитование дворянского поместелья — 38, 58—65, 73, 98, 113—114, 118—119, 122, 130, 141, 146—147, 151, 160, 166—167, 170, 178, 180—192, 197—201, 226—227, 251, 282.

— обязанных крестьян — 186, 208, 210.

— промышленности — 18—19, 26—29, 34—35, 59, 91—92, 97, 128, 134—135, 139, 146, 159—161, 166, 170, 183, 186, 203, 219, 226, 228—235, 241. См. также Ссуды банковские под залог заводов и фабрик, Ссуды государственные

промышленникам, Ростовщический кредит и промышленность.

Кредитование ремесла — 146.

— свободных хлебопашцев — 115, 130, 207, 209.

— торгован — 15, 29—31, 34, 62, 65, 83—95, 97, 123—125, 166, 170, 195, 214—220, 225—226, 228, 235.

— торгован внешней — 20—21, 33, 94—95, 124—128, 238.

— торгован внутренней — 92, 127, 236, 238—240.

— торгован ярмарочной — 81, 216, 219—220, 222, 239—240.

— торговых компаний — 30, 32—33, 88, 92.

Кредитные деньги (билеты) — 29, 276, 278, 280—281.

Кредитные операции Адмиралтейской коллегии — 37.

— Берг-коллегии — 28, 31—32.

— Главного комиссариата — 37.

— Главного почтамта — 37, 47, 135.

— земской избы — 21—22, 26.

— Иностранной коллегии — 37.

— Канцелярии главной артиллерии и фортификации — 37.

— Коммерц-коллегии — 32, 84—85, 95.

— Мануфактур-коллегии — 28, 30—31, 134.

— Монетной конторы — 35—38, 83.

Купеческие банки (проекты) — 21—22, 28—29, 33, 92—95, 98, 101, 137—139, 232—233.

Купеческий банк — 45, 58, 83—87, 92, 124.

Ларинский банк — 128—130, 242.

Мануфактурный капитал — 134—135, 228.

Медный банк — 7, 49—53.

Менялы — 91.

Мирские капиталы — 246—251.

Монетная контора — см. Кредитные операции Монетной конторы.

Натуральные ссуды — 12, 16, 211, 256.

Неуставные ссуды — 282.

Норма ссудного процента — см. Ссудный процент.

Обеспеченность ссуд — 17—18, 33, 93, 100, 133, 136—137, 151, 224—225.

Общественные банки (проекты) — 261—262.

Олеуские советы — см. Сохранная казна.

Осташковский банк — 130.

Откупные операции — 109—110, 169, 184, 187, 221.

Переводные операции — 88, 225, 235.

Подарки — 109—110, 128, 174, 180, 187, 200, 221, 276.

Полемельный банк (проект) — 262.

Польский банк — 219—220, 236.

Приказы общественного призрения — 70—71, 117, 121—123, 151, 167, 169, 172—174, 176, 183, 191, 206, 247—249, 252—253, 273, 280.

Промышленные (ассигнационные) банки — 58. См. также Ассигнационный банк.

— конторы — 91.

Протест векселей — 222—223.

Процент — см. Ссудный процент.

Ростовщические операции — 12, 15—16, 20, 26, 44—45, 54—55, 96—97, 101, 169, 200, 236.

— иностранных купцов — 16, 20—22, 32, 66, 82, 93—95.

— монастырей и церквей — 12—14, 16—17, 206, 235.

— сектантских общин — 237.

— старообрядческих общин — 236.

Ростовщический кредит и дворянское землевладение — 54—55, 73, 96, 111, 184—185, 206—207, 237.

— и промышленность — 116, 233.

— и ремесло — 12, 41, 97.

— и торговля — 13, 15, 16, 30, 224, 235—240.

Ростовщичество и его роль в разложении крепостнических отношений — 4, 19, 41—42, 256—257.

— на селе — 12, 16—17, 97, 252, 254—257.

Сберегательные кассы — 150—151, 210, 248—254.

Совет государственных кредитных учреждений — 157.

Сохранная казна — 67—70, 78, 111, 117, 119—121, 160, 166—169,

172—178, 181, 183—184, 187—188, 191—200, 208—209, 226, 229, 252, 260—261, 272—273, 280, 282.

Судная казна — 67, 252.

Судный процент — 14—15, 18, 28—29, 33, 44—45, 54, 66, 68—69, 83, 93, 98—100, 116, 126, 136, 139, 151, 153—154, 170—171, 217, 220, 238, 278, 280.

Ссуды государственные купцам — 18, 29—30.

— промышленникам — 18—19, 27—31, 91—92, 133—135, 162, 228—232.

Ссуды банковские под залог домов — 47, 68, 144, 183, 192, 195, 200, 241, 243.

— драгоценных металлов — 37, 46, 69, 127, 219.

— заводов и фабрик — 51—52, 68, 78, 144, 183, 228—231.

— земель — 34, 37, 50, 58, 74, 139, 144, 150, 189—190, 194—195, 200, 241.

— крестьянских душ — 46—50, 54, 59, 68—71, 74, 78, 118, 121, 147, 170, 183—192, 198, 201—202, 205, 276, 279.

— товаров — 58, 84—85, 125, 127, 146, 152, 215, 217—219, 221.

Ссуды натуральные — см. Натуральные ссуды.

Страховая экспедиция — 160.

— контора (проект) — 160.

Страховые операции — 152.

Трудовой кредитный банк (проект) — 143—144, 146.

Умоленная комиссия 1767—1768 гг. о кредите и банках — 44, 54—56, 93.

Учет векселей — см. Вексельный учет.

Учетная ставка — 215, 217—218, 224—225.

Учетные конторы — 72, 124—127, 157, 215, 217.

Частные по губерниям банки (проект) — 144—146.

Ярославский дом призрения бедных — 200.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
----------	---

Раздел первый

Кредит в период образования всероссийского рынка и возникновения мануфактур (середина XVII в. — 60-е годы XVIII в.)

Глава I. История кредита в России во второй половине XVII в.	9
1. Ростовщический капитал XVII в.	9
2. Первые планы создания банка в России	19
Глава II. Вопросы кредитной политики в первой половине XVIII в.	23
1. Экономика России и вопросы кредитования промышленности и торговли в первой половине XVIII в.	23
2. Монетная контора и ее кредитные операции	35

Раздел второй

Банки в России в период возникновения капиталистического уклада (60—90-е годы XVIII в.)

Глава III. Возникновение капиталистического уклада и организация первых банков в России	39
Глава IV. Кредитование крепостнического землевладения во второй половине XVIII в.	46
1. Дворянский банк в первые годы его существования	46
2. Медный и Артиллерийский банки	49
3. Проект реорганизации Дворянского банка и вопросы кредитования в Уложенной комиссии 1767 г.	53
4. Дворянский банк 60—80-е годы XVIII в. (до 1786 г.)	56
5. Планы расширения деятельности государственных кредитных органов. Преобразование Банка для дворянства в Государственный заемный банк (1786 г.)	59
6. Основание новых органов кредитования дворянства (сохранение казны Воспитательных домов и приказы общественного призрения)	67
7. Вспомогательный банк для дворянства	72
Глава V. Вопросы кредитования торговли и промышленности во второй половине XVIII в.	81
1. «Банк для поправления при Санкт-Петербургском порте коммерции»	81
2. Астраханский банк	81
3. Переводно-вексельные операции. Променные конторы	87
4. Вопросы кредитования промышленности и торговли и проекты организации купеческих банков	91

Глава VI. Вопрос о кредите в произведениях представителей передовой общественной мысли второй половины XVIII в.	96
---	----

Раздел третий

Банки в России в период разложения феодально-крепостнической системы и развития капиталистических отношений (90-е годы XVIII в.—1861 г.)

Глава VII. Разложение феодально-крепостнической системы и развитие капиталистических отношений. Основные социально-экономические проблемы этого периода	102
---	-----

Глава VIII. Кредитование крепостнического землевладения в 1800—1820 гг.	111
1. Государственный заемный банк	111
2. Сохранение казны Воспитательных домов	119
3. Приказы общественного призрения	121

Глава IX. Кредитование торговли и промышленности в 1800—1820 гг.	124
1. Учетные конторы	124
2. Контора придворных банкиров	128
3. Местные банки	128
4. Крестьянские «банки»	130
5. Вопросы кредитования промышленности	133

Глава X. Русская экономическая мысль первой четверти XIX в. и кредитно-банковские вопросы	136
1. Планы организации торговых и промышленных банков	136
2. Кредитно-банковские планы М. Сперанского и Н. Мордвинова	140
3. Кредитно-банковские планы декабристов	149

Глава XI. Основные вопросы кредитной политики царизма в 20—50-х годах XIX в.	156
1. Банковские реформы 1817 г. и планы переустройства кредитной системы в 1821—1824 гг.	156
2. Кредитно-банковская политика царизма во второй четверти XIX в. и ее реакционно-крепостническая сущность	162
3. Банковские вклады как основной источник образования внутреннего государственного долга в 1830—1850 гг.	168

Глава XII. Кредитование крепостнического землевладения в 20—50-х годах XIX в.	181
1. Кредитование землевладения	181
2. Заемный банк в 1824—1859 гг.	191
3. Сохранение казны и приказы в 1820—1850 гг.	193
4. Задолженность земладельцев в последние десятилетия крепостного строя	196
5. Крепостное право и проекты ликвидации помещичьей задолженности во второй четверти XIX в.	207

Глава XIII. Кредитование торговли и промышленности в 20—50-х годах XIX в.	214
1. Коммерческий банк (1818—1860 гг.)	214
2. Вопросы кредитования промышленности	228
3. Роль ростовщиков и «частных банкиров» в кредитовании торговли и промышленности	235

4. Городские общественные банки	241
5. Кредитные проблемы в экономической литературе 1820—1850 годов	244
Глава XIV. Зарождение низового звена кредитной системы во второй четверти XIX в.	248
1. Сберегательные кассы и смирские капиталы	248
2. К вопросу о роли ростовщического капитала в дореформенной деревне	254
Глава XV. Кредитно-банковские проблемы в годы революционной ситуации	258
1. А. И. Герцен и Н. П. Огарев о кредите и банках	258
2. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Серно-Соловьевич о выкупе в связи с «крестьянской» реформой	263
3. «Крестьянская» реформа 1861 г. как средство переложения дворянской задолженности на крестьян	266
Глава XVI. Ликвидация дореформенных банков	275
Алфавитно-предметный указатель	283

БОРОВОЙ Сова Яковлевич
КРЕДИТ И БАНКИ РОССИИ

Отв. редактор П. Р. Сыромятников

Редактор издательства А. Рощина

Техн. редактор А. Лебедев

Корректоры В. Алексеева, Я. Захаров

А-00042. Слово в строку 6/11-58 г. Подл. и почта 10/V-58 г. Тираж 2 500.
Ф. 6. 60 X 92/16 — 9 бум. — 18 псм. — 20,2 уч.-изд. л. Заказ 348. Цена 10 р. 10 к.

Типография им. Котлякова Госфиниздата СССР. Ленинград, Садовая, 21.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
67	15 снизу	1722 г.	1772 г.
69	22 сверху	старые	спорные
77	1 сверху	(в руб.)	
105	10 снизу	истребление	истребование
211	14 сверху	города	графа

Кредит и банки России

